

Армазег-гом

М.и.С.Авченко

М.и.С.Авченко

Армазег-гом

ДВАИНА СОВЕСТИ
МАГАМ МОЖНО ВСЕ
ПАНДЕМ
АРМАГЕД-ДОМ
КАЗНЬ
РУБЕЖ
ВЕДЬМИН ВЕК
СКРЫТ
ПЕЩЕРА
ЗММА И СФИНКС
РИТУАЛ
СКИТАЛЬЦЫ:

Привратник

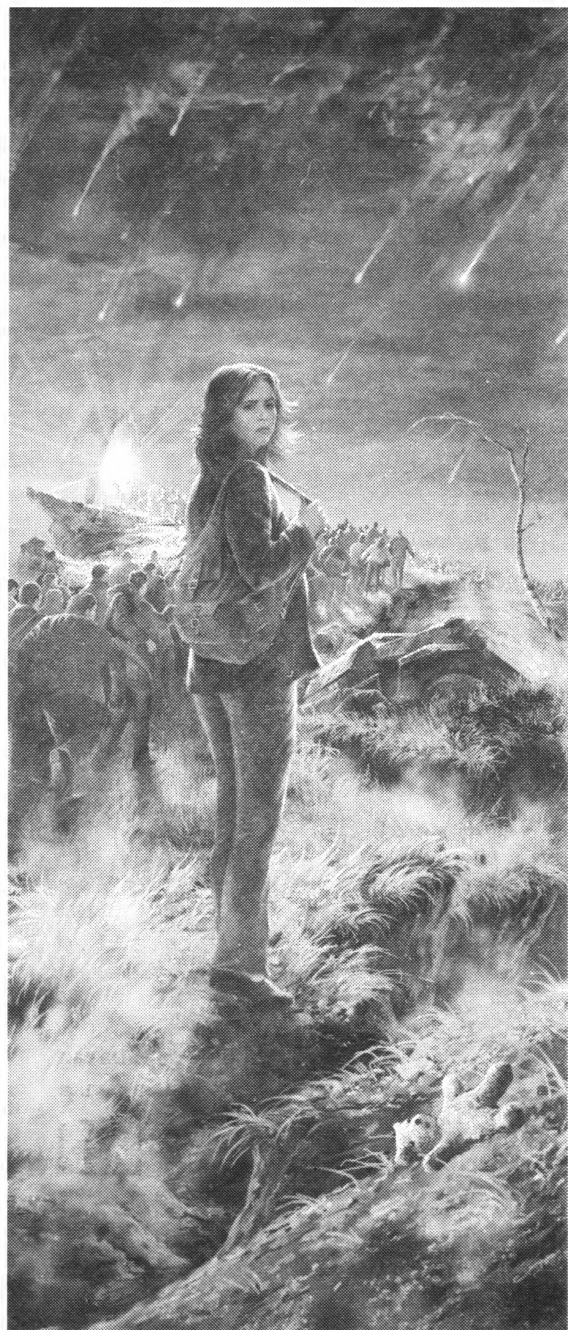
Шрам

Прессмук

Легантиорист

ПЕНТАКЛЬ
ЗООПАРК

МАРИНА И СЕРГЕЙ

АРАКЕЛ КО

АРМАГЕД-ДОМ

Информационная
поддержка журнала

СТРАНА
ИГР

Москва

2005

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Д 99

Оформление серии художника *В. Бондаря*

Серия основана в 2004 г.

В оформлении переплета использована работа
художника *О. Коржа*

Дяченко-Ширшова М.Ю., Дяченко С.С.
Д 99 Армагед-дом: Роман. — М.: Изд-во Эксмо, 2005. —
512 с.: ил. — (Триумвират).

ISBN 5-699-14200-2

Мир на пороховой бочке, и несколько раз за век эта бочка взрывается Апокалипсисом. Из моря выходят чудовища, звезда Полюнь опрокидывается в реки, превращая воду в кровь, ангел трубит в трубу над пепелищами. Лишь загадочные Врата сумеют спасти живых, чтобы люди могли после катастрофы отстроить жизнь заново — если, конечно, успеют войти в эти Врата. Мир привык, потому что привыкают ко всему. Лгут депутаты, мудрствуют спецслужбы, защищаются диссертации, рождаются дети. И конечно же, выдаются спецпропуска во Врата. Все как всегда, все как везде; регулярный, обыденный, ужасный Армагеддон, ставший для его обитателей Армагед-домом.

Жизнь главной героини — тому порука.

И тем не менее...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-14200-2

© Дяченко М., Дяченко С., 2005
© Иллюстрации. Ю. Платов, 2005
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

Пролог

Телеведущая улыбалась, как нарезанный арбуз. Широко и мучительно.

— ...А теперь наступает время вашего любимого конкурса — «Пуп земли»! Ассистенты уже раздали гостям в студии лазерные кепки-указки... Направление взгляда каждого нашего гостя будет отмечено цветным лазерным лучом! А теперь — внимание! К нам идут основные участники конкурса, встречайте!

Камера скользнула по рядам наполнявших студию зрителей, вперилась в затейливо освещенную конструкцию. Конструкция провернулась вокруг своей оси, являя зрительскому глазу шесть темных фигур.

— Вот они, сегодняшние герои! Оксана, лаборант! Виктория, учитель танцев! Александр, водитель! Евгений, художник-оформитель! Игорь, сторож в зоопарке! Егор, стеклодув! Ребята, занимайте свои места!

Посреди студии возвышались шесть круглых платформ, обтянутых серебристой фоточувствительной тканью. Шестеро участников в одинаковых комбинезонах зашагали каждый к своей тумбе; все они были молоды, лет по восемнадцать, только одна женщина — из поколения Лидкиных родителей, под сорок.

— Вот позорище, — сказала мама, разглядывая хорошо сохранившуюся даму.

— Дорогие гости! — провозгласил парень-ведущий, и усиленный микрофоном звук перекрыл улюлюканье зала. — Как вы помните, задача каждого конкурсанта — привлечь к себе общее внимание на максимально долгий срок! Ваше внимание — это лазерные лучи с ваших кепочек, куда взгляд, туда и лучик! Наши приборы фиксируют

уровень света на каждом из конкурсантов! Я попрошу операторов показать приз, который дожидается...

— Во дают! — сказал папа.

— Машину дают, — вздохнула мама.

Призовой автомобиль был блестящий и округлый, будто гигантский елочный шарик.

— Только для своих, наверное, — сказал папа. — Наверное, все подстроено.

Мама хмыкнула.

— Итак! — продолжал парень-ведущий. — Дорогие участники, через тридцать секунд прозвучит сигнал к началу! Ваше время — три минуты! Вы должны сделать все, чтобы на вас смотрели! Вы в равных условиях — одинаковая одежда и никаких аксессуаров, да, таковы условия конкурса! Каждый из вас подготовил нашей публике сюрприз! Итак, осталось пять секунд... Три секунды... И... Старт!!!

Лидка невольно подалась вперед. Да уж, было на что посмотреть.

Свет в студии вспыхнул ярче. Шесть темных фигур на мгновение застыли неподвижно; взметнулась песня. Пела женщина — не то лаборантка, не то учитель танцев. Голос был сильный и высокий, на грани визга; поющая — а она оказалась той самой зрелой дамой — подтанцовывала на своей тумбе, забрасывая ноги выше головы. Нет, лаборантка так не сумеет...

На секунду поющая учительница оказалась усыпана, как блестками, пятнышками взглядов. Всего на секунду, потому что вторая дама сразу же пошла ва-банк — расстегнула «молнию» на комбинезоне до самого пупа. Взгляды-лучики заметались; не желая обманывать ожиданий, дама ловко выскользнула из одежды.

Лазерные лучики красиво забегали по черному кружевному белью.

— Шла бы ты спать, Лида, — задумчиво сказал отец.

— Мне уже пятнадцать, — привычно огрызнулась она.

— Молодые люди, вы отстаете! — прокричала девушка-ведущая и на секунду сделалась естественной, вероятно, от азарта. — Ну-ка, Евгений, Игорь, Александр! Егор, не спите!

В комнате стоял полумрак; телевизор был источником

света, да еще торшер, под которым устроился папа. Лидке совсем не нравилась эта дурацкая передача, но все уроки были переделаны, колготки выстираны, ужин съеден, и, стало быть, время забираться в кресло перед телевизором и ни о чем не думать.

Отдыхать.

— Осталось две минуты чистого времени! Ну же, ребята! Ну!

Учительница танцев все еще пела, срывая голос. Потом бросила микрофон, легла на живот, изогнулась и положила ягодички себе на голову.

— Вот это гибкость, — сказала мама. — В ее-то годы...

Водитель стоял на руках, художник-оформитель лаял, мастерски копируя бульдога, а сторож из зоопарка натягивал нижнюю губу на нос и даже выше.

— Гадость какая, — сказала мама.

Один из парней — кажется, мастер-стеклодув — никак не мог включиться в игру. Нерешительно топтался на месте, бормотал и оглядывался, будто в ожидании трамвая. На него не смотрели.

Больше всего взглядов доставалось лаборантке. Ее белое уже валялось на светочувствительном покрытии тумбы, и то, что обнаружилось под кружевами, действительно заслуживало внимания.

— Проще всего, — мама зевнула. — Обязательно на этом конкурсе кто-то раздевается. Но вот чтобы заголиться совсем...

— Осталось полторы минуты! — поощрял парень-ведущий.

Голая лаборантка, казалось, обречена была на победу. Хотя танцевала она неважно, мешали, наверное, тугие прыгающие тела.

Секунды бежали. Стеклодув, до синевы бледный, все топтался и бормотал, зато прочие конкурсанты кувыркались, выдували пузыри, мяукали, грызли вены, визжали, завязывались узлом. Лаборантка стремительно теряла внимание публики — ее голые формы успели примелькаться.

— Это она не рассчитала, — с сочувствием сказал па-

па. — Это как бег на длинную дистанцию — нельзя выкладываться сразу...

— Осталось пятьдесят секунд! — выкрикнула девушка-ведущая.

Тогда художник-оформитель, чувствуя, что победа ускользает, с криком расстегнул комбинезон, принял величественную позу и принялся мочиться с платформы вниз, с небывалым искусством изображая известный всему городу фонтан. Струя плясала в свете прожекторов, струя была длинная-длинная, взгляды-лучики заматались в смятении. Мама зашарила на диване в поисках дистанционного пульта:

— Еще чего! Фу, докатились...

— Выиграет, — философски заметил папа. — Да не переключай, он сам собой сейчас иссякнет...

— Браво!! — визжала девушка-ведущая. — Наш Евгений выигрывает конкурс! Еще тридцать секунд, и...

Мастер-стеклодув, до того вроде бы не принимавший участия в конкурсе, вытащил откуда-то тубик, как показалось Лидке, одеколону и зачем-то облил свой комбинезон.

— А говорят, никаких аксессуаров, — с осуждением заметил папа. — Снимут его с дистанции за нарушение правил.

— А ему и так ничего не светит, — сказала мама.

— Ну же, ребята! — Ведущая прыгала, рискуя сломать высоченные каблукы. — Еще двадцать пять секунд и...

Стеклодув вдруг вскинул руки над головой:

— Смерть!

Голос у него был как скрежет железа по стеклу. Сорванный и одновременно сильный, пробирающий до костей.

— Смерть! Всем! Девятого... июня...

У стеклодува была актерская дикция, во всяком случае, каждое его слово слышалось совершенно отчетливо. До последнего звука.

— Девятого июня... скоро! Так будет со всеми!

Публика возмущенно загудела, но стеклодув уже молчал. В руках у него появился предмет, знакомый Лидке по тысячам раскладок, ларьков и лавчонок. Дешевенькая за-

жигалка; Лидка не успела ни вдохнуть, ни выдохнуть. Посреди студии взметнулся живой факел.

— А-а-а!

Воя и прыгая в огне, стеклодув скатился со своей тумбы. Опрокидывая стулья, вскочила с мест публика.

— Покиньте студию!

— Пожар! Пожар!

— На помощь!

— Помогите!

— Отключите!..

Операторы и не думали прекращать съемку — наоборот, все камеры жадно уставились на горящего человека. Звук тоже не отключили вовремя, и Лидке казалось, что сквозь треск и вопли доносятся все те же слова — «девятого июня», «смерть».

У призового автомобиля погасла фара, выбитая упавшей железной стойкой. Перед выходом из студии возникла давка. Падали на пол и гибли под каблуками лазерные кепки-указки. Живой факел катался по студии, опрокидывая штативы и стулья, налетая на мониторы, и в каждом мониторе была одна и та же картинка — человек в огне...

Через толпу зрителей прорвались люди в форме, с огнетушителями. В пляшущий факел ударили с разных сторон тугие пенные струи.

«Девятого июня...» — в последний раз померещилось Лидке.

И экран померк. Через мгновение темнота сменилась рекламным роликом, а в следующее мгновение мама, шарившая наконец-то пульт, погасила экран.

Некоторое время в комнате стояла тишина.

— Вот это да, — сказал брат, стоявший, как оказалось, за спинкой Лидкиного кресла.

— Чего там? — сонно спросила из кухни сестра.

— Ты, Янка, такое пропустила...

— Спать, — сказала мама так, что Тимур осекся.

Взведенный мамин голос будто порвал в Лидкиной голове натянутую пружину — Лидка заревела.

Сквозь слезы она слышала, как чертыхался папа, как причитала Яна, как увещевала их всех мама; Лидке под нос

Марина и Сергей Даченки

сунули вату, провонявшую отвратительным запахом, потом дали выпить капель, потом, отчаявшись, надавали по щекам. Мышцы живота болели от всхлипываний; девятое июня, прыгающий в огне человек, девятое июня...

Потом Лидка долго лежала в постели, не выпуская маминой руки, и слышала, как в соседней комнате отец грозит выкинуть «ящик» в окно. Потом постепенно пришел сон, глубокий и черный, без сновидений...

Глухой ночью семья проснулась от ее крика.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Историка, Михаила Феокистовича, была странная манера читать лекции. Он то вещал спокойно и внятно, то вдруг напрягался, повышал голос, выкрикивал резко, едва ли не зло. «Как будто ему наступили на хвост», — говаривала Лидкина сестра Яна. И Лидка тогда воображала, что за кафедрой, скрытый от чужих глаз, лежит колечком лекторский хвост — длинный и ребристый, будто шланг от пылесоса. И чья-то безжалостная нога в ботинке наступает на него, и тогда Премудрый Фео выкатывает глаза.

— Правление Временного собрания закончилось в ночь на третье декабря! Сто двадцать человек были арестованы и, вероятно, казнены. В то время массовые репрессии...

Лидка рисовала человечков. Одного за другим; с начала лекции их было уже девять. Их могло быть больше, но Лидка очень тщательно прорисовывала детали, кармашки на штанах, шнурки на ботинках.

Седьмое октября. Седьмое. Среда. До девятого июня, тоже среды, остается ровно восемь месяцев.

Восемь. Мурашки по коже. Вчера вечером родители в два голоса бубнили на кухне, думая, что Лидка их не слышит: «Позволять смотреть телевизор после десяти часов... Даже в субботу... Недопустимо! Твой либерализм... Десять часов — в кровать! Все!»

В последние дни мама нервничает больше обычного. Во вчерашних «Ведомостях» большая статья. «Пуп земли», субботнюю развлекаловку, закрыли с треском.

До звонка пятнадцать минут. Четырнадцать...

Игорь Рысюк, Лидкин сосед по парте, вежливо поднял руку:

— Михаил Феокистович, можно вопрос?

Время от времени Игорю хотелось быть самым умным; низко склонившись над партой, Лидка разрисовывала своему человечку пиджак.

Учитель поморщился:

— Вопросы, Игорь, будут тогда, когда я приглашу задавать их... Итак, начало катаклизма совпало по времени с провозглашением Империи. Стихийные бедствия привели к тому, что единое государство распалось, по сути, на множество замкнутых общин... — Тут Фео снова напрягся, будто ему наступили на хвост. — Империя кончилась сама собой! То был один из самых поздних и затяжных кризисов...

— Рисовать на уроке нехорошо, — сказал Игорь Лиде. — Тебя Славка Зарудный искал.

— Зачем? — механически спросила Лидка.

Игорь завел глаза:

— Любофф...

— Дурак, — иногда Лидка испытывала к Рысюку неподдельное отвращение.

Он сидел на первой парте вовсе не потому, что был близорук. Он любил лезть учителям в глаза — а Лидка, напротив, не любила, но выбора у нее не было, потому что ее недаром прозвали Пигалицей. Она была самой младшей и самой маленькой в классе, в группе, иногда ей казалось, что она самая маленькая на свете. «Поздний ребенок», «дитя на грани риска», «последний ребенок цикла»... В первый же день учебы ее запихали на эту первую парту, под ноги пришлось подставлять скамеечку, а под зад класть подушку. «Лидка маленькая, не обижайте ее». «Лидка младше вас, оставьте ее в покое»... С тех пор прошло девять лет, но мало что изменилось.

— Пять минут до звонка, господа лицеисты. Что вы хотели спросить, Игорь?

Игорь встал:

— Михаил Феокистович, а можно ли точно предсказать дату *мрыги*?

Если кто и возился в преддверии перемены — сейчас притих. Лидка сжалась в комок, карандаш ее дернулся и насквозь прошел тетрадную страничку.

Фео поднял на Рысюка мудрые выцветшие глаза:

— Во-первых, не мрыги, Игорь, а апокалипсиса... Во-

вторых, таких прогнозов не существует. Это шаманство, истерика и мистификация, рассчитанные на идиотов. Взять, к примеру, этот последний скандал с телепередачей. Вы, как интеллигентные молодые люди, не смотрите, разумеется, ублюдочных шоу... Там случилось самосожжение в прямом эфире. К участию в передаче был допущен юноша с явными психическими отклонениями... что неудивительно, потому что подобные программы собирают вокруг себя дебилов — так навоз, извините, привлекает мух... Можете поверить старому человеку — перед каждым апокалипсисом начинается своего рода психоз. Дело интеллигенции — не поддаваться. Точное предсказание даты, а тем паче заверения, что этот апокалипсис будет, мол, окончательным и последним, не имеют под собой почвы, потому что...

В окно ударил камень. Стекло грохнуло, осыпаясь; в класс ворвались град осколков, осенний ветер, чей-то смех и топот ног.

* * *

УЧЕНИЦЫ МЛАДШЕЙ ГРУППЫ

4-го «Б» класса
СОТОВОЙ ЛИДИИ
сочинение

на тему: «Куда прячутся люди»

Конец света по-научному называется апока...(зачеркнуто)...сисом. Тогда случаются большие беды. Идут дожди из огня. Нечем дышать. Все люди погибли бы, если бы не Ворота.

Никто не знает, как они устроены. Ученые всего мира ломают над этим голову. Некоторые говорят, что Ворота установили инопланетяне, но это анте... (зачеркнуто) антинаучная ерунда.

Ворота открываются там, где люди могут найти их. Они открываются в нескольких местах. Люди заходят в Ворота и перебивают там страшное время. Внутри Ворот проходят всего тридцать шесть часов. Потом они выходят из Ворот — и начинается новый цикл жизни.

Тот, кто не успеет вовремя добраться до Ворот, обяза-

тельно погибнет. Поэтому они должны заходить в Ворота очень быстро. Мужчины должны пропускать вперед женщин и тех, кто не умеет быстро бегать.

О том, где открылись Ворота, сообщает служба ГО. Надо внимательно слушать сообщения по радио и бежать не к ближайшим Воротам, а к тем, на которые укажет служба. Иначе возле Ворот может возникнуть давка...

ОЦЕНКА: четыре с минусом.

ПРИМЕЧАНИЯ: Учись излагать свои мысли. Почему ты все время повторяешь — «они»? Подбирай другие слова.

ЗАДАНИЕ: Выпиши в тетрадь слово «апокалипсис» двадцать раз.

* * *

— Девятый «Б»! Не расходитесь!..

Лицей казался теперь непривычно просторным. Старшая группа выпустилась по весне, оставив здание в распоряжении средних и младших. Исчезла привычная толчея в коридорах, удобнее сделалось расписание, но надо всеми, особенно в первые дни, висело осознание утраты.

Следующей осенью на занятия явится одна только младшая группа.

Если она наступит, эта осень.

— ...Эй, Пигалица, что там у вас случилось?

Кто-то цапнул Лидку за рукав; она дернулась, будто ее ударило током.

— Что это ты? — удивился Славка Зарудный.

Лидка перевела дыхание; сердце колотилось как бешеное.

— Так что случилось?

— Стекло грохнуло... Второй раз уже.

— Это пацаны из двести пятой школы. — Славка помрачнел. — Мишке позавчера морду набили...

— Так и вы им набейте.

Славка усмехнулся:

— Ишь какая быстрая...

Поймал ее ладонь. Сильно сжимать не стал, так, легонечко стиснул:

— У вас следующий урок какой?

Лидка инстинктивно оглянулась, нет ли поблизости зубоскала-Рысюка.

— Математика...

— А я в музее дежурю, — сказал Славка с непонятым выражением.

Из приоткрытой двери класса тянуло холодом. Выбитое окно наскоро пытались прикрыть какой-то картонкой.

— Слышишь, Пигалица? В музее... пыль вытираю. От физкультуры освобожден.

— Поздравляю, — сказала Лида.

Славка помялся:

— Так ты будешь знать, куда прийти, если у вас математику отменяют?

— Не отменяют, — пожала плечами она. — Вон пустых классов сколько.

— Ну так сама отмени...

Лида снисходительно улыбнулась.

Это в средней группе можно вот так запросто прогулять урок. А ее, Лидкино, отсутствие математичка засечет сразу — пустое место на первой парте, под самым носом. Даже если Рысюк смолчит, а молчать он, конечно, не будет...

Прозвенел звонок на урок. Математичка явилась, звеня ключами, как тюремный сторож, — под ее занятие выделили кабинет гражданской обороны, обычно запиравшийся на три замка. Там хранились противогазы, акваланги, ракетницы и прочие пособия, дорогие и привлекательные для воря. А уж воря в последнее время развелось не в меру, даже в лицее, даже несмотря на круглосуточное дежурство милиции...

Младший «Б» класс вереницей потянулся по лестнице вверх; математичкин взгляд остановился на Лидке:

— Сотова... принеси, пожалуйста, мелков из подсобки, а то в гражданской обороне их вечно не хватает. Только быстро — одна нога здесь...

— Ага, — сказала Лида. — Сейчас.

И поплыла против течения — ее одноклассники вверх, сама она — вниз. На второй этаж, по вошеному паркету направо, по коридору прямо — туда, где учительская, подсобка и музей.

Привычная суэта изгоняла страх. Учителя выглядели так, будто ничего не произошло; знакомые стены будто говорили — ничего с тобой не случится, ничего с тобой случиться не может. Мир незыблем, если взрослые спокойны...

Она перевела дыхание и вымученно улыбнулась сама себе.

Славка Зарудный стоял в дверях музея. По-хозяйски крутил на пальце ключ. Увидев Лидку, по-настоящему обрадовался, даже, кажется, покраснел:

— Отменили?!

— За мелом послали, — сказала Лида, отводя глаза.

Славка скис. Ему было уже почти семнадцать лет, но чувств своих скрывать он так и не научился.

— Ты слушай, Пигалица... Может, после уроков?

— После уроков за мной отец заедет. — Лида поняла, что ей жаль обижать Славку. Что Славка хороший парень, за ним выются минимум три девчонки, и любая из них на Лидкином месте отложила бы математику на потом.

— А что ты мне хотел показать? — спросила она буднично. — Может быть, минуты хватит?

— Минуты?! — возмутился Славка.

Музей надоел Лидке еще во втором классе. Пыльную экспозицию она знала наизусть — разумеется, только ту ее часть, что была открыта для посещений. Говорили, что в закрытой части музея, куда пускают только учителей и выпускников, уже три года хранится настоящая мумия, засмоленный труп человека, не добежавшего в свое время до Ворот; обычно тела погибших превращаются в пепел, но археологам (или обыкновенным строителям) случается находить в завалах такие вот засмоленные тела. И только специалист может определить, жил ли человек десять циклов назад, или твои родители были с ним знакомы еще в прошлом цикле...

Лидка не любила и боялась об этом думать.

— Погоди, Зарудный.

Она вошла в подсобку. Взяла три мелка — красный, синий, белый. Завернула в бумажку; она терпеть не могла,

когда руки пахнут мелом, и потому не любила отвечать у доски.

Славка ждал у входа в музей:

— Слушай, Пигалица, ладно, хоть на минуту зайди...

Лидка остановилась. Взвесила в руке свои мелки и решила, что если задержаться в Музее, а потом быстро-быстро взбежать по лестнице, то по времени выйдет то же самое, как если бы она просто поднималась не спеша.

Славка отступил в глубину, приглашая, Лидка вошла. Славка тут же запер дверь на ключ.

— Ты это зачем? — удивилась Лидка.

— Техничка ругается, когда открыто. Здесь же режим...

Лидка поставила портфель, сверху положила сверток с мелками:

— Ну, показывай, что хотел.

Окон в музее не было. На их месте тянулось цветное панно с электрической подсветкой — древний город с забытым названием, когда-то полностью уничтоженный апокалипсисом и реконструированный по сохранившимся гравюрам. Напротив, в витрине, лежали на линиях подушечках закопченные металлические обломки, а сверху, на стене, медными буквами было выложено чье-то изречение: «Пока мы помним о погибших цивилизациях, история продолжается».

Лидка поежилась.

— Идем, Пигалица...

— У меня есть имя, — сказала Лида скорее для порядка. Она давно не обижалась на прозвище, тем более что в Славкиных устах оно звучало почти нежно.

— Идем, тут новый экспонат...

Фотография действительно была новая, матовая, цветная. И огромная, почти метровой высоты; сквозь дым и языки огня на Лидку смотрела, как живая, здоровенная уродливая глефа.

Лидка отпрянула.

— Страшно? — нарочито небрежно спросил Славка.

— Гадко, — сказала Лидка, глядя в сторону. — Зачем это показывать?

— Затем, что скоро они из моря полезут. — Славка наставительно поднял палец. — Мы должны быть готовы...

— Я не собираюсь на них смотреть!

— Вот видишь, ты трусишь! А находятся же храбрые люди, которые их фотографируют! Это подлинный снимок, восемнадцать лет в спецхране...

Лидка еще раз мельком глянула на фото. Потом на Славку; насмешливо прищурилась:

— В спецхране? Восемнадцать лет? Слушай, это подделка. Я в детстве тоже глеф рисовала. Мистификация...

Славка надулся:

— Скажи еще раз.

— Ми-сти-фи...

Славка быстро наклонился вперед и губами поймал Лидкины губы. Ей сделалось страшно и неприятно; она не думала, что симпатяга Зарудный способен на такую глупость.

— Дурак...

Вырываясь, Лидка оступилась и села на ворсистый ковер. И отбила бы себе мягкое место, если бы Славка не подхватил ее.

— Дурак, Зарудный, совсем спятил?!

— Пигалица... — сказал Славка жалобно. — Успеешь на свою математику...

Руки у него были взрослые — жилистые, твердые и в то же время красивые, с длинными пальцами. Славка закончил музыкальную школу.

— Что ты меня так гладишь все время, как будто я тебе кошка?

— А как тебя гладить, Пигалица?

— Никак, пусти...

Он не позволил ей встать. Наоборот, навалился сверху и снова полез целоваться. Лидка решила минуточку потерпеть — когда-то ведь он отстанет?! А на будущее надо будет учесть: Зарудный — дурак...

Но Славка не думал отставать. Наоборот, сунул руку Лидке под юбку, а этого она не собиралась терпеть ни в коем случае.

— Одурел?! Сейчас как заорет...

— С чего бы тебе орать? Глупенькая, что ли?

— Пусти!

— Да перестань...

— Пусти, говорю!

Она все еще надеялась на его благоразумие и не решалась вырываться всерьез. И заорать тоже не решалась, а потом уже было поздно, потому что Славка зажал ее рот своим ртом, и трудно стало не то что издавать звуки — дышать. А когда он принялся стаскивать с нее колготки и сделалось ясно, что происходящее — не игра, у Лидки вдруг не оказалось сил. Теперь она вырывалась еле-еле, и Славке, вероятно, казалось, что девчонка сопротивляется только для виду.

— Пус...ти... иди... от...

В дверь постучали.

Новый ужас придал Лидке силы. Она вырвалась. На четвереньках отползла в сторону, натянула колготки, судорожно одернула юбку. Губы ее горели и саднили — казалось, рот разорвали до ушей, как у клоуна.

— Зарудный, открой, пожалуйста. Я знаю, что ты здесь.

Голос завучихи, и достаточно нервный.

— Зарудный, открой сию секунду!

Лидка затравленно огляделась. Под стеллажами не спрячешься, дверь в специальный зал заперта на кодовый замок. И Славка струсил, видать, вон как побледнел, даже губы трясутся.

— Си-ю секун-ду! Или будут неприятности, слышишь?!

Стук каблуков по паркету; еще чьи-то голоса. Сколько их там собралось? И когда уйдут?!

Славка точно решил не открывать. И ей махнул рукой: молчи, мол, сиди как мышь, обойдется...

— Принесите второй ключ! — Голос завучихи был как струна. — Елизавета Павловна, второй ключ, пожалуйста...

Лидка успела подумать, как легко проходят звуки сквозь укрепленную дверь музея.

Потом щелкнул замок, и дверь медленно, как в ужасном сне, начала раскрываться.

Славка уже стоял, прижав одну ладонь к лицу, а другую к груди, будто решившись в последний момент симулировать сердечный припадок.

А Лидке нечего было симулировать. Она сидела под витриной, под остатками погибшей цивилизации, и смотрела на себя как бы со стороны — на перепуганную, расхристанную, с распухшими губами девчонку.

Вошли завучиха, техничка, математичка, директор. Некоторое время было тихо, потом завучиха утробным голосом произнесла: «В святом для нас месте...»

На Славку почти не смотрели.

* * *

Маму было жалко.

Маме Лидка рассказала, как все было на самом деле, но легче от этого не стало. Брат демонстративно не желал разговаривать с падшей сестрой, отец ходил подавленный и молчаливый, зато Яна никак не могла сдержать язык:

— Дура! Кретинка! Что у тебя в голове — тряпки?! Допрыгалась, дура, вот вылетишь из лица, вот попадешь в двести пятую... Возились с тобой, нянчились с тобой, вынянчили тебя... Дебилку, имбецилку, идиотку...

— Замолчи, — устало говорил отец, и Яна замолкала, и заведенный мотор внутри нее работал вхолостую целых две минуты, а потом молчание иссякало, и все начиналось сначала:

— Дура... Кретинка... Потаскуха малая... До чего ты мать довела...

Отец три раза ходил к директору. Вроде бы должны были исключить обоих — и Зарудного, и Лиду, но с самого начала ясно было, что на Славку у лицейских начальников рука не поднимется. У Славки слишком известный отец. Академик и депутат.

У Лидки не хватало сил сидеть дома, но и шататься по улицам было опасно — вдруг встретишь знакомого или одноклассника. К лицу она боялась подходить на пушечный выстрел, а потому с самого утра шла на берег, забираясь в скалы и сидела, съезжившись, на обломках не то бревен, не то мачт, изъеденных солью, почерневших, когда-то проглоченных, а потом отторгнутых морем.

Несколько раз ей случалось видеть дальфинов — далеко

от берега, совершенно безопасно, но все равно нервный холод пробирал до костей. Впрочем, она и без того мерзла; вот заболеть бы и умереть. Лидкин день рождения прошел буднично и безрадостно. Четырнадцатое октября, снова среда. До назначенного срока осталось семь месяцев и три недели.

Вместо обещанных роликовых коньков ей подарили коробку конфет и какие-то скучные книжки. Полвечера она проплакала, забравшись под одеяло, — не то из-за коньков, не то из-за лица, не то из-за скорой и неотвратимой смерти.

А через неделю оказалось, что, раз исключить Зарудного нет никакой возможности, то и Сотову трогать не будут. Поругали, поставили на вид — и пусть помнит доброе к ней отношение.

Отец пришел из лица нервный, но румяный и с блеском в глазах. «Обошлось», — сказал он маме. «Замолчи», — сказал он вскинувшейся было Янке. Лидке улыбнулся, потрепал по затылку: обошлось, мол, собирайся завтра в лицей...

Лидка представила, как войдет в свой класс. Как сядет на первую парту рядом с Рысюком. И двадцать пар глаз будут разглядывать ее, будто впервые увидев.

Она сверилась с расписанием — двадцать первое октября, среда — и уложила в сумку книжки. Но пошла не в лицей, а к морю.

Облака рябили многими оттенками серого, казалось, что небо покрыто грязными вstopоршенными перьями. Небо походило на лежалую дохлую чайку. С моря дул недобрый ветер; Лидка укрылась среди камней и раскрыла книжку. Роман «Бедная Анна» полагалось прочитать по программе еще прошлым летом, это был самый скучный на свете роман, но Лидка читала, продираясь через длинные описания природы и совсем уж бесконечные монологи. Героиня не могла иметь детей, а детородный срок цикла истекал, и ее муж собирался уйти к другой; Лидка переворачивала страницы, почти ничего не соображая. Что за проблемы у этих персонажей, ведь они благополучно пережили свою *мрыгу*, теперь им предстоит два десятка лет безбедной жизни...

А у Лидки — семь месяцев и две недели.

В окончательный апокалипсис верят только идиоты. А она, Лидка, изучала историю. Она умная.

Буквы сливались перед глазами.

Около полудня со всех сторон в бухту стянулись патрульные катера. Они стояли далеко от берега, там, где Лидке случалось видеть дельфины спины. Черные силуэты вытянулись цепью от мыса до мыса. Кораблей было не меньше двадцати; со стороны базы ГО пришли два вертолета. Покружились над морем, порокотали, улетели; Лидка встала, чтобы поскорее уйти.

— Что ты здесь делаешь?

От неожиданности сумка едва не выпрыгнула из Лидкиных рук. Патрульные появились как из-под земли — два солдата и офицер, вооруженные, в камуфляже.

— Девочка, что ты здесь делаешь?!

— Прогуливаю уроки, — сказала Лидка тихо.

Патрульные переглянулись. Кажется, честный ответ настроил их чуть более миролюбиво.

— Объявлено военное положение, — отрывисто сообщил офицер. — Дети должны сидеть по домам.

Лидка крепче сжала сумку. Губы начали дрожать прежде, чем смысл сказанного дошел до нее.

— Как... что же...

— А ну сюда, живо!

Ее взяли за локоть и потащили — не очень быстро, но она все равно то и дело спотыкалась. От страха заложило уши.

По бетонной лесенке ее вытащили на набережную; от палаток торговцев остались металлические скелеты, под ногами валялись обрывки газет, и никого не было, ни торговцев, ни гуляющих, только военные машины в решетчатых железных очках. И люди, гэошники, и у каждого второго — рация. Суставчатые антенны подрагивали, будто черные тараканы усы.

И еще тут был Игорь Рысюк. Стоял, привалившись к машине, глядел в сторону, как бы непричастный ко всему на свете.

— Эй, парень, эта та самая девочка?

Рысюк бросил на Лиду взгляд и сразу отвернулся:

— Да.

— Которая уроки прогуливает?

— У нее личная драма, — сказал Рысюк, почти не разжимая губ. — Несчастливая любовь.

Кто-то хохотнул:

— Ладно, пацан, ты не врал вроде бы... Куда вас обоих, в приемник-распределитель?

— Мы ничего не сделали, — тонко сказала Лидка.

— А нечего ходить где не положено... Адрес?

— Что? — тупо переспросила Лидка.

— Где живете? Далеко?

— На Угловой...

Игорь промолчал. Сам он жил гораздо дальше, на Зеленой Горке.

— Хорошо... До Угловой подбросим, но чтобы из дома — ни ногой! Ясно?

Вслед за солдатом, пахнувшим неприятно и остро, они забрались в тесный салон. Машина дернулась — Игорь и Лидка непроизвольно ухватились друг за друга.

— Ты почему не пришла в лицей? — спросил Рысюк сварливым шепотом. — Зарудный ведь ходит...

— Отстань.

— Почему ты такая невежливая?

— Почему ты такой кретин?

Где-то выла сирена. Ее вой сперва нарастал, потом ударил волной и сразу схлынул, удаляясь. Машина с сиреной пронеслась в противоположном направлении — к морю.

— А что было в лицее?

Рысюк пожал плечами:

— Тревога. Всех распустили по домам.

— А ты откуда знал, где меня искать?!

— С чего ты взяла, что я тебя искал?

Лидка прикусила язык.

— Эй, дети, — сказали из кабины. — какой номер на Угловой?

— Угловая, двадцать семь, — пробормотала Лидка. — Рядом с универмагом.

Машина выбралась на трассу и пошла быстрее.

— Слушай, Рысюк...

Вопрос застрял у нее в горле.

— *Мрыга?* Сегодня? — насмешливо спросил Игорь. — А как же твое любимое девятое июня?

Лидку передернуло. Захотелось ударить — так врезать невысокому Игорю по щеке, чтобы коротко стриженная голова стукнулась о борт...

— Не бойсь, это нормальный кризис. — Игорь улыбнулся. — Военный переворот или еще что-нибудь такое. Если бы ты учила историю, то знала бы, что за несколько лет до апокалипсиса наступает...

Машина притормозила.

— Выметайтесь, дети! И чтобы ни ногой из дома, ясно?

— Мы уже не дети, — проворчал Рысюк себе под нос. — Привыкли, понимаешь...

Машина газанула, обдав обоих вонючим выхлопным облаком.

* * *

УЧЕНИЦЫ МЛАДШЕЙ ГРУППЫ

3-го «Б» класса

СОТОВОЙ ЛИДИИ

сочинение

на тему: «Люди и дельфины»

Однажды девочка пришла на море. Погода была хорошая. В воде плескались рыбки. Светило солнце. Девочка решила искупаться.

Она зашла далеко от берега и стала тонуть. Она позвала на помощь. Но никто не услышал.

Вдруг приплыл дельфин из моря. Девочка очень испугалась. Но дельфин подтолкнул ее к берегу и спас.

Девочка была очень рада. Дельфин плавал вокруг и показывал спину. Они подружились. Девочка стала часто ходить на море и встречать там дельфина.

Потом девочка выросла и наступил конец света. Дельфины сбросили шкуру и пере...(зачеркнуто) в личинок, то есть глеф. Они вышли на сушу. Девочка (зачеркнуто). Он узнал ее и не стал ее есть. Но он поранил ее. И поэтому она не успела к Воротам, в Убежище.

Дельфины — опасные существа. В пе-ри-од цикла они плавают далеко от берега и не выходят на сушу. Но когда

наступает конец света, дельфины становятся личинками-гифами и выходят на сушу. Дети, будьте осторожны!

ОЦЕНКА: три с плюсом.

ГРЯЗНО! И думай, Лида, о чем пишешь.

* * *

Дома ее встретили тихой истерикой. Тихой, потому что в квартиру они заявили вместе с Рысюком. В присутствии одноклассника Лидке постеснялись устраивать сцену.

Рысюк зашел, чтобы позвонить, и даже успел буркнуть в трубку что-то вроде «Жив-здоров, у Сотовой», после чего телефон умер, замолчал, будто трубку набили ватой. «Теперь еще и связь», — сквозь зубы процедил Лидкин отец. Рысюк попросился и пошел к двери.

— Игорь, ты никуда не пойдешь, — очень спокойно сказала мама. — В лучшем случае тебя заберет патруль.

— А в худшем? — удивился Рысюк.

По всей квартире разбросаны были вещи. У порога стояли пять рюкзаков — как на картинке в учебнике ГО.

— Освобождай свою сумку, — сказал Тимур, Лидкин брат, притихшему Рысюку. — Если объявят эвакуацию...

— Бухту оцепили, — сказала Лидка.

— Наверное, глефы уже лезут, — весело пошутил Тимур.

Яна заплакала. Отец прикрикнул на нее — не зло, скорее растерянно.

Телевизор был включен, но мерцал серым бельмом пустого экрана. Если долго не отводить глаз, может показаться, что по экрану ползают тысячи мелких мушек. Лидка отвернулась.

Рысюк молча вытряхнул на пол пару учебников, папку с тетрадями, дневник, пенал, еще какие-то мелочи. В освободившуюся сумку поместились термос, полиэтиленовый пакет с пайком и аптечка. На Лидку этот обмен произвел гнетущее впечатление — она ушла в свою комнату, села на диван и включила магнитофон, благо батарейки были еще живы. И, закрыв глаза, можно было вообразить, что ничего не случилось.

— А я вчера был на вечере в двести пятой, — сказал Рысюк.

— Зачем? — вяло поинтересовалась Лидка.

— Так... Сперва интересно было, девчонки ихние явились кто в чем, а кто и почти без ничего...

— Оч-чень интересно, — саркастически вставила Лидка.

— Да. А потом они нажрались какой-то гадости, и драка началась. Я еле успел смыться. А у тебя с Зарудным — на самом деле или понарошку?

Лидка молчала. Странные дела, до девятого июня осталось семь с половиной месяцев, а она так злится из-за этого зануды, кривляки Рысюка. Который специально ее дразнит.

Затрещал телевизор в соседней комнате. Запищал; на этот писк сбежались из разных комнат Тимур и Яна, мама, папа и Лидка с Рысюком.

— Дорогие сограждане...

Чье-то моложавое тонкое лицо. Полузнакомое — Лидка никогда не интересовалась политикой и не смотрела новостей, но догадалась, что на этот раз перед камерой сидит не журналист и не диктор.

— Дорогие сограждане, чрезвычайная ситуация преодолена. Просим всех соблюдать спокойствие... В столице сорван заговор, направленный против законного правительства и ставящий своей целью низвержение конституционного...

«Откуда я его знаю», — подумала Лидка. И почти сразу же Рысюк прошипел у нее над ухом:

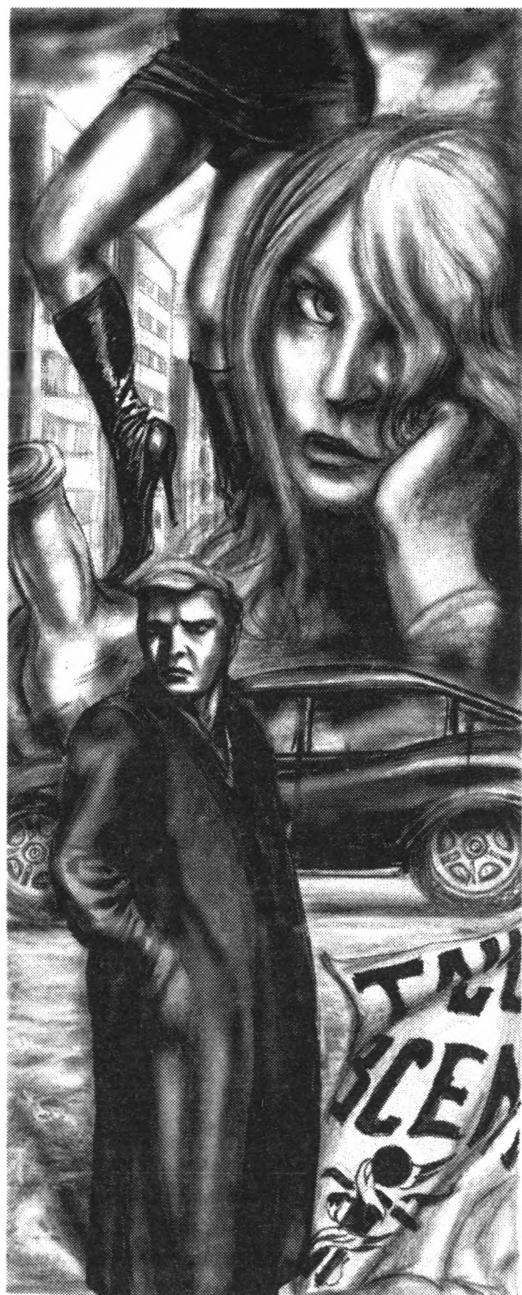
— Че-ерт... Это же...

— Что? — нервно спросила мама.

— Это Зарудный, — сказал отец. — Депутат Зарудный.

С экрана смотрел Славкин папаша.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Светка жила этажом выше и была на год старше Лидки. Светка училась в двести пятой школе и в отличие от Лидки имела время на посиделки в «дурной компании». Проходя мимо лавочки, где эта самая компания коротала вечера, Лидка внутренне сжималась и кивала как можно равнодушнее.

В последние месяцы все переменялось, и перемены скрыть не удалось. Лидка перестала ходить на факультативы, более того, повадилась сбегать с последних уроков. В лицее ей было так же уютно, как карасю на холодной сковороде — вроде бы и не жжет, но и удовольствия мало. Уж лучше на скамейке перед домом...

Но главное — со Светкой можно было говорить про девятое июня. Светка не начинала истерически смеяться, всем своим видом показывая, как ее забавляет Лидкина глупость, и не крутила пальцем у виска. Светка даже добывала где-то новые сведения — оказывается, были целые организации, посвященные Последнему Апокалипсису. И вроде бы двух разновидностей — одни посвящали оставшуюся жизнь «освобождению души», бросали пить, курить, уходили из семей и посвящали себя людям. Другие, наоборот, ничего очищать не собирались, а хотели напоследок пожить, продавали квартиры и на вырученные деньги устраивали оргии, игрища, морские путешествия и прочие приятные вещи. В морское путешествие Лидка и сама бы не прочь, но вот чем занимаются на оргиях, представляла себе смутно.

Светкин день рождения пришелся на воскресенье. Двадцать второе ноября, привычно отметила Лидка.

Гости собрались к половине восьмого. Мальчишек было шестеро, девчонок — вместе с Лидкой — тоже. По-видимому, в таком расчете крылся некий смысл; выпив по рюмке мутноватой крепкой жидкости, гости разбились по парам, как в детском саду. Рядом с Лидкой оказался длин-

нящий, бледный, болезненного вида парень лет восемнадцати, явно близорукий, но стесняющийся носить очки.

После первого же тоста закружилась голова, и сразу сделалось легче: уже ни о чем не думалось, во всяком случае, ни о чем плохом.

Лицейстов в новой компании не ставили ни в грош. Все, кроме Лидки, гости были из двести пятой школы, из младшей и средней групп, а тот, что сидел рядом с Лидкой, — и вовсе из старшей, второгодник. Говорили о собственных учителях — исключительно паскудных, глупых и пошлых. У каждой училки было по несколько кличек; Лидка путалась и никак не могла понять, кто кого куда послал и кто кого огрел линейкой. Сдуру призналась в невежестве — и сразу же сделалась центром компании. Ее наперебой принялись просвещать:

— ...А химичку — Доска, Два Соска. А математичку — Феня Хреновна. А геошника...

Остальные клички были непечатные, но большей частью смешные до колик. Лидка по-лошадиному ржала и повторяла вслух наиболее смачные прозвища. С удовольствием примеряла их к лицейским завучихе, математичке, директору; она только теперь поняла, как сильно их ненавидит. За вытянувшиеся физиономии на пороге музея, за патетические завывания: «В этом святом месте...» И за то, что ее не исключили. Пусть бы выгнали — так нет, брезгливо поморщились, опасливо покосились на Зарудного-папашу и оставили. Чтобы всякий раз, вызывая ее к доске, скептически поджимать губы.

А в двести пятой, именем которой лицейстов запугивали до дрожи в коленках, губ никто не поджимал. Там бранились и кричали, швырялись книжками, лупили линейкой по голове и вызывали родителей, но губ поджимать там никто не стал бы. Во-первых, потому, что все ученики считались испорченными по определению и ждать от них целомудрия не имело смысла. А во-вторых, потому, что честнее один раз закатить девчонке пощечину, чем месяц за месяцем морщиться и презирать.

— ...А этот парень тогда спер у бати ключи от машины и привел Анжелку в гараж. Они мотор завели, чтобы не холодно, и полезли на заднее сиденье. А машина здоровенная! Вот они и стали кувыркаться, а гараж закрыт! А мотор

работает! Они позасыпали и отравились, ну, нанюхались выхлопов, вместе их и похоронили...

— Вот ты ржешь, а мне мамка ключи от машины не дает теперь...

— На тот свет захотел?!

— Все фигня, хлопцы, из нашего класса один пацан в подвале поставил раскладушку у трубы, тепло...

— ...Я у сеструхи с головы этот кулек тащу, а она уже синяя, еле откачал... «Скорую» не вызвал, чтобы на учет не поставили...

— ...Ну ладно, думаю, денег я добуду, не впервой, но чтобы задницу ему подставлять...

— ...Купил петарду и училке в стол. Как она заорет!

Лидка отхлебывала из рюмки и хохотала все громче. Каждое слово казалось неимоверно смешным, но почему-то сразу же забывалось.

Уже через час она была своим парнем в новой компании. Бледнолицый сосед-второгодник пел под гитару. Его звали Геней, Лидке он нравился все больше и больше — такой взрослый, с голубыми беззащитными глазами, с хрипловатым усталым голосом...

Потом зажгли две свечки и погасили люстру. Включили музыку, и Гена пригласил танцевать не Лидку, а длинноногую соседку справа. И прямо по ходу танца полез ей под коротенькую юбку-пояс.

Лидка выбралась из-за стола, пошатываясь, протиснулась между танцующими, нашла ванную. Долго смотрела в собственное пьяное, лупоглазое лицо, тщетно пыталась сосредоточиться.

Катись все к чертям. Все равно скоро *мрыга*. Почему она, Лидка, не имеет права делать то, что хочет? Хотя бы накануне неотвратимой смерти...

— Эй, малая! Иди сюда, играть будем!

Комната плавала в табачном дыму. Со стола прибрали пустые тарелки, именинница притащила детский волчок на присоске, с бегущей стрелочкой. Под всеобщий хохот волчок запускали, и тот, на кого указывала стрелка, снимал с себя часть одежды. Сладко замирало сердце, было страшно и весело, гости по очереди стягивали с себя туфли, рубашки, носки, пояса, потом тот, что сидел напротив Лидки, оказался в одних трусах и заорал, что больше играть не будет, но

на него заорали в ответ, что выходить из игры нельзя и что правила есть правила. Он подчинился и всякий раз шумно радовался, когда волчок указывал на другого.

Лидку лихорадило. Она сняла сперва туфли, потом пояс, потом колготки. Кое-кто из девчонок уже сидел, хихикая, в исподнем, и оно оказалось весьма затейливым, не чета скромному Лидкиному бельишку. Волчок вертелся, замирало сердце, более-менее одетыми оставались только Лидка да ее близорукий сосед, в их адрес отпускались шпильки. Потом волчок трижды подряд указал на веснушчатую девчонку с рыжим хвостом на затылке — та заныла, что так нечестно, и, ноя, разделась догола. У Лидки глаза на лоб полезли — она не думала, что до такого дойдет...

Ну, позвать бы сюда завучиху с математичкой! И посмотреть на их лица...

Все равно *мрыга*, сказал кто-то внутри Лидкиной пьяной головы. Какая разница?

Я плохая, поняла она с удивлением. Я плохая девочка! Я уж-жасная девчонка, и как это здорово — быть плохой...

Но тут игра закончилась. Музыка зазвучала громче.

Кто-то подбирал с пола свои вещи, кто-то не стал. Длинноногая девчонка в юбке-поясе танцевала на столе; Гена, близоруко щурясь, бродил в одном носке и искал под ногами другой. На голом плече его обнаружилась татуировка, нанесенная, похоже, кем-то из одноклассников, во всяком случае, здорово похожая на рисунок в тетради, — какой-то кривобокий свирепый крокодил.

Пахло духами, потом, перегаром, остатками еды. В темном углу кто-то возился, хихикая, и вроде бы полуголых тел там было не два, а минимум три...

На диване именинница Светка целовалась с парнем, чьего имени Лидка не запомнила.

Она едва отыскивала свои туфли. Колготок так и не нашла. Пояса тоже. Завтра надо будет позвонить соседям: «Извините, вы не находили в гостиной моих колготок?»...

Она осторожно прикрыла за собой входную дверь. Спустилась на два пролета вниз. Отыскивала ключ в кармане джинсовой юбки. Ключ она захватила именно на этот случай — чтобы вернуться тихонько. Чтобы не принюхивались подозрительно, не оглядывали с головы до ног...

Дверь бесшумно приоткрылась. Лидка скользнула в за-

паху собственной квартиры; в прихожей было темно, в гостиной тоже, только голубовато подмигивал проклятый телевизор.

Она сняла туфли. Босиком, поджимая пальцы, прошла вперед, намереваясь скользнуть к себе в спальню...

— ...экспертами, сошлись с точностью до секунды... Через двести дней, девятого июня будущего года, в шестнадцать часов двадцать одну минуту... И господь не сжалится более...

Лидка обмерла.

В комнате что-то возмущенно проговорила мама; Лидка, как загипнотизированная, сделала еще шаг и уперлась взглядом в экран.

С экрана смотрело желтоватое, морщинистое, печальное лицо. На переднем плане нервно подрагивал микрофон; казалось, в следующую секунду поролоновая груша заткнет говорящему рот.

— Расчеты были сделаны по методу Бродовского—Фильке. Вероятность погрешности минимальна. У нас есть еще двести дней, чтобы пожить. Чтобы взять от жизни все. Приготовьтесь, девятого июня...

Камера отпрыгнула одновременно с ведущим.

— Вы смотрите программу «Контакт», гостями нашей студии были... — Журналист по-рыбьи хлопнул ртом. Вытащил папку из-под мышки, сверился с записью: — ...представители движения «За чистоту души»...

Экран погас. Лидка отступила в коридор.

— Хорошо, что малой нет, — сказала Яна в наступившей тишине.

— Чертов ящик, — зло сказал папа.

Лидка, незамеченная, ушла к себе.

Ночью маме снова пришлось отпаивать ее каплями. При этом мама клятвенно обещала, что к Светке Лидку больше не пустит. Ни ногой.

* * *

— ...Ты доиграешься, Сотова. Одна двойка в четверти, другая двойка в четверти, а там экзамены, которых тебе не сдать с такой подготовкой... Будешь исключена уже не по дисциплинарным соображениям, а из-за плохой успеваемости. Ты понимаешь?

В кабинете завучихи было тепло. Чуть слышно пахло цветами — кажется, астрами. Как на похоронах, подумалось Лидке.

— Ты меня слышишь, Сотова?

— До экзаменов еще полгода, — сказала Лидка, глядя в пол.

— Ты думаешь, что это много? Что у тебя есть время? «С понедельника возьмусь»?

— Нет, — Лидка пожала плечами и в который раз ощутила, что форменный лицейский пиджак тесен и жмет под мышками. — Просто... какая разница? Апокалипсис...

Зависла пауза. Чуть слышно гудел в углу обогреватель.

— И что же? — спросила завучиха другим тоном. — Разве это первый в истории апокалипсис? Разве после него не будет жизни, *твоей* жизни, Лида?

— Может быть, не первый, — сказала Лидка неожиданно для себя. — Но уж последний, это точно. Для всех.

И замолчала, глядя в пол.

* * *

Рысюк выиграл олимпиаду по истории и получил право без экзаменов поступить в университет.

Лидка получила двойку по контрольной и двойку в четверти. Впервые в жизни.

Она напрасно думала, что ее это не заденет. Одно дело — быть плохой в полутемной прокуренной комнате, в компании таких же плохишей. Другое дело — получать свою тетрадку последней из класса, идти к учительскому столу под многими недоуменными взглядами. Встречаться взглядом с Михаилом Феокистовичем. Сухо и коротко, как приговор: «Сотова — два...»

Она ждала, что Рысюк сострит. Или хотя бы сварливо спросит: «Сдурела?»

Рысюк ничего не сказал, даже смотреть не стал на соседку по парте. Как будто новоявленная двоечница не была ему ни капельки интересна. Тупо глядя в окно, на стадион, где средняя группа наматывала круги на лыжах, Лидка припомнила, как Рысюк называет учеников двести пятой. «Простейшие» — вот так он их определяет. И нынешнее молчание его не случайно — более того, со ступеньки рав-

ных Лидка скатилась для него на ступеньку «простейших», а значит, прежней сварливой дружбы больше не будет.

Она обозлилась. Намеренно, хоть и притворяясь неуклюжей, сбросила на пол Рысюкову книжку.

Грохот вышел, как будто упало жестяное корыто. Весь класс посмотрел на первую парту; Рысюк наклонился и подобрал учебник вместе с рассыпавшимися по полу закладками. На Лидку он так и не посмотрел.

В проклинаемой двести пятой никто не стал бы судить о человеке по его оценкам.

Лидка прикусила губу. Все равно. Сегодня девятое декабря, среда...

Осталось ровно полгода.

* * *

Перед входом на станцию скоростного трамвая ей сунули в руки листовку. Сперва она решила, что это обыкновенная рекламка или там обещание «выгодной работы», — но, механически развернув, споткнулась.

Мужчину на фотографии она узнала сразу, хоть листовка была черно-белая и желтизну лица не передавала. И все-таки это был он — тем более что по верхнему краю бумажки шла строгая черная надпись: «За чистоту души», а в правом нижнем углу имелась эмблема — стилизованное изображение человека в огне. «Так будет со всеми...»

— Девочка, что с тобой?

— Ничего...

Она выбралась из толпы. Привалилась к мозаичной стене; дрожали колени.

Ничего. Она знает, это хорошо, что она знает дату заранее. Всегда можно успеть наглотаться снотворного... Чтобы не плясать факелом, как тот сумасшедший... Или он не сумасшедший, а, наоборот, герой, подвижник?!

Сегодня двадцать первое декабря, понедельник.... Осталось... Сколько же осталось?

Она присела на узкую скамеечку — идущие мимо люди удивленно на нее косились — и вытащила из сумки дневник. Каждый день помечен был числом в кружочке. Так, двадцать первое... Осталось сто семьдесят два дня.

— Ты не выполняешь задания, потому что не записываешь их?

Химичка оторвала взгляд от распятого на учительском столе Лидкиного дневника.

— Домашние задания необязательны для тебя, а, Сотова?

Лидка моргнула. Химичка взяла со стола кроваво-красную авторучку и снова нависла над Лидкиным дневником, на этот раз с вполне определенной целью; еще два месяца назад Лидка покрылась бы потом при виде такого зрелища.

Теперь записи в дневнике мало тревожили ее.

— Это что еще? — удивленно спросила химичка, на секунду задержав карающее перо.

Сегодняшнему вторнику соответствовала цифра сто семьдесят один. Завтрашней среде — сто семьдесят. Послезавтрашнему четвергу, соответственно, сто шестьдесят девять...

— Ты считаешь дни до экзамена? — спросила химичка, сама, вероятно, понимая всю глупость такого предположения.

Лидка молчала.

— Я знаю такую компанию, — сказала Светка. — Такой частный дом в пригороде. Они там собираются. Я знаю одного пацана оттуда, так он говорит, что вместе им не страшно. Что конец света все равно будет последний и один для всех. Он свой мотоцикл уже продал... На хрена мне, говорит, теперь мотоцикл...

Светка пододвинулась поближе, глуша Лидку устоявшимся запахом сигарет:

— А восьмого июня, накануне то есть, у них вроде как выпускной вечер. Они сами это так называют... Соберутся, погуляют, словят последний кайф и тихонечко уснут. Все.

Лидка молчала. Сплетала и расплетала пальцы.

— Я пойду к ним, — сказала Светка после паузы. — Погляжу, так ли у них классно, как тот пацан говорит. Пойдешь со мной?

— Когда? — спросила Лидка едва слышно.

Светка задумалась:

— Ну... Я завтра линияю с последних двух уроков... или вообще в школу не пойду. Выплюсь... часиков в двенадцать, пойдет?

Лидка кивнула.

...Гардеробщица подозрительно на нее косилась. В последнее время Лидка слишком часто брала свое пальто за долго до конца уроков.

Ну и что?!

У ворот рядом стояли машины. Бежевые, зеленые и бледно-желтые, они походили на восковые яблоки в снегу. Только одна из них, черная, выделялась и была похожа на изготовившуюся к прыжку пантеру. Мотор у пантеры работал — вилось на морозе облачко выхлопа.

Лидка замедлила шаги. Потом остановилась вовсе.

Наверное, она с самого начала знала, что никуда со Светкой не пойдет. Светка подождет-подождет, да и отправится в пригород одна; а потом можно будет что-нибудь соврать. Светка, правда, не поверит и справедливо обвинит подружку в трусости, но не все ли равно?..

Но если не идти сегодня со Светкой, значит, вообще некуда идти. Сидеть на лавочке в парке — холодно, а возвращаться в это время домой означает нырять в скандал. Казалось бы, такая мелочь — скандал, а все-таки не хочется...

Тоска оказалась такой властной, что Лидка едва не повернула назад. Чтобы покорно отдать пальто гардеробщице и сесть на свою первую парту, на виду у целого класса благополучных, чистеньких, хорошо успевающих ребят. Рядом с Рысюком, который уже почти студент... Который верит, дурачок, что будет студентом! Который пеплом будет, а не студентом, золой будет под развалинами лица...

Или все-таки пойти со Светкой?

Она подобрала смерзшийся комок снега. Хорошенько прицелилась и запустила в сидящую на изгороди ворону. Промажнулась. Ворона даже не взлетела, только насмешливо покосилась на Лидку бусинкой-глазом.

Разозлившись всерьез, Лидка наклонилась за новым комком. Хорошо бы найти ледышку потяжелее.

— Лида!

Она выпрямилась с ледышкой в руке.

Возле черной машины стоял, сунув руки в карманы длинного пальто, незнакомый мужчина лет сорока.

Нет, знакомый. Определенно знакомый, вот только где...

— Добрый день, Лида, разве уроки уже закончились?

Она плотнее сжала свою ледышку. Перчатка была мокрой.

Этот мужик у черной машины был депутат Зарудный. Она встречала его пару раз в школе — давно, несколько лет назад. По телевизору он появлялся чаще. Особенно теперь, после осеннего путча...

А залепить бы ледышкой по ветровому стеклу, сказал развеселый внутренний голос. Вот было бы лихо. Впрочем, наверное, оно непробиваемое... Но хоть запачкать... Хотя нет. Это *он* может запачкать, а к Славкиному папаше никакая зараза не пристанет, покуда он ходит в главных советниках.

— Видишь ли, Лида, я давно хочу с тобой побеседовать. Можно?

Лидка повернула голову.

Ну конечно. Стеклопанные двери лица буквально облеплены были расплюснутыми носами. Как будто мухи на мед, как будто звонок на урок не звенел минуту назад.

— О чем?

Слова упали одновременно с ледышкой, которую Лидка выронила себе под ноги.

Депутат Зарудный улыбнулся. Густые с проседью волосы топорщились ежиком — депутат не боялся мороза и не носил шапки. Впрочем, в машине тепло и комфортно.

Не о чем с ним разговаривать. Инцидент давно «исперчен» (дурацкое словечко Рысюка)...

— Лида... Мне не хотелось бы, чтобы ты подумала, будто мой сын воспитан в обезьяннике. А ты, мне кажется, так и подумала. Я прав?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Весна выдалась затяжная. Улицы существовали на правах сточных канав. Все бранили городскую санитарную службу.

На станции скоростного было сыро, шелестели под ногами неубранные фантики, обрывки прозрачных кульков и листовки, теперь уже знакомые, примелькавшиеся листовки с фигуркой пылающего человека в правом нижнем углу. И желтолицый пожилой мужчина смотрел с них все так же остро и проницательно.

В подворотне компания парней чуть старше Лидки гоняла ногами пустую бутылку. Лидка плотнее прижала к себе сумку. В толчее ничего не стоит вытащить кошелек, а то и вовсе вырвать имущество из рук — Лидка сама знала мальчишек из двести пятой, промышлявших подобным образом. Правда, одного из них поймали и избили в милиции, и теперь он, говорят, не доживет до *мрыги*...

В центре было чище и спокойнее, но бронированные жалюзи на модных витринах оставались прикрытыми до половины. Вдоль тротуара бродил дворник с метлой, передник его сбоку оттопыривался, и очертания скрытого предмета очень походили на пистолетную рукоятку.

Консьерж-охранник был знакомый. Улыбнулся Лидке, поднял трубку со своего пульта:

— Клавдия Васильевна? К вам пришла Лида Сотова... Да. Хорошо. Поднимайся, — это уже Лидке.

Клавдия Васильевна была Славкиной матерью. Значит, депутата Зарудного нет дома... А Лидка рассчитывала его увидеть. Именно сегодня.

Двери открыл Славка.

— Привет.

— Привет, — отозвалась Лидка, втягивая запах зарудновской квартиры, неповторимый запах дерева, кожи и еще чего-то, чему не было названия.

— Проходи...

Их со Славкой отношения напоминали теперь трогательную детскую дружбу, как ее описывают в книгах. С тех пор как депутат Зарудный убедил Лидку в том, что она, Лидка, не столько сексуальный объект для Славы, сколько романтическая привязанность. В том, что единственная глупость прощительна и нельзя сразу же ставить на человеке крест. В том, что ему, депутату, слишком важно душевное здоровье сына... И еще во множестве спорных вещей убедил ее депутат Зарудный, не сразу и не без труда, но все-таки убедил, потому что Лидка захотела быть убежденной... Депутату Зарудному случалось убеждать кое-кого покруче Лидки Сотовой. Где бы он был сейчас, если бы не умел убеждать.

В Славкиной комнате она выгрузила из сумки две кассеты в потрепанных обложках:

— Вот... Как договаривались.

— Спасибо, — сказал Славка.

В прежние времена он сказал бы: «Спасибо, Пигалица». Но теперь он не произносил Лидкиного прозвища. Никогда.

Славка включил телевизор, сунул в видик первую из Лидкиных кассет. Экран пошел полосами, потом прояснился. Любительская съемка, первое сентября в лицее, старшая группа перешла в третий класс, средняя — во второй, а вот младшая группа — первоклашки...

Кассете было почти девять лет. Кое-где лента осыпалась, но смотреть все равно было интересно. Детские мордашки, подумать только, Лидка, оказывается, забыла, как выглядят дети. Рысук такой смешной, что невозможно сдержать улыбку. Вот дети-одноклассники... да и сама она, Лидка, не лучше. Пухлые щеки во все лицо и белый бант на макушке.

— А вот я, — сказал Зарудный, когда камера прошла по лицам ребятшек из средней группы.

Лидка рассеянно кивнула:

— А я уже забыла об этих кассетах... Там еще день рождения есть, Новый год...

Смотреть на детей дольше двух минут оказалось противно. Как будто это не собственное Лидкино прошлое, а совершенно чужие, незнакомые, раздражающе глупые дети. Эти круглые щеки, короткие ноги, большие головы...

— Когда твой отец вернется? — спросила она, поглаживая диванный валик.

— Не знаю, — отозвался Славка после паузы. — Никогда не знаю... А что?

— Ничего, — Лидка вздохнула. — Знаешь, в сегодняшней «Деловой газете» большая статья про... этих... которые апокалипсис предсказали.

— Опять?! — насупился Славка. — Елки-палки, ты все еще считаешь? И сколько там осталось, семьдесят два дня?

— А ты откуда знаешь? — после паузы спросила Лидка. — Считал?

Славка смутился. Покраснел до ушей и разозлился, как блоха:

— Делать мне нечего, только вот дни считать!

— Но ведь считал, — сказала Лидка тихо.

Славка фыркнул:

— Только отцу не говори. Засмеет.

Галдели противные дети на экране. Славка откинулся на диване и поджал под себя ноги; Лидка смотрела на него, и ей не верилось, что вот этот самый парень сперва безумно ей нравился, потом пугал, потом вызывал отвращение. Почему-то его насмешки не задевают ее, его похвалы ей неинтересны... Он скажет: «Ты дура», — она и не почешется. Но вот если сказано будет: «Отец сочтет тебя душой»...

Сейчас Славка пойдет на кухню и принесет кофе с мороженым. У Зарудных потрясающе вкусный кофе. И удобный кожаный диван. И отличный видик.

— Выключи, — она махнула рукой в сторону экрана, где зодили хоровод семилетние Лидкины одноклассники. — Давай фильм какой-нибудь новый... у тебя ведь есть?

— Конечно, — Славка воодушевился.

Интересно, а ведь сына депутат Зарудный тоже, наверное, убедил. Стоит, мол, сделать вид, будто ничего не произошло, — и скоро все в это поверят, а еще через некоторое время окажется, что и на самом деле ничего-ничегошеньки не случилось...

И теперь даже завучиха приветливо улыбается Лидке. Даже математичка все забыла. Даже техничка не хихикает вслед. Умный человек Славкин папаша, не был бы таким умным — не был бы советником...

Щелкнула, открываясь, входная дверь. Лидка встрепенулась. Так, без звонка и предупреждения, сюда приходит только хозяин дома.

Лидка поднялась:

— Надо, наверное, поздороваться?

Славка тоже встал:

— Погоди, я сейчас посмотрю. Может быть, он загруженный, тогда его не стоит трогать...

И вышел. Лидка снова плюхнулась на диван и вытянула ноги в мягких комнатных тапках.

Игра в детскую дружбу, игра, в которую она втянулась помимо своей воли, имела, кроме странностей, множество плюсов. И подобревшие лицейские гримзы не были самым жирным из них.

Самым жирным плюсом был Славкин отец. Если он приходил с работы раньше полуночи. И если приходил «не загруженный».

— Лидка! — позвал Славка из коридора, и уже по голосу она поняла, что просмотр фильма не состоится. — Все в порядке, батя вполне в себе, сейчас только выйдет из душа...

Лидка мельком глянула на себя в зеркало.

* * *

Об Андрее Игоревиче Зарудном ходило множество слухов, иногда скверных, иногда просто гадких. Лидка прекрасно понимала, что человек, находящийся при власти, не может обойтись без многочисленных недругов и врагов, гирляндой навешенных ему на шею.

Одна излишне смелая газета вынуждена была закрыться, после того как депутат Зарудный, упомянутый в одной из статей, подал в суд и выиграл процесс «о защите чести и достоинства». Прочие обитатели бульваров так далеко не заходили, покусывали депутата как бы невзначай, исподтишка, и по первому же требованию печатали опроверже-

ние. Тем временем мощные проправительственные издания не жалели газетной площади под умные статьи Андрея Игоревича, раскованные интервью с ним и огромные фотографии тонкого волевого лица. Депутат Зарудный был в пике своей известности.

Или на подходах к пику.

Ведь говорят — и говорят все громче, что именно Зарудный станет следующим Президентом. Вот было бы здорово, у Лидки Сотовой — знакомый Президент!

Лидка сама себе не хотела признаваться, что короткое знакомство с выдающимся человеком льстит ей. Что только из-за этого она ведет игру с опостылевшим Славкой, смотрит видик на кожаном диване и пьет кофе с мороженым. Ради такого вот счастливого случая: депутат вернулся рано, не особенно «загружен», не прочь пообщаться с сыном... Ну и с гостьей сына, счастливо случившейся рядом.

Розовый после мытья, депутат был облачен в просторную домашнюю рубашку. Влажные волосы стояли торчком, как в тот морозный день, когда Лидка впервые заговорила с Андреем Игоревичем. Когда ждала упреков, завуалированных оскорблений, да пес знает чего ждала...

Подумать только! Если бы не та встреча, вполне возможно, она поперлась бы со Светкой в пригород и влипла бы в историю, в один из этих молодежных «витков», в котором если застукают — без разговоров берут на учет в психдиспансере и пичкают таблетками. Это сейчас. А тогда, зимой, про «витки» еще не знали.

Славкин папа еще тогда рассказал ей про устройство этих «витков». И про мерзавцев, которые их «завивают». И Лидка сразу ощутила себя взрослой, умудренной, такую на мякине не проведешь...

Хорошо, что дурочка Светка только один раз сходила на «виток». И что ее не засекли.

Эх, если бы у лицейской директрисы помешалась в голове хотя бы половина того ума, которым наделен депутат Зарудный! Впрочем, тогда бы она оставила лицей и подалась в политику...

Лидка улыбнулась своим мыслям.

— Как успехи?

Успехов не было никаких. Из двоек Лидка вылезла, но

из троек выбраться не удавалось. Интерес к учебе сгинул напрочь — впрочем, как и у большей части Лидкиных одноклассников. Все эти колбочки, уравнения и диктанты казались такими мелкими, такими ненужными, такими незначительными на фоне надвигающейся катастрофы. Потом, говорили себе вчерашние отличники. Как-нибудь потом. А то ведь неизвестно, как все сложится, зачем же морочить себе голову раньше времени?

В особенности отлынивали девчонки. Их объяснения звучали как музыка: три-четыре года после *мрыги* можно считать вырванными из жизни. После родов, говорят, женщина теряет половину интеллекта, стало быть, кто родит двоих — поглупеет вовсе. А там — пеленки и горшки, минимум три года пройдет, прежде чем обоих младенцев можно будет отдать в ясли. Что останется в голове после такого перерыва? Какие уравнения?!

Лидка улыбалась и кивала. Ну прямо-таки гимн жизни! Все девчонки верят, что переживут апокалипсис, все они собираются жить *потом* и рожать этих... как их... детей...

Девчонки убеждали одна другую. Слишком жарко. С чрезмерным пылом. Будто стараясь подавить собственную преступную неуверенность.

Девятое июня...

В двести пятой, Лидка знала точно, давно никто не учится. Кое-как ходят на уроки, играют под столами в карты, на спор доводят учителей. Учителя по возможности мстят. Светка говорит, что их классный журнал в последнее время просто красный от двоек. Что никого не удивить синяком от учительской линейки. А наиболее отпетых физруки ловят и лупят в запертой тренерской...

На уроках твердили про «основу знаний», «прочный фундамент», про «взрослую жизнь», которая наступит в следующем цикле. Лицеисты вздыхали и переглядывались. Ну мальчишки — ладно. Мальчишки могут сразу после лица где-то учиться и где-то работать. Вон Рысюк, например, уже получил студенческий билет...

Хотя многие на его месте поостереглись бы. Хотя бы из суеверия. Потому что жители погибших городов тоже строили планы на будущее. Да и при самом обыкновенном апокалипсисе всегда находятся неудачники, которым так и не удается добраться до Ворот...

Лидка вздохнула.

— Что, тяжело? — тихо спросил Андрей Игоревич.

Она молча кивнула.

— Понимаю, — сказал Зарудный после паузы. — Первый апокалипсис — всегда трудно. Впрочем, второй не легче, поверь. За детей бояться даже страшнее.

Лидка мельком взглянула на Славку. Тут же отвела глаза. Раньше ей почему-то не приходило в голову, что за этого оболтуса можно бояться. И что ее родители боятся за нее, за Яну, за Тимура...

— Что-то ты грустная сегодня, Лида. Славка, неси коробку, сыграем пару партий навывлет.

Из всех забав депутат Зарудный почему-то предпочитал настольный хоккей. Траектории пластмассовых хоккеистов действительно напоминали движения живых людей с клюшками; Лидка быстро научилась управляться с рычагами и у Славки выигрывала в трех случаях из пяти, вот только играть со Славкой было неинтересно. За игрой Зарудный-младший не издавал членораздельных звуков, а только пыхтел азартно да еще вопил — радостно либо обиженно, смотря по обстановке. Славка, хоть и был старше Лидки на два года, казался ей в такие минуты сухим младенцем вроде тех, что водили хоровод на экране видека...

Удивительно и странно, что подобный младенец ухитрился устроить ту сцену в музее. Еще чуть-чуть — и Лидка могла бы соревноваться с наиболее смелыми девчонками из двести пятой: те, оказывается, прикалывали к воротнику булавки с колечками. Наличие булавки означало «я женщина», и первый «бублик» обязательно красный. Число прочих колечек определялось количеством последующих кавалеров, причем, говорят, не одна модница бывала бита своими же товарками за вранье и преувеличение...

Думать обо всем этом, глядя на играющего Славку, тем более на Славку, играющего с отцом, было по меньшей мере дико. Папа пришел с работы и гоняет с сыном пластмассовую шайбу. И тот еще сын — ребенок ребенком... При чем тут нравы двести пятой школы?!

Вот как обманчива бывает внешность.

Лидка вздохнула.

Андрей Игоревич играл, что называется, одной левой.

Шайба летала из угла в угол, но у Зарудного-старшего хватало времени и на неторопливый разговор:

— Что еще слышно, Лида? Брат уже поправился?

Тимур кашлял неделю назад. И болезнью-то не назывешь. А депутат Зарудный помнит...

— Спасибо, все в порядке, — сказала она механически. И неожиданно для себя добавила: — А как дела у вас в парламенте?

А почему бы, собственно, и не спросить? Спрашивают же люди друг друга, как дела на работе, дома, в школе...

Кажется, Андрей Игоревич все-таки удивился. И пропустил шайбу. Славка радостно завопил.

— Да дела как обычно, — медленно сказал Зарудный-старший. — Если тебе интересно, могу дать подшивку «Парламентских вестников». Там отчеты практически без купюр...

Лидка опустилась на теплую еще табуретку, и это чужое тепло заставило ее вздрогнуть и сразу же пропустить гол.

— Вылетела, — сказала она виновато.

Славка не огорчился:

— Пап, давай снова!

— погоди, — депутат Зарудный жестом остановил Лиду, поднимавшуюся из-за стола. — Слав, будь другом, принеси из кухни чаю, ну и там еще пирожки какие-то, спроси у мамы...

Славка сморщил нос, но возражать не стал. Закрыв за собой дверь; у Зарудных была такая большая квартира, что Лидка до сих пор не знала, где тут располагается кухня.

Андрей Игоревич сел на Славкино место. Пальцем погладил по шлему желтого пластмассового вратаря:

— Сыграем, Лида?

Она кивнула. Отчего-то пересохло в горле. Она знала, что, вернувшись домой, начнет по-всякому вспоминать именно эти бегущие секунды — Славка на кухне, а они с депутатом сидят в метре друг от друга и сосредоточенно вертят ручки.

— Тяжело быть самой маленькой?

Лидка подняла голову. Ее зеленый хоккеист размахнулся по шайбе, но так и не ударил.

— Я случайно родилась. — Она знала, что ЕМУ можно сказать. — Мама хотела... ну, прерывать. Потому что дето-

родный период уже почти закончился... Яна и Тимур, они вместе родились... и после этого мама, ну, не беременела. И думала, что все... А потом она... ну, короче, два врача сказали, что можно рожать, а три — что нельзя.

— Какой молодец твоя мама, — сказал Андрей Игоревич.

— Правда? Вы не шутите?

— Разве такими вещами шутят?! Она с чистой совестью могла бы не рисковать, тем более что двое детей у нее уже были.

Лидка опустила голову.

— Ты знаешь, Лид, — депутат вздохнул, — когда я был таким, как ты... то есть я, конечно, был старше, когда случился мой первый апокалипсис... тебе сейчас сколько?

— Исполнилось шестнадцать...

Зарудный улыбнулся:

— До апокалипсиса еще подрастешь. Надеюсь, он все-таки будет не завтра.

— Не завтра? — вырвалось у Лидки.

— Нет, — депутат покачал головой. — Еще есть время.

— А... — она запнулась. — Вы точно знаете?

— Нет, — Зарудный улыбнулся. — Знаю, для тебя это большая тема... предвидение, прогнозы, предсказания. Это для всех сейчас большая тема... Но я отвлекся. Я был в старшей группе, мой первый апокалипсис застал меня почти в двадцать лет. Я был взрослее, конечно. Но я, представь себе, совершенно не понимал своих родителей. Они казались мне скучными, мелочными, трусливыми, без причины нервными...

Лидка покраснела. Против воли. Как помидор.

— Я вовсе не...

Депутат улыбнулся, и она поняла, что проговорилась.

— Я не говорю, что ты такая же, каким был я восемнадцать лет назад. Но я знаю, что Славка во многом такой же.

Лидка выпучила глаза:

— Славка?!

У нее в голове не укладывалось, как можно *такого* отца считать скучным, мелочным, трусливым и далее по списку.

— Да, представь себе! Не потому, что он дурак или мы с

женой дураки... Просто так получается. Каждый новый апокалипсис есть повторение ошибок предыдущего... Славке я это не могу сказать, он решит, что я подлизываюсь. А тебе я говорю с чистой совестью: твои родители вообще не такие нудные личности, как тебе сейчас кажется. Вообще нет. Они молодцы. Пройдет время — ты поймешь...

Дверь открылась, пропуская сперва Славкину ногу в домашнем тапке, потом поднос с дымящимися чашками.

Хоккей переместился на диван. Лидка постукивала ложечкой о фарфоровые стенки чашки и думала, что у мамы скоро день рождения. Надо бы придумать что-нибудь такое... эдакое...

А потом рассказать Андрею Игоревичу.

— А Лидка спрашивала про предсказания, — наябедничал Славка. — Па, там у вас в отделе прогнозов астрологов не собрали еще?

— Собрали, — Зарудный-старший нимало не смутился. — И астрологов, и провидцев, и прочих... Половину, правда, потом пришлось сдать психиатрам. Пей, Лида, пей... Ничем нельзя брезговать, ребята, даже предсказаниями юродивых. Но толку от них нет, вот в чем беда. Все друг другу противоречат. В документах полно ссылок — такой-то предсказал апокалипсис тридцать какого-то мохнатого цикла, такой-то — сорок какого-то... Но когда берешь в руки документы — не с тем, чтобы получить гонорар в газете, а чтобы разобраться по-настоящему, — тогда оказывается, что большая часть предсказаний сделана задним числом. То есть, уже выбравшись из Ворот, провидец заявляет: а я предупреждал!

Лидка отхлебывала из чашки, чай, не желая остывать, немилосердно жег язык.

— ...А остальные пророчества либо неточны, либо двусмысленны. Либо подделки. Одному только удалось предсказать день и час с точностью до минуты. Но так как это был единственный случай на чертову прорву циклов, проще предположить случайное попадание... Кстати, он так и не пережил предсказанного апокалипсиса. Его затоптала толпа на подступах к Воротам; с тех пор среди предсказателей бытует суеверие, что точный прогноз опасен для здоровья.

Лидка нерешительно улыбнулась в ответ на его улыбку.

— ...Но, ребята, тем не менее разработки ведутся во всех

возможных направлениях. Сличают карты расположения Ворот... Никакой системы. Хоть в вычислюху суй, хоть счетами шелкай. Предугадать возможно с той же вероятностью, как и, скажем, рисунок рассыпанных по полу горошин. Целые институты, огромные коллективы людей пытаются не то чтобы понять, хотя бы внятно представить себе, что такое эти Ворота... Откуда они берутся, что из себя представляют... Все без толку, вот уже десятки циклов... Но главное, — депутат вдруг сдвинул брови, — главное не то, как устроены Ворота. Главное, чтобы люди умели войти в них, никого не топча. Понимаете?

— «Правильная организация эвакуации населения дает почти стопроцентную выживаемость при апокалипсисе, — процитировал Славка на память. — При себе иметь запас воды и пищи на тридцать шесть астрономических часов. Четко следовать указаниям комиссаров ГО...» Мойте руки перед едой. Переходите улицу только на зеленый сигнал светофора. Па, ты всегда на зеленый переходишь?

— Я не так часто хожу по улицам, — пробормотал Зарудный-старший. — Но когда ходил — да, бывало, переходов не искал.

— Во! — Славка поднял палец.

Приоткрылась дверь. Бледная болезненная женщина, Славкина мать, мельком кивнула Лиде, обернулась к депутату:

— Андрей, я бы хотела...

— Сейчас, — Зарудный-старший кивнул. — Ребята, я вас оставляю... Кстати, который час? Чтобы Лиде поздно не возвращаться...

Он никогда не предлагал Лидке ни машины с водителем, ни денег на такси. Четко ощущал, видимо, предел приличий.

— Я хотела газеты, — пискнула Лидка, чтобы хоть как-то скрасить себе расставание. — «Парламентский вестник»...

— Слав, — депутат кивнул сыну. — Выдай Лиде подшивку за последние пару месяцев... Если понравится — возьмишь еще. — Кажется, Андрей Игоревич малость насмеялся. Не верил в то, что «Вестник» Лидке понравится.

— Я прочитаю, — сказала она, глядя ему в глаза.

— Вот и хорошо... Заходи еще, Лидка.

— До свидания...

Закрылась дверь.

— Там шрифт мелкий, — сказал Славка с неудовольствием. — И бумага желтая.

— А у меня зрение хорошее, — сказала Лидка, пытаюсь справиться с опустошенностью, пришедшей на смену лихорадочному возбуждению этого вечера. — Слав...

— Что?

— Ты кем хочешь быть, вообще-то? Тоже политиком?

— Отец не политик! — возмутился Славка. — Он ученый прежде всего, а уже потом... И я ученым буду. Археологом. Закончу универ и уеду далеко... на фиг. На раскопки артефактных Ворот.

— Славка, — ее голос дрогнул. — А если... все-таки... это *к нам* приедут на раскопки? Пепел разгрести?

— Паникерша, — сказал Славка устало. — На, вот тебе твои газеты... Идем, я тебя провожу.

* * *

Славка оказался прав. Читать «Парламентский вестник» Лида поначалу не смогла. Даже заставляя себя, даже скользя глазами по строчкам, она уже со второго абзаца переставала понимать, о чем идет речь.

Тогда она сдалась и стала просматривать только замечания в скобках; это были, как в пьесе, ремарки. Здесь аплодисменты. Там улюлюканье. Здесь такая-то фракция поднялась и вышла из зала. А здесь депутат такой-то попытался схватить за грудки депутата Зарудного, но тот увернулся, и депутат такой-то, оступившись на ступеньках, ударился головой о трибу...

Лидка увлеклась.

Славкиного отца одни ненавидели, для других же он был как флаг. Лидка принялась прицельно просматривать выступления Зарудного — и втянулась; стоило вообразить, как Андрей Игоревич встает, опирается на трибуну, едко отшивает оппонентов... Уже и неважно, что он говорит, хотя говорит он, как обычно, умные вещи...

Несколько дней Лидка наслаждалась своим маленьким газетным театром. А потом весна взяла свое.

По утрам солнце так било в окна, что приходилось наглу-

хо закрывать занавески. В классе все больше становилось пустых мест; лицеисты гуляли, как последние хулиганы из двести пятой, и Лидка не отставала от прочих. Ходили к морю, жгли костры, пекли картошку, коптили колбасу на длинных палочках; изредка встречались военные патрули, хмуро оглядывали прогульщиков из-под прозрачных шитков на касках и топали себе дальше. Никому ни до чего не было дела. Все торопились урвать от жизни свой кусок радости, урвать, пока можно, пока дают...

О дне рождения мамы Лидка вспомнила накануне поздно вечером. Ни подарка, ни поздравления, о котором ей думалось тогда у Зарудных, не было и в помине.

Она встала с кровати. В ночной рубашке прошлепала к письменному столу, вырвала лист из какого-то старого альбома и тут же фломастерами нарисовала открытку. Как учили в первом классе. Прямо уши заложило от стыда, картинка вышла торопливая и не смешная, Лидка разорвала ее на мелкие кусочки и нарисовала новую, ничуть не лучше, но эту рвать уже не стала — все равно больше ничего не было...

Она долго не могла заснуть. Ворочалась и вспоминала слова Андрея Игоревича про то, какая молодец Лидкина мама. Со спокойной совестью могла бы и не рожать ее, Лидку, а вот родила...

А мама неожиданно обрадовалась Лидкиной кособокой открытке. Даже прослезилась. Долго благодарила, Лидка и забыла уже, когда в последний раз все в доме были такие веселые и добрые...

Ушла в лицей, высидела первых три урока, сбежала к морю. Компания собралась большая — четверо мальчишек из средней группы, четверо из младшей и всего три девочки. Картошку купили по дороге, на колбасу не хватило денег.

Едва успели разжечь в камнях костер, как явилась, сунув руки в карманы, недружественная делегация. Вообще-то территория двести пятой школы была чуть дальше, у грузового причала; имело место наглое нарушение границ: десять парней подошли молча, в каждом рту торчало по сигарете, и Лидка внутренне заметалась, пытаясь сопоставить силы. «Наших» было куда меньше, если не считать девчонок, а чего их считать-то, какие из лицеисток бойцы?!

Оказалось, она ошиблась. Лицеистки вполне боеспособны.

Разговор был коротким и сплошь нецензурным. Чужаки пришли специально затем, чтобы побить морды «этим чистюлям»; почти у всех нападавших были кастеты, и несколько лицейских морд действительно оказались разбитыми на первых же секундах драки.

По всем правилам «пацаны» из двести пятой должны были удовлетвориться расквашенными носами, захватить трофейную картошку и отбыть с победой.

Но все сложилось не по правилам.

У одной из лицейских девчонок, Зои, был газовый баллончик. У другой, Инги, сапожное шило; баллончик выбили сразу. Шило оказалось куда эффективнее.

— А-а-а! Стер-рва!

В самый неподходящий момент Лидка узнала этого парня. Он был на дне рождения у Светки, а теперь напоролся на Ингин импровизированный стилет, скорчился, двумя ладонями зажимая рану, рубашка его стремительно темнела на животе, тем временем товарищ его, тоже смутно знакомый, уже сбил Ингу с ног и молотил ее ботинками по груди, по голове...

Лидка завизжала.

Кто-то упал в костер. Кто-то метко бросил камень; кто-то спиной налетел на острый выступ скалы и безвольно сполз на землю.

— Мама! — закричала Лидка.

Все повторяется, сказал ее внутренний голос с интонацией Андрея Игоревича.

Она повернулась и бросилась бежать. Споткнулась, упала на грудь ракушек и рассадилась себе щеку.

* * *

— Почему?! Почему тебя постоянно тянет, как свинью, в грязь?! Почему ты находишь болото где только можно? Почему?!

Маму было жалко. Да еще в день ее рождения...

После схватки на берегу пятеро оказались в реанимации. По паре мальчишек из двести пятой и из лица. И еще Инга, которая на другой день умерла.

Были слезы и крики. Пощечины, от которых Лидкина голова отлетала далеко назад, удивительно еще, как она не оторвалась вовсе. Было общее собрание в лицее, и закрытое родительское собрание, и вопросы следователя: кто нанес смертельный удар? Этот? Или этот? Сапожное шило в засохшей крови: это шило? Не это?

Лидка на все отвечала одинаково, тупо: не помню... не заметила... испугалась, не видела... И следователь, сухоша-
вая молодая женщина, все сильнее презирала ее и даже ненавидела. И не особенно старалась скрыть свои чувства.

— Кажется, кое-кто из этих ребят очень грустно начнет свою взрослую жизнь... В начале цикла оказаться в колонии — скверно, особенно для молодого человека...

— А вы сначала переживите апокалипсис, — сказала Лидка неожиданно для себя.

Следователь странно посмотрела на нее, поморщилась и отпустила. Не поднимая головы, Лидка вышла из кабинета директора, где происходили допросы свидетелей, спустилась на второй этаж, постучала и вошла. Села на свое место.

Рысюк смотрел на нее. Она ощущала его взгляд ухом. Терпела минуты три, потом повернула голову, вызывающе уставилась соседу в глаза:

— Ну что?

Рысюк смотрел в отличие от следовательши не презрительно. Но и без сочувствия.

Лидка повернула голову так, чтобы Рысюку виднее был пластырь на щеке:

— Красиво? Нравится?

— Эй, разговоры на первой парте, — устало сказала химичка.

— Не нравится. — Рысюк отвел взгляд. Сказал себе под нос, вроде бы и не рассчитывая на слушателей: — Бардак... Черт, какой бардак... Никто ничему не учится...

Лидке показалось, что эти слова она уже где-то слышала.

Ей казалось, весь город должен встать на уши, что все газеты должны выйти в траурных рамках; ничего подобного. Соседка Светка сообщила, что в двести пятой уже были подобные жертвы. Что в большой потасовке с семьдесят седьмой, например, троих мальчишек забили ногами. «Жизни не знаешь», — говорила Светка снисходительно.

Зато лицей бурлил. Средняя группа — Лидка слышала — вслух говорила о мести. О непримиримой войне; прежде миролюбивые лицеисты, оказывается, только и ждали искры, чтобы расплатиться с двести пятой «за все». В голос рыдали Ингины одноклассницы — может быть, при жизни у бедной девочки не было такой массы друзей и подруг. Кое-кто предлагал использовать родительские связи, но большинство презирало поддержку взрослых. В открытую шли разговоры об оружии, о взрывчатке; Лидку мучило. Болела пораненная щека. Стыдно было смотреть на себя в зеркало. И уж конечно, не хотелось встречать Славку Зарудного.

Славка сам подошел к ней на перемене. И застал врасплох.

— Отец спрашивал, как дела.

— Хорошо. — Она погладила пластырь на щеке. — Я тебе подшивки принесу завтра прямо в лицей.

— Завтра меня не будет.

— Тогда послезавтра, — сказала она, думая о своем.

Славка помолчал.

— Меня вообще больше не будет в лицее. Перехожу на экстерн... с репетиторами.

Теперь помолчала Лидка.

— Из-за... этой дурацкой заварухи?

— Да, — Славка не стал отпираться. — И в общем-то, отец говорит, что все это только начало. Будет хуже.

* * *

— Ты куда?! — спросила мама. — Я же просила... не выходить из дома!

— Мне к Зарудным надо, — пробормотала Лидка, отступая. — Я уже по телефону договорилась.

— Ты не можешь обождать пару дней? — спросила мама тоном ниже. — Пока не уляжется вся эта... все это...

— Оно уже никогда не уляжется! — крикнула из комнаты Яна. — Дома надо сидеть!

— Вы преувеличиваете, — сказал из кухни отец. — Пусть идет. Не война же, в самом деле... И потом — она же к Зарудным!

— Я обещала Андрею Игоревичу... кое-что отдать, — сказала Лидка, ободренная поддержкой.

Мама наконец сдалась:

— Но чтобы засветло была назад! И обязательно позвони, Тимур тебя встретит от скоростного...

Лидка торопливо кивнула.

Отцветали плодовые деревья. Двор был весь усыпан лепестками; Лидка опасливо оглянулась. За каждым кустом сирени могла сидеть компания из двести пятой. Или из семьдесят седьмой. Или просто безымянная компания школьников, для которых одиноко идущая девочка — настоящая находка...

Отец недооценивал ситуацию. Не война, нет. Но хуже войны. Хорошо, что мама многого не знает...

Но скоро узнает, и тогда Лидку перестанут выпускать даже в лицей.

Она торопливо зашагала к выходу со двора; на улице, среди взрослых, было куда спокойнее. Потом людная станция скоростного трамвая, потом привилегированный квартал с патрулями. Относительно безопасный путь.

Скамейка, протертая штанами местной молодежи, теперь была пуста. Подозрительно пуста; и еще подозрительнее было то, что в двух шагах от нее, на месте бывшей детской песочницы, сидела прямо на земле незнакомая девочка.

Лидка сперва замедлила шаги, потом опять ускорила. Дурных нет. Заводить разговор с незнакомцами, особенно если они сидят на земле, безвольно уронив голову...

Плохо, что она сидит так близко к дорожке. Лидка подумала, не сделать ли круг, но потом устыдилась.

Девчонка подняла голову и посмотрела... нет, не на Лидку. Сквозь нее. Лицо у девчонки было синюшное, а глаза большие и бессмысленные, но не это испугало Лидку.

Сидящая девчонка оказалось Светкой с четвертого этажа. Совсем незнакомой Светкой, в дырявой кофте с чужого плеча, с чужим остановившимся взглядом.

Лидка замедлила шаги.

— Свет...

Ответа не было и не могло быть. Светка снова уронила голову на грудь. Потом мягко повалилась на спину, перекатилась на бок и застыла в утробной позе, подтянув колени к животу.

Лидка огляделась. Окна двух больших домов выходили

на эту площадку, и Светкины окна тоже, и можно бросить в окно камушком, но до четвертого этажа Лидке не добросить...

Лидка колебалась ровно одну минуту. Очухавшись, Светка не поблагодарит за такую «помощь», но хуже будет, если ее подберет патруль... И вообще, она может умереть...

Бегом в подъезд. У своей двери Лидка чуть притормозила: может быть, перепоручить маме? Но тогда ее точно перестанут выпускать. Когда увидят *это* не в газете, а совсем рядом, всего этажом выше...

Звонить в Светкину дверь пришлось долго, Лидка уже отчаялась, решила, что никого нет дома.

После долгих невнятных ктотамов дверь открыла Светкина мать. Лидка отшатнулась от густого, устоявшегося запаха, которым полна была квартира; пахло перегаром и чем-то еще, так иногда пахнет на вокзалах.

— Чего тебе? — спросила Светкина мать, и Лидка поняла, что та едва ворочает языком.

— Светке плохо, — сказала она, не вдаваясь в подробности. — Во дворе лежит.

— То есть как — лежит?! — Соседка тряхнула головой, глаза приобрели осмысленное выражение.

Лидка без слов махнула рукой, показывая вниз, во двор. Светкина мать отстранила ее и, как была, в халате, зашлепала тапочками по бетонным ступенькам...

Через минуту со двора раздались причитания. Где-то хлопнуло окно; Лидка услышала, как этажом ниже открывается ее собственная дверь, и кто-то, кажется, отец, выходит узнать, в чем дело...

Она бросилась по ступенькам, но не вниз, а вверх. Добралась до пятого этажа, по железной лесенке вскарабкалась на чердак; люк на крышу давно был взломан, чтобы открыть его, следовало только правильно повернуть ручку, Лидка знала как, причем знала от той же Светки.

На крыше било в глаза солнце. Если б не лес антенн и переплетение проводов, здесь было бы даже здорово, а еще лучше было бы, если б крыша не просматривалась со всех сторон. Пригибаясь, как партизан, Лидка преодолела расстояние от люка до люка. Попробовала приподнять — не поддается, видимо, здесь в который раз постарался дворник. Вот морока; добрые дела всегда наказуемы. Да оста-

вила бы Светку лежать под перекрестными взглядами многих окон — неужели никто не подобрал бы?! Нет, побежала, задрав хвост...

Все так же на карачках она добралась до последнего, третьего люка. Рывок, ржавая ручка чуть не осталась у нее в руках, но люк все же соизволил приоткрыться. Радуюсь своей худобе, Лидка влезла в образовавшуюся щель. Обдирая ладони, спустилась по железным перекладинам — и облилась потом, услышав за спиной утробный хохот.

Они стояли на лестнице, перегораживая ее в несколько рядов. А как им иначе стоять, если их шестеро, шесть здоровенных лбов, а лестница узкая, а площадка маленькая?!

Все они курили, но запах от их сигарет был нехороший. Неправильный запах. Лидка закашлялась.

— Тю, по крышам лазит...

— Девка, хочешь закурить?

— Девка, иди сюда...

За их спинами были двери квартир пятого этажа. Если громко завопить...

— Я иду к депутату Зарудному, — сказала она, не узнавая своего голоса. — Если я скажу — вас всех посадят! Ты, — она ткнула дрожащим пальцем, — из сто второй квартиры!

Ей выпустили в лицо струю приторного дыма.

— А... Это девка из первого подъезда...

— Так она подстилка Зарудного?

— Ага... Наверное.

Совершенно ясно было, что выбраться обратно на крышу она не успеет; чья-то липкая рука ухватила ее за запястье; в это время пролетом ниже, на пятом этаже, приоткрылась дверь, на цепочку, и визгливый женский голос заголосил на весь дом:

— А ну пошли отсюда, паскудники! Я милицию вызываю, ясно вам? Повадились тут кучковаться, свиньи, вот сейчас наряд приедет!

Парни, как один, обернулись на звук; Лидка рванулась вперед и, пробив себе дорогу между мягкими, будто желейными, телами, вырвалась на площадку пятого этажа.

Дверь крикливой дамы с грохотом захлопнулась; Лидка уже неслась по ступенькам вниз, ей вслед летели улюлюканье и тошнотворный жирный хохот.

— Все правильно, — сказал Славка. — Общество само себя чистит. Я бы не из-под полы эту дрянь продавал, а наладил бы выпуск в промышленных масштабах. Чтобы в каждой аптеке — хоть завались. Все желающие — пожалуйста... Нюхать, курить, колоться. Чем скорее, тем лучше. Тогда к моменту *мрыги* население сократится. Чтобы всем хватило времени на эвакуацию. Всем *нормальным* людям.

— Это твой отец так думает? — тихо спросила Лидка.

Славка хмыкнул:

— При чем тут отец? Отец по имиджу — гуманист... Ну вот скажи честно: тебе эту Светку жалко?

Лидка задумалась. Но вспомнила не Светку, а тех парней на лестнице. Вот уж кого не жалко ни капельки. Чем скорей они сдохнут, тем лучше...

А потом вспомнила Славку, каким он был в музее. Коротко, исподтишка глянула на депутатского сына — сказать сейчас то, что вертится на языке? Но тогда, скорее всего, «детской дружбе» конец и встречаю с депутатом Зарудным — тоже...

— А давай фильм посмотрим, — пробормотала она в ответ на его удивленный взгляд. — А то у меня времени мало... Обещала вернуться засветло.

* * *

До дня окончательного апокалипсиса, вычисленного по методу Бродовского—Фильке, осталось сорок пять дней.

Теперь Лидку отвозили в лицей и забирали из лицея. Близились экзамены; у входа и в коридорах дежурили охранники.

В семьдесят седьмой какой-то кретин притащил на уроки пистолет и перестрелял четверых одноклассников.

В двести пятой грохнул под чьей-то партией самодельный взрывпакет. Кого-то судили, кого-то упекли в колонию; все равно ни дня не проходило без стычки. Сломанные носы считать перестали — считали только проломленные черепа. И мертвецов, а их по всему городу было уже изрядно.

В лицей приходил проповедник. На перемене вокруг

него образовалась заинтересованная толпа; Лидка кружила вокруг да около, а потом прислушалась.

Спокойным, даже чуть усталым голосом проповедник рассказывал о человеческих грехах, в который раз переполнивших чашу терпения Его. Предлагал оглянуться вокруг, поглядеть на себя со стороны — все, все погрязли во грехе, и кто знает, смилуется ли Он на этот раз и откроет ли спасительные Врата, чтобы дать человечеству еще один шанс...

С неба опустится огонь. Из моря выйдут чудовища. Все, как обычно.

Лидка ощутила, как изнутри, откуда-то из живота, поднимается к горлу холодный сгусток.

...Доска объявлений оказалась сплошь заклеена листовками. Новыми, крупными, и фотография желтолицего была тоже новой, отличного качества. Слова «девятое июня» были выделены жирно и красным. И горела, корчилась в огне человеческая фигурка.

Листовки покрывали стены и столбы, трепетали краешками у входа в Лидкин подъезд, а одна прилепилась на двери как раз на уровне глаз.

Лидка против воли прочитала:

«Погибшие цивилизации не оставили после себя ничего, кроме пепла. Жители исчезнувших городов так же верили в бесконечность... Сограждане! Наш мир доживает последние дни! Поспешим очистить души, ибо только те, кто чистыми предстанут... девятого июня...»

Нижний край листовки был оборван. Из-под неровного края выглядывал пошлый рисунок, и Лидка даже знала, кто его здесь нацарапал — один из отставных Светкиных ухажеров.

Но ведь проповедник в лицее говорил, что, хоть Он и разгневан, жалость, возможно, снова возьмет верх, и Врата откроются!

И проповедник не называл точной даты. Он говорил «скоро» и в подтверждение своим словам делал широкий жест рукой, будто приглашая полюбоваться творящимся вокруг безобразием...

Двери открыла Яна.

— Что с тобой? Опять двойка?

Лидка молча прошла мимо, удалилась в свою комнату и плотно закрыла за собой дверь.

— Славы нету дома, — сказала Клавдия Васильевна Зарудная, жена депутата и Славкина мама. — Он у врача, лечит зубы. Позвони завтра, Лида.

Она собралась с духом:

— Прошу прощения... Андрей Игоревич дома?

Пауза.

— Андрей Игоревич дома, — сказала Клавдия Васильевна, и в голосе ее было вежливое удивление. — Но он занят.

Для храбрости Лидка напрягла мышцы живота:

— Прошу... прощения. Можно... позвать его к телефону?

Пауза.

— Он занят, Лида. — Голос уже прямо-таки ледяной. Следующим пунктом разговора будут короткие гудки.

— Пожалуйста! — почти крикнула Лидка, и что-то в ее голосе, наверное, было, потому что Клавдия Васильевна удержалась и положила трубку не на рычаг, а, по всей видимости, на столик.

Крышка столика вибрировала, как мембрана, позволяя Лидке слышать далекие шаги, сперва удаляющиеся, потом приближающиеся:

— Он *очень* занят, Лида... Позвони позже.

Отбой.

Лидка посидела на полу перед телефоном. Вернулась к столу, к беспорядочно набросанным учебникам.

Впрочем, уже можно не притворяться, не симулировать подготовку к экзаменам. Маме не до того, а отцу тем более. Даже Тимур не зубоскалит, даже Яна не придирается. Все старательно делают вид, что ничего не происходит. Всем почему-то очень важно сохранить видимость жизни. Говорить о лете, стричься и красить волосы, покупать новый купальник. Договариваться с начальником насчет отпуска в июле. Высаживать цветы в горшочек, проводить консультации перед экзаменами, репетировать выпускной вечер для средней группы, при этом почти уверовав, что ни отпуска, ни июля, ни выпускного *не будет...*

Завтра, тридцать первого, — сочинение.

Второго — математика. Пятого — история. Девятого — химия.

Девятого.

Лидке захотелось спать. Она легла на диван и с головой укуталась пледом. В комнате жарко и душно, но этот озноб...

Сон не шел.

Она села на диване. зуб на зуб не попадал.

Она заболела.

Нет, она здорова. Она просто дико устала от ожидания. От страха. Еще эти экзамены, будто старый горчичник, который почему-то нельзя снять. Человек уже умирает, а ему горчичник на грудь, и нельзя отлепить вонючую бумажку, почему-то нельзя...

Лидка вышла на балкон.

Было тепло и сыро. Пахло мокрой пылью.

Она навалилась на перила и посмотрела вниз. Под самым домом лежала темная полоска асфальта. Если упасть головой вниз...

В какой-то момент ей поверилось, что она не просто может это сделать, а не сумеет этого избежать. Перелезет через перила и прыгнет, как учили в бассейне, головой вниз. Раз — и нету ничего...

Третий этаж. Низковато. Был бы, например, седьмой — не раздумывала бы, а так остается вероятность неудачи, боли, жизни со сломанным позвоночником. Если подняться на крышу... Но ведь это надо выходить из квартиры, куда-то идти, встречать соседей, отвечать на недоуменные вопросы...

Лидка разжала пальцы на перилах. Побрела в комнату, включила телевизор. Просто так, механически.

— ...пожилые люди прекрасно помнят, как во время позапрошлого кризиса, в конце пятидесят первого цикла, то есть почти сорок лет назад, такая же оголтелая шайка играла на естественном для человека страхе апокалипсиса! Их рекламные тексты используются почти дословно и нынешними кликушами, совпадает время начала кампании — за двести дней до оглашенного срока, а день выбран до крайности цинично — накануне выпускных балов наших детей!

Лидкины щеки и уши вспыхнули, зачесались, сделались жгуче-горячими и, наверное, ослепительно красными.

— Здравствуйте, Андрей Игоревич...

И, будто услышав ее лепет, депутат Зарудный энергично кивнул:

— Да! Удар всей своей тяжестью пришелся именно на них, ожидающих свой первый апокалипсис! На них, не знающих цены бульварным листовкам! Именно среди последнего поколения, причем средней и младшей групп, со страшной скоростью растет число суицидов, множатся молодежные секты, причем я предпочел бы видеть своего сына скорее в подростковой банде, чем в таком вот клубе самоубийц!

Лидка глупо хихикнула. Вообразила себе Славку в подростковой банде — того Славку, что сидит сейчас за тремя замками...

— А мы, родители? — Андрей Игоревич подался вперед, вперив взгляд Лидке в переносицу. — Мы уделяем время на то, чтобы рассеять преждевременный страх наших детей? Или сами поддаемся ему, пусть тайно, но поддаемся?

Депутат Зарудный выдержал паузу.

— Смотрите!

Боковая камера уставилась в документ, который Славкин папа держал в руках. Лидке вспомнился настольный хоккей и то, с какой ловкостью эти руки манипулировали пластмассовыми игроками...

— Смотрите! Этой листовке почти сорок лет... «Погибшие цивилизации не оставили после себя ничего, кроме пепла! Жители исчезнувших городов так же верили в бесконечность! Наш мир доживает последние дни! Двадцатого сентября наступит объявленный апокалипсис, но Ворота не откроются!»

Депутат Зарудный резким движением разгладил листовку на столе. Посмотрел Лидке в глаза:

— Если бы в этой листовке было хоть слово правды, ни я, никто из второго поколения, из тех, кому сейчас под сорок, не появился бы на свет. Но это чистая ложь, принесшая своему изобретателю конкретную, вполне материальную выгоду... Некий Александр Бродовский, психоаналитик, профессор, академик, впрочем, как выяснилось, самозванный... В тот раз апокалипсис наступил шестого апреля следующего года, и Ворота открылись, и наши родители вступили в новый, пятьдесят второй цикл! А теперь...

Лидка отшатнулась. С экрана смотрело знакомое желтое лицо — представитель движения «За чистоту души», мастер расчетов по методу Бродовского—Фильке был сфотографирован анфас и в профиль.

— А теперь, — голос депутата Зарудного проникновенно звучал за кадром, — посмотрите на этого человека. Виктор Александрович Бродовский, родной сын автора листовки, человек, встречающий уже третий свой апокалипсис, переживший и обогативший приемы отца... В настоящее время арестован, содержится в следственном изоляторе. Под следствием находятся двадцать три человека, еще как минимум сотня ожидают ареста как сообщники... За распространение заведомо ложных сведений касательно предстоящего апокалипсиса, проводимое с особой циничностью и при помощи средств массовой информации. За стяжательство, подкуп должностных лиц, клевету, самозахват общественных зданий, неподчинение властям, уклонение от налогов...

Лидка перевела дыхание. С каждым словом Андрея Игоревича фотография желтолицего, казалось, все более мрачнела, тушевалась, щеки приобретали горчичный оттенок, а горящие глаза подергивались обреченной мутой. Секунда — и на экране снова возник строгий, сосредоточенный Славкин папа.

— Парламентская комиссия по делам предстоящего апокалипсиса уполномочила меня заявить, что в стране пресечена деятельность крупной антиобщественной группировки. Якобы научные сведения о том, что девятого июня наступит не очередной апокалипсис, а окончательный конец света, лишены всяких оснований, это выдумка и откровенная ложь. Дата апокалипсиса не поддается прогнозам! И только от нас, людей, зависит, сколько жизней унесет очередной катаклизм! Я призываю поколения сплотиться, десятого июня нас ждет общий праздник — выпускной вечер средней группы, наши дети, внуки, братья вступают во взрослую жизнь... Пусть этот день станет днем единения поколений перед лицом апокалипсиса, залогом нового, мирного, успешного цикла...

Андрей Игоревич поднялся. Лидке показалось, что он видит ее. В этот самый момент — видит.

УЧЕНИЦЫ МЛАДШЕЙ ГРУППЫ

9-го «Б» класса

СОТОВОЙ ЛИДИИ

экзаменационное сочинение

на тему: «Молодежь в новом цикле»

Мы, младшее поколение, встречаем свой первый апокалипсис с надеждой и тревогой. Ни для кого не секрет, что из-за неорганизованности, эгоизма, низких моральных качеств, звериных настроений в кризисном обществе дорога к Воротам может оказаться последней для некоторых людей... Но мы, молодежь, должны верить в будущее. Мы должны учиться и готовить себя к взрослой жизни. В начале нового цикла именно на нас ляжет вся тяжесть восстановления производства, воспроизведения потомства, то есть детей. Мы должны смело смотреть вперед, крепко дружить, помнить все то хорошее, что дала нам школа. Мы должны уважать родителей и старших. И наше правительство и парламент, особенно парламентскую комиссию по делам апокалипсиса. Это самая нужная сейчас комиссия. Мы знаем, в новом, пятьдесят четвертом цикле нам предстоит большая интересная работа. Мы готовимся к ней уже сейчас...

ОЦЕНКА: четыре.

ПРИМЕЧАНИЕ: В целом девочка мыслит правильно.

* * *

Она боялась, что трубку возьмет Клавдия Васильевна. Славкина мама считает, наверное, что депутатское время слишком дорого и на праздный разговор со школьницей не стоит тратить ни единой минутки...

Сразу после выпускного Славку увезут на какую-то дальнюю дачу, и у нее, Лидки, пропадет всякое право звонить по домашнему депутатскому телефону. Потому она рассчитывала, что сейчас трубку возьмет сам Славка, и тогда, поболтав немного, можно договориться о визите.

И уж конечно она и надеяться не могла...

— Лидка? Ага, привет... Как экзамены?

Она зажмурилась, сжимая телефонную трубку.

Она хотела сказать Андрею Игоревичу, что он спас ее и вернул к жизни. Что если бы не депутат Зарудный — шагнуть бы ей рано или поздно с балкона, даром что третий этаж. Что она, Лидка, ужасно жалеет, что в последнее время не может встречаться с ним, беседовать и играть в настольный хоккей. Но надеется на встречу, хотя бы на выпускном вечере, хотя больше всего на свете ей хочется напроситься в гости.

— Добрый день, Андрей Игоревич... Экзамены?

Она глупо улыбнулась, благо, собеседник не мог видеть ее шенячьего восторга.

...По математике ей все-таки поставили три. Как ни сиди над книжкой в последнюю перед экзаменом ночь — полгода прогулов не наверстаешь. Она бы выкарабкалась за счет старых тем, которые проходили еще в восьмом классе — но билет попался неудачный, с уравнениями. Зато по истории ей удалось цапнуть пятерку: Михаил Феокистович не дослушал сбивчивого ответа, махнул рукой и выставил «отлично», и Лидкиной радости не было предела — правда, чуть-чуть огорчило известие, что все девчонки получили у Фео по пятерке. «Мудрый старец, — говорил Игорь Рысюк. — Догадывается, что в университет вы все равно не ломанетесь и приемного балла не повысите. Совершенно безопасная, дармовая пятерочная масса...»

Лидка радостно трянула головой:

— Андрей Игоревич, у меня по истории — пять!

— Поздравляю, — искренне обрадовался собеседник, но Лидка испугалась, что сейчас он пожелает ей счастливого лета и повесит трубку.

— Андрей Игоревич, вы ведь будете у Славы на выпускном? — спросила она торопливо, даже не спросила, а как бы смоделировала события, заранее вызывая к жизни ту вероятность, которая могла ее устроить. Кажется, это называется «установка на успех».

— Нет, — сказал депутат Зарудный, одним словом проваливая все ее планы. — Никак не смогу, Лида. Дела.

Лидка молчала. Собеседник не мог видеть ее лица; наоборот, следовало сказать: «Как жаль».

Почему-то она очень рассчитывала на этот вечер. Когда после торжественного поздравления выпускников начнут-

ся закуска и танцы и будет возможность если не поговорить, то хотя бы постоять рядом.

— Андрей... Игореvич. Я хотела вам сказать...

Пауза.

— Что, Лида?

Драгоценные депутатские секунды бегут бесплодно и бесповоротно, как вода в песок.

— Ты хотела сказать что-то важное?

Лидка прикрыла глаза.

— Да. Что-то важное.

— Тогда приходи в зоопарк, — весело сказал депутат Зарудный, и Лидке показалось, что она ослышалась.

— Что?

— Через час у меня официальная встреча с директором зоокомплекса. А потом будет свободных полчаса. Ты давно не была в зоопарке?

* * *

УЧЕНИЦЫ МЛАДШЕЙ ГРУППЫ

5-го «Б» класса

СОТОВОЙ ЛИДИИ

сочинение

на тему: «Звери в живой природе. Зимний лес»

В зимнем лесу мы видели следы зайца. Лапы зайца-беляка похожи на снегоступы. Широкие ступни, на которых растет мех. Это позволяет зайцу не проваливаться в глубокий снег и уходить от погони.

Только у млекопитающих тело покрыто мехом или волосом. Только у самок млекопитающих вырабатывается молоко, которым они кормят детенышей. В нашем заповеднике зимой устанавливаются кормушки для диких зверей — зайцев, белок, лосей. Хищники — волки и лисы — выполняют роль санитаров, истребляя больных и слабых животных.

Млекопитающие, как и люди, не способны пережить апокалипсис вне укрытия. Инстинкт самосохранения указывает животным путь к Малым Воротам, и там они укрываются от смерти. Поголовье диких животных после апокалипсиса сокращается примерно вдвое, но сохранившаяся

ся по-пу-ля-ция способна воспроизводиться. Поголовье домашних животных (крупный и мелкий рогатый скот, свиньи, птица, пушные звери) сокращается в три, а то и в четыре раза. Поэтому в начале нового цикла хозяйство испытывает недостаток продуктов животноводства. Поэтому так важно для экономики наладить производство консервированного мяса. Неприкосновенный запас сохраняется в подземных кладовых до начала нового цикла...

ОЦЕНКА: три.

Не стоит целиком переписывать фразы из учебника!

* * *

Давным-давно, лет десять назад, когда все они, дети нового цикла, были настоящими маленькими детьми — тогда и зоопарк был огромный, туда ходили по очереди все классы, все школы, там проводили уроки живой природы, туда выстаивали очередь по выходным — с родителями, с конфетами, с воздушными шарами...

Она купила билет — взрослый, разумеется. Где-то в нескороаемых сейфах хранятся до поры желтенькие билеты с пометкой «детский» — им еще долго ждать своего часа. При самом лучшем раскладе — еще лет пять.

Лидка нервно огляделась: да, у директорского домика стаей собрались черные машины. Значит, официальное мероприятие идет полным ходом.

Аллеи были почти пусты. От клетки к клетке шатались редкие влюбленные парочки. Один раз, смертельно напугав Лидку, прошла компания незнакомых мутноглазых парней. Парни не обратили на нее внимания, но она долго еще оглядывалась и вздрагивала, сжимая в сумочке бесполезный газовый баллончик.

В вольерах бродили понурые лоси, дикие козы, еще какой-то рогатый скот, чье название Лидка не удосужилась прочитать. Сперва она делала вид, что ей столь интересен вид жующего буйвола, что она готова созерцать его час за часом. Потом нашла очень удобную скамеечку: от посторонних взглядов ее защищал пышный куст, директорский же домик был как на ладони.

Под скамейкой в пыли валялись окурки со следами яркой помады. Лидка ждала, и ей не было скучно. Само ожи-

дание было таким глубоким, таким наполненным, что радости этого ожидания хватило бы на целый день.

Потом двери директорского домика открылись, и к машинам вышла строгая, партикулярная до оскомины толпа.

* * *

— ...Ты видишь, этот зубр маркированный. Маркированных особей — четыре на весь зоопарк... Жаль, что ты не хочешь заниматься биологией.

Зубр жевал. Секунды бежали. Лидка знала, что сегодня вечером станет вспоминать каждую из них. Каждое слово.

Какое ей дело до зубра?! Зубр ничего не понимает в этой жизни. Через несколько недель его вывезут в лес, некоторое время он будет таращиться на мир без вольеров. Потом почует неладное и, если повезет, успеет добрести до Малых Ворот... Всякий раз находятся исследователи-самоубийцы, пожелавшие увидеть и описать Малые Ворота, пробраться туда вместе с дорогими сердцу четвероногими тварями. Но никто из смельчаков не возвращается; в начале цикла по лесам бродят слегка очумелые, маркированные перед катастрофой звери, и они, конечно, не умеют рассказать, куда девался тот парень, полгода проживший среди стада обезьян. Или другой, никогда не расстававшийся с любимой лошастью. Или третий... Да мало ли их было, посвятивших жизнь свою и смерть науке «кризисной биологии»?

Они шли мимо вольеров — пустых и полупустых. Эвакуация зоопарка началась с экзотов; клетки и аквариумы прикрыты были щитами, на каждом из которых красовался фотопортрет эвакуированного зверя. «Панголин. В связи со скорым апокалипсисом переведен в соответствующий климатический пояс». «Древесный долгопят. В связи со скорым апокалипсисом переведен...»

— И это тоже заслуга нашей комиссии, — сказал Зарудный с почти мальчишеской похвальбой. — В прошлом цикле, например, до зоопарка ни у кого не доходили руки. Продовольственный кризис, транспортный кризис, эпидемия... И все эти красавцы остались здесь и погибли в клетках. А в этом цикле мы позаботились заранее...

Позади, отстав шагов на пятьдесят, брели два равно-

душных с виду крепыша. Дышали воздухом. Как бы невзначай оглядывали скамейки и кусты по обе стороны аллеи.

Зарудный остановился. Провел ладонью по оградке, скептически посмотрел на свою руку и прислоняться не решился.

— Вот я и дожил до совершеннолетия сына, — негромко сказал он, глядя в небо. — Кто бы мог подумать... Лидка, что ты хотела сказать?

Она перевела дыхание. Сейчас она скажет. Ну же, раз, два, три...

Зарудный вдруг схватил ее за руку:

— Смотри!

Огромное, наполовину усохшее дерево казалось сплошь покрытым белками. Через минуту оказалось, что белок всего две, что они носятся, танцуют, оплетая движениями ствол, задирая друг друга, играя в некую каскадерскую разновидность догонялок. Лидка смотрела на белок и ощущала руку депутата на своем запястье.

Горячая ладонь.

Ей захотелось, чтобы эта рука погладила ее по голове. И по плечу. И по щеке. Ей захотелось взять эту руку — и никогда не выпускать. А еще лучше — коснуться губами.

Белки разбежались; одна из них перемахнула ограду, вскочила в деревянное колесо и заработала лапами, будто на тренажере.

— Вот так и вертимся по кругу, — глухо сказал депутат Зарудный.

— Что? — спросила Лидка, боясь пошевелиться.

Но он все равно выпустил ее запястье.

— Что ты хотела мне сказать, Лидка?

Лидка проглотила слюну. Сейчас ей больше всего хотелось попросить, чтобы он снова взял ее за руку.

Но она молчала.

— Завтра девятое июня, — проговорил Зарудный, изучая стрелку-указатель. И подпернул рукав пиджака. Коротко блеснул циферблат дорогих часов.

Лидка молчала.

— Лидка... Ты ведь больше не боишься? Этого... объявленного апокалипсиса?

Она посмотрела ему в глаза:

— Нет. Вы научили меня не бояться.

Вот и все. Все сказано.

Зарудный засмеялся. Ветер играл его галстуком — тонким и темным, с неразборчивым мелким рисунком.

— Наверное, ты права... Эти гады в тюрьме, и они уже никого не напугают. А послезавтра будет Славкин выпускной. — Он помолчал. Лидка ждала. — Но апокалипсис... все равно наступит. Через полгода ли, через год...

Лидка упрямо выпятила нижнюю губу:

— Все равно. Я не боюсь.

— Да. — Депутат Зарудный первым отвел глаза. — Наверное, ты права... Лида. Видишь ли...

В далеком вольере закричала какая-то недовывезенная тварь.

— Моя мама погибла в прошлый апокалипсис, — сказал Зарудный как-то даже обиженно. — Ты думаешь, ее накрыло горячим облаком? Или она отравилась? Или попала в глефам?

Лидка молчала. Ей вдруг стало холодно.

— Нет. Ее затоптали перед самыми Воротами. Люди ломились, зная, что через несколько минут будет поздно. Она споткнулась...

Теперь Лидка взяла его за руку. Прикосновение отозвалось будто ударом тока; Лидку до самых пяток пробрал горячий озноб.

— Самое страшное, Лида, не твари из моря, не метеоритный дождь... Самое страшное — толпа на подступах к Воротам. Будь осторожна, прошу тебя.

Лидка глядела на него во все глаза.

— С каждым новым поколением люди становятся выше. Расплачиваются за это болью в позвоночнике, но — растут. Школьникам не объясняют, почему это происходит... Но те, кто ниже ростом, имеют больше шансов погибнуть в толчее. Я говорю это не затем, чтобы снова напугать тебя. Я хочу, чтобы в момент катастрофы рядом с тобой, Лида, обязательно кто-то был. Кто-то достаточно сильный, чтобы поддержать тебя.

Лидка сильнее сжала его руку. «Как бы я хотела, чтобы это были вы».

Наверное, эта мысль отразилась на ее лице.

— Лида, — сказал Зарудный медленно. — Через два дня

будет очень важное выступление по первому каналу. Мое выступление. Обещай, что будешь смотреть.

— Конечно, — шепотом согласилась она.

— Я думаю, что это будет поворот... в нашей общей судьбе. Я очень на это надеюсь. А теперь — извини, у меня больше нет ни минуты.

Она поняла, что все еще держит его за руку. Что это может показаться странным. И что пальцы надо во что бы то ни стало разжать — хоть зубами.

...Возвращались в молчании. Безмолвно шагали следом два внимательных крепыша. Белки почему-то избрали их объектом повышенного внимания — ждали, наверное, подачки.

— Славка готовится на исторический? — спросила Лидка медленно.

Депутат кивнул.

— Я, наверное, тоже, — сказала она неожиданно для себя.

Он обернулся:

— Да?!

И обнял ее за плечи. Широким движением взрослого, которого порадовал ребенок. Но не отцовским, а скорее братским.

Лидка затаила дыхание. Ткнулась носом в тонкий галстук, изо всех сил вдохнула исходящий от Зарудного запах, чтобы потом наверняка вспомнить. Чтобы воспроизвести это затянувшееся мгновение до малейших деталей.

— Молодец, — сказал депутат Зарудный. — Ну какой же ты молодец, Лидка.

* * *

Утро девятого июня было солнечным, птичьим, бесконечно обаятельным. Под форменный пиджак Лидка надела парадную белую блузку; новые туфли чуть-чуть сдавливали ногу. Чуть-чуть.

На влажной после ночного дождя скамейке сидела Светка с четвертого этажа. Курила длинную сигарету.

— На экзамен? Нью-нью... А я кинула эту дурную школу. Черт с ней...

— Лидка, идем, — сказал отец, который вышел вслед за Лидкой и теперь отпирал машину.

Она втиснулась в крохотный салон и положила на колени букетик мелких шипастых роз — подарок химичке. Время от времени то одна, то другая колючка прорывала бумагу и доставала до Лидкиных пальцев, и тогда Лидка болезненно морщилась.

Сердце стучало где-то в горле.

Девятое число. Девятое; Славкин папа поднял бы ее на смех, но она все равно чуть-чуть боится.

Чуть-чуть.

...Она вымучила четверку.

Химичка благожелательно улыбалась: вероятно, шипастые розы произвели на нее впечатление. Директриса поздравила всех с окончанием учебного года; в актовом зале репетировали поздравление средней группе, но Лидка не была занята в программе.

Ее чуть-чуть водило, как после бокала вина. Кружилась голова. Она искала Славку, но Славки не было ни-где.

Всюду пахло цветами; у входа парень из средней группы подарил Лидке букет колокольчиков. Лидка засмеялась, поблагодарила, потом выбралась из лица и поспешила к скоростному.

Авантюристка, щепка, плывущая по течению. Ей было так радостно и страшно, и так весело, что она рискнула и поддалась порыву. Выскочила из вагона в центре, углубилась в пешеходный квартал, готовая улыбаться и дворникам, и милиционерам, и консьержу-охраннику...

Впрочем, нет. Консьержа-охранника не было на месте — редкость. За все время, что Лидка ходила к Зарудным, такое случалось раза два, не больше.

Она постояла перед открытой пастью пустой кабинки. Пожала плечами, тряхнула своими колокольчиками, даже, кажется, услышала звон.

И пошла по лестнице вверх, к знакомой двери. Чего там скрывать — к нежно любимой двери...

Дверь была приоткрыта. Такого за время Лидкиных визитов не случалось ни разу.

Она позвонила. Никто не вышел; она довольно долго стояла под дверью, но ничего не дождалась. Затаив дыхание, приоткрыла дверь шире и сунула голову внутрь.

К неповторимому запаху зарудновской квартиры при-

мешивался другой, незнакомый и почти неуловимый. Правда, еще и Лидкины колокольчики пахли влажным лугом.

— Слава!

Тишина.

Она вошла, ожидая подвоха. Сейчас на нее кинется из-за угла Славка в резиновой маске, он, дурачок, до сих пор считает, что это смешно...

Она снисходительно улыбнулась.

— Слава! Клавдия Васильевна!

И набрала в грудь воздуха, будто не решаясь в полный голос озвучить свою надежду:

— Андрей Игоревич!

Тишина.

Лидка подумала, что надо повернуться и уйти. Все-таки чужой дом, а она пришла без спроса, без звонка...

Дверь в гостиную была приоткрыта. Лидка не знала всех тайн огромной депутатской квартиры, но в гостиную ее обычно пускали, а потому она сочла возможным заглянуть в дверной проем.

Пусто. В беспорядке разбросанные вещи. Открытый чемодан. Упаковочная бумага на полу.

Лидка смотрела, и букет колокольчиков опускался в ее руке все ниже и ниже.

Следы поспешных сборов. Бегства. Эвакуации. Мерцает пустым экраном невыключенный телевизор.

Лидка отступила назад, в коридор; ковровая дорожка была перекошена, как будто здесь тащили что-то тяжелое. Обрывки шпагата. Скомканные листы бумаги. Никогда, никогда квартира Зарудных не знала подобного беспорядка.

Все двери были приоткрыты.

Они бежали, подумала Лидка, покрываясь холодным потом. Все-таки бежали накануне девятого июня. Как будто... Как будто...

За ее спиной что-то упало и глухо ударилось об пол. Лидка содрогнулась и выронила свои цветы.

Оказывается, свалилась на пол фотография в тонкой рамке под стеклом. Сама не зная зачем, Лидка нагнулась и подняла их одновременно — цветы и рамку.

Парень и девушка, в которых с трудом, но можно узнать Андрея Игоревича и Клавдию Васильевну. Обоим лет по двадцать. У парня на руках — трогательный сверток, пере-

вязанный ленточкой. Из свертка выглядывает маленький курносый нос. Странно, Славка вроде бы не был курносым... или все младенцы такие противные?

Почему она раньше не видела этой фотографии? *Такой* Андрей Зарудный вполне мог учиться в их лицее, в старшей группе... Лидка встречала бы его на переменах...

Ей захотелось швырнуть фотографию об пол. Но она удержалась. Положила рамку на стул вместе с колокольчиками. Вышла в коридор. Потопталась, совершенно не зная, куда теперь бежать и что делать.

Страха почти не было. Зато обида была такая, что, казалось, кислотой разъедает горло.

Тяжелая дверь кабинета.

Лидкины туфли давили теперь немилосердно.

Зачем? Зачем она тронула и без того приоткрытую дверь?

Шаг. Еще шаг.

Кабинет. Стеллажи. Вычислительная машина. Телефоны. Разбросанные книги...

В рабочем кресле с высокой спинкой сидел человек.

— Андрей Игоревич... — тихо сказала Лидка.

Депутат Зарудный смотрел сквозь нее широко открытыми стеклянными глазами.

Вся его грудь была — лаковое кровавое месиво.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

чередь была длинная, как зима.

Прошел почти час, прежде чем медленным человеческим конвейером Лидку втянуло в магазин. Дверь хлопала, впуская порывы сырого ветра, керамический пол покрыт был слоем мокрой грязи толщиной в палец. Что же, еще минут пятьдесят...

Еще вчера очередь ругалась, скверно и зло. Сегодня люди молчали. Смотрели в пол.

За прилавком стояли двое — взрослая женщина и молодая; младшая была Светкой с четвертого этажа. Ни на секунду не останавливаясь, она специальной стальной струной резала сливочное масло. Резала и опускала на весы. Светло-желтые бруски громоздились, как слитки золота.

Старшая женщина принимала деньги и отсчитывала сдачу; она посмотрела сквозь Лидку, и Светка тоже посмотрела сквозь Лидку, не узнавая, но Лидка не обиделась, потому что Светка работает здесь вот уже месяц, ей платят, как ученице, она стоит за прилавком по двенадцать часов каждый день, у нее отекают ноги и слипаются глаза, и все равно ее собираются уволить на будущей неделе, чтобы освободить место кому-то по знакомству.

Лидка боком выбралась из ожидающей толпы. На следующую очередь у нее не хватало сил. Пусть Яна стоит, все равно безработная. Или Тимур — все равно его подготовительные курсы собираются закрыть...

У входа в магазин притулилась темно-красная машина с прилепленным к ветровому стеклу объявлением: «Продается». И еще одним, пониже: «Ищу работу. Юрист, экономист, знание иностранных языков».

Лидка вздохнула.

В подземном переходе пахло, как в ночлежке. Плечом к плечу стояли торговцы; Лидка шла, проталкиваясь мимо ношенных и ненашенных свитеров, шкатулок, носков и пряников, булок в полиэтиленовых кулках, старых книжек, шарфов, спортивных брюк. Шла, задержав дыхание, не глядя по сторонам, потому что смотреть — значит снова впадать в отчаяние. Осознание того, что и она, Лидка, рано или поздно может оказаться в этом переходе, и ее мама тоже...

При выходе из перехода на серо-желтой стене темнела надпись нитрокраской из баллончика: «Кровососы убили Зарудного!» И спустя десять метров — на стенке автобусной остановки: «Кровососы убили...» Дальше стенка была разбита. Опасно шерились стеклянные зубья.

— Принесла? — спросила мама.

Маме вторую неделю нездоровилось, и она не выходила из дома.

— Только масло, — сказала Лидка.

— Ну и хорошо, — сказала мама после паузы. — Очень хорошо... А сколько?

Лидка замялась:

— Триста.

— Триста?!

— Мам... все опять дороже почти в два раза.

— Тогда понятно, — сказала мама, не пытаясь скрыть усталости.

Еле слышно бормотал телевизор. «Если рухнет система социального страхования, — волновался невидимый Лидке оратор, — то после апокалипсиса нас ждет жизнь в пещерах, каменный век, вот что нас ждет. Гражданская война, смута, дележ того, что уцелеет, мы кончимся как цивилизация...»

Лидка вздохнула. Папа работал как раз в системе страхования, и еще совсем недавно все были уверены, что уж этой-то непоколебимой конторе общие несчастья не грозят.

Она прошла в свою комнату и села за пустой письменный стол. Совершенно пустой, только прямо по центру лежала под стеклом большая цветная фотография. Вырезан-

ная из журнала так тщательно, чтобы не оставить ни намека на жирную черную рамку.

Как рано похолодало в этом году. Обещают отключить свет. Говорят, что для отопления не хватает денег, газа, нефти, еще чего-то, только недавно все было — и вдруг оказалось, что ничего нет... Куда оно, спрашивается, девалось?!

Зазвонил телефон. Лидка машинально выждала три гудка, потом вспомнила, что мама легла спать, и побрела в прихожую.

— Лида?

В последние месяцы голос у Славки стал очень похож на голос его отца. Раньше Лидка вздрагивала — теперь привыкла.

— У тебя есть время... поговорить?

— Полным-полно, — сказала она, унося телефон в свою комнату.

— Мы тут с мамой посоветовались, — сказал Славка после паузы. — Понимаешь... тут кое-что... ну, это не телефонный разговор. Ты могла бы прийти?

Лидка молчала.

* * *

Кабинка консьержа пустовала. И давно никто не приносил цветов. А помнится, тогда, в июне, цветами была завалена вся лестница.

— Привет, — сказал Славка. Он очень похудел, болезненная худоба сделала его похожим не на отца, а на мать. Только голос остался узнаваемым.

Лидка отдала ему красную гвоздику. Славка механически повертел ее в руках:

— Заходи... сразу в кабинет.

Она вошла.

Депутат Зарудный смотрел со стены. Лидке не нравился этот портрет, но распоряжалась здесь, конечно, не Лидка, а Славкина мама. Здесь больше не было ни вычислительной машины, ни телефонов, освободившийся стол занимал полкомнаты, и по всей широкой столешнице стопка-

ми стояли бумажные папки, подшивки, стопки исписанных листов.

Славка все так же механически поставил гвоздику в высокую металлическую вазу.

— Тут осталось, — Славка вздохнул. — Архив неразобраный. Эти... гэошники... часть бумаг забрали... часть потом вернули... личное. Все перевероростили... весь архив... Понимаешь?

Лидка кивнула.

В официальных бумагах она проходила как «подружка сына, косвенный свидетель». Так получилось, что именно она первая видела Андрея Игоревича мертвым; ее допрашивали три раза, и всякий раз Лидка плакала. Не только потому, что горе тогда было свежим и ошеломляющим. Всякий раз ей казалось, что допрашивающие ее чины не верят ей, подозревают за каждым словом ложь.

Зачем пришла? Ведь встреча не была назначена? Почему не позвонила? Почему вошла без спроса в чужую квартиру? Почему...

А главное, всех их, жестколицых, с буравчиками-глазами людей, интересовало одно обстоятельство. Может быть, депутат Зарудный был еще жив? Он мог говорить? Так говорил или нет?!

Оказывается, Андрей Игоревич действительно был жив в тот момент, когда Лидка приоткрывала входную дверь. Но когда она вошла в кабинет с букетом колокольчиков, он был уже мертв, ведь в него выпустили несколько пуль подряд...

А как же тогда беспорядок в квартире? Выходит, незваные гости учинили свой обыск еще при жизни Зарудного?!

Нет, она не слышала выстрелов. Нет, она не видела ничего, а что видела, о том уже рассказала. Нет, не мог он говорить, его же буквально из-ре-ше-ти-ли...

Мама давала ей капли три раза в день. И водила к врачу.

А потом был последний допрос. Незнакомый Лидке гэошник, толстый и печальный, долго рассказывал ей о своих теплых отношениях с покойным Андреем Игоревичем. Какой был человек, эх... Гибнут самые лучшие. Так она ничего не слышала? Жаль, помогла бы следствию... Ниче-

го? Жаль. Ладно, иди, девочка, учись хорошо, Андрей Игоревич был бы доволен...

И повестки прекратились...

Лидка привычно вздохнула.

— Я взялся разбирать эти бумаги. — Голос Славки дрогнул. — Но как-то... тяжело. И времени... я же учусь.

Он говорил, будто извиняясь. Лидка опустилаcь в кресло для посетителей:

— Ты хочешь, чтобы я?..

— Ну да, — Славка обрадовался ее понятливости.

Убийц Андрея Игоревича отыскиали спустя неделю после убийства на дне бухты. Чего и следовало ожидать. Одно время Лидка взяла себе за правило внимательно просматривать программу официальных новостей; она почти не слушала слов, зато внимательно вглядывалась в лица. Каждый мог оказаться заказчиком. Каждый.

В последний месяц она смотрела новости все реже и реже.

— Тут... серьезная работа... архивариуса. Рассортировать по годам, по темам... Составить каталог...

Славка коротко взглянул на нее — и покраснел.

— Что? — спросила Лидка.

— Это трудная работа, — сказал Славка. — Трудоемкая...

— Ты же знаешь, что я в экстернате. Времени у меня...

— Да, — Славка все еще был красен и смотрел мимо. — Но мама... она хотела бы...

Лидке на мгновение стало его жаль.

— Она хотела бы немножко оплачивать эту работу, — выдавил Славка через силу. — Денег мало, но... Ты только не обижайся!

Лидка улыбнулась:

— Я не обижусь. У меня отец без зарплаты, мама без работы... Вся семья без денег. Я не обижусь, Слав.

* * *

— Тебя к телефону, — сказала мама. — Одноклассник.

— Алло? — спросила Лидка равнодушно.

— Это я, — сказал Рысюк. — Как делишки?

— Никак.

— Ты контрольные уже все перерешала?

— Какие контрольные, когда жрать нечего? — спросила она грубо. И, сказать по правде, преувеличила: макароны еще были. И картошки полмешка, ешь — не хочу.

— Ты помнишь, где я живу? — после паузы спросил Рысюк.

Она задумалась.

...Автобусы ходили редко, и Лидка, закинув сумку на спину, припустила рысцой. Давно не чищенный тротуар покрыт был подгнившим слоем осенних листьев. Стены домов пестрели обрывками объявлений, листовок, плакатов: «Сдам квартиру», «Кровососы убили Зарудного», «Все на площадь! Все на митинг!», «Помогите найти...»...

Она нырнула в переход. Тишина, шорох десятков ног и ни одного голоса — страшно, но она привыкла. Миновала железнодорожные пути, все так же рысцой выбралась на привокзальную площадь. Ветер носил отвратительный запах — так пахнет в зале ожидания, так пахнет в той подземной кишке, где плечом к плечу стоят пожилые женщины и продают носки и хлеб, домашние тапки и трикотажные свитера. Перед входом в «опорный пункт правопорядка» лежал на тележке для багажа одутловатый мужчина в поношенной одежде. Труп. Лидка отшатнулась.

Тут же, на углу, торговали горячими сосисками, причем на борту тележки виднелись полустертые буквы: «Мо-ро-же-ное»; Лидка вспомнила, как, держась за руки брата и мамы, она шла по этой вот площади десять лет назад и над тележкой вились, кажется, надувные шарiki...

А может быть, этого и не было.

Ее заделали чемоданом, да так, что она едва удержалась на ногах. Надо было спешить; до рысюковского дома оставалось минут десять быстрой ходьбы.

— ...Кто там? Ты, Сотова?

Рысюк запер за ней дверь — Лидка отметила, что дверь новая, железная, с двумя сейфовыми замками.

— Идем...

Рысюк здорово изменился за те несколько месяцев, что

они не виделись. Все мы изменились, меланхолично подумала Лидка. А то ли еще будет.

— Давай свою контрольную. Так, вариант упрощенный, для девчонок и экстернатников...

— Не всем теперь по карману платить за очное, — отозвалась Лидка, разглядывая комнату.

Рысюк обернулся от стола. Глаза у него были прозрачные, как у задумчивой рыбины.

— Извини.

— За что? — удивилась Лидка. — Был грубияном, грубияном помрешь.

Рысюк не то закашлял, не то засмеялся:

— Помирать я не собираюсь. Сядь вон на тот стул. И займись пока делом — расчерти поля вот в этой тетрадке, по четыре клеточки, сможешь?

— Постараюсь, — сказала она, никак не реагируя на насмешку.

Рысюк вырвал лист из блокнота и уселся решать Лидкины номера. Лидка водила красным карандашом — ответственно, аккуратно, со знанием дела.

— Кто убил Зарудного, знаешь? — спросил Рысюк вполголоса.

Лидка ни на секунду не прервала работу:

— Знаю. Те два мужика, которых нашли в заливе.

Рысюк оторвал глаза от уравнивания и цепко посмотрел ей в лицо:

— Как ты думаешь, эти... «очистители души» во главе с Бродовским... имели повод убить его, а?

Лидка водила карандашом. Летела красная грифельная пыль.

— Все-таки версия не хуже других... «Кровососы убили Зарудного» — немножко примитивно. Конечно, у олигархов был повод его убить... Не всегда стоит доверять очевидному. А очевидно то, что гибель Зарудного инициировала процессы, приведшие к новой катастрофе...

— Ты позвал меня, чтобы потрепать ученые словечки? — негромко спросила Лидка. — Меня, как приближенную к Зарудным особу?

Рысюк вздохнул. Отложил авторучку:

— Как там Славка?

Лидка пожала плечами:

— Скверно ему.

Славка жаловался, что за квартирой наблюдают. Настоящее это наблюдение или плоды травмированной психики, Лидка не имела понятия, тем более что Славкина мама подозревала всех и во всем — в последнее время она повадилась едва ли не обыскивать Лидку на выходе из квартиры: «Ты же помнишь, Лида, что ни один документ, даже самая мелкая бумажка не должна быть вынесена за порог... Ты же понимаешь, Лида...» И тогда она вскипала и еле сдерживалась, напоминая себе, что эта женщина пережила трагедию и слегка помутилась умом. И даже открывала свою сумку, демонстрируя: ни одной бумаги, принадлежавшей Андрею Игоревичу, она, Лидка, до сих пор не присвоила...

Но обсуждать все это с Рысюком не входило в ее планы.

— Лидка, — глухо сказал Рысюк. — Ты, наверное, думаешь, что я суюсь не в свое дело. Но я в отличие от тебя читал монографии Зарудного, его работы по истории...

— Ага, — отозвалась она равнодушно. — Он тебя вспоминал. Такой, говорит, в вашем лице талантливый мальчик, надежда кризисной истории...

Рысюк помолчал, и Лидка с удовольствием увидела, как Игорь краснеет.

— Да! — с вызовом сказал Рысюк, несильно ударяя кулаком по ветхой столешнице. — Я собираюсь быть кризисологом, и я им буду! И я имею достаточно информации, чтобы утверждать... чтобы предполагать, что Зарудный очень близко подошел к... созданию теории апокалипсиса. К каким-то основополагающим вещам...

— Какой ты умный, — сказала Лидка. — Никто не догадался, только ты.

— Если бы никто не догадался, — сказал Рысюк шепотом, — то Зарудный был бы жив. Неужели ты всерьез думаешь, что его убил этот Бродовский, эта банда с чистой душой? Или эти невнятные «политические противники»? Лида... Лида, ты чего?!

Она уже ревела. Давилась слезами.

И потому не сказала Рысюку про эти зарудновские слова.

«...Очень важное выступление по первому каналу. Мое выступление... Я думаю, что это будет поворот... в нашей общей судьбе. Я очень на это надеюсь».

* * *

— Все просто, — сказал Андрей Игоревич. — Тысячу лет человечество вертится, как белка в колесе. Цикла едва хватает на то, чтобы восстановить разрушенное. А когда потенциал для прорыва худо-бедно наращивается, все начинается сначала. Развал, распад, апокалипсис... Мы балансируем на грани, мы не растем, но и не скатываемся к первобытному состоянию. Кто поставил Ворота? Тот, кто хочет, чтобы мы оставались белкой в колесе, живой, потешной и безопасной белкой...

Он сидел на ограде пустого вольера. За его спинойплыли и плыли в небе облака.

— Лида, Лидочка, не плачь. Я прожил хорошую жизнь, я понял, что...

— Вставай. Вставай. Встава-ай!!

Темнота. Чьи-то руки, трясущие за плечи, да так, что немудрено проглотить язык.

— Лида! Вставай! Началось! Да вставай же!

Какой страшный сон, подумала она и шипнула себя за руку. Боль была — тупая, но вполне ощутимая.

— Началось, Лида... Одевайся. Скорей.

Комната заплывала красным. Тяжелый свет пробивался сквозь неплотно закрытые шторы.

— Мама?!

— Подъем! — гаркнул из прихожей отец. — Никаких нюней, никаких соплей! Через минуту выходим...

Казалось, он даже рад. Казалось, он стал выше ростом — оттого, что он больше не жалкий безработный, продавший за долги все, что только можно, а мужчина, отец семейства, готовый бороться за жизнь маленького, вверенного ему прайда.

Шорох ног, как в подземном переходе. Так показалось Лидке со сна.

— Отойди от окна!

Она успела заметить. Небо, неравномерно подсвеченное красным. Ручейки людей, вытекающие из подъездов и дворов. Запруженная людьми улица.

Страх пришел только сейчас. Когда она увидела это море движущихся голов. Текучее человеческое море.

— Штаб ГО, — глухо сказал радиоприемник. — Слушать всем. Опасность со стороны моря. Линия обороны проходит по улицам Флотской, Попова, Январскому проспекту. Внимание... Направление эвакуации — северо-восток, линия пригородной железнодорожной ветки. Запрещено использовать транспортные средства! За использование автомашин в зоне эвакуации — расстрел на месте!

Мягко качнулся пол. Задрезбужала в шкафу посуда, закачались люстры, с подоконника грянулась ваза. Яна взвизгнула.

— Тихо! — прикрикнула мама.

Тимур неразборчиво бубнил себе под нос.

Над самой крышей пролетел вертолет. От грохота на мгновение заложило уши.

Путаясь в ремнях, Лидка нацепила на спину рюкзачок. С застежкой на груди, так, чтобы в случае надобности можно было легко избавиться от ноши.

Тимур все бормотал и бормотал; Лидка взяла с вешалки шарф. Отец поймал ее руку:

— Не надо... Проверьте, чтобы ни у кого на шее ничего не было. Тимур, ты меня слышишь, или ты уже обо...ся?

Лидка вздрогнула. Отец в жизни не бранился, тем более при детях.

— Я в порядке, — сказал Тимур после паузы.

— Тогда ты с мамой. Я с девочками. Пошли.

Щелкнула, захлопываясь, дверь. И наступил пик Лидкиного страха — щелчок положил конец прежней жизни. Все всерьез. Всему конец. Щелк.

— Не бойся, — жалобным дрожащим голосом сказала Яна.

Лидка молчала, героически удерживаясь от слез.

Соседи уходили. Внизу торопливо хлопнула входная

дверь, шелкнул замок на втором этаже, а на четвертом кто-то торопливо поворачивал ключ. Хотя стоило ли трудиться?..

Они спускались, и знакомая с детства лестница казалась большой фотолабораторией — из-за густого красного света. Впереди шли мама с Тимуром, сзади отец вел Лидку и Яну, вел за руки, как маленьких.

— Ничего, — повторял отец, сжимая потную Лидкину ладонь. — Ничего, ничего...

Двор. Скамейка. Не светится ни одно окно, ни один фонарь, но света и так довольно. Низкие тучи отражают зарево, поднимающееся за горизонтом. Над морем.

И запах. Какой запах. Гари и гнили одновременно. И ни ветерка.

— Быстро пройти Угловую, — сказал отец в спину Тимуру. — Как можно быстрее. Потому что она узкая.

— Внимание! — радиоприемник помещался теперь у папы за поясом. — Штаб ГО сообщает. Опасность с моря! Линия обороны переместилась к Торговой площади. Внимание, линия обороны проходит по улицам Малой Угловой, Липской, Торговой...

Молчаливые люди вокруг одновременно прибавили ходу. На секунду потеряв из виду Тимура с мамой, Лидка шагнула со двора на улицу.

Вот тут была настоящая толпа. Тимур и мама мелькнули впереди и пропали снова; отец прибавил ходу, пытаясь догнать их. Со всех сторон закричали:

— Осторожно!

— Куда прешь!

— Вот из-за таких и давка!

— В ногу иди, кретин!

Над головами снова прошел вертолет, Лидка не смотрела на него, потому что боялась оторвать глаза от замусоренного асфальта. Ветром взметнуло пыль, зато вонь заметно ослабела.

Лидке было страшно обидно за отца. Его обзывали по-всякому — за то, что он не хотел терять из виду маму и Тимура. Но он все-таки протолкнулся вперед и проташил сквозь толпу Лидку и Яну, и теперь Тимур и мама шли впе-

реди, отлично видимые, и от этого спокойнее было на душе.

— Штаб ГО, — сказали откуда-то из репродуктора, но голос уже не казался голосом автомата. — Опасность с моря! Экстренная опасность для улиц Угловая, проспект Свободы, проспект Возрождения...

Отец рванул Лидку за руку. И крикнул Тимуру:

— Вправо!

И многие так сделали. Кинулись по сторонам, перепрыгивая через упавших, которые все-таки успевали подняться. Полетели стекла первых этажей — люди забивались в переулки, лезли в окна, цеплялись за низкие балконы. Люди знали что-то, чего не знала Лидка...

— Держись!

Хрустя битым стеклом под ногами, она ухитрилась ухватиться за чью-то протянутую руку и влезть на чужой балкон, увитый мертвым сухим виноградом.

Вот оно что...

Волна паники прокатилась узкой улицей Угловой. Те, что напирали сзади, теперь бежали сломя голову, это была уже не толпа — сплошной человеческий поток, Лидка смотрела, и ей казалось, что она чувствует, как расширяются ее зрачки.

— Рановато... — прохрипел кто-то рядом.

— За мной, — сказал отец.

Балконная дверь была не заперта. Лидка, Яна, отец, еще какие-то люди прошли через чужую квартиру, пустую и красную, хранящую запах сердечных капель, по-старушечьи прибранную, с кружевными салфетками на единственном столе, с фарфоровыми статуэтками на единственном шкафу. Лидка не выдержала и заплакала — не то от страха, не то от жалости к себе.

Дом был шестиэтажный. Люк на крышу уже был открыт, и туда один за другим пролезали люди — кто суетливо, кто внешне спокойно, но все очень торопились.

— Вперед...

Провода на крыше были оборваны и путались под ногами. Антенны стояли железным покосившимся лесом; Лид-

ка шла и не могла отделаться от мысли, что все это когда-то уже было. Она пробиралась по крыше...

Мостик! С крыши на крышу была переброшена пожарная лестница, метров десять по железным шпалам, придерживаясь за единственный тонкий поручень; Лидка закусила губу.

— Не смотри вниз, — глухо сказал отец.

Внизу все еще были люди. Кто-то бежал, кто-то лежал. Лидка не смотрела.

Железо было невыносимо холодным. Лидка потерпела бы, но от холода немели пальцы, теряли чувствительность, а сзади подталкивали, подгоняли — скорее, скорее...

Мостик закончился, уперся в соседнюю крышу. Лидка неловко прыгнула, и отец поймал ее на лету, поставил на черный рубероид. Рядом тяжело дышала Яна.

— Вперед!

Они почти побежали, и люди вокруг бежали тоже; потом идущий впереди мужчина резко остановился, и Лидка с разгону налетела на его спину.

— Смотрите! Там...

На соседней крыше завизжали. Женщина. Нет, скорее девчонка, такая же, как Лидка; и в ответ Лидка завизжала тоже, и завизжала Яна, и кто-то еще...

Удар по лицу привел ее в себя.

— Заткнись! Вперед...

Уже оборачиваясь туда, куда ее толкали, она успела заметить то, на что указывали трясущиеся пальцы паникеров. Заметить, по счастью, боковым зрением.

Глефа. Ростом, наверное, этажа в два. Вертикально передвигающаяся. Мокрая. Из вялого рта свисает полотнище с рекламного щита, будто гигантская салфетка, «Твой кофе», и улыбающийся блондин с дымящейся чашечкой...

— Вперед, дура!

Грохот. Прямо с неба опустился вертолет, Лидке показалось, что у нее с плеч сорвет голову. Сорвался и полетел вниз чей-то светлый пуховый берет, а вертолет накренился и врезал по чудовищу очередью, во всяком случае, Лидкин киношный опыт подсказывал, что это именно очередь. Та-та-та... Чудовище сразу стало вдвое меньше ростом.

— Защитнички, — плаксиво сказал кто-то за ее спиной. — Пришел ваш час, детки...

Лидка бежала, высоко поднимая колени, боясь споткнуться об упавший провод или складку рубероида. И на бегу вспоминала свое старое сочинение, в классе, кажется, третьем, что-то насчет дружбы девочки и дельфина.

Новый железный мостик. Людей на крыше становилось все больше, в какой-то момент отец крикнул: «Тимур!» И Лидка сразу увидела и брата, и маму. Мама плохо себя чувствовала. Дышала тяжело.

Грохот вертолетов. Новый вихрь. Выстрелы. Очереди. Туша вертолета, разворачивающаяся над соседней улицей; Лидка поняла, что завидует, черной завистью исходит к пилотам, которым не надо бояться и толкаться локтями, которые всемогущи, которые летают, красиво защищая мирных жителей...

В следующую секунду где-то позади, на подступах к морю, грохнул взрыв. Красное небо расцветилось еще и дымным костром над останками упавшего вертолета; Тимур что-то сказал, но Лидка не расслышала. Сейчас не будет слышен даже самый громкий крик...

Отец дернул ее за руку.

Опять люк. Лестница вниз. Ступеньки почему-то мокрые. Кучи мусора — пуговицы, бумажки, истоптанные перчатки. Запах мочи. Выход во двор. Газон, истоптанный до глины, поперек газона лежит, вытянувшись, человек в темном плаще.

Отец останавливается на секунду. Переворачивает лежащего на спину. Человеку лет шестьдесят, лицо желтое, глаза стеклянные. Мертв.

Бег продолжался без единого слова. Дворы, в просветах арок — все та же улица, теперь по ней шли машины, кажется, это отступали части ГО. Густо воняло выхлопными газами.

— Конец Угловой, — сказал папа с явным облегчением. Мама молчала, берегла дыхание.

Они выбрались из арки в толпе других запыхавшихся беженцев. Кто-то обгонял их, кто-то, наоборот, отставал. Человек в шлеме, закрывавшем все лицо, заругался и зама-

хал коротким жезлом, указывая, куда бежать. Другой, в таком же шлеме, сидел в башне броневика, перегородившего Угловую, и за спиной его стоял черный непроницаемый дым. Улица горела.

— Ворота! — закричала мама, подбежав под самый броневик. — Мальчики, Ворота еще не открылись?!

Тот, что был с жезлом, заругался злее. Тот, что сидел на башне, отрицательно покачал шлемом.

Лидка почувствовала, как глубоко в живот проваливается сердце. Валится, не продолжая трепыхаться. Еще чуть-чуть — и она сможет испражняться собственным сердцем, огонь, запах гари, пляшущий факел... «И Ворота не откроются на этот раз»...

— Вперед! — сказал отец, Лидка не услышала, но прочитала слово по его губам. И зашипела от боли, потому что ее грубо дернули за руку.

Они выбежали на проспект Возрождения, до одури широкий по сравнению с Угловой; люди здесь шли относительно свободно. Лидка постаралась приспособиться к общему ритму и выровнять дыхание.

Ворота откроются. Просто еще рано. Пока рано. Второй час от начала *мрыги*... Или уже третий?!

Апокалипсис начался тогда, когда убийцы всадили шесть пуль в Андрея Игоревича Зарудного.

Нет, апокалипсис начался раньше...

Ноги коротковаты. Слишком низко голова. Что там говорил Андрей Игоревич насчет маленького роста?!

Она впервые вспомнила о Славке и его матери. Впервые и оттого с раскаянием. Центр... Из центра легче выбираться. Славка здоровый... прорвутся...

Зашипело молчавшее до того радио. Из папиного репродуктора, из черных радиортов на фасадах зданий, из громкоговорителей на неподвижных броневиках:

— Слушать всем. Опасность с холмов. Сейсмическая активность в районе поселков Красный Лес, Озерово, Мигов. Направление эвакуации изменено. Повторяю — направление эвакуации изменено... Северная ветка железной дороги, линия Сухово — Верхний Болт. Сохраняется опас-

ность с моря. До непосредственной воздушной угрозы остается около десяти часов. Повторяю...

Лидка споткнулась. Целую секунду думала, что упадет, но отец успел подхватить ее под мышку:

— Под ноги смотри...

Затряслась земля. Закачались фонарные столбы. Полетело оконное стекло. Зарево стало ярче.

Я больше не могу, отстраненно подумала Лидка. Это же несправедливо... Мужчины и женщины в равных условиях... У кого-то ноги короче, у кого-то длиннее. Кто-то спортсмен... Кто-то старик...

Вспомнились вязанные салфеточки на столе в той квартире, в которую они вломились на пути отступления.

Естественный отбор, сказал Андрей Игоревич. Голос-то был его, но Лидка ни за что на свете не могла поверить, что Зарудный способен на такие жестокие слова.

«Те, кто ниже ростом, имеют больше шансов погибнуть в толчее...»

Ну, пока толчеи особенной нет. Вот только идти так быстро Лидка долго не сможет... Но ведь и в толпе-то не сплошь здоровые мужики. Устанут, пойдут медленнее...

«Я хочу, чтобы в момент катастрофы рядом с тобой, Лида, обязательно кто-то был. Кто-то достаточно сильный, чтобы поддержать тебя...»

Лидка покосилась на отца. С гордостью. Как когда-то, когда ей было восемь лет. Отец все делает правильно. Все обойдется...

Новый подземный толчок. Лидка своими глазами увидела, как качнулся девятиэтажный дом, будто карточное строение, будто гибкая складная удочка. Будто в мультфильме. Качнулся, на мгновение размазав себя по пространству, взмахнул верхними этажами, но не упал.

Где-то в толпе закричали, правда, крик почти сразу стих.

— Мы так и будем... пешком? — спросила Лидка, стараясь не прикусить язык.

Никто не ответил.

Темп действительно снижался. Они шли по проспекту вот уже час, он был очень длинный, проспект Возрождения, самая длинная улица в городе. Время от времени ра-

дио подкидывало новые подробности, но теперь все они касались других районов. Где-то прорвалась «угроза из моря», где-то вертолет зацепился за провода и рухнул на идущих людей. Лидка шла, все сильнее наваливаясь на руку отца.

Проспект Возрождения заканчивался площадью, Лидка не помнила ее названия. Тут поток людей раздвоился, отец, не раздумывая, свернул вправо, и мама с Тимуром и Лидка с Яной последовали за ним.

Миновали кладбище. Не центральное, помпезное, где похоронен Андрей Игоревич. Обыкновенное пригородное кладбище. Старое, давно закрытое для захоронений.

Занималось утро. Красный свет потускнел, смешавшись с серым предрассветным сумраком.

— Ни единой птички, — сказал Тимур, и Лидка подумала, что он прав. Ни обычных ворон на голых газонах, ни воровьев, ни мусорных городских голубей.

— Лида, не спи на ходу...

— Я больше не могу, — сказала она виновато.

Состояние болезненного возбуждения схлынуло. Накапывала усталость. Серое утро, колонна людей, бредущая из города в поле. Цементный завод вдалеке. Шарканье ног по грязной дороге. Шаг, шаг, еще шаг... Дурной сон.

— Вперед! — привычно прикрикнул отец. — Силы еще понадобятся... Еще...

Он не договорил. Затрещало радио.

— Внимание... Слушать всем. Угроза с моря, линия обороны по радиусу Прорывная — Левый спуск — Рошевая...

Лидка вздрогнула. Самый центр города. Далеко забрались глефы.

— Внимание на Северной трассе! Сейсмическая угроза не зафиксирована. Продолжайте следование. Внимание на Большой Лучевой трассе! Движение дальше пункта Дубки представляется нецелесообразным. Распределение нагрузок на Ворота...

— Ворот-то и нет, — сказали у Лидки за спиной. Она побоялась оглядываться, чтобы не упасть.

Они стояли посреди поля. Стояли и сидели. Лидка хлеба из жестяной кружки, а отец, когда она отворачивалась, доливал ей в термос свой чай. А Лидка, малодушная, делала вид, будто бы не видит...

Они стояли среди поля, а Ворот не было. Нигде. Становилось тепло, на землю летели куртки и шапки, и свитера; воздух над полем дрожал. Со стороны холмов накатывался горячий ветер.

Лидка сидела на собственной расстеленной куртке. Ей давно хотелось в туалет, но туалета не было, а людей вокруг толпилось, как на центральной площади в праздник.

Небо было нехорошего красно-фиолетового цвета. Будто кровоподтек.

До объявленной «непосредственной воздушной угрозы» оставалось часа два. По расчетам хриплого радио. А может быть, гораздо меньше — фиолетовое небо уже не однажды вспыхивало, перечеркнутое следом горячего падающего камня...

Где-то там извергались вулканы. Где-то поднималось цунами. Где-то горела нефть.

Здесь, на поле, было тихо и душно. Накатывалась жара. Тимур вслед за другими парнями разделся до пояса, и зря, потому что поверх его рельефных мускулов подергивалась бледная, пупырчатая гусиная кожа.

— Внимание, — устало сказал приемник. — Слушать всем. Данных об образовании Ворот не поступало. Внимание на Большой Лучевой трассе — возможна термическая опасность с северо-запада...

Толпа вокруг зашевелилась.

— Уходить...

— Ворота...

— Нет Ворот, ты же видишь...

Лидка слушала, прикрыв глаза.

Ворота появляются близ людских поселений. Вокруг города их должно быть больше.

Дальше — меньше.

Но пока нет нигде.

Нигде.

Пляшет факелом парень-стеклодув...

«Термическая угроза с северо-запада»...

Наваливается раскаленное облако.

Воды. Плюхнуться бы в чистую водичку и полежать в набегающей волне...

Бред. Бред от духоты и усталости. И от страха.

В фиолетовой полутьме она нашла мамину руку:

— Ма... Я такая дура была. Прости.

— Лидка, ты чего?!

Ей вспомнился мамин день рождения. Тот самый, на который она не купила цветов, зато влипла в скверную историю. В качестве подарка.

— Лидка... успокойся. Соберись... Немножко осталось...

Немножко.

Лучше бы им свалился на голову упавший вертолет. Лучше... чем...

Жара. Пекло.

Все, все погрязли во грехе, и кто знает, смилуется ли Он на этот раз и откроет ли спасительные Врата, чтобы дать человечеству еще один шанс...

С неба опустится огонь. Из моря выйдут чудовища. Все как обычно.

Только Ворота не будет.

Мама положила ей на лоб смоченную в уксусе тряпочку. Откуда здесь уксус? Мама знала... припасла... на всякий случай...

— Ты поспи пока, Лида. Вон Яна спит... Поспи. Мы тебя разбудим.

Разбудит огонь, валяющийся с неба. Разбудит навсегда.

* * *

Радио затрещало снова. Затрещало на грани яви и бреда:

— Всем. Всем. Зарегистрированы Ворота. Зарегистрированы ВОРОТА! Координаты для находящихся на Северной трассе... Координаты для находящихся на Обводной... На Большой Лучевой... На побережье...

Ее подхватили с земли. Еще секунда — и всех лежащих затопчут.

— Руку! Руку!! Это близко... Мы успеем. Все должны успеть. Все будет...

Лидка уже не понимала, к ней ли обращены слова, или сама она говорит их кому-то. А может быть, и то и другое.

— Девочки! Тимур! Ну же! Ну!!

Потемнело в глазах.

...Поле стояло почти вертикально. Поле было неровное, в колеях и рытвинах, на бегу так легко подвернуть ногу. Поле подернуто было редким горьким дымом, и казалось, что люди бегут по колено в вате.

А потом Лидка увидела Ворота.

Они не были похожи на свои изображения, на описания в рассказах очевидцев. Они не были ни красивыми, ни величественными. Они были безлики, как безлика больничная дверь, крашенная белой масляной краской. И они не были даже особенно большими.

На бегу Лидка поняла, на что это похоже. Так выглядит вход на станцию скоростного трамвая, только не в центре, а на окраине.

Со всех сторон к Воротам бежали люди. Миг — и Ворота исчезли, заслоненные потными прыгающими спинами.

Яна тонко завизжала. Нога ее все-таки подвернулась на кочке; она визжала, как подстреленный заяц. Лидка никогда не была на охоте, и сравнение было чужое, книжное, отстраненное.

Отец подхватил Яну на спину. Натужно крикнул Тимуру:

— Лидка!

Лидка увидела протянутую к ней руку брата. И потянулась ему навстречу, но в этот момент налетели сзади, толкнули ее далеко вперед, в спину ей ударил отчаянный крик мамы:

— Беги сама! Не оглядывайся! Беги!

Она побежала.

Спереди была чья-то спина. Сзади было чье-то дыхание. Справа и слева двигались чьи-то острые локти. Неба не было — головы, головы, головы, будто Лидка заблуди-

лась в густом лесу. Выигрывает тот, кто выше ростом, у кого длинные ноги...

И тот, кто очень хочет жить.

Шипение над головами. Крик. Удар, дрогнула земля. Лидка ни о чем не думала.

Спологи. Под ногами что-то мягкое, Лидка успела подпрыгнуть, не споткнуться.

Мама! Мамочка!

Она бежала, втиснутая в толпу, вбитая в толпу, будто колышек. Она не могла оценить красоты и величия происходящего.

Массы людей текли, как студень, со всех сторон и к одной цели; к той же цели спешил, взрывая землю гусеницами, одинокий броневик ГО. Неведомо, чего он хотел добиться, оказавшись у Ворот раньше толпы. И осталось неизвестным, потому что броневик не успел.

И те, бегущие в первых рядах, не успели тоже. Столкновение; первые несколько секунд у тяжелой боевой машины было все преимущество перед пешими беззащитными людьми, но волна, катящаяся по полю, уже не была толпой. Не была множеством людей, пусть даже обезумевших, пусть даже борющихся за жизнь.

Она была иным. И перед силой этого нового существа броневик был не мошкой даже — пылинкой. Его опрокинуло, перевернуло, и только тогда текущее по полю существо инстинктивно прынуло в разные стороны, обтекая препятствие, обволакивая его отжившей плотью, а потом и накрывая собой...

Лидка не видела. Ее больше не было. Была частичка колоссальной энергичной амебы.

У самых Ворот разные части текущего существа столкнулись. Столкнулись, выбросив вверх волну тел, сплелись и хлынули в спасительный проем, все быстрее и быстрее, движение наладилось, хрустели ребра, но текущее существо не умело ощущать боль.

Быстрее... Быстрее...

Небо полыхало. Существо на равнине инстинктивно отсчитывало последние отведенные для спасения минуты.

После того как срок истечет, небо расступится, не желая больше удерживать клубы огня и удушливого газа.

Кто не успел, тот проиграл навсегда. Существо на равнине знало это — помнило памятью предков, и потому так быстро втягивались рассыпанные по полю ложноножки.

В Ворота!

...Лидку уже несло. Она почти не касалась ногами земли; не ощущая боли в плечах и ребрах, она пыталась дышать. Только дышать. Хоть один раз еще вдохнуть! Хоть раз!

Существо на равнине становилось все меньше и меньше. Втягивалось в Ворота, как втягивается в водосток пенная после стирки вода.

Лидка потеряла сознание, но не упала, стиснутая теми, кто бежал рядом.

А потом и для них все исчезло.

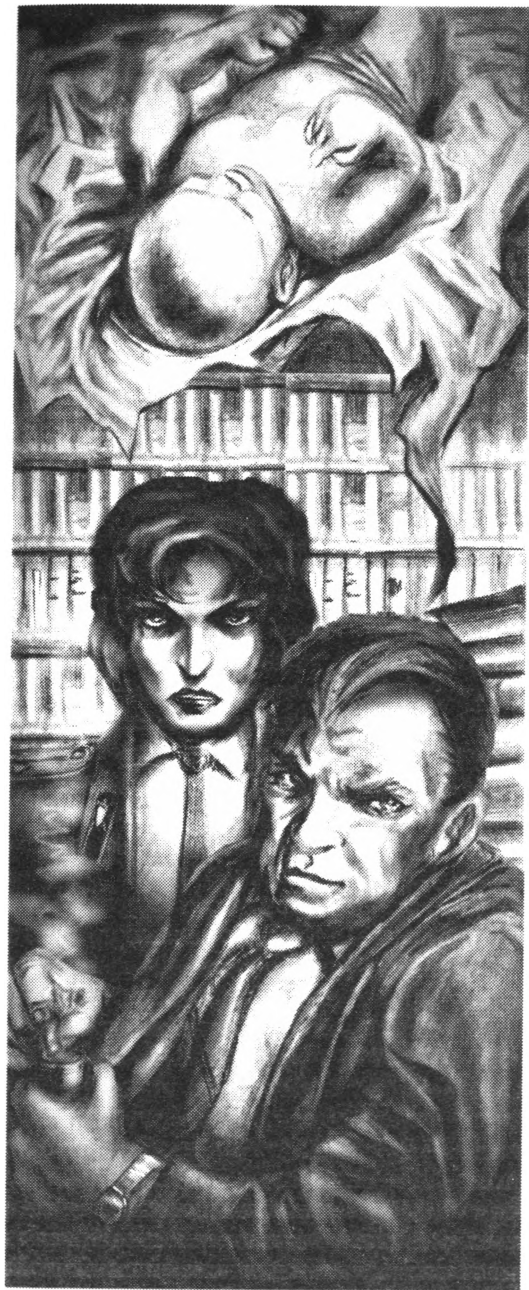
Спасительная тьма Ворот.

* * *

Наверное, у всех у них действительно был шанс успеть. Потому что прошло не меньше часа, прежде чем ударил с неба огонь — и затрещала, сгорая, вязкая слякоть на опустевшей равнине.

ГЛАВА ПЯТАЯ

на шла, сунув руки глубоко в карманы куртки. Было холодно. Опять сырая весна. Вдоль скамейки, отремонтированной, достроенной новыми досками, стояли штук шесть детских колясок. Из них половина новых. Надо же, уже и коляски выпускают, быстро развернулись...

— Привет, Лидка! — сказала Светка с четвертого этажа, румяная, непривычно располневшая. Ее мальчику вчера исполнился месяц.

— Привет! — Лидка помахала рукой. В рукав тут же нырнул холодный ветер; Лидка поежилась, снова сунула руку в карман, да так энергично, что маленькая дырочка на расползавшемся внутреннем шве сделалась больше.

Дыра в кармане, надо же.

Соседки болтали, не обращая внимания на Лидку. К шестерым молодым мамашам подседа одна мамаша потенциальная; двойня у нее, что ли, будет, но широкое пальто едва сходится на чудовищном животе...

На улице Лидку догнало солнце. Выскочило, как бандит из засады, сунулось в каждый угол, в каждую щель, осветило бледные лица прохожих — в основном женщин на разной стадии беременности. Прыгнуло в коляски — и новое поколение зажмурилось, сморщило красные личики, самые старшие потянулись, высвобождая из-под одеял короткие руки в крохотных варежках...

Лидка подняла голову и глубоко вздохнула.

До чего осточертел запах пеленок. Вся кухня завешана сохнувшей тканью. У Тимура девочка, жену Тимура зовут Саня, и Лидка более чем уверена, что брат познакомился с ней за неделю до свадьбы. Теперь Тимур бранится с женой и, забываясь, иногда называет ее «Яна»...

Лидка закусил губу. Побрела дальше, глядя под ноги.

Янка, Янка. Янка, ворчливая, вечно отбирившая Лидкины игрушки. Осталась там, в том цикле. На той равнине. Перед теми Воротами. Не уберегли. Всех не уберечь...

Мысли о Яне почти не приносили боли. Текли привычно. Тимур называл Яной свою дочь, а у мамы, похоже, будет мальчик. Интересно, как она его назовет?

Отец в последнее время ну прямо-таки расцвел. Хоть приходит с работы полумертвый, но при едином взгляде на мамин живот ну прямо весна с человеком, весна и грачи прилетели... С Лидкиной точки зрения, ничего красивого нет в этих животах. Уродство. Ну ничего, вот родит мама, и Тимур будет нянчить одновременно дочку и братика.

Она миновала угол дома, и ветер подул с новой силой. Лидка подняла плечи, повернулась к ветру спиной, защищаясь от особо стервозного порыва. Мама не раз намекала, что с маленьким братиком ей понадобится Лидкина помощь. А Лидка намекала в ответ, что на нее в этом деле лучше не рассчитывать.

Она прошла мимо строительства. И еще одного. И еще одного дома, отстроенного еще осенью. Новенькие рамы, новенькая крыша, только нижние этажи старые, кирпич потемнел от времени и кое-где закопчен.

К лету обещают окончательно отстроить скоростной трамвай. А пока приходится добираться как попало, хоть на попутках...

Лидка вышла на перекресток и подняла руку. Машина остановилась тотчас же.

— В центр? Садись.

За рулем был парень, чем-то похожий на Тимура. Впрочем, это в том цикле принято было говорить — «парень». В этом цикле говорят — «мужчина».

— По магазинам? — Парень вел машину небрежно, и настроение у него было отличное. Самое время поговорить.

Лидка покачала головой:

— В гости. К жениху.

Вот так. Универсальная фраза. А иначе — Лидка отлично знала! — сразу же становятся возможны варианты. «У тебя уже муж есть? Ты такая симпатичная женщина...»

Потому что и Лидка в этом цикле автоматически поте-

ряла право именоваться девочкой или девушкой. Она женщина, а что ей едва стукнуло семнадцать — мало кого волнует.

Плохо быть поздним ребенком.

Как там говорила мама? «Подумай, Лидка. Детородный период такой короткий, оглянуться не успеешь, а он уже прошел, и тогда уже не забеременеть, ты же учила физиологию... И останешься бездетной. Может быть, не стоит ждать? Посмотри, все твои одноклассницы...»

Лидка поморщилась, как от боли. Даже веселый водитель спросил озабоченно:

— С тобой все в порядке?

Привычная заботливость. Любой женщине может стать плохо на улице или в магазине, и сразу же орды доброхотов: «С вами все в порядке? Позвать врача?»

— Вот здесь, — открывая дверцу, Лидка сунула парню в руку смятую бумажку. Вышла под знаком «Остановка запрещена», благо милиции поблизости не оказалось.

«Папа, а ты всегда переходишь дорогу на зеленый свет?» Давно, тысячи лет назад Славка ерничал, провоцируя Андрея Игоревича, тогда еще живого, спокойного, надежного...

Дом Зарудных сохранился полностью. Его пощадили подземные толчки, на него не упал горящий вертолет, его не опалило небесным огнем и не накрыло метеоритным обвалом. Даже, говорят, некоторые стекла остались целы...

Лидка вошла в знакомый подъезд.

Будку консьержа давно убрали. На освободившемся пространстве стояли все те же коляски — плетеные, клеенчатые, красные, синие и цветные. Пока что в элитарном доме — сумятица и теснота; лет через пять с домом начнут разбираться. Кого оставить, кого — в новостройку...

Лидка позвонила у входа. Три раза, как и было условлено. Дверь открыл Славка; в нос ударил все тот же запах сохнувших пеленок.

В бывшей зарудновской квартире обитали сейчас четыре семьи с тремя младенцами. Славка с Клавдией Васильевной жили в кабинете Андрея Игоревича; Зарудная нигде не работала, Славка нигде не учился. Андрей Игоревич оставил им некоторую сумму на страховом счету — пока что на жизнь хватало. Если это можно назвать жизнью.

Славка зарос неопрятной щетиной. Одет был в неопрятный спортивный костюм и столь же неопрятные тапки. Глаза воспаленно блестели. Нехороший блеск, подумала Лидка.

— Когда ты в последний раз выходил на улицу?

Славка махнул рукой:

— Проходи...

Просторный коридор, голые стены. Зато в кабинете — не развернуться, сюда стащили и собрали мебель и вещи, которые не удалось продать. Один архив, уложенный в картонные ящики, образовывал башню почти до потолка.

Лидка огляделась. Клавдии Васильевны не было в комнате. Славка опередил ее вопрос:

— Мама на кухне. Лид, она переезжать хочет.

— Куда? — механически спросила Лидка.

— В пригород. В двухкомнатную... Потому что нас все равно здесь не оставят. Дом-то ведомственный...

В голосе Славки была самая настоящая боль. Он здесь вырос. Это его дом. Каждая половица помнит погибшего отца. Переезд — новая потеря...

— Слава, — сказала Лидка самой себе непривычным, очень взрослым голосом. — Новый цикл — новая жизнь. Ты детей-то заводить думаешь? Или копать будешь три года, как Бедная Анна?

— Как кто? — тупо спросил Славка.

— Классику читать надо, — сказала Лидка, довольная хотя бы тем, что удалось отвлечь его. — И побрейся. Смотреть противно.

Славка отвернулся:

— Будешь смеяться... Вчера этот Ретельников приходил, то же самое сказал слово в слово. Смотреть, говорит, противно. Я и говорю — не смотрите, я вас в гости не звал...

— Какой Ретельников? — спросила теперь уже Лидка.

— Толстый, — Славка вздохнул. — Гэошник, который с отцом вроде как дружил.

Лидка нахмурила брови, пытаясь припомнить толстого гэошника. Что-то смутное — толстый и печальный. Иди, девочка, учись хорошо.

Она усмехнулась. Тогда еще считалось, что она должна

учиться. В новом цикле толстяк сказал бы — иди, девочка, рожай поскорей...

— Чего ему надо-то было?

Славка пожал плечами:

— Так... По старой памяти.

Приоткрылась дверь. В щель боком протиснулась Клавдия Васильевна с горячим котелком в руках:

— А, Лидочка...

Лидка открыла рот, чтобы сказать «здрасьте». Но поздороваться не успела.

Клавдия Васильевна вытянула руки, стараясь держать котелок подальше от себя. Шагнула, не глядя под ноги, и запнулась, кажется, о выступающий уголок настольного хоккея. Вскрикнула, отпрыгнула от валящегося из рук котелка и налетела спиной на башню из картонных ящиков.

— Держи!!

Башня накренилась медленно, как в дурном сне. Рухнула, разбив стекло на журнальном столике; пустой котелок все еще плясал, позвякивая, в луже борща, а по комнате уже свободно летали разнокалиберные бумаги — какой-то из картонных ящиков, вероятно, верхний, лопнул от удара и с силой выбросил из себя содержимое.

В коридоре зашлепали тапки. Загудели голоса:

— Что случилось?

— Клавдия Васильевна, что у вас?

Дверь приоткрылась, обнаруживая молодые, незнакомые Лидке лица. Этим дамочкам повезло — хоть их дома и пострадали, но страховой полис оказался достаточно внушительным, чтобы погорельцы могли претендовать на новое, весьма приличное жилье.

Где-то в глубине квартиры, там, куда Лидка так и не попала ни разу, заплакали в два голоса младенцы.

Клавдия Васильевна была так расстроена, что молча, не глядя на соседок, вышла из комнаты. Славка некоторое время постоял, потом наклонился и стал собирать бумаги; Лидка последовала его примеру.

Сколько же труда потребуется, чтобы водрузить коробки обратно! У Славки одного не хватит силы. Придется

просить у дворника стремянку... Просить постылых соседей, чтобы помогли...

— Слав, принеси тряпку. Надо лужу затереть.

Славка вышел, не споря. Лидка собирала разлетевшиеся листочки.

Лопнула, как назло, коробка с личной перепиской. Когда Лидка работала с архивом, эти письма читать ей запрещалось — только выписывать в тетрадку номер и дату. И она не нарушала запрета. Почти.

«Дорогая Клавушка, ромашка моя ненаглядная, когда я снова вас увижу?! Славка, наверное, не узнает меня; ты пишешь, он уже пытается ходить...»

Превозмогая соблазн, Лидка сунула письмо глубже в конверт. Подняла глаза, встретила взглядом с портретом Андрея Игоревича. Нехорошо читать чужие письма. Особенно если от них наваливается тоска. А ведь новый цикл — новая жизнь...

Эти, гёшники, в свое время просматривали и личные письма тоже. Лидка видела — равнодушный такой тип в перчатках сидел вот здесь, в кабинете, под портретом, и перекладывал конверт за конвертом. Нет, читать не читал — времени, видно, не было...

— Бумаги упали, — сказал кому-то Славка за приоткрытой дверью. — Что? Нет, это ты будешь выкидывать свои шмотки, а я папины документы все-таки оставлю, можно? Разрешаешь?

И сразу, без перехода:

— Лид, я тряпку принес...

Лидка сидела под столом, пытаясь вытащить из щели старый, расклеившийся конверт. Как он туда ухитрился влететь — пес его знает.

— Тряпку? Сейчас...

В руке у нее оказался листок бумаги, желтый и испсанный ученическими каракулями: «Дорогой папачка! Я делаю все твои упражнения, уже научился нырять...»

Из-под одного листка вылетел другой. Гораздо более жесткий, белый, покрытый плотным печатным текстом. Принтер.

Под столом было темно. Лидка машинально поднесла листок к глазам.

— Вот елки-палки, — бормотал Славка, пытаясь затереть аппетитно пахнущую лужу. — Весь ковер в борще...

«Сограждане!»

Лидка вздрогнула. Ей показалось, что она слышит этот голос. Спокойный, уверенный, такой узнаваемый.

«Сограждане, парламентская комиссия по делам апокалипсиса уполномочила меня...»

— Что ты там делаешь? — грубовато спросил Славка. — Заснула там, под столом?

— Конверт потерялся, — соврала Лидка неожиданно для себя. И это вместо того, чтобы выпрямиться и спросить у полноправного наследника: «Посмотри, что это?»

— Брось... Иди сюда, помоги.

— Иду...

«...задевает интересы всей правящей верхушки, всех наших всенародно избранных, предавших свой народ руководителей... В Декларации прав человека записано: каждый человек имеет право знать о появлении Ворот в ту же секунду, как эти сведения становятся доступными верховному штабу ГО. Довожу до вашего сведения, что правительством нашей страны вот уже много циклов практикуется...»

Снова открылась дверь. Под столом отчетливо потянуло сквозняком.

— Слава... — глухо сказала Клавдия Васильевна. — Брось эту тряпку. Помоги мне найти нитроглицерин...

Лидка притихла под столом, как будто ее и не было.

«... практикуется так называемое «условленное время»; это время, проходящее между первым сигналом о появлении Ворот и сигналом, оповещающим население. Это время колеблется от получаса до полутора часов, за это время специальный контингент доставляется к свободным Воротам и спокойно, с комфортом эвакуируется... Список спецконтингента держится в глубоком секрете, но каждый из вас спокойно может воссоздать его, просто перечислив имена крупнейших чиновников, начиная с Президента и заканчивая...»

Она сложила бумажку, но не стала прятать в один конверт с письмом «дорогому папачке». Скорее всего, этой бумажке там не место. Скорее всего... но тогда как она там оказалась?!

Когда она выпрямилась, щеки ее были цвета молодой свеклы. По счастью, такой цвет лица можно было объяснить неудобной позой — скорчившись, под столом...

«Ты же помнишь, Лида, что ни один документ, даже самая мелкая бумажка не должна быть вынесена за порог... Ты же понимаешь, Лида...»

— Вот, тут письмо одно затерялось... Слава, возьми.

И она протянула Славке желтый конверт с ученическими каракулями.

А под свитером, за поясом джинсов, предательски хрустнула жесткая белая бумага. Как показалось Лидке, на весь дом. Странно, что ни хмурый Славка, ни бледная Клавдия Васильевна ничего не услышали.

* * *

Клептоманка...

Зачем она это сделала?

Низачем. Интуитивно.

Утверждая и свое право на наследство Андрея Игоревича. Свое призрачное, никогда не существовавшее право.

А что особенного? Ничего особенного. Она прочитает и вернет. Незаметно сунет в ящик, к примеру, стола.

«Многолетние исследования только подтверждают то, что лежит на поверхности. Ворота появляются, чтобы пропустить в себя *всех* живущих людей. Пространства Ворот достаточно для *полной* эвакуации без потерь. От нас, сограждане, зависит, как нам уходить — либо оттесняя и топча друг друга, либо с достоинством, поддерживая слабого, не поддаваясь панике... Так называемое «условленное время» — позор нации, предательство со стороны правящей партии. Пришло время назвать предателей предателями, сломать порочную «условленную» систему, признать первой и достижимой целью апокалипсис без потерь! *Каждый* человек должен узнавать об открытии Ворот сразу же после их обнаружения. *Каждый* человек должен помнить, что Ворота — экзамен для цивилизации, Ворота открыты для всех, Ворота — для всех, мы — едины...»

Лидка брела, глубоко засунув руки в карманы куртки, а в ушах ее снова и снова звучал подчеркнуто спокойный, глубокий голос. Спокойный, но не равнодушный.

«Ворота открыты для всех!»

Безмозглая амеба на широкой равнине. Перевернутый броневи́к. «Условленное время».

Жалко Яну.

Они стояли и сидели посреди пустого поля, пили чай из термосов, сверху наваливалась жара... А в это время Ворота уже стояли открытыми, и время текло, шелкало, бежала стрелка на чем-то бесстрастном хронометре. И бедная обессиленная Янка еще не знала, что жить ей осталось два часа.

Лидка сжала кулаки. В кармане куртки хрустнула потревоженная бумажка.

Андрей Игоревич гулял с ней по опустевшему зоопарку, а за пазухой у него была бомба. Любовно приготовленная, с уже дымящимся запалом; телевыступление, текст которого был уже написан. Разоблачение. Ох, какой был бы взрыв!

Вот только взорвать не удалось. Оперешили. Убили пиротехника и отстригли запал, и бомбу изъяли... Впрочем, бомбой она была именно в руках Зарудного. В чьих угодно других руках — петарда, шутиха, не больше. Смутные слухи про «спецворота» ходили и раньше, всегда ходили, только никто не брался определить в них процентное содержание правды...

— Добрый день... девушка. Мне кажется, я вас где-то видел.

Лидка обернулась. Парень улыбнулся, ничуть не смущаясь ее хмурым видом:

— У вас есть время? Я приезжий, хотел бы убить где-нибудь часа два... Здесь где-нибудь есть кафе?

Лидка смирila его с головы до ног. Щуплый, невысокий, куртка с чужого плеча и джинсы с чужой, так сказать, задницы. Стандартный «страховой комплект», наверное, еще лет пять по улицам будут ходить люди в поношенных «страшилках». Лидке еще повезло — их дом устоял, и даже шмотки в железном ящике почти не пострадали...

— Может быть, ресторан? — предложил парень, не без основания полагая, что оборванцу в «страшилке» следует быть нахрапистым.

Лидка огляделась. Они стояли почти в самом центре города, кругом полно было и кафе, и ресторанов, и ярких

вывесок, вот только место, куда она собиралась послать незнакомца, вывески не имеет — стесняется...

Она уже открыла рот, но в последний момент удержалась.

— Пошли в музей.

— А? — Парень заулыбался активнее.

— В музей естественной истории, — отчеканила Лидка, как на экзамене. — Вот вход, видишь? Две каменюки по бокам.

Парень послушно посмотрел вслед за ее рукой. Неуверенно кивнул:

— А может, все-таки кафе?

Лидка повернулась и пошла по направлению к музею. Парень тут же ее догнал.

— Тебя как зовут? — спросила она на ходу.

— Андрей...

Она резко сбавила шаг. Посмотрела на него недоверчиво:

— Точно? Не брешешь?

— С чего бы? — справедливо возмутился парень.

— А меня зовут Яной, — сказала Лидка, глядя прямо перед собой.

— Яна? — обрадовался Андрей. — Какое красивое имя...

— Да уж...

Она милостиво позволила новому знакомому купить два билета, тем более что цена их оказалась смешной даже по нынешним временам. Посетителей было мало; музей не реставрировали со времен апокалипсиса, окна подернуты были, словно веками, закопченными железными шторками. Пройдет еще лет пять, и сюда потянутся вереницы первых маленьких почемучек; детсадовцы старшей группы будут разевать рты, глядя на отреставрированные картинки и отремонтированные муляжи, все это будет, но не сейчас, сейчас старшая группа надсадно орет и мочит пеленки...

— Ты где учишься, Андрей?

— Я работаю. — Он улыбнулся. — Буду работать. На судостроительном. Из Носовки, по лимиту...

Лидка подумала, что он симпатичный. Что он не такой наглый, как показалось вначале. Что он не врёт и не рисует, а искренне верит, что впереди большая счастливая

жизнь, он устроился в городе, теперь осталось быстро жениться и клепать попеременно то железо, то детей.

— А я историк. — Она сунула руки еще глубже в карманы, хотя это, казалось, было уже невозможно. — Хочешь, экскурсию проведу?

Андрей нерешительно улыбнулся. В его планы экскурсия не входила; сегодня ему повезло, ему прямо на улице попалась ничья женщина, следовало, не теряя времени, выкладывать козыри. Ношенная «страшилка» — не козырь, судоремонтный — не козырь, а козырь, вероятно, сам Андрей, добрый и покладистый, веселый и непринхотливый, и, что самое главное, в постели совершенно непревзойденный, барс, лев, машина любви.

— Это недолго, — сказала Лидка, улыбаясь в ответ. — Ты ведь первый раз в городе, да? И не был в нашем замечательном музее?

Андрей сглотнул, смешно, как тощая ворона. Во всяком случае, Лидке казалось, что вороны глотают именно так.

— Посмотри сюда. Нет, не туда, там начало осмотра, ничего интересного. Красивые камушки? Мне тоже нравится. Тут на картинке — первобытная рыба, это ты в школе проходил... Ничего, что я на «ты» к тебе? Вот они вылезли на сушу. Нет, пока еще не дельфины — жизнь выбралась на сушу, отряхнулась и пошла себе дальше... Там скелет какой-то твари, вроде динозавр плотоядный. На задних лапах бегал и жрал все, что движется. Вот в этой витрине — муляж первобытного человека. Жили они трудно, но апокалипсисов тогда не было. Только пугали друг друга — вот, мол, скоро конец света, у-у-у!

Андрей чуть отстранился и глядел на нее с испугом — не иначе, раздумывал, а не стоит ли отменить мероприятие и не дать ли деру, списав стоимость входных билетов на побочные, не оправдавшие себя расходы.

— Не бойся, — Лидка засмеялась. — Про эволюцию и последующий ход истории я тебе травить не буду. Пойдем сразу на третий этаж...

И, ухватив парня за руку, потащила едва ли не волоком.

— Вот. — Лидкино дыхание сбилось, на щеках проступил румянец. — Вот место, где сбылись опасения человечества. И надежды сбылись тоже. Расцвет науки и техники, первые космические полеты, первые ядерные испыта-

ния... И первый апокалипсис, так его растак, и первые Ворота. Видишь?

Андрей послушно кивнул. Ворота были выполнены в пропорции один к трем, через них любознательный посетитель попадал в следующий зал.

— Очень похоже... — Лидка подошла к стилизованной стенке, постучала, презрев обязательную табличку «Руками на трогать», провела ладонью по приятной серебристой поверхности. — Очень похоже... Наверное, и ночью фосфоресцируют, как настоящие. Светятся то есть. Да?

Андрей развел руками:

— Слушай, Ян, я тут в общежитии, в общем, недалеко живу, в комнате один пока, сосед уехал на выходные, хочешь, зайдем ко мне, коньячку попьем?

— Откуда у тебя коньяк? — механически спросила Лидка.

Андрей хитро улыбнулся:

— Из «страховочки». Мне положено, я сирота...

— Тебе за погибших родителей коньяком заплатили? — спросила она резко. Слишком резко. Андрей отшатнулся, побледнел:

— Ты... что? У меня... еще в том цикле... детдомовский я, понятно?

Он хотел уходить, но Лидка поймала его за рукав:

— Прости... прости. Ты тут ни при чем. Прости меня. С этих сволочей станется... Они первые узнали о Воротах... и никому ничего не сказали. Сами влезли, вразвалочку, с поварами и денщиками, с женами и внуками, так между собой условились, потому и «условленное время»... А потом уже, потом — сказали нам. И мы побежали... И я не успела. Меня затоптали насмерть. Меня нет.

Андрей хотел что-то сказать, но поперхнулся и закашлялся. Кашлял мучительно, отступая, в кратких промежутках между приступами поднимая на Лидку глаза и глядя на нее, как детсадовец на чучело динозавра.

— Не веришь? — Лидка усмехнулась. — Спроси кого хочешь. Яна Сотова погибла во время апокалипсиса... вернее, во время эвакуации. Потому что вот.

Она вытащила из кармана твердую и белую, сложенную в восемь раз бумагу. Но Андрей не стал дожидаться, пока Лидка разгладит на колене произнесенную речь его тезки.

Он повернулся и быстро пошел к выходу.

Из дальнего угла тарасилась полненькая пожилая смотрительница.

* * *

Славка молчал и смотрел, как побитая собачонка.

На кухне возились мама и Саня, жена Тимура. За стеной плакала Яна, новорожденная Лидкина племянница. Она всегда плачет. Днем и ночью. Как они только выдерживают?!

Славка впервые пришел к Лидке в гости. Впрочем, «в гости» — сильно сказано. Где же стол, чай, торт, интеллектуальная беседа? Где вежливое любопытство родственников?

Любопытства не было, была оценка. Этот? Ах, тот самый Слава Зарудный? Ничего, подойдет...

По счастью, Лидка еще сохранила за собой право на отдельную комнату. Ее счастье; Славке повезло меньше, именно потому Лидка рискнула привести его сюда — мимо скамейки с молодыми любопытными мамашами, от которых ничто-ничто не может укрыться. Ладно, пусть болтают.

Проведя Славку в свою комнату и заперев дверь, Лидка без объяснений развернула перед ним распечатку с текстом несказанной речи. И пока Славка читал, шевеля губами, — сидела на подоконнике и ждала, болтая ногой, глядя в небо.

И вот теперь Славка молчал — и смотрел, как побитая собачонка.

— Понял? — спросила Лидка сухо.

— Надо сказать... — пробормотал Славка неуверенно.

— Кому? — Лидка усмехнулась. — Кому надо, тот знает. Суета, обыски-шмообыски... Все выпрашивали: а мог ли говорить? А что сказал? А не назвал ли своих убийц?

Славка втянул голову в плечи. Лидке стало стыдно.

— Я и раньше догадывался... — сказал Славка бесцветно. — Мама говорила... что мы попадаем в «контингент». Только после всего *этого*... с отцом... эвакуироваться все равно пришлось... на общих основаниях.

Лидка оскалилась:

— А представляешь, что было бы, если бы он успел *сказать*? Накануне апокалипсиса? Что было бы?

Славка вымученно улыбнулся:

— Отменили бы «условленное время». Заставили бы. Заварушка...

— «Контингент» его и заказал, — сказала Лидка медленно. Как приговор произнесла.

Славка закусил губу:

— «Контингент» большой. Ты знаешь кто?..

— Узнаю, — сказала Лидка глухо.

В прихожей задребезжал звонок. Прошлепали тапочки по тесному коридору; через несколько секунд в дверь комнаты постучалась мама:

— Лид, тебя Света спрашивает...

Лидка на мгновение прикрыла глаза. Даже раздражения не было; Светка с четвертого этажа сияла, лицо у нее было красно-розовое, как тельце свиньи-копилки.

— Лид, тут такое дело... Коляски по разнарядке, новые, «троечки», зимняя, летняя, с люлькой. Я о тебе вспомнила, понадобится ведь, а неизвестно, найдешь ли потом такое чудо. И недорого совсем. Возьмешь, Лид?

Лидка смогла даже выдавить улыбку:

— Спасибо, Свет. Пока не надо. Суеверия.

— А-а-а. — На Светкином лице возникла тень понимания. — Ну понятно, только сейчас не до жиру ведь, обычно все хватают, пока есть, а то потом все ведь нарожают — днем с огнем не найдешь приличной коляски... Ладно, Лид, ты заходи, если что...

— Ага, — сказала Лидка. — Спасибо.

Славка ждал ее. Вертел пальцем бобину старого, давно не работающего магнитофона. Отец давно порывался выбросить «этот хлам», но Лидка не давала из непонятого упрямства. Будто мертвый магнитофон связывал ее с прежней жизнью, которая была, конечно, не сахар, но вот вспоминается как рай; тогда отец ворчал, что, мол, припечет, будешь искать, куда кровать поставить, вот тогда и выбросишь, никуда не денешься...

Лидка села на пол. Прислонилась спиной к старому дивану:

— Я, Слав, *узнаю*, кто его заказал. Жизнь на это положу, но *узнаю*.

Славка поднял глаза:

— А откуда у тебя эта бумага?

— Нашла. — Лидке полагалось бы смутиться, но вот беда, она не чувствовала за собой вины. Ни капельки; наоборот — теперь она ощущала смутное раздражение от того, что Славка, родной сын убитого депутата Зарудного, не спешит резать руку и кровью подписывать обещание о скорой мести. Не клянется, сузив глаза: и я жизнь положу, но помогу тебе узнать имя убийцы...

Славка поймал ее взгляд. Потупился, вздохнул, оставил магнитофон и сел рядом, так что Лидка ощутила тепло его плеча.

— Лид... Мне отец рассказывал... Еще до всего. Что-то вроде притчи, но мне кажется, что он сам ее и придумал. О том, для чего даны человечеству Ворота.

Лидка молчала.

— Он говорил... что апокалипсис — не испытание. Что это намордник, надетый на человечество. А Ворота...

В дверь забарабанили с новой силой:

— Лидка! Лидка! Открой!

Славка вздрогнул.

— В чем дело? — спросила Лидка неприятным голосом.

— Лидка... — Жена Тимура Саня прежде никогда не посягала на Лидкину территориальную независимость. — У твоей мамы уже воды отходят, а схваток нет! Тимур на работе, отец на работе... Надо машину ловить, слышишь, и везти ее поскорее, потому что это очень опасно, надо скорее...

Лидка трясущимися руками скинула с двери крючок.

Мама надевала туфли. Очень бледная. Сосредоточенная.

* * *

«Апокалипсис — намордник, поводок, надетый на человечество. Кольцо, не дающее нам расти дальше, сковывающее то, что мы привыкли называть прогрессом. Оставшись в живых, мы радостно принимаемся воспроизводить себя во всех отношениях... Восстанавливать разрушенное. Восстанавливать численность популяции. Все наши силы направлены на то, чтобы обновиться и выжить в новом катаклизме. Мы не можем позволить себе ни одного мало-

мальски пристойного космического полета, хотя технические наработки существуют уже много циклов. Мы почти не пользуемся ядерной энергией, хотя эксплуатация атомных электростанций здорово облегчила бы нам жизнь. Но натягивается поводок апокалипсиса — и попытки создать ядерное оружие приводят к гибели целых стран, целых регионов... Даже обычные боеприпасы — будучи помещенными в спецукрытия! — во время апокалипсиса самоуничтожаются в пятидесяти случаях из ста. Апокалипсис — жесткое условие, ограничение, и нам не узнать, кем оно установлено. Может быть, никогда не узнать... Но что такое Ворота?

Ворота — это шанс. Это как прощение, как бы поощрение, как бы дорога в жизнь. И любой школьник скажет — Ворота непознаваемы, во всяком случае, на нынешнем уровне нашего развития...

Но наш уровень обречен оставаться таким до скончания веков!

Мы вертимся, как белки в колесе, от цикла к циклу, и кажется, нет выхода. Но, может быть, если апокалипсис — это колесо для белки, то Ворота — нечто большее, чем просто спасательный круг?

Если Апокалипсис — не испытание, то, может быть, Ворота — это и есть тест? Лабиринт для крысы?

Нас много, но и Ворот много. Я готов с цифрами в руках доказать: Ворота возникают с расчетом на то, что живущие люди пройдут в них ВСЕ. Если не будут терять ни секунды. Если никто ни на мгновение не задержится, чтобы отпихнуть с дороги соседа...

Но возможно ли это?

Страх смерти, материализовавшийся в нависших над головами огненных облаках. Землетрясения, от которых земля трескается, как перепеченный пирог... Теряя голову на подступах к Воротам, сумеют ли люди остаться собой настолько, чтобы прошесть в спасительное Никуда в мире и порядке, спокойно, как на прогулке?

Списки погибших во время эвакуации публикуются в начале каждого нового цикла. Каждый из них был затоптан тобой, читающим сейчас эти строки. Потому что ты выжил. Они — нет.

Зачем поставлены Ворота?

И что будет, если в один прекрасный день человечество пройдет в них с гордо поднятой головой, не медля, но и не торопясь, спеша поддержать любого, кто случайно оступится? Что будет, если это, несбыточное, однажды случится?

Возможно, именно тогда цикл завершится, и намордник будет снят. Канут в прошлое чудовищные в своей регулярности землетрясения, и неизвестные астрономам кометы перестанут появляться из ниоткуда. И дельфины станут выводить своих личинок далеко от берега... Впрочем, что нам какие-то глефы в отрыве от собственно апокалипсиса?

И человечество будет наконец развиваться. Развиваться, а не ходить по кругу, не раскручивать беличье колесо. Возможно, тот, кто поставил Ворота, сочтет, что *теперь* человечество достойно жизни без поводка...

Нет, не спрашивайте меня, кто поставил Ворота. Я не отвечу.

Я не знаю».

(Андрей Зарудный, из неопубликованных статей.)

* * *

Библиотекарша на входе, вероятно, была еще и подследовата, потому что человек с острым зрением элементарно разгадал бы подвох. Читательский билет был выписан на имя Рысюка Игоря Георгиевича, а Лидка, хоть и в брюках и в мужском плаще, хоть и с подобранными под кепку волосами, на Рысюка походила мало. Даже с учетом невнятной блеклой фотографии.

На то и было рассчитано — на неожиданность. Какая девка решится войти в закрытую библиотеку по пропуску с фотографией мужчины? Только сумасшедшая.

— Сумасшедшая, — морщился Рысюк. Но на авантюру все-таки пошел. Хоть и рисковал, между прочим, многим. Это он-то, студент-отличник, призер и дипломант, всеобщая гордость и надежда, носитель незапятнанного, с иголочки, доброго имени! Для поддержания имиджа он даже женился, Лидка знала, на какой-то глупой телке, затем только, чтобы та рожала ему детей, потому что дети тоже

входят в понятие «имидж». И ведь не побоялся скандала, и даже заказал книги по Лидкиному списку...

Она прошла в гардероб и тихонечко, незаметно разделась, превратившись из странного юноши в обыкновенную девушку. Вошла в зал, стараясь не суетиться, не привлекать внимания. Первая часть плана прошла гладко — теперь предстояла вторая. И, разумеется, возможны еще неожиданности, вроде проверки читательских билетов прямо на рабочих местах...

Перед окошком выдачи книг имелась небольшая, но очередь. Лидка смотрела в потолок — новое здание выстроено было в авангардной манере, от всех этих круглых окошек и уходящих ввысь колодцев у Лидки закружилась голова. Постоянно приходилось облизывать губы; казалось, все вокруг только на Лидку и смотрят, и вот-вот на плечо опустится тяжелая рука...

В окошке обнаружилась обыкновенная девушка, правда, в синей форме и с погонами.

— Вот, — Лидка протянула ей читательский. — Это мой приятель заказал позавчера.

Девушка чуть заметно удивилась:

— А почему он сам не пришел?

— Занят, — Лидка заискивающе улыбнулась.

— А где ваш читательский? — девушка уставилась Лидке в лицо.

Лидка пожала плечами:

— Так на мой билет ничего не заказано! Я не могла позавчера, попросила приятеля, и он...

— Нельзя ли побыстрее? — раздраженно спросили из-за спины. Девушка в погонах вздохнула. Пробежала глазами рысюковский заказ, хмыкнула, отошла; Лидке показалось, что она пошла за дежурным милиционером и что лучше всего сейчас — сгинуть. Бегом вниз, в гардероб... Да, но это означает грубо подставить Рысюка, ведь рысюковский билет останется здесь!

Сложнее всего было делать равнодушный вид. И не оглядываться на того, кто так удачно попросил библиотекаря поторопиться.

Наконец, девушка в погонах вернулась — одна и с пачкой книг, и, глядя, как она идет по коридору между двумя высокими стеллажами, Лидка поняла, что форменный

пиджак (или это френч?) слегка выдается спереди. Пятый месяц, не иначе...

Девушка, то есть женщина, без единого слова передала Лидке книги и рысюковский билет, и Лидка тупо подумала, что беременным волноваться нельзя. Ну зачем ей эта возня с проверкой билета, с вызовом милиционера, со скандалом...

— Спасибо, — сказала Лидка, хотя молодая библиотечарша уже ее не слышала.

В зале было не так чтобылюдно, но и совсем не пусто. Лидка поколебалась; ни одно место не казалось ей достаточно неприметным. Как ни сядешь, отовсюду тебя видеть.

— Простите...

Ее толкнули почти одновременно с извинениями. При чем толкнули ловко — под локоть, так, что стопка книг разъехалась, и сразу три тонких тома шлепнулись на пол.

— Ох, незадача, извините, пожалуйста...

Она автоматически наклонилась, чтобы подобрать упавшее, и едва не столкнулась головой с тем, кто сперва так неудачно толкнул ее, а теперь собирался помочь.

Он был немолод. Он был тучен, но уже не так толст, как во время их последней встречи. Два года и один апокалипсис назад. «Иди, девочка, учись хорошо, Андрей Игоревич был бы доволен...»

Лидка побледнела так, что лицо стало твердым, будто деревянная маска.

— Лида! — суетливо сказал гэошник. — А я сперва не узнал вас — гляжу, что-то знакомое...

Он подобрал книги, смахнул гипотетическую пыль, как бы невзначай просмотрел названия.

— Ого... Вы всерьез решили заняться новейшей историей? Наверное, в университете? Оно и правильно, вы человек молодой, два курса успеете отучиться, прежде чем рожать, а потом академка — и снова за книжки... если есть кому с малышом сидеть. Есть ведь, а?

Он говорил, а глаза-буровички делали свое дело. Может быть, просто по привычке, независимо от воли хозяина. Наловчились за долгую жизнь буравить — вот и буравят все, что движется.

— Есть, — сказала Лидка.

В конце концов, все это могло оказаться случайностью, совпадением. Мало ли что может понадобиться высокопоставленному гёшнику в закрытой исторической библиотеке. Увидел знакомую девушку — и завел разговор, у него зрительная память ого-го какая...

Да, но зачем понадобилось толкать? Неужели такой неуклюжий?

И не этот ли голос, кстати, спросил из очереди: «Нельзя ли побыстрее?» — когда библиотекарша поинтересовалась насчет Лидкиного читательского?

— Спасибо, — сказала она, принимая галантно поданные книги. — Мне работать очень надо. Курсовая, — добавила она неизвестно зачем.

— А на чем вы курсе, Лида?

— На первом, — сказала она первое, что пришло в голову.

— Ну, понятно... А кто руководитель?

Лидка молчала, глядя гёшнику в глаза, тяжело глядя, укоризненно, будто спрашивая: мало ты из меня душу мотал? Тебе какое дело? Что пристал, надзиратель, шпион?

— Лида, — сказал толстяк неожиданно мягко. — Я не хотел вам мешать, честное слово. И пугать вас тоже...

— С чего бы мне бояться? — сказала она как можно суше.

— Лида, можно с вами поговорить?

— О чем? — Она плотнее прижала книжки к груди.

Лицо толстяка сделалось печальным, как тогда, в кабине:

— О наследии Андрея Игоревича. О тексте, который вы нашли. И еще о том, почему вы ходите в закрытую библиотеку по чужому читательскому билету.

* * *

— А зачем тогда служба страхования? Зачем? Вот представь, девочка, что все мы возвращаемся, выходим из Ворот — и никакой власти нет. Ни милиции. Ни страховой инспекции. Ни Президента, ни этого склочного парламента... Кто-то погиб, кто-то остался. Пока пройдет переключка, регистрация, новые выборы — знаешь, что будет? Ничего не будет. Все, что уцелело после апокалипсиса, будет

разодрано, расташено, отбито у законных владельцев по единственному праву — праву сильного. Вместо того чтобы строить дома и нянчить детей, людям придется воевать с подонками за место под солнцем... как в пещерах! Мы и скатимся к пещерам, к каменному веку, были в истории страны, которых теперь нет — именно потому, что они не имели твердой власти после апокалипсиса!

Лидка сидела на мокрой садовой скамейке. По всему парку курсировали мамы с колясками, то здесь, то там взвизгивал младенец; интересно, а как выглядят со стороны молодая женщина и пожилой толстяк, на нем ведь не написано, что он геошник, так, просто добрый дядя Николай Иванович...

— Ты думаешь, только сытые чиновники уходят в «уловленное время»? Нет. Целая группа разных людей — тех, чья деятельность будет жизненно необходима в первые дни после апокалипсиса. И чиновники в том числе. Все страны придерживаются такого протокола — в той или иной мере, но придерживаются!

Николай Иванович замолчал. Рядом с ним на темную скамейку смачно шлепнулся комочек птичьего помета. Ну надо же, чуть-чуть птичка промахнулась.

— А зачем врать? — спросила Лидка тихо.

Николай Иванович устало улыбнулся:

— Да, врать нехорошо. Но люди так устроены. Они не могут пережить превосходство другого — ни в чем. Превосходство, а особенно привилегию. Представь, вот стоят Ворота, в них ломится толпа — и некто с мегафоном просит подождать, пропустить вот этого врача, вот этого судью, вот этого чиновника, потому что они *нужны* сразу же после апокалипсиса, нужны живыми и, так сказать, в комплекте... И что тебе ответит ломящаяся масса? Можешь себе представить?

— Ложь во спасение? — все так же тихо спросила Лидка. — И смерть во спасение?

Николай Иванович вздохнул. Открыл портфель, вытащил пачку сигарет и круглую пластмассовую коробочку из-под растворимого аспирина.

— Я очень долго знал Андрея... Он был едва ли не единственным моим другом.

Лидка смотрела, как он прикуривает, потом прячет за-

жигалку, аккуратно снимает крышку с коробочки из-под «упсы».

— Я дружил с Андреем... веришь?

Лидка усмехнулась:

— *Потом* у него обнаружилось так много друзей...

Николай Иванович аккуратно стряхнул пепел в круглую коробочку. Высокопоставленный, по-видимому, чиновник, он не стеснялся такой жалкой некрасивой вещи, как пепельница из пустой аптечной упаковки; наверное, Лидкино недоумение отразилось у нее на лице.

— Талисман, — коротко объяснил Николай Иванович, осторожно устанавливая «упсу» на скамейке.

Курил он тоже некрасиво. Торопливо, мелкими затяжками, и даже сигарету держал брезгливо, будто клопа.

— Ты, Лида, веришь или не веришь... Я тогда не спал сутками. Вся наша служба стояла на ушах... Знаешь, сколько версий мы отработали?!

Лидка вскинула подбородок:

— И что? Утешаться вашими версиями? Сами... небось... в спецконтингенте. Какой вам прок — искать своих же? Нет. Такие могущественные, аж жуть... а тут что крысу задушить, что депутата... убить прямо дома... не на улице, не в подъезде... дома! Под носом у охраны! И ничего. Гуляют. Исполнителей... убрали — и все. И вы не искали! Суе-тились только! Делали вид...

Она не боялась, что Николай Иванович обидится, делает официальное лицо и потребует объяснений относительно подложного читательского билета. Потому что из библиотеки они давно вышли; у него нет повода задерживать ее, тащить назад, производить опознание и очную ставку с равнодушной беременной библиотекаршей. А если и потащит — она будет орать что есть силы, хвататься за живот и грозить немедленным выкидышем. И посмотрим, кто первый отступит...

Но толстяк не обиделся. Наоборот, на его лице отразилось нечто, напоминающее сочувствие:

— Я понимаю... Лида, я все понимаю. Тебе сколько, восемнадцать? Все просто...

— Просто, — упрямо кивнула Лидка. — И совершенно ясно, кто его убил. Берешь список спецконтингента, ведешь пальцем...

— Вот именно, — Николай Иванович вздохнул. — Ведешь пальцем... и попадаешь пальцем в небо! Хочешь пасьянс?

Лидка не поняла.

— Пасьянс, сумма версий. Сочетание версий... Вот, например, его могли заказать эти, борцы «за чистоту души» во главе с Бродовским. Могли или нет?

Лидка вспомнила Рысюка. Он, помнится, говорил то же самое.

Правда, Рысюк ничего не знал ни о предстоящей Зарудному речи, ни об «условленном времени».

Или знал?

— ...Во-вторых, его могли заказать свои же коллеги-политики. Ты знаешь, скольким он мешал? По-настоящему мешал? Ты знаешь, что он был совершенно реальным кандидатом в Президенты?

Совсем рядом, в кружевной тени старого тополя, худенькая женщина лет девятнадцати безуспешно боролась с капризами здорового карапуза в полосатой коляске. Карапуз уже пытался сидеть. Елки-палки, когда только люди успевают?!

Лидка подняла глаза:

— В Президенты? Правда?

— Ну разумеется! А нынешний Президент, между прочим, совсем не прочь остаться на следующий срок. И теперь, скорее всего, останется... Нет, я ничего *такого* не хочу сказать. Просто... это во-вторых. В-третьих, ты знаешь, что он был соучредителем семи крупных фирм?

Лидка невольно разинула рот:

— Андрей Игоревич?

— Представь себе. Ты знаешь, что такое конкуренция, финансовые махинации, не возвращенные в срок кредиты? Ты слышала такие слова, хотя бы по телевизору? То, что выглядит как политическое убийство, вполне может иметь совершенно иную подоплеку. Понимаешь?

Лидка хлопала глазами, как первоклассник у доски. Догадывалась, что выглядит глупо, но ничего не могла поделать.

— Дальше... в-четвертых. Или уже в-пятых? Из квартиры Зарудного пропала крупная сумма денег. Вполне может быть, что нападавшие были просто бандитами. Скажем,

пришли трое, взяли меньше, чем рассчитывали, да еще и сработали грязно, оставили труп... Два трупа, если считать консьержа, который так и не пришел в сознание. Потом стали делить, один убил двух подельщиков и тела утопил в заливе...

— Неубедительно, — выдавила Лидка.

Николай Иванович пожал плечами:

— А правильная версия необязательно самая убедительная. Кстати, у Зарудного была коллекция марок, доставшаяся ему от деда, за эту коллекцию некоторые фанатики давали целое состояние, но он уперся, не хотел продавать. Что, ты впервые слышишь про марки? А коллекцию так и не нашли. Одна марка из этой коллекции выплыла случайно, в первые месяцы после апокалипсиса, когда отследить ее путь было практически невозможно. Вот так... Это у нас в-которых? Дальше. Популярный лозунг: «Кровососы убили Зарудного». Знаешь, кого принято в определенных кругах называть кровососами? Нефтепромышленники, финансисты... Андрей пробивал в парламенте разные весьма рискованные законопроекты. Реформатор, елки-палки, а кто их любит... Ты поскучилась? А ведь есть еще женщина, была, вернее. Очень богатая, сумасбродная, несколько лет назад у Зарудного были проблемы с этой дамой... Судя по всему, она его добивалась, а он не проявил достаточной твердости. Что, ты возмутилась? Ты покраснела? Детям такого не говорят, но дети, Лида, остались в прошлом цикле, а теперь все взрослые, кроме тех, что в колясках... Эта дама покончила с собой вскоре после убийства. А незадолго до этого продала небольшой дом в пригороде, причем деньги девались неизвестно куда. На заказ бы хватило, будь спокойна. Заказала, а потом повесилась от тоски. Как в сериале. Невероятно? Но кто знает...

Лидка сидела, втянув голову в плечи. Как будто сверху положили мешок с трухой, да еще и придавили, чтобы не свалился.

Резкий порыв ветра сбросил со скамейки коробочку из-под «упсы». Николай Иванович не поленился наклониться, поднял свое сокровище, аккуратно вытряхнул на газон остатки пепла.

— Еще скажите, что в его смерти были заинтересованы инопланетяне, — сказала Лидка сквозь зубы.

Николай Иванович осторожно потрогал переносицу.

— А кто его знает. Учитывая, что стреляли совершенно бесшумно, за несколько секунд успели перетрясти всю квартиру, и в то же самое время у двух соседок, сверху и напротив, одновременно случился сердечный приступ...

— Да? — пробормотала Лидка.

— Я не оправдываюсь... Я просто объясняю тебе, почему то, что кажется простым в семнадцать, на поверку оказывается вовсе не таким примитивным... Извини. Хочешь, я помогу тебе оформить читательский? Чтобы больше не мучиться так?

— А вы можете? — спросила она тупо.

Незнакомой болью ломило затылок.

* * *

За последние недели мама исхудала, и худоба была ей не к лицу. Прежде миловидную женщину портили заострившиеся скулы и ввалившиеся щеки; роды прошли тяжело, мальчик оказался большим и беспокойным, часто плакал, дикими порциями сосал молоко и все равно был вечно голодный.

— Лида... Слава звонил несколько раз. Что-то у них случилось...

Упало сердце. Этого еще не хватало.

В бывшей квартире Зарудных долго никто не брал трубку. А ведь телефон стоял в общем коридоре, и кто-нибудь из подселенных мамаш обычно околачивался рядом, на кухне или в ванной.

Наконец к телефону подошел Славка.

— Привет... наконец-то, Лидка! Слушай, у нас тут такое...

Он ни капельки не был удручен. Он был весел, взвинчен, в эйфории.

— Лидка... Нам вернули квартиру!

— Что? — Ей показалось, что она ослышалась.

— Нам возвращают квартиру! Всю! Завтра отселяют всех... чужих. Другие комнаты им дают. Лидка...

Славка замолчал, пытаясь овладеть голосом. Чтобы не всхлипнуть прямо в трубку.

— Лидка, — он перешел на шепот, — тут будет... мемо-

риальная квартира... отца. Повесят доску на доме... бронзовую. Лидка... приезжай.

Ей не хотелось верить, что Славка сошел с ума. Да и с чего бы?

— Ма... я вернусь часа через два.

Мама отвела глаза:

— А я рассчитывала... что ты посидишь с Пашей, пока я посплю.

Лидка часто задышала, переживая укол совести.

— Мам... у Зарудных... ну не могу я. Скоро приду, ты поспишь... обещаю тебе!

И убежала — поскорее, чтобы не передумать.

* * *

Всю ночь ей снился один сон — она просыпалась, бездумно улыбалась в темный потолок, переворачивалась на другой бок, и сон продолжался снова. Это было немыслимо, такого никогда не случалось прежде, но сон читался, как книга, стучали часы, на кухне зажигался и гаснул желтый свет, по очереди просыпались и вякали младенцы, а сон продолжался — строго с того места, на котором его прервало очередное Лидкино пробуждение.

Лидке снился депутат Зарудный. Андрей. Прямо посреди парка стояла Лидкина кровать, и Лидка валялась в постели, ничуть не смущаясь прохожих. Андрей сидел рядом, на краешке одеяла, держал Лидку за руку и рассказывал что-то интересное, важное, но только — вот беда! — совершенно не поддающееся запоминанию. Проснувшись, Лидка не могла восстановить ни слова, она помнила только ощущение — радость и гордость оттого, что Андрей настолько ей доверяет.

Потом он погладил ее по голове. Она села на кровати, и он обнял ее, как тогда — в зоопарке. И она заплакала одновременно во сне и наяву — понимала, что он скоро уйдет, и очень хотела, чтобы он оставался подольше.

Снова завякал младенец. Обиженным басом — стало быть, это Яна, шестимесячная Лидкина племянница, которая до сих пор не умеет проспать подряд хотя бы шесть часов. На кухне зажегся свет, в коридоре зажегся свет, прошлепали тапки Тимура, ну когда же это кончится...

Лидка поднялась. Подошла к письменному столу, сдвинула книжки на угол стола. Андрей смотрел тепло и спокойно, как живой, вот разве что не прищурил глаза, когда в лицо ему ударил луч от настольной лампы.

— Ты здесь?

Она впервые обратилась к нему на «ты». Он не обиделся.

Лидка зажмурилась и легла щекой на прохладное оргстекло.

* * *

Скамеечка была складная, хлипкая и достаточно высокая, Славке приходилось балансировать; встав на скамеечку, он неторопливо и тщательно протирал специальной тряпочкой мемориальную доску — чеканный профиль Андрея Игоревича, букет поникших бронзовых гвоздик и надпись о том, что в этом доме с такого-то по такой-то год жил выдающийся ученый, политический и общественный деятель А. И. Зарудный.

Лидка стояла рядом и ждала.

Наконец Славка закончил. Тряпочка стала рыжей; барельеф, казалось, не изменился — отливала медью правая скула депутата Зарудного, ухо и прядь волос. Строго темнели буквы.

...Спустя неделю после появления здесь доски кто-то облил ее краской — ночью, тайком, отомстив невесту за что бронзовому уже депутату. Вызвали милицию; разумеется, осквернителя не нашли. Славка сам отмывал барельеф олифой и ацетоном, сжав зубы так, что хруст стоял, казалось, на весь двор. А Лидка тогда вспомнила Николая Ивановича с его пластмассовой коробочкой из-под аспирина и «пасьянсом» из немыслимых, в том числе и откровенно глупых версий.

Кстати, Николай Иванович появлялся несколько раз. Пил чай в обновленной гостиной; Клавдия Васильевна угощала его коньяком, пережившим апокалипсис, и многословно, длинно вспоминала мужа. Лидка знала об этом со слов Славки — сама она не встречалась с толстым гёошником с того самого дня, как в регистратуре специальной исторической библиотеки ей выдали новенький, запаянный в пластик читательский билет.

— Дмитрий Александрович звонил, — сказал Славка,

неуклюже прыгивая со стульчика. — Осенью будет конференция, посвященная отцу...

Имя депутата Дмитрия Александровича Верверова было теперь на слуху; впервые услышав это имя от Славки, Лидка с удивлением припомнила, что давно еще, до апокалипсиса, читала об этом человеке на страницах «Парламентских вестников» и запомнила его благодаря звучной, малость смешной фамилии.

Дмитрий Александрович и был тем человеком, которому Зарудные были обязаны и квартирой, и мемориальной доской, и еще много чем. Это его стараниями имя Андрея Зарудного извлечено было из-под обломков минувшего апокалипсиса, извлечено и поднято на щит. Это благодаря ему изданы были три тома зарудновских научных работ — это в начале-то цикла, когда издательства печатают в основном аптечные сигнатурки! Это благодаря ему Славка сбросил наконец депрессию и готовится в универ — и поступит совершенно точно, мог бы и не корпеть над книжками...

— Слышишь, Лидка? Осенью конференция...

Она тряхнула головой:

— Ага. Замечательно.

Бронзовый Андрей Игоревич смотрел мимо — куда-то вдаль, в глубь двора, где пестрели многочисленные коляски, такие уже привычные, что Лидка почти перестала их замечать.

— У меня к тебе дело, — сказал Славка, глядя в асфальт. От звука его голоса Лидка встрепенулась:

— Что случилось?

— Обожди. — Славка повел плечами, будто от холода. — Я занесу скамейку и спущусь.

— Что, такое дело, что в доме говорить нельзя? — Лидка усмехнулась.

— Обожди, говорю...

— Да я в туалет хочу зайти, — сказала Лидка. — Можно?

В последнее время она всячески воспитывала в себе бесцеремонность.

Клавдия Васильевна была дома. Глядя на оплывшую женщину в домашнем халате, Лидка привычно отмечала и

раннюю полноту, и седину, и преждевременные глубокие морщины. Был бы жив Андрей Игоревич, посмотрел бы на «ромашку свою ненаглядную»! Неужели так трудно держать себя в руках?!

Был бы жив Андрей Игоревич...

Лидка вошла в ванную. Тщательно намыливая руки, посмотрела на себя в зеркало. Тонкая, даже тощая, темно-волосая и белокожая девушка с острым блеском в красивых, малость воспаленных от недосыпа глазах. Отдаленно напоминает ту рохлю, что когда-то бродила с Андреем Игоревичем по опустевшему зоопарку...

Лидка вздохнула. Закрыла кран, вышла из ванной; на кухне Славка вполголоса бранился с матерью, слышав Лидкины шаги, выскочил ей навстречу:

— Лид, спускайся, я сейчас приду. Обожди...

И здесь проблемы, подумала Лидка.

У подъезда на клумбе обретались голубые, слабо пахнущие цветы. Ожидая, Лидка периодически подходила к ним, чтобы понюхать, и всякий раз так энергично втягивала воздух, что тоненькие лепестки забирались к ней в ноздри.

Славка вышел минут через десять:

— Идем...

В молчании они прошли в глубь двора — здесь обнаружилась дырка в заборе. Славка бестрепетно протиснулся между прутьев и Лидку заставил пролезть; они миновали еще один двор и оказались на старой детской площадке. Когда-то здесь резвился, наверное, и сам Зарудный-младший, во всяком случае, он точно знал, куда привести Лидку — деревянный павильон был достаточно открытым, чтобы не выполнять роль сортира, и достаточно уединенным, чтобы в нем можно было разговаривать в отсутствие гуляющих мам.

Славка вытащил из кармана сложенную вчетверо газету. Расстелил на низенькой скамейке, усадил Лидку, сам присел напротив.

— В общем, так... у меня родился ребенок.

Лидка прислушалась к себе. Ничего, кроме вежливого удивления.

— Да? — спросила она, потому что Славка ждал от нее реакции.

— Да! — сообщил он с некоторым вызовом. — И, возможно, будет еще.

— Сколько? — спросила Лидка, будто речь шла о билетах в кино.

Славка нахохлился:

— Двое! Ну и что?!

— Близнецы? — спросила Лидка благожелательно. — Двойня?

— От разных матерей, — сообщил Славка сквозь зубы.

Лидка удивилась по-настоящему. Славка смотрел, не отводя взгляда.

— Слав... чего ты ждешь?

Он вскинулся:

— А тебе все равно? Да?! Фригида ты, я давно знал...

Лидка молчала. Она не была уверена, что точно понимает смысл слова «фригида». Звучит паскудно, но следует ли оскорбляться?

Славка замолчал тоже. У самого входа в павильончик купался в пыли воробей.

Вчера она имела разговор с мамой. То есть намеки, недомолвки, вскользь оброненные слова были и раньше, но именно вчера случился настоящий, плотный, как картонка, разговор.

«Тебе пора думать о ребенке», — сказала мама, убедившись, что намеки на Лидку не действуют. Лидка попробовала промолчать, но мама в тот день наконец-то выпалась, хорошо отдохнула и была настроена решительно. «Тебе пора думать о ребенке, хотя бы об одном. Ты сама еще малышка, я все понимаю, Лида, но цикл не станет ждать... Ты же помнишь, как неудобно быть последней, самой младшей, не надо рисковать, прошу тебя...»

— А как ты собираешься жениться сразу на двух? — спросила Лидка осторожно.

— Дура, — сказал он без всякого выражения.

Лидка вздохнула:

— Ладно, дура... Мне ведь плевать на тебя, Слав. И всегда было плевать. Твой отец — вот это человек был. А ты...

в хоккей играешь хорошо. В настольный. И бываешь похож на Андрея Игоревича... когда молчишь.

Славка сцепил пальцы. Сжал так, что суставы побелели, посмотрел на Лидку, будто впервые ее увидев.

Лидка улыбнулась:

— Да. Ну и что?

Славка сглотнул слюну. Дернулась тощая шея. Лидка ждала, что он встанет и уйдет, но минуты шли, Славка сидел. От сырых досок павильона пахло грибами-поганками.

— В Апрельском парке, возле набережной, — сказал Славка глухо, — там, где памятник Героям-подводникам... там такая тусовка. Собираются девчонки, которым замуж неохота, а ребенка завести надо, потому что цикл... Они специально там собираются, понимаешь? И парни туда приходят... которым... короче, жениться неохота. Я туда пошел... потому что я с тобой даже заговорить боялся! Даже... — Он махнул рукой, и в этом жесте обнаружилось столько отчаяния, что Лидка невольно задумалась. Та некрасивая история в Музее, случившаяся целую жизнь тому назад, — та история не могла пройти для Славки бесследно. Это она, Лидка, без оглядки поверила Андрею Игоревичу и выкинула все это из памяти. А Славка... наверное, у мальчиков какие-то другие механизмы включаются, Лидкой не постижимые. Он-то, по всей видимости, того случая не забыл.

— Короче говоря, — Славка втянул голову в плечи, — нашел я там девчонок, подружек... У одной комната в коммуналке. И теперь одна родила... вторая собирается... и третья под вопросом. Вот так. И хорошо, что тебя это ни капельки не трогает, — значит, нет проблемы...

— А потом? — спросила Лидка тихо.

— А потом каждая из них встретит своего прекрасного принца, — Славка сузил глаза, — и выйдет за него замуж! А ребенок уже будет, так что с выбором принцессы кандидатуры можно не торопиться. А то бывает — принцесса прождет весь детородный цикл, а когда дождется — поезд ушел, сиди бездетной до сорока лет... А какая же дура в сорок лет впервые рождает?!

Лидка закусила губу.

«Ты понимаешь, что пропустить момент сейчас — остаться почти наверняка бездетной? На всю жизнь? Потому что первый ребенок в тридцать семь лет — это риск, Лида, особенно если учесть, что делается в больницах первые годы после апокалипсиса...» — «Но я хочу поступить в универ», — сказала Лидка, по ходу реплики уже зная, что совершает ошибку. Мама насупилась, на бледных щеках выступили красные пятна. «Ты просто даешь волю своему эгоизму! Поступить куда угодно ты сможешь и через пару лет, а вот родить через пару лет ты уже не родишь, потому что детородному периоду плевать на твои амбиции... Неужели мы с отцом ухитрились вырастить такую безответственную, инфантильную, эгоистичную особу?»

Лидка обалдела от такого шквала обвинений — а мама, видя ее замешательство, изменила тактику: «Ты видела, во что превращаются женщины, упустившие время? Неужели ты хочешь сделаться таким же склочным, обозленным на весь мир синим чулком? Неужели тебе самой не хочется... чтобы рядом был надежный, сильный мужчина? Чтобы на руках у тебя было родное, маленькое, теплое существо? Неужели, а?»

Тогда Лидка едва сдержалась, чтобы не заплакать.

Надежный, сильный, бесконечно любимый мужчина смотрел из-под оргстекла на Лидкином рабочем столе. И сны донимали — Лидка все плотнее обнимала подушку, ей снились чужие теплые руки, пробирающиеся под ночную рубашку. А днем она шла в библиотеку, привычно выдвигала из гнезда сперва длинный ящик с буквами «За», а потом принималась за остальные ящики в каталоге, перебирала картонные карточки, сверяясь с длинным списком ссылок — и мысленно благодарила лицейских гримз за силком привитые навыки работы с источниками. Среди посетителей библиотеки она была едва ли не единственной молодой женщиной. И мама полагала, что все ее никому не нужные самодеятельные изыскания не стоят ни единого писка новорожденного, красного и безмозглого, но такого ценного младенца...

— А что такое «фригида»? — спросила она, глядя на купающегося в пыли воробья.

— Это... — Славка вдруг покраснел, мгновенно, будто прокололи бурдюк с красным вином. — Это я так сказал. От злости.

— От злости, — эхом откликнулась Лидка, а воробьев теперь было уже трое. — А с матерью у тебя по какому поводу... свара?

Славка покраснел еще сильнее, хотя это, казалось, было уже невозможным.

— А тебе какое дело? Ну нет, не знает она... Она мне голову мылит, чтобы женился. Чтобы ребенок вякал в доме, а не...

Он осекся.

Лидка улыбнулась. Сказала с удовольствием, будто прокатывая во рту шоколадную конфету:

— Знаешь... мне бы твои проблемы, Зарудный.

Славка недоверчиво поднял глаза:

— Что?

— Ничего. — Она вздохнула. — Я вот уже неделю не могу заказать одну книжку. «История Ворот», том второй. Твой отец на нее ссылается раз десять. Коллектор на профилактике, выдача книг приостановлена. А мне срочно надо. Вот это проблема, Слава. Не чета твоим беременным девочкам-припевочкам, трахам-бабахам и прочим страстям.

Славка разинул рот. Опомнился — и поспешно закрыл.

— Это... ТЫ?

— Вот что, Зарудный, — она жестко посмотрела ему в глаза. — За-руд-ный... Красивая фамилия. Так вот, я решила не рожать детей, Слава. У меня есть дело поважнее.

Славка смотрел. Круглые глаза его были теперь не столько удивленными, сколько испуганными, будто двенадцатилетний дружок только что признался ему, что намерен подложить пистоны под учительский стол.

— Да, Зарудный, есть такое дело. Дело, за которое умер твой отец... И ты мне поможешь, Слава. Я выйду за тебя замуж.

Он нервно сглотнул слюну.

— Тебе ведь все равно придется жениться, так? Не на девочке же припевочке, верно? Ну так женись на мне.

Марина и Сергей Дяченко

Я хочу поступить в универ. Если я буду твоей женой — меня возьмут.

Славка по-детски хлопнул глазами. И сказал неожиданно тихо и жалобно:

— Всем от меня чего-то нужно. Им — дети. Тебе — фамилия...

Она криво улыбнулась:

— От тебя не убудет. Будешь жить, как жил. Водись со своими девчонками, мне-то что. Детей мне не надо. Это джентльменское соглашение, а не супружеский союз, потом, если захочешь, разведемся, понял?

И она по-матерински чмокнула его в лоб.

Хорошо, что помада с ее губ давно уже стерлась.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«**Т**ак называемое Зеркало Ворот располагается строго между створками, под незначительным углом, — для наглядности Ворота можно представить в виде небрежно застекленной двери, только на месте стекла помещается сердцевина Ворот, объект, который в разное время носил название «портала», «переноса», «среза», «поглотителя» и т. д. По сути дела Зеркало Ворот действительно представляет собой срез реальностей, причем обратная его сторона практически не изучена по сей день! Краткое пребывание внутри Ворот подвергает человеческий организм в некое подобие анабиоза — слабеет двигательная активность, резко падает частота сердечных сокращений, артериальное давление, притупляются память, зрение, слух... Все мы, хоть однажды побывавшие за Воротами, восхищаемся мужеством ученых, ухитрившихся и в этих условиях проводить эксперименты на себе; по этому поводу автор рекомендует ознакомиться со следующей литературой: О. Глостер «Биология человека по ту сторону Ворот»; Е. Фейгельсон «Некоторые аспекты биофизических процессов в условиях т. н. разреженной реальности»... и т. д...

...Ворота сейсмостойки, способны выдержать значительные механические нагрузки — тем не менее существуют, по-видимому, факторы, выводящие из строя механизм Зеркала. Нельзя переоценить значение так называемых артефактных Ворот, т. е. Ворот, по каким-либо причинам переставших выполнять свою функцию. (См. Тернов Ю. «Артефактные Ворота»). Ворота с поврежденным Зеркалом похожи на пустую оболочку — каменный портал продолжает стоять и во время и после апокалипсиса, однако это не более чем архитектурное сооружение, не способное выполнять функцию *перехода*, но позволяющее ученым в спокойной обстановке проводить свои замеры. К сожалению

нию для исследователей (и к счастью для человечества), такие случаи чрезвычайно редки — это знаменитые Критские и Камчатские Ворота, чуть менее известные Ванкуверские, еще три-четыре общеизвестных и с десятков засекреченных объектов. И это за всю историю апокалипсисов!..»

(Андрей Зарудный. «Введение в историю катаклизмов». Собр. соч., т. 2, с. 10-13.)

* * *

Над песочницей возвышалась влажная светло-бежевая куча песка. Малышей было человек десять — в разноцветных курточках и комбинезончиках, большей частью ненowych, ушитых и откорректированных английскими булавками, бережно сохраненных мамашами для подходящего случая. Малыши вгрызались в песочную кучу с разных сторон, подобно миниатюрным экскаваторам; совочки и формочки переходили из рук в руки, и время от времени то один, то другой карапуз заводил рев об утраченной игрушке.

Почти все они уже умели ходить — кто более, кто менее твердо. Их братики-сестрички дремали в маминых животах, дожидаясь своего часа; мамы, более-менее пузатые, сидели вокруг песочника с вязаньем, дамскими романами в ярких обложках и нескончаемыми специфичными разговорами.

— ...чернослив. Моя три дня не могла покакать, слива сработала за полчаса...

— ...заостренный кусочек мыла. И пусть посидит на горшке подольше...

— ...побольше фруктов. Но сейчас такая дороговизна...

— ...кальций принимай! Я, когда Ромку носила, совсем почти без волос осталась...

Лидка сухо поздоровалась. Ее, как обычно, проводили взглядами; она, как обычно, не обратила внимания.

Андрей Игоревич Зарудный смотрел по обыкновению, вдаль. На медную гвоздику уронила белесую каплю нечислотоплотная птичка; Лидка поморщилась.

Никого не было дома. Она открыла дверь своим клю-

чом, сняла туфли и прошлепала на кухню, где на небрежно вытертом столе обнаружилась записка: «Звонил Н. И. Перзвони ему домой».

Почерк был Славкин.

Лидка постояла в задумчивости, шевеля пальцами ног в разноцветных велюровых тапках. Потом пошла в ванную, взяла из хозяйственного шкафчика специальную щетку на длинной ручке и спустилась во двор — ликвидировать птичкино безобразия.

Н. И. действительно звонил время от времени. Н. И. приходил и в гости, Н. И. много хорошего сделал за этот год — и для Славки, и лично для Лидки; тем не менее она так и не смогла привыкнуть к толстому гёошнику. Она не могла отделаться от мысли, что он знает истинных убийц Андрея — и молчит.

И убажает свою совесть подачками зарудновской родне.

Встав на цыпочки, Лидка счистила с бронзы свежий помет. У самого подъезда восседал на велосипедике толстый мальчик в синем комбинезоне — ноги дитяти уже дотягивались до педалей, но что с ними делать, дитя не догадывалось, и даром его мамаша вертелась вокруг с инструкциями. Завидев Лидку, карапуз разинул рот; Лидка отвернулась.

Дома она тщательно вымыла щетку и только тогда, насухо вытерев руки, села за телефон.

— Добрый день, Николай Иванович. Это говорит Лида Зарудная.

Неподдельная радость на том конце провода.

— Лидочка, давно мы не виделись... Я сегодня говорил со Славой. Знаю про ваши успехи, наслышан... Кажется, Слава немножко обиделся, что я просил тебя перезвонить. Может быть, он ревнует?

Лидка поморщилась, как морщилась совсем недавно при виде птичьего дерьма. Все компоненты глупой шуточки были налицо, но Лидка знала, что Николай Иванович вполне догадывается об их со Славкой истинных отношениях, а значит, «шютка» имела и второй, и третий смысл.

— Рада вас слышать, — соврала она.

Толстый геошник прекрасно улавливал подтексты.

— Да, понимаю, понимаю, догадываюсь... Тем не менее, Лидка, у меня есть шанс изменить ваше ко мне отношение.

На «вы» он переходил только в особенных случаях.

— Да? — спросила она по инерции.

— Через полчаса возле станции Лесная, — сказал Николай Иванович уже другим, почти официальным голосом. — Красная машина с дипломатическим номером. Дело важное и спешное. Хорошо бы взять с собой вашего Славу.

— Его нет дома, — сказала Лидка, изрядно удивленная таким поворотом событий.

— Значит, приезжай одна.

Короткие гудки.

* * *

— ...Речь идет о научной в первую очередь экспедиции. Объект не тронут — его закрыли сразу же после апокалипсиса. Сейсмическая активность в том районе превышала все разумные нормы. — Говоря «разумные», смуглый человек усмехнулся. — Интересующий вас... и нас, разумеется... интересующий нас всех объект находился на участке суши, который теперь погружен на глубину шести метров... Верхний край объекта торчит над водой и разрушается волнами. Медленнее, чем просто кирпичная кладка, однако разрушается.

Смуглый замолчал. Плеснул себе газировки, лихо опрокинул стакан, роняя капли на подготовленный текст доклада; люди в маленьком зале не переглядывались и не переговаривались, как это обычно бывает на заседаниях. Повидимому, они давно уже знали привезенную смуглым новость — его сообщение было в большой степени формальностью.

Некоторых Лидка знала по университету — один декан, пара профессоров, один неприметный человек в штатском. Кое-кто даже узнал ее — благожелательно кивнул, скрывая удивление: место ли здесь студенткам, пусть даже и успевающим?

Сперва она никак не могла побороть ощущение чужой, чуждой, неудобной среды. Но потом, разобравшись, о каком «объекте» идет речь, сразу забыла обо всем, перестала исподтишка разглядывать лица, смотрела только на трибуну — да еще изредка на Николая Ивановича.

Смуглый говорил сквозь зубы, почти без акцента. Маленькая страна, говорил он, не обладает ресурсами для ведения данной программы; маленькая страна озабочена только выживанием собственных детей. Тем не менее артефакт, образовавшийся на территории маленькой страны и принесший столько горя, есть, грубо говоря, научное сокровище, а за всякое сокровище надо платить. Да, говорил смуглый, маленькая страна нашла покупателя и договорилась о цене. Экспедиции будут оказаны поддержка и содействие. А уж наука, гордящаяся именами Тернова и Зарудного, сумеет достойно распорядиться... и так далее.

Лидка потянулась к уху сидящего рядом Николая Ивановича:

— А что... состав экспедиции уже сформировали?

Толстый гэошник улыбнулся.

На трибуну поднялся незнакомый Лидке серолицый, в сером же костюме человек с аккуратной подшивкой разноцветных, преимущественно оранжевых бумаг. Дикция у него была скверная; Лидка прислушалась.

— ...людей молодых, готовых к тяжелой, может быть, опасной работе... имеющих допуск соответствующего уровня. Дерзких, влюбленных в науку, да, именно так, именно такими красивыми словами... Вспомогательный технический состав — пять человек. Научный состав — пять человек... Персоналии будут утверждены отдельно. На этой неделе открывается финансирование. Программа рассчитана на полгода, однако возможны коррективы. Следующее совещание завтра, в это же время. Спасибо, — это смуглому, — все свободны...

Николай Иванович кивнул Лидке:

— Пойдем...

Провел ее сквозь толпу задумчивых людей, среди которых ни один не пренебрегал костюмом и галстуком, и со знанием дела потащил дальше, по коридору, помпезному,

с дверями без табличек. Подтолкнул в одну из этих слепых дверей, в узкой, как пенал, приемной обнаружилась секретарша — дама лет шестидесяти, а за ее спиной — полный народа кабинет, неотличимые друг от друга костюмы и галстуки, и среди них тот самый серолицый, и только отсвет оранжевой папки придавал его щекам теплый здоровый оттенок.

— Костя, — сказал Николай Иванович.

Серолицый кивнул:

— Сейчас...

Кольцо костюмов и галстуков вокруг него хоть неохотно, но редело. Наконец последние собеседники были изгнаны в общество секретарши, и Николай Иванович прикрыл за ними двери.

— Костя... Это невестка Андрюши Зарудного. Лидка, это Константин Игнатьевич.

Лидка кивнула, как будто имя серолицего о чем-то ей говорило.

— Ради науки женщина... человек отказался иметь детей, — негромко сказал Николай Иванович, и Лидка удивилась, потому что формулировать проблему таким образом никогда не приходило ей в голову. — Человек посвятил себя проблемам, которые не успел решить в свое время Зарудный... Вместе со Славой, Ярославом Андреевичем Зарудным, своим мужем. Преемственность. Красиво, ты не находишь?

Серолицый посмотрел Лидке в лицо. Почти забытое ощущение — глаза-буравчики, будто на допросе. Елки-палки, да какое отношение он имеет к науке?!

— Припоминаю, — сказал серолицый Костя. — Девочка, кажется, была первой, кто обнаружил... кто нашел тогда Андрея.

Лидка сглотнула.

— Не напоминай, — сказал Николай Иванович тоном обеспокоенного отца.

— Значит, вы вышли замуж за Славика? И у вас до сих пор нету...

Лидка подняла подбородок:

— Я не считаю нужным обсуждать эту тему.

— Это хорошо, — неожиданно заключил Костя, не сводя глаз с ее лица, — вы свободны, мобильны, ничем не отягощены... Кстати, это вы тогда работали с архивами Зарудного... старыми, личными архивами?

— Да, ну и что? — спросила Лидка тоном ниже.

Серолицый Костя кивнул:

— Да, понимаю... да, Николай, ты прав. Человек молодой, решительный... в какой-то степени посвященный. Специалист... будущий специалист. И преемственность. Преемственность... Красиво.

Лидка молчала.

— Лида, — осторожно сказал Николай Иванович, — ты уже поняла, что Константин Игнатьевич формирует состав экспедиции?

Некоторое время она стояла, тупо глядя на оранжевые папки.

Потом улыбнулась так широко и счастливо, что уши, казалось, съедутся на затылке.

* * *

Поругались они накануне отъезда. Лидка была взбуждена, Клавдия Васильевна казалась печальной и рано ушла спать. Едва за матерью закрылась дверь, Славка подсел к Лидке на диван и сказал, пряча глаза:

— Лид... нехорошо. Завтра ехать... Ну, ты жена мне или не жена?!

Лидкины мысли заняты были совсем другим, а потому она не сразу поняла смысл Славкиной претензии. А поняв, искренне удивилась:

— Тебе что, не хватает девочек из Апрельского парка?

Он отшатнулся.

Он посмотрел так, будто она его ударила. *Так*, что она сочла возможным оправдаться:

— Ну что ты, Слав, мы ведь договаривались... Джентльменское соглашение...

Он поднялся и вышел.

Неизвестно, чем дело закончилось бы в условиях нормальной, привычно текущей жизни. Но наутро предстоял

выезд, а Славка был внутренне дисциплинирован и куда меньше готов к демаршам, чем, например, Лидка. А потому утром супруги как ни в чем не бывало попрощались с родственниками и сели в автобус — Лидка у окна, и Славка у окна, за ее спиной. Поля, лесополосы, иногда речушки, иногда сглаженные невысокие холмы...

До места добрались через сутки.

Стоял туман. На контрольно-пропускном пункте всех выгнали из автобуса и долго держали на ветру, пока изучались бумаги, сверялись пропуска на людей, машины и аппаратуру. Солдаты были Лидкиного поколения, все смуглые и черноглазые, офицеры — поколением старше, и среди них был один рыжий, говоривший против ожидания с сильным акцентом.

— Зарудный? — спросил он у Славки. — Родственник?

— Сын, — сказал Славка, но, видимо, бессонная ночь и мрачное настроение убили привычную гордость при произнесении этого слова.

— О-о-о, — сказал офицер с уважением. — Очень.

Славка безучастно кивнул.

— Зарудная? — спросил офицер у Лидки. — Дочка?

— Невестка, — сказала Лидка, ежась от сырого холода.

— Невеста? — не понял офицер и поглядел на Славку.

— Жена, — сказал Славка с кривой усмешкой.

Офицер так ничего и не понял.

* * *

Поселок назывался Рассморт. Когда-то здесь обитало почти две тысячи жителей, промышлявших морем; туристы, летом покрывавшие побережье подобно живому ковру, в Рассморте не уживались. Перебои с водой и электричеством, ни одной приличной гостиницы, нищий кемпинг на берегу, романтика для тех, кто равнодушен к комфорту и не огорчается, когда клозетом служат заросли колючих кустов.

Во время апокалипсиса в Рассморте не было ни одного туриста. Не сезон; две тысячи местных жителей привычно

бежали от берега, опасаясь нашествия глеф, которых действительно много было в этих водах. Люди не стали дожидаться рекомендаций ГО и на велосипедах рванули в сторону ближайшего райцентра — именно там демографическая карта темнела, обозначая большую плотность населения, именно там следовало ждать появления Ворот.

На полпути беглецов настигла радиосводка. Ворота открылись, как ожидалось, впереди у райцентра, но и в Рассморте открылись небольшие, на самой кромке моря, Ворота.

(К тому времени, подумала Лидка с кривой улыбкой, Ворота стояли открытыми минимум полчаса.)

И тут жители Рассморта разделились. Часть их предпочла продолжать путь, часть решила вернуться, рассудив, что таким образом увеличивает свои шансы на спокойную эвакуацию.

...Прикрыв глаза, Лидка воображала эту гигантскую велоколонну. Поскрипывание старых седел, тяжелое дыхание при подъеме на гору, шорох шин и свист ветра на спусках; ехали, наверное, молча, краем глаза пытаясь удерживать в поле видимости отца и сестру, жену, сына...

Над Рассмортом висел вертолет ГО. Очередями отгонял глеф, пока люди пробирались улицами покинутого поселка, который был уже обезображен первыми подземными толчками. Бросали велосипеды, и колеса долго еще крутились в воздухе, люди уходили в Ворота, а колеса крутились, мелькали спицы...

Пилот вертолета был одного с Лидкой поколения. Это был первый его апокалипсис; говорят, парень держался мужественно. Проследил за уходом рассмортцев, доложил на базу, получил распоряжение возвращаться...

После этого связь с вертолетом прервалась. Много позже, после апокалипсиса, среди развалин Рассморта нашли остатки вертолета.

Землетрясение не пощадило берег на протяжении многих километров, но Рассморту досталось особенно сильно. Две колоссальных волны, одна за другой, слизали половину поселка будто языком; земля трескалась, как корка

пригоревшего пирога, и в трещины вступало море. Неудивительно, что вертолет не удержался над этим адом — хотя конкретная причина его гибели так и осталась неясной.

Вернувшихся после апокалипсиса жителей ожидала чудовищная картина почти полного разрушения; к несчастью, вернулись не все.

Комиссия ГО явилась в первые же недели нового цикла, одновременно с инспекторами общественного страхования. Регистрация выживших подтвердила, что все они эвакуировались через большие Ворота райцентра.

Из тех, кто повернул тогда на полдороге, не было в живых *никого*. Хотя на региональной базе ГО сохранились донесения о том, что около восьмисот рассмортцев почти без потерь вошли в Малые Ворота на береговой кромке!

Кому-то из комиссии пришла в голову мысль осмотреть изуродованный землетрясением берег.

Ворота нашлись сразу же. Навершие каменного портала едва поднималось над водой, его легко было принять за обломок скалы. Ворота стояли — разумеется, выпотрошенные, без Зеркала. Ворота, принявшие без малого восемь сотен человек. И не отпустившие их обратно.

Шок был чудовищным. У членов комиссии сработала рефлекторная защитная реакция — все засекретить. Остатки населения были эвакуированы из Рассморта под предлогом (и весьма правдоподобным) «фатальных разрушений, несовместимых с дальнейшей эксплуатацией населенного пункта». Где-то там, за много километров от малой родины, эти счастливицы получили новое жилье (в бараках) и страховые выплаты (в зависимости от статуса). Развалины Рассморта были закрыты для доступа, на двух подъездных дорогах поставили по КПП, в самом поселке время от времени появлялись патрули да покачивался на волнах старый сторожевой катер.

Официальная версия случившегося была такова: люди, направлявшиеся к рассмортским Воротам, не добрались до них и погибли во время землетрясения. Их имена были внесены в траурный список пятьдесят третьего апокалипсиса; это была колоссальная потеря, но — «Каждый новый цикл — это новая жизнь». Вот и все.

Лидка стояла на месте, где когда-то была центральная площадь некрасивого и небогатого, но живого и многолюдного поселка. Стояла, кутаясь в ветровку; за спиной газовал автобус. Парень в военной форме жестами указывал водителю, как ловчее проехать в переулок и не зацепиться бортом за нависающую бетонную балку.

Остальные члены экспедиции стояли рядом, инстинктивно сбившись в плотную группу.

Петр Олегович, формальный руководитель, археолог. Виталий Алексеевич, реальный руководитель, гэошник, для виду прикрывающийся кандидатской диссертацией по кризисной биологии. Щуплый мужчина по имени Саша, ни род занятий, ни функцию которого Лидке до сих пор не удалось выяснить. Валя, интендант. Сергей, техник и сменный водитель. Еще водитель грузовика, кажется, Валера, кто его, кстати, подменял в пути?... Еще они со Славкой, лаборанты. (По дороге Валя совершенно прямо сказала, что двух лаборантов многовато будет и что Лидку она мобилизует «для технических нужд», то есть «на камбуз»... Впрочем, раз в день им обещали подгонять полевую кухню.)

Автобус наконец-то втиснулся между балкой и развалинами желтой кирпичной стены. Военный удовлетворенно потер руки, пошарил по карманам, достал сигарету, подошел к Славке за огоньком. Славка развел руками.

— На. — Курящая Валя шелкнула зажигалкой.

Военный прикурил. Был он не то сержантом, не то ефрейтором, в знаках различия здешней армии Лидка не особенно разбиралась.

— Что смотреть будете? — Он улыбнулся, от него пахло давно не мытым солдатом, но улыбка была симпатичная, и глаза блестящие, лукавые.

— В смысле? — спросила Валя.

Сержант-ефрейтор поводил по воздуху сигаретой, подыскивая подходящее слово:

— Это... исследовать?

— Море, — сказал неслышно подошедший гэошник Виталий. — Дальфинов.

— О-о-о, — сержант-ефрейтор закивал. — Дельфины... плохо. Исследовать. Это хорошо.

* * *

Базу разместили на окраине бывшего поселка, в единственном восстановленном здании — раньше здесь был продовольственный магазин. Поселяться в развалинах не стали из соображений безопасности и отчасти из суеверия. Расставили палатки.

Палатку супруги Зарудные привезли свою, туристическую, линялую и потрепанную, выдавшую виды. Славка утверждал, что в этой палатке его родители провели вместе не один сезон; брезентовый домик был частью памяти об Андрее Игоревиче — тем не менее Лидке неприятна была мысль о том, что каждую ночь придется проводить бок о бок с законным супругом.

Первую ночь оба почти не спали; Славка лежал, демонстративно повернувшись к жене спиной, и изображал полный покой — его выдавало только дыхание. А Лидка смотрела в темноту над собой, туда, где загораживал звезды невидимый брезент, и не могла отделаться от мысли, что молодые Андрей и Клавдия Зарудные именно здесь, в этой палатке, зачали своего единственного сына.

В полусне приходил Андрей Игоревич, голый, завернутый в яркое пляжное полотенце. Укоризненно улыбался: «Ну что же ты?» Приходила Клавдия Васильевна, вызывающе толстая, в старомодном мешковатом купальнике, демонстративно натиралась жидкостью для загара, улыбалась напомаженными губами: «Мой муж — навсегда мой. А ты рожать должна, рожать, ты пустоцветка, бесплодная утроба, ишь чего надумала — дети ей в тягость...»

Лидка просыпалась со стоном. Славка делал вид, что ничего не слышит; в палатке было душно, волглые брезентовые стены провисали под тяжестью росы.

На рассвете Славка выбрался из спальника и ушел — не то бродить, не то купаться, не то разыскивать среди спящих интендантшу Валю и жаловаться на холодность супруги. С его уходом стало легче; Лидка приоткрыла полог,

впуская в палатку свежий прохладный воздух, повернулась на бок и сладко проспала несколько часов, пока не начался всеобщий подъем.

...Пресную воду приходилось качать из единственной скважины. Колонка была древняя, с коротким тугим рычагом. Интендантша Валя сочла уже решенным вопрос о Лидкиной профориентации: «Так, чай поставь сразу на двух примусах, к обеду Серега печку сложит, завтрак — сухим пайком, а вот обед для работяг мы выдадим полноценный...»

Лидка не стала спорить. Просто подошла к геошнику Виталию и попросила подтвердить: верно ли, что ее участие в экспедиции обусловлено прежде всего интересами университета? И совершенно не к месту помянула геошника Николая Ивановича. Она и Зарудного хотела помянуть, но в этом уже не было необходимости, поскольку Виталий закивал и немедленно объяснил уважаемой Валентине, что Лидия Зарудная — научный работник и привлекать ее к вспомогательной работе возможно только с ее согласия...

Валя удивилась. Валя помрачнела. Валя, вероятно, сделала относительно Лидки какие-то нелицеприятные, далеко идущие выводы, во всяком случае, взгляд ее говорил о многом.

Лидка сделала вид, что не замечает этого взгляда.

После завтрака собрались на первую планерку. Щуплый Саша оказался профессиональным водолазом и инструктором по подводному плаванию. Лидка почему-то подзревала, что это не единственная Сашина профессия.

И Виталий, и Петр Олегович имели, оказывается, некоторый опыт погружения с аквалангом. Целый час был потрачен на инструктаж по технике безопасности — в начале цикла дельфины редко нападают на людей, наоборот, могут проявлять дружелюбие и любопытство, однако Саша категорически настаивал, чтобы при малейшем подозрении относительно приближения «этих тварей» аквалангист получал сигнал к эвакуации.

Составили план работы на ближайшие дни. Подписались по очереди на неприятного вида бумагах («Прослу-

шал... Предупрежден... Уведомлен...»). Еще раз распределили давно распределенные функции. Лидка получила в свое распоряжение лабораторию — бывшую, вероятно, подсобку, комнатуху с цементным полом и дощатым столом, со страшным черным кабелем на полу (электростанцию привезли с собой, с виду она выглядела как откатываемый грузовик с огромными скатами, с тюремными решетками на фарах).

Лидка прекрасно понимала, что лабораторной работы на двоих не хватит. Николай Иванович был, наверное, единственным начальником, правильно понимавшим Лидкину мотивацию. Прочие искренне считали, что жена Зарудного-младшего взята в экспедицию затем, чтобы не скучал Ярослав Андреевич. И затем, чтобы позагорать на скалах. И затем, разумеется, чтобы помочь Вале по хозяйству...

Лидка мрачно улыбнулась. Славка не знал, к чему относится эта улыбка, но поморщился, как от кислого.

Вдвоем они разобрали контейнер. Поминутно справляясь с сопроводительной, установили приборы, все проверили и подключили; сегодня вечером Петр Олегович запишет у себя в дневнике: «Первый день экспедиции. Готовность к работе. Несколько усложняет ситуацию начинающийся шторм — около трех баллов... Прогноз погоды в общем благоприятный».

На заднем дворе бывшего магазина лежали под навесом велосипеды. Штук десять. С пробитыми покрышками, в пятнах облезшей эмали, в разной степени ржавые.

— Ого, — сказал Славка, крутанув колесо. — Можно, в принципе, починить парочку... удобно было бы.

— Нет, — сказал техник Сергей. — Я смотрел уже, ничего тут не выйдет, мусор, металлолом.

Лидка стояла рядом и все слышала.

Хозяева этих велосипедов ушли в Ворота и не вернулись. Возможно, они до сих пор живы — там, в месте, о котором у нее самой остались только отрывочные, жутковатые воспоминания. Там, где нет времени, а сердце бьет-

ся так, что от удара до удара успеваешь поверить, будто давно умер...

А их велосипеды пережили *мрыгу*. И вот уже несколько лет ржавеют на берегу, а деловитому Славке даже в голову не приходит, что без разрешения брать чужую вещь некрасиво...

Она тряхнула головой. Бред, конечно, жителям Рассморта велосипеды давно без надобности. А Славку она готова обвинить в каких угодно грехах — за его ночное сопение, за его тяжелые взгляды, за то, что он сын Андрея Игоревича.

После обеда над развалинами поселка прошелся армейский вертолет. Повисел, оглушая грохотом, развернулся и убрался в сторону райцентра. Лидке вспомнился тот парень, ее почти ровесник, который до последнего прикрывал рассмортцев от нашествия из моря. Приезжим показывали остатки его вертолета — хвост, торчащий из груды обломков. Тело, вернее, то, что от него осталось, год назад извлекли с большими трудностями и похоронили у парня на родине, где-то на севере страны, где нет ни моря, ни дельфинов...

Лидка поехала. В тех краях «прелести» глефьего нашествия с лихвой окупаются извержениями вулканов, причем если от дельфиных личинок еще можно убежать, то от потока лавы уйти труднее.

Море к вечеру расштормилось окончательно. О том, чтобы выйти на катере, не могло быть и речи; Петр Олегович и гёошник Виталий стояли у причала (новенького, построенного около месяца назад) и по очереди спорили о чем-то с подводником Сашей.

— Ну что, Лидка? — Белая футболка с желтой мышкой на груди делала гёошника Виталия моложе, чем он был на самом деле, а уж обаяние ему полагалось по штату. — Если погода не изменится, то нас ждет минимум неделька спокойных пляжных деньков...

— Виталий Алексеевич, — сказала Лидка, одним махом перепрыгивая через несколько дежурных реплик. — У ме-

ня разговор к вам... и к Петру Олеговичу, — добавила она, встретив недоумевающий взгляд формального начальника экспедиции.

* * *

Море не желало успокаиваться еще четыре дня. Волны приходили и опрокидывались, заставляя вздрагивать тяжелые глыбы на берегу; волны отступали, утаскивали за собой груды разнокалиберной гальки, и звук, который при этом получался, был скорее визгом, нежели грохотом.

Среди гальки часто попадалось стекло. Осколки, истертые морем, гладкие мутные бусины.

Лидка часто ловила на себе взгляды. Внимательно, остро присматривался гэошник Виталий. Недоверчиво поглядывал Петр Олегович. С откровенной неприязнью зыркала Валя, и только Славка, законный Лидкин супруг, упрямо смотрел в сторону.

Ночи стояли безветренные и теплые, и Славка приспособился спать на берегу, под открытым небом. Такой романтизм ни от кого не укрылся и никого не обманул — теперь Валя смотрела на Славку с откровенным сочувствием, а Лидка едва сдерживалась, чтобы не обернуться, услышав шепот за спиной. Время шло, настоящей работы не было, экспедиция загорала.

Потом шторм улегся — за одну ночь, и, выйдя утром на берег, Лидка разинула рот — горизонта не было видно, море совершенно неощутимо переходило в небо, а потому весь мир казался круглым, мутноватым, как отшлифованная волнами стекляшка.

Из ангара вытащили катер. Лебедкой по специальным рельсам спустили на воду.

То дальше, то ближе от берега торчали из воды остатки волнорезов. Верхний край Ворот не особенно от них отличался — Лидка сама, без подсказки, отличила его от прочих камней, но не смогла объяснить, по какому признаку.

«По мере возможности, Лидка, — сказал ей тогда Виталий Алексеевич. — Только по мере возможности. Цель экспедиции — провести комплексные исследования, а не создать тебе условия для самореализации. Основная твоя

функция — та, что записана в штатном расписании. Ты лаборант... Кроме того, извини, но на обучение тебя подводному плаванию нет времени. Ты когда-нибудь видела акваланг?»

«Я закончила курсы при институте физкультуры, — сказала она, не моргнув глазом. — Имею опыт погружения и второй спортивный разряд».

Приятно было поглядеть на их лица. В *таких* экспедициях неожиданности случаются нечасто; откуда им было знать, что курсы Лидка прошла в течение недели, погружалась всего три раза и на глубину два метра, а разряд получила хоть и спортивный, но «юношеский», то есть фактически детский?

Тем не менее свою роль ее слова сыграли. На нее поглядывали теперь, как на шкатулку с секретом, ожидая и опасаясь новых сюрпризов.

В катер погрузились разведчики — Виталий, Петр Олегович, техник Сергей и шуплый Саша; Сашу Лидка побаивалась. Во-первых, как подводник он запросто мог уличить ее в некомпетентности, а во-вторых... Что-то было в нем, в Саше, нечто не вполне объяснимое, но ясно ошущимое Лидкиной шкурой. Она не удивилась бы, если бы по основной профессии он оказался патологоанатомом.

Катер приподнял белый нос, чуть опустил корму и двинулся, как бы нехотя, покачиваясь и волоча за собой широкую пенную ленту. Биноклей было два, но одним безраздельно завладела Валя, а просить у нее Лидка не хотела. Другой был у Славки; поколебавшись, Лидка потрогала его за плечо:

— Дашь посмотреть?

Славка вздрогнул от ее прикосновения. Не глядя, сунул бинокль ей в руки; окуляры были теплые.

Лидка смотрела, как Сергей бросает якорь — в десятке метров от кромки Ворот. Как Саша и Виталий неуклюже переваливаются через борт катера, по-лягушачьи мелькнув в воздухе широкими ластами. Как Петр Олегович привстает, подносит бинокль к глазам, еще раз изучая горизонт на предмет дельфиновых спин. Дает «добро»; оба акванавта скрываются под водой, и вот уже смотреть особенно не на

что: покачивается катер, курит Сергей, Петр Олегович смотрит в бинокль на Лидку — и машет рукой...

Лидка помахала в ответ. Опустила бинокль, не глядя, сунула Славке:

— На...

Славки не оказалось рядом. Сунув руки в карманы джинсов, он брел по направлению к базе.

Примерно на полпути его догнала Валя.

* * *

— ...Съемку вести пока что невозможно — муть. На ближайшие недели прогноз хороший, волнения не будет, стало быть, уляжется. Первые образцы — в работе... Семейная пара Зарудных потом расскажет нам, что там и к чему. Флора — на первый взгляд обычная,росло всякой зелени, как на обыкновенном камне. Фауна — обычная. Рыбы спокойно плавают сквозь створку, по-видимому, от Зеркала Ворот ничего не осталось. По-видимому, мы имеем дело с оболочкой, скорлупой, хотя, конечно, тут важны результаты анализов... Ярослав Андреевич?

Славка поднялся. Белый халат поверх футболки делал его похожим на посетителя больницы.

— Минералы — базальт, сланец. В тканях растений повышенное содержание железа... Больше ничего. Скукотища. Состав воды... лучше, чем на городском пляже. Мочи и стоков нет совсем. Йода и соли — в норме. Здоровая такая водичка.

Славка и сам не улыбался своим шуткам, а присутствующие от них еще и мрачнели.

— Ясно, — после короткой паузы сказал Петр Олегович. — Следующим номером нашей программы... полная расчистка объекта, замеры, документирование, а когда спадет муть — видеосъемка. В конце концов, наше дело — исследовать, выводы будут делаться потом... возможно, что и не нами.

Лидка молчала.

Восемь сотен человек вошли в эти ворота. Почти восемь сотен, точного числа не знает никто. И вот — просто

камни, причуда природы, по-своему красивая, но совершенно не оставляющая надежды.

Ни на то, что жители Рассморта вернутся. Ни на то, что удастся узнать нечто новое о природе Ворот.

* * *

Валя была из поколения Лидкиных родителей. Вале было чуть за сорок; поджарая и сильная, она без труда поднимала тяжести и легко относилась к жизни. Волосы красила в темно-желтый цвет. Пахла сандалом. Полжизни провела в разнообразных экспедициях, умела сварить суп «из топора», а если были еще и приличные продукты, то сооружала на походной печурке прямо-таки ресторанные блюда.

По вечерам пела под страстную гитару водителя Валеры.

Традиция сложилась в первые же дни — вечером «на базе» у Вали собирались любители поболтать и попеть под гитару. Специально для этих вечеринок лысоватый Паша, водитель автобуса, добывал через местных солдат мутного самогона и крепкого домашнего вина.

Лидка никогда не являлась на эти посиделки, а Славка, с некоторых пор повадившийся посещать Валины «вечерки», ничего супруге не рассказывал.

Петр Олегович проводил вечера за рабочим столом. Чужое присутствие только раздражало его — для общения ему хватало большой черно-белой фотографии, с которой улыбались одинаковой улыбкой его жена, два сына и две внучки на руках у пары полнотелых невесток.

Виталий и Саша предпочитали здоровый образ жизни. Спать ложились рано; время от времени то один из них, то другой задумчиво бродил по окрестностям с биноклем и заводил разговоры с местными солдатами. То Виталий, то Саша наведывались к Вале на посиделки — никогда вместе, а только по очереди, как бы по долгу службы, из чего Лидка заключила, что и Александр не столько подводник, сколько геошник.

Он по-прежнему внушал ей опасение. Несмотря на то,

что держался ровно, даже с симпатией; Лидка ждала, когда Саша предложит ей на деле доказать, на что она способна в маске и с баллоном за спиной.

И дождалась.

Было около пяти часов. Жара спала; извлеченный из воды катер стоял перед ангаром на рельсах и оттого напоминал трамвай.

От утреннего погружения осталось два заполненных, или, как говорил Саша, «забитых», баллона. Хранить их до следующего утра не полагалось по технике безопасности; Саша неслышно подошел к сидящей на причале Лидке, тень его упала в воду, спугнув случайную мелкую рыбешку.

— Ну что, поныряем?

Лидкино сердце подпрыгнуло, как подброшенная на ладони монетка.

Ее пляжный купальник почему-то начал стеснять ее, особенно когда Саша помогал ей надевать баллон и пояс. Подводнику полагается гидрокостюм, а все эти тонкие ниточки-шнурочки, резинки и пластмассовые застёжки годятся только для бессмысленного валяния на пляже...

Маску Лидка подобрала и подогнала заранее. Ласты болтались, пока Лидка не додумалась надевать их на толстые шерстяные носки. Саша поморщился, но ничего не сказал.

— Слушай задание. Для начала просто погружаемся на глубину три-четыре метра, то есть до дна. Спокойно плывем вдоль берега, под водой я даю тебе команды, ты их выполняешь... Ясно?

Она торопливо кивнула.

— Ну, давай...

Саша соскользнул с причала и сразу ушел вниз. Лидка отлично видела, как он лениво перебирает ластами над поросшими зеленью валунами, над россыпью пестрых камней. Море было отменно прозрачным, мешали смотреть только небо, дробящееся на поверхности воды, да еще пузыри воздуха, побывавшего у Саши в легких.

Ну, Лида...

Она взяла в рот загубник. Выпустила. Осторожно слезла

с дошатого края. Погрузилась по плечи, придерживаясь руками за занозистый деревянный край. Снова взяла загубник. Нервно поправила маску. Оттолкнулась от края.

Море было теплым, но Лидка вздрогнула, когда ее макушка соприкоснулась с водой. В ушах установился тот неповторимый гул, который оборачивается потом полным безмолвием — тишиной подводного мира...

Она поймала себя на том, что задерживает дыхание. Набралась мужества и вдохнула; воздух в баллоне был теплее, чем вода, а может быть, Лидке показалось.

Она посмотрела вниз, увидела Сашу, небрежно гонящего по песчаной полянке маленького серого краба. Нырнула и... снова всплыла, вылетела из-под воды, подобно пластмассовому пупсу. Баллон, такой тяжелый на суше, теперь играючи вынес наверх Лидкино легкое тело.

Саша поднял голову. Лидке казалось, что сквозь маску она видит насмешку в его глазах.

Она нырнула снова — с тем же успехом. Баллон не желал тонуть. По всем законам физики он и не должен тонуть, просто странно, как это Саша до сих пор на дне... Он ведь тоже шуплый, его собственного веса не хватит...

Почему?!

Лидка попробовала по-другому. Ухватила за край причала, подтянулась на руках, потом оттолкнулась и резко ушла вниз. На мгновение увидела поверхность воды над головой — и тут же с шумом, с непристойным плеском выскочила наружу. Настоящий поплавок.

На берегу стоял техник Сергей. Увидев его, Лидка покраснела под маской.

Это ловушка. Теперь ясно, это какая-то насмешка, как когда-то в летнем лагере, тогда Рысюк приколотил к полу ее спортивные тапочки...

Подводник Саша и не думал ей помогать. Наоборот, приглашающе махнул рукой, спускайся, мол, сколько можно ждать.

Во рту стоял привкус резины. Лидка разозлилась.

Уцепилась за железную стойку причала. Перебирая руками, двинулась вдоль столба, как по канату, — только не вверх, а вниз, хотя усилий приходилось прилагать не мень-

ше. Проклятый баллон так и тянул на поверхность; маска все сильнее врезалась в лицо, и шум в ушах нарастал. Лидка через силу глотнула несколько раз продуваясь. Осторожно поддула носом в маску — обжим чуть ослаб. До дна оставалось всего ничего, и там, на дне, лежали большущие камни...

Железная стойка обросла зеленью и мидиями. Острыми краями раковин запросто можно отрезать себе палец-другой.

Лидка изо всех сил замолотила ластами. Отпустила стойку и тут же ухватилась за валун; она хотела всего лишь удержаться на дне, но камень оказался относительно легким и всплыл вместе с Лидкой.

Она ждала, что ее снова вынесет на поверхность, но вместо этого зависла на полдороге, раскорячившись, как лягушка, с тяжелым камнем у живота. Облачко мути, поднявшееся с потревоженного камня, понемногу рассеивалось.

Невыносимо давила маска. Пересохло в горле, а ведь надо было часто глотать, чтобы не напрягались, не болели барабанные перепонки...

Она осторожно двинулась вперед.

Шарахнулись в сторону рыбы. Лидка плыла в тишине, в невесомости, подводные леса колебались в такт неслышному прибою, и цвет у них был осенний, желтый, и летали какие-то желтые обрывки...

Осень. В разгар лета.

И человек пробирается под водой.

Саша оказался уже рядом. Его темные волосы развевались в воде, придавая молодому гзошнику неожиданно романтический вид. Над ним росло будто воздушное дерево — перламутровые пузыри устремлялись вверх, одно облачко за другим. Такое же дерево произрастало из Лидкиных «прорезиненных» губ — она слышала и собственное скрипучее дыхание, и шелест бегущих к солнцу пузырьков, и стук крови в ушах.

Саша показал вверх. Мелькнули ласты перед Лидкиным лицом; Саша вынырнул и, вероятно, ждал того же от Лидки.

Сперва она хотела просто выпустить свой груз, но вспомнила, как вылетают из-под воды притопленные пляжниками мячи, и решила не рисковать. Прижала камень к груди — один бок шершавый и желтый, другой покрыт зеленой склизкой шерстью — и заработала ластами. И, только добравшись до поверхности, бросила камень и проследила за его медленным падением, торжественным, как увертюра.

— Плохо поддуваешь, — сказал Саша. Волосы облепили его голову, из романтического персонажа он враз превратился в комика. — Посмотри, у тебя на физиономии синяк.

След от маски Лидка чувствовала великолепно. Лоб, щеки, верхняя губа. Продержится несколько суток. Отметина новичка.

— Ты почему пояс не загрузила? — спросил Саша и хитро прищурился.

Лидка и без него догадалась, в чем заключался подвох. Облегченный пояс. Говорили ведь ей на секции что-то про индивидуально подобранный груз, но все это было так быстро и суетливо, что она, конечно, забыла...

— Серег! — крикнул Саша технику. — Принеси там грузов... — он окинул Лидку оценивающим взглядом, — штук шесть средних. Будем даму выючить.

Кажется, Сергей, возившийся с катером у ангара, хихикнул.

— А ты молодец, — сказал Саша, рассеянно глядя в море. — Сообразила... Сейчас груз тебе отмеряем и пройдемся по дну туда-сюда, только поддувай в маску носом, а то жалко личико твое. И продувайся, продувайся все время, потому что ушей тоже жалко, порвешь барабанки... Вы со Славой поссорились, что ли?

От неожиданности она крутанула головой так, что брызги с мокрых волос полетели Саше в лицо:

— Не-а...

Ее не обижали Славкины измены с «девочками-припевочками».

Но почему-то мысль о неизбежной связи Славки с энергичной Валею оскорбляла.

Море было гладким, как стол. В отдалении маячил патрульный кораблик. Единственная на обозримом пространстве волна брала свое начало за кормой катера; Лидка удивлялась, как долго держится след на воде. Ну хоть бери и пиши катером по морской глади: Слава плюс Валя...

Мысль была несвоевременной. Потому что, отправляясь первый раз к Воротам, думать о таких мелочах недостойно.

Петр Олегович был в гидрокостюме и с видеокамерой. Прочие костюмами пренебрегли, а на Лидку вообще не нашлось подходящего размера. Вода была теплой, дымка на горизонте обещала жару.

Сергей застопорил катер в десятке метров от намерения Ворот. Лидка смотрела, щурясь и закусив губу. Вблизи Ворот уже не напоминали скалу или обломок волнореза. Волны по-хозяйски облизывали совершенно чужой им предмет — казалось, что здесь затонул маленький готический храм.

Сергей поднялся, держась за поручень, и приложил к глазам бинокль. Лидка прищурилась сильнее.

— Вчера вечером были, — сообщил Сергей, извлекая из кармана мятую пачку сигарет. — Дальфинчики-то... резвились даже ближе, чем тогда, во вторник. А теперь не видать...

— Что толку их высматривать, если они не опасны, — пробормотала Лидка, ни к кому конкретно не обращаясь. И тут же пожалела о сказанном, потому что на нее покосились как на дуру.

— У меня кореш был, — сообщил Сергей, закуривая. — Тоже вот говорил, дельфины — наши, мол, подводные первородные родичи. И не пирожник ведь был, а ихтиолог. Правда, докторскую так и не защитил. Материала набрал до фига, а потом сам материал его — хряп... Вроде как под каток попал. Там же туша — ого-го...

— У нас на базе их отстреливали на технический жир, — сказал Саша, не сообщая, впрочем, какая база имеется в

виду. — И они, кретины, все равно каждый сезон туда мигрировали... Зарудная, готова?

— Ага, — сказала Лидка, поправляя бретельку купальника. Сущее наказание, когда, кроме всех этих ремней и поясов, приходится следить еще и за непослушным трикотажем.

— Сбруя мешает? — оскалился Виталий. — Так скинула бы, и вперед а-ля натюраль!

— Русалочка ты наша. — Сергей окинул ее нарочито раздевающим взглядом, благо и снимать-то с Лидки было особенно нечего.

Возникла неловкая пауза; катер болтался посреди моря, Лидка сидела в катере с четверкой нестарых еще мужчин, и все четверо на нее смотрели. Даже Петр Олегович, верный своей фотографии, но тот, правда, глядел скорее печально: ах ты, мол, молодой провокатор...

Лидка рывком опрокинулась в воду, стремясь поднять как можно больше брызг. Ну как не стыдно, уважаемые ведь люди, руководители... доктора наук... гэошники, в конце концов...

Щеки горели. Хорошо еще, что она успела надеть маску.

— Эй, куда? Погружение без команды? — возмутился Саша.

Лидка подплыла к катеру, ухватилась за трос с цветными поплавками. Подняла голову, сквозь потеки на внешней стороне маски, как сквозь дождевое стекло, увидела Виталия.

— Закрепи страховку, — сухо вато распорядился гэошник, протягивая ей красный шнур с карабином на конце. — На пояс, и рукой контролируй. Три раза дерну — немедленное возвращение. Дельфины. Ясно?

Даже сквозь мокрое стекло Лидка видела, что он смотрит в сторону.

...Ощущение невесомости.

Справа и слева — жемчужные столбы от дыхания Петра Олеговича и Саши. Саша указывает куда-то в сторону...

Лидка обернулась.

Спутав под водой направления, она едва не проскочила мимо Ворот.

Вот они. Лидка дышала ровно. Воздух в баллоне был кисловатым.

Они не были похожи на те единственные, виденные Лидкой живьем. Они не были похожи на известные модели Ворот, зарисовки, фотографии. И они были по-своему красивы — вытянутая вверх арка. Красноватый камень. Совершенная форма — совершенная, чтобы любоваться, но очень непрактичная, когда речь идет о паническом бегстве тысяч людей...

Они ведь и не были рассчитаны на тысячи, подумала Лидка, покрываясь гусиной кожей. Сколько их было, жителей Рассморта?

Не стоило давать поселку такое название. Звукосочетание «морт» еще никому не приносило счастья.

Петр Олегович уже снимал, обходя Ворота по спирали, через минуту Лидка увидела его сквозь арку — конечно, ведь Зеркала не было, *теперь* это просто диковина, архитектурное излишество...

Саша подплыл совсем близко. Протянул Лидке руку; та не посмела отказаться. Сашина ладонь была теплее, чем ее собственная.

Он подтащил ее к основанию Ворот. Указал пальцем вниз; песок, водоросли, прочие чужеродные напластования здесь были счищены еще на прошлой неделе, и отлично видна была щель, разлом, который Петр Олегович считал своей личной находкой и которому они вместе с Виталием приписывали роль песчинки в шестернях, то есть той самой причины, из-за которой Ворота перестали выполнять свою функцию.

Разлом был небольшой и живописный. Лидка подумала, что и Петр, и Виталий лгут себе — Ворота слишком грандиозны, чтобы такая маленькая неприятность могла привести их в негодность. Скорее уж можно поверить в то, что рассмортцы прогневили господ и за это были наказаны...

А помнится, когда экспедиция только-только собиралась — кто-то бросил эту мысль, будто бы пошутил. И почему-то здесь, перед лицом искалеченных Ворот, эта шутка вовсе не кажется смешной.

Саша сильнее сжал ее руку. Провел пальцем по внутренней стороне створки. Лидка увидела — вроде как паз для очень толстого стекла. Будто бы Зеркало, таинственным образом пакующее и сохраняющее людей, действительно можно вставить и вынуть, хорошему стекольщику работы на полчаса...

Стекольщики, подумала Лидка. И вода показалась ей холодной.

Саша выпустил ее руку. Толкнулся ластами, проплыл вперед — в створ. Лидка не удержалась и закрыла глаза — ждала, что сейчас Саша исчезнет. Уйдет *на ту сторону*.

Саша тут же вернулся обратно, чтобы не запутать страховочный трос. Махнул Лидке рукой — иди: мол, туда.

Она сунула в створ сперва руку. Потом, придерживаясь за каменную арку, вошла и остановилась как бы на пороге. Ее перепончатые ласты почти касались дна. Над бурым лесом нехотя поднялись ошметки листьев, муть, Лидка подумала, что сейчас огребет по шее, потому что идут же съемки...

Головокружение. Очень-очень кислым сделался воздух из баллона.

Уходящие вверх пузыри.

Темнота.

* * *

— ...Потому что это ты забивал баллоны! Потому что за такие вещи идут под суд, и я тебя посажу, сука, ты у меня до новой *мрыги* будешь канавы рыть...

Лидка никогда не видела Виталия *таким*. Зрелище это и не предназначалось для ее глаз — ее как вытащили из катера и уложили в тенечке, так и оставили. Пошли разбираться между собой — вернее, продолжать разборку, начавшуюся в катере.

Проклятый купальник все-таки сполз, почти полностью обнажив Лидкину грудь. Но мужчины, еще недавно тарашившиеся на нее без всякого стеснения, теперь озабочены были совсем другими вещами.

— ...Я не знаю как! Но баллоны забивал ты...

— А ты проверь, — отвечал Саша, спокойный и белый, как песок на пляже для миллионеров. — Ты проверь ее баллон. Давай-давай, на анализ, там ведь еще осталось больше половины! Если там есть свинец — тогда сажай. А если нет — я тебя посажу, паскуда, потому что Ретельников...

Он осекся.

Ретельников, подумала Лидка сквозь звон в голове. Какая знакомая фамилия. Николай Иванович Ретельников. Читательский билет. Птичкин помет на весенней скамейке, толстый гёшник с профессионально усталыми глазами. Это же он нас в экспедицию воткнул. Всунул...

Двое стояли друг против друга. Страшный, оскаленный Виталий — и Саша, тоже страшный, но по-другому, тише и как-то убедительнее. А ведь они из разных ведомств, подумала Лидка. Из разных подразделений этой пресловутой ГО. Как бы не подрались...

Сверху, от базы, бежали люди, и впереди всех Славка.

— Лидочка!

Она попыталась поправить купальник и, когда это не удалось, стиснула руки на груди.

— Лида... Боже... Зачем тебе это надо было, эти ныряния, эти баллоны...

Собственно, все равно, что он говорит. Главное, что так приятно ложится на плечи шершавое полотенце, а в Славиных глазах, круглых, как плошки, стоит настоящий, всамделишный страх.

* * *

Оператор, забивающий баллоны, должен тщательно следить, чтобы выхлопной газ от бензонасоса не попал вовнутрь. Иначе отравление парами свинца может стоить ныряльщику жизни.

Что-то такое Лидке говорилось на теоретических занятиях в экспресс-секции. Но, признаться, насиловать этим память Лидка не стала — все равно вероятность, что ее заставят забивать баллоны, уверенно стремилась к нулю.

Теперь, похоже, теоретические занятия обернулись су-
ровой практикой. Во всяком случае, Лидкина голова рас-
калывалась от боли.

Славка поил ее какими-то таблетками. Приходил Вита-
лий и участливо спрашивал, как здоровье; хмурый Саша
смотрел так, как будто Лидка специально инсценировала
обморок, чтобы его, подводника, скомпрометировать.

Неизвестно, что показала экспертиза, проведенная Ви-
талием в присутствии Саши, Петра Олеговича и техника
Сергея. Во всяком случае, по возвращении эксперты бесе-
довали вполне мирно, а Саша даже улыбался. Стало быть,
фатальной вины его в Лидкином обмороке не обнаружи-
лось.

К вечеру она почти оклемалась, но ради Славки про-
должала симулировать хворь. Ей нравилась братская Слав-
кина опека; кроме того, предстояла новая ночь в палатке,
и для общей пользы было удобнее, чтобы Лидка продолжа-
ла считаться инвалидом.

Вечером она изъявила желание одиноко посидеть в
шезлонге на берегу. Сгушалась темнота, единственным
светлым местом была кромка прибоя, пена накатывала и
снова спадала, и в такт волнам пульсировали крупные, как
яблоки, звезды; Лидкино уединение было нарушено хру-
стом гравия под чьими-то подошвами, тонким лучом фо-
нарика и, наконец, деликатным вопросом:

— Лида, можно поговорить?

Фактический глава экспедиции Виталий Алексеевич
принес с собой складной стульчик. Предусмотрительные
люди эти гёошники.

— Лида... во-первых, как ты себя чувствуешь?

— Лучше, — отозвалась она лаконично.

— Хорошо, — наверное, Виталий кивнул. — Мне очень
жаль, но... Ты, наверное, и сама понимаешь, что допускать
тебя к новым погружениям... просто нельзя?

— Почему? — спросила она, сдерживая злость и отчая-
ние.

— Не понимаешь? — удивился он. — Как же... сего-
дняшний инцидент... сорванная работа, да ладно работа,
но мы могли просто потерять тебя... такой риск не оправ-

дан. Я уважаю твое мужество, инициативу и преданность науке, но ведь ты по состоянию здоровья...

— При чем тут мое здоровье?! — Лидка не выдержала, сорвавшийся голос выдал ее. — При чем тут мое здоровье... там ведь были эти, свинцовые пары!

— Вряд ли, — кротко сообщил Виталий. — Во всяком случае... нет, можно считать, что не было совсем. В остатке из твоего баллона ничего такого... не зафиксировано.

В его голосе ей почудилась неуверенность. Сговорились? Снюхались с подводником Сашей? По обоюдному соглашению прикрыли халатность, нарушение техники безопасности, договорились списать Лидкин обморок на слабенькое здоровье молодой лаборантки?

На зубах у нее скрипнул будто песок.

— У меня есть справка... Я здорова! Вы не имеете права...

— Я не имел права пускать тебя под воду, — сказал Виталий с грустью. — Слава богу, в которого я не верю, так вот слава ему, что ты нырнула неглубоко, что тебя успели откачать, что ты не впала в кому...

Лидка молчала. Нечто в словах геошника натолкнуло ее на полузабытую, постороннюю и в то же время очень важную мысль.

Слава богу... Божья кара.

— Как это все-таки случилось? — спросил Виталий другим тоном, уже не как начальник, а как добрый друг. — Что ты все-таки почувствовала, помнишь? Подплыла к Воротам... Остановилась в створе... Кстати, почему ты остановилась?

— А это важно? — спросила Лидка по-прежнему сквозь зубы.

— Ну, в общем-то, — Виталий вроде бы заколебался, — диагноз... Все-таки хотелось бы понять, почему это произошло, да?

Лидка прикрыла глаза, хотя вокруг и без того стояла тень.

Да, она вошла в Ворота. Хотя поначалу не хотела. Потом решила пересечь невидимую, несуществующую плоскость Зеркала... И на полпути испугалась. Замерла прямо под аркой.

Плоскость?

Проснулась пульсирующая боль в левой половине лба. Что там было, видение? Бред накануне обморока? Как будто в створе Ворот натянута блестящая сетка, паутина, местами рваная, местами идеально гладкая и сверкающая на солнце.

И гул в ушах. Как если бы одновременно зазвучали два десятка нот, взятых на разных инструментах, и, что самое интересное, слаженно зазвучали...

— Ну, что-то припоминаешь? — тихо спросил Виталий. Прошелестел; лица его по-прежнему не было видно, но Лидка разом припомнила допросы, глаза-буравчики и весь прилегающий антураж.

— Нет. — Она сама не знала, зачем ей врать. Просто так, в отместку. Из вредности.

— Совсем-совсем ничего? Ну, воздух в баллоне стал кислый... Слюна выделялась сильнее обычного... Нет?

— Не помню, — упрямо сказала Лидка.

Над горизонтом вставала бледная, немислимых размеров луна. И усиливался ветер — предвестник завтрашнего шторма.

* * *

На другой день выходить в море сочли невозможным из-за сильного волнения. Петр Олегович записал в своем дневнике: «Анализ и сопоставление данных».

Начисто чертили чертежи и карты. Вместе смотрели видео пленку — сперва довольно четкое, даже художественное изображение, общий план, средний план, укрупнение, отъезд; потом сразу — пузыри, мечущиеся тени, черное дно катера. Лидка успела увидеть себя — безвольную куклу с вереницей пузырьков изо рта, с развевающимися, как у утопленницы, волосами. Покраснела, втянула голову в плечи; момент, когда она там, под водой, потеряла сознание, на пленку не попал. Хоть в чем-то повезло.

Перед обедом Лидка пошла бродить по поселку — раньше она избегала таких прогулок, очень уж безысходные пейзажи открывались вокруг, очень уж страшным казалось

разрушенное, навсегда покинутое жилье. Но сегодня стиснула зубы и пошла.

От Рассморта мало что осталось. Здесь побывал апокалипсис, и такой свирепый, будто ему кем-то велено было оказаться последним.

Груды битого, поросшего травой кирпича.

Пустая могила молодого летчика. Гнездо ласточек, прилепившееся под облупленным хвостом helicopters.

Маленький клен, проросший из чьего-то выбитого окна.

Засыпанный песком колодец.

Отлично сохранившаяся кованая ограда. Железные стебли, цветы, даже, кажется, птицы. Калитка ведет в никуда.

Дорожный знак, предлагающий ехать только прямо. Оригинально, учитывая, что кругом пустырь. Столб изогнут дугой, чудом сохранившаяся стрелка указывает вниз. В землю.

Божья кара.

Лидка вспомнила проповедника, когда-то приходившего в лицей. Все, все погрязли во грехе, и кто знает, смилуется ли Он на этот раз и откроет ли спасительные Врата, чтобы дать человечеству еще один шанс...

Она сунула руки в карманы узеньких шорт, когда-то бывших полноценными джинсами. Карманы были мелкими, ладонь не помещалась даже наполовину.

...Виталий долго смотрел на нее, не говоря ни слова. Лидка не отводила глаз. И только когда гэошник мягко спросил: «Ты действительно хочешь быть ученым?» — только тогда она покраснела так, что багровый след от маски слился, наверное, с кожей.

— Да, я хочу быть ученым! — сказала она с вызовом. — А ученый не должен пренебрегать гипотезами. Какими бы дурацкими они ни казались на первый взгляд.

— Это не гипотеза, — Виталий сочувственно улыбнулся. — Это так... фантазии. Кстати, ты действительно веришь в бога? Или просто притягиваешь за уши?

Лидка молчала. На футболке у гэошника улыбалась желтая мышка.

— Божественная природа Ворот, — сказал Виталий с кривой усмешкой, — запрещенный для ученого прием. Этого мы не можем понять — ага, боженька постарался... так?

— Я не говорю «божественная», — пробормотала Лидка. — Но... Неужели так трудно проверить? Поднять архивы... За последние несколько циклов... столетий. Чем этот Рассморт... выделяется чем-то или нет? Было здесь что-то или нет?

— Было, — глухо сказал Виталий. Она была так растерянна и зла на него, что не сразу расслышала, вернее, не сразу поверила собственным ушам.

— Было, — повторил Виталий, глядя на белые буруны, превратившие море в подобие каракулевой папахи. — Два цикла назад, ты проходила это в курсе общей истории... здесь, в братской, гм, стране, существовало исключительно нездоровое общественное устройство. Идиотский, уродливый тоталитаризм. Знаешь такое слово?

Лидка проглотила насмешку.

— Так вот... в тех условиях всячески поощрялось осведомительство. В том числе бытовое, на всех уровнях. Вплоть до доносов мужа на жену. Я видел здесь такие выдающиеся бумаги...

Он осекся. Устало улыбнулся, потом стер улыбку, будто ластиком. Посмотрел Лидке в глаза.

— Вы отработывали эту мою версию, — сказала Лидка шепотом. — Вы смотрели документы относительно Рассморта. Вы *тоже* об этом подумали.

Виталий помедлил и кивнул:

— Не совсем так, как ты предполагаешь. Я действительно смотрел архивы... Все. Все данные по всем апокалипсисам, уж какие были. Относительно эпидемий. Неурожаев. Падежей скота. Сейсмических аномалий... И не только я. Мы искали... другую причину. Кроме той, что лежит на поверхности. Кроме разлома земной коры, смещения Ворот и затопления их морем. Мы просто так искали, для очистки совести.

— Нашли?

Виталий погладил мышку на своей футболке. На самом деле ему хотелось, наверное, помассировать грудь.

— Не знаю. Может быть, и нашли... Ничего такого, чтобы кричать «О!» и бежать к начальству за премией, а к человечеству — за бронзовым памятником. Но... рассмортицы оказались патологически склонны к доносительству. На тысячу семьсот человек тогдашнего населения — две тысячи доносов.

— Сколько? — спросила Лидка, переводя дыхание.

— Две тысячи. За полтора года. Притом что люди были едва грамотны, ловили себе рыбу и делить им было, в общем-то, нечего. «Сасед такой-то сказал, что уж харашо бы этат вождь скарее сдох». «Саседка такая-то говорила, что скарее бы эта власть перекинулась». «Свекор сказал...» «Невестка сказала...» «Дед подтирался листовкой с изображением вождя...» и так далее. Не могу сказать, делались ли какие-то выводы... и кого арестовали по этим доносам, но вот сохранили их тогдашние службы полностью. И в соседних поселках, которые отличались от Рассморта только по названию, пачки «документов» были не в два, не в три — в десять раз тоньше...

Виталий увлекся. Лидка подумала, что у себя в ГО он ведет, наверное, какие-нибудь курсы молодого бойца. Хороший рассказчик. Яркий.

— ...И это все. Больше ничего. Никаких статистических пиков. Только эта, двухцикличной давности история. Причем с тех пор в живых осталось человек десять... старики. И все они... все они вошли именно в эти так называемые малые Ворота. Все они там, — Виталий неопределенно махнул рукой — в сторону каменного наверхия, то исчезавшего под волнами, то подымавшегося непривычно высоко над водой.

По Лидкиной коже продрал мороз. Она на секунду *поверила*. Сперва аномальный выброс подлости, потом, через два поколения, — изощренная расплата... Они там, за пропавшим Зеркалом. Что с ними там происходит?!

— Проняло, — сказал Виталий, внимательно за Лидкой наблюдавший. — Только... расслабься. В мире полным-полно гадостей, за которые никто не несет наказания.

Я уверен, что убийцы Андрея Зарудного, не исполнители, а сами заказчики... что они прекрасно пережили *мрыгу*, спокойно вышли из Ворот и где-то топчут землю... Извини, если задел за живое.

Он смотрел на нее и улыбался. И как будто хотел сказать: а я что-то знаю. Знаю, но не скажу.

Она проглотила занозистый ком в горле.

— А... другие артефактные Ворота? По ним есть подобные... исследования?

Виталий вздохнул:

— Кое-где... кое-что. Версия «расплата» отрабатывалась нашим ведомством... и аналогичными ведомствами других стран, причем каждый, заполучивший на своей территории артефакт, не спешил делиться сведениями с соседом. Есть несколько свежих, засекреченных... а в основном старье. Когда артефакт стоит сотни лет — иди знай, кто там перед кем провинился. Смотри, дельфины!

Он показывал куда-то в покрытое барашками море, Лидка долго ничего не могла разглядеть и подумала даже, что это финт для завершения разговора. Но потом мелькнула черная точка, другая...

— Так близко от скал, — задумчиво констатировал Виталий. — Притом что штормит. Оно им надо...

Лидка молчала. Смотрела из-под руки.

— Знаешь, о чем я подумал? Дельфины — самые свободные существа. Только они не нуждаются в Воротах. Только они умеют переживать апокалипсис снаружи.

— Не они, а глефы, — автоматически поправила Лидка.

— Все равно. Все равно они не нуждаются в подачках. От бога ли, от инопланетян или от природы. А мы... трясемся. Откроет, не откроет? Подарит, не подарит? Мы так привыкли к этим бесплатным дверцам, что несказанно удивляемся, когда система сбоит...

— У вас в ГО принято задаваться такими вопросами? — осторожно спросила Лидка.

Виталий усмехнулся:

— Знаешь, Лида... Помирилась бы ты со Славой. А то некрасиво, ей-богу, выходит.

Славка беседовал с Валей.

Он стоял к Лидке спиной, затылком, потому она не видела Славкиного лица. Зато Валина физиономия была видна отлично — выразительные зеленые глаза горели масляным, игривым огоньком.

Лидка отпрянула.

Валя заметила ее и продолжала разговор о каком-то шитовом домике, который обещали привезти и собрать еще неделю назад. В каждом слове, в каждой планочке этого гипотетического, еще не построенного домика заключен был ласковый, многоэтажный подтекст.

Тогда Славка взял Валю за пуговицу и легонько подергал, вроде бы спрашивая разрешения оторвать. И что-то сказал вполголоса, Лидка не расслышала. Валя нарочито звонко расхохоталась.

Лидка повернулась и вышла.

Она ведь шла в лабораторию, чтобы...

Зачем? Помириться со Славкой? Но они ведь не ссорились...

Почему всех так заботит ее личная жизнь?! Чуть ли не пари заключают, ставки делают на нее и Славку, когда же наконец они переспят как люди?

Волны разбивались о причал. У ангара сидел с сигаретой Саша; перед ним на брезенте разложены были какие-то масляные железки.

— Купаться? Так ведь смочет, Лида...

Злая, как блоха, она уже стягивала футболку.

— Нельзя, — сказал Саша другим тоном. — Мало тебе одного чепэ? Еще раз вытаскивать тебя?

Она посмотрела на него с ненавистью.

— Не злись. — Он неожиданно виновато пожал плечами. — Или вот что... Тут за мыском бухта песчаная, там всегда тише. И мелко. Хочешь, пойдем, покажу тебе?

Она кивнула. Ей было, по большому счету, все равно. Нравится Славке Валя — пусть спит с Валей, только пусть от нее все отстанут, не лезут в палатку и в душу...

Шли минут двадцать. Лидка запыхалась, потому что Сашин шаг был в полтора раза шире.

В этой бухте она уже один раз была. В самом начале экспедиции, когда на катере осматривали окрестности. Тогда, помнится, бухта не произвела на нее впечатления — да, грязноватый серый песок, да, мелко; теперь же пришлось остановиться и затаить дыхание.

Справа и слева клыками торчали скалы-волнорезы. Теперь там стоял сплошной белый салют — летели брызги и обрывки пены, грохотали вода и камни, зато до бухты добиралась значительно усеченная, переполовиненная волна. Опрокидывалась, широким языком тянулась по песку, отступала, слизывая ракушки и мелкие камушки.

— Красиво? — спросил Саша.

Лидка улыбнулась.

Внизу, на полукруглом пятачке пляжа, почти не было ветра. Отдаленно грохотали непокоренные, не урезанные еще волны. Саша сел на плоский желтый камень, развернул потертый бумажный томик, рассеянно кивнул Лидке:

— Давай...

Она сбросила на песок футболку и шорты. Песок походил на крупную соль. Слежавшийся и жесткий.

Бухта действительно была почти идеальным полигоном для катания на волнах. Лидка попеременно то подныривала под надвигающийся вал, так что пятки мелькали над водой, то, наоборот, каталась на гребнях; тугая белая пена щекотала бока и создавала иллюзию необъятного подвечного платья. Лидка улыбалась солеными губами — такая аналогия нравилась ей. Красиво, надо бы кому-нибудь рассказать.

Подводник Саша не мешал ей. Сидел на берегу, погруженный в свою книжку.

Минут через сорок Лидку замутило; оказалось, что для того, чтобы заработать морскую болезнь, вовсе не обязательно садиться в лодку или подниматься на борт корабля. Достаточно просто порезвиться в волнах.

Решив, что на сегодня хватит, она легла на спину и принялась лениво подгрести к берегу. Волны подбрасывали

ее, как поплавок; через некоторое время она обнаружила, что не приблизилась к берегу ни на сантиметр.

Разозлившись, она перевернулась на живот и поплыла уже всерьез, изо всех сил. Каждая новая волна подталкивала ее, давая ощутить дно кончиками пальцев на ногах, и тут же оттягивала назад, лишая малейшего намека на опору.

Лидка плыла, стиснув зубы. Она всегда считала, что плавает как рыба.

Нет, но что это за фокусы? Яма? До сих пор песчаное дно казалось ровным и гладким, но, может быть, методичные волны успели прорыть здесь дыру?

Время шло. Вода вертелась вокруг Лидки, как мельничный жернов. Саша на берегу читал, не поднимая глаз.

Выбившись из сил, Лидка решила поменять тактику. Если не удастся выплыть по верху — может быть, разумнее будет поднырнуть под волну, так, говорят, следует выбираться из водоворотов. Нырнуть как можно глубже...

Она схватила воздух ртом и нырнула. Под водой ничего не было видно — муть; до дна она не достала, проплыла вперед, как ей показалось, метров пять и пошла на поверхность.

Поверхности не было. Вода и вода.

Отработанный воздух жег легкие, рвался наружу. И Лидка рвалась вверх; по-видимому, ей не повезло, или она неправильно рассчитала ритм и оказалась под самой высокой волной. Уже задыхаясь, она вынырнула среди пены и едва успела вдохнуть, когда новая волна подхватила ее и закружила, как тряпку в стиральной машине.

Смешались верх и низ. Ничего не стало видно. Лидке хватило хладнокровия как можно дольше удерживать воздух, а потом улучшить момент и снова вынырнуть. Следующая волна положила бы бесславный конец сегодняшнему купанию, но, по счастью, в расписании валов случился, как это иногда бывает, короткий перерыв.

Она закашлялась. Оглянулась — вовремя, чтобы встретить новую волну, которая накрыла ее с головой, забила нос, как Лидке показалось, до самых бровей, и укатилась по направлению к берегу.

На берегу сидел, удобно вытянув ноги, подводник Саша. Вероятно, чтение очень его увлекало.

Несколько секунд Лидкина гордость боролась со страхом. Страх — вернее, теперь уже ужас — победил.

— Саша! — крикнула она так громко, как только позволяло просоленное горло. — Саша!

Подводник перевернул страницу.

Он сидел в каких-нибудь тридцати метрах от барахтающейся Лидки. Она отлично видела его лицо — ни один мускул на нем не дрогнул, и это было даже страшнее, чем новая ленивая волна.

— Саш...ша! Са...

Она закашлялась.

Возможно, увлеченный книгой, он не слышал ее крика среди грохота волн. Возможно, у нее и крика-то не получалось — так, одно шипение... Это ей кажется, будто она орет как оглашенная...

— Саша! Саша! Са-аша-а!

Подводник читал. Происходящее все более смахивало на дурной сон.

— Са...

Она захлебнулась. Новый ужас был слепым и совершенно черным. На некоторое время Лидка превратилась в животное. Нет! Н-нет! Плыть! Дышать! Жить!

Волна схлынула. Появилось и пропало дно под ногами; Лидка опять увидела небо, скалы, читающего мужчину на берегу. «Я рядом с берегом», — сказала она своему чуть ослабевшему ужасу. «Я рядом с берегом, я умею плавать, я не могу утонуть, я выплыву...»

— Са... ша...

Ей показалось, что подводник-гэошник быстро на нее взглянул. Скосил глаза. Померещилось. Или?..

В режиме волн снова наступил перерыв. Лидка едва держалась на плаву, но — дышала.

Господи, он видит. Он видит, как она тонет. Он привел ее сюда, чтобы она утонула. Он...

Андрей Зарудный, изрешеченный пулями. Глаза-буравчики. Он что-то сказал перед смертью? Нет, как он мог сказать... Но ведь эксперты доказывают, что он жил еще

минут пятнадцать... Не может быть? Но ведь бывает... А контрольного выстрела не было... Что он сказал? Ничего? Жаль... Бумаги... документы... эта девочка нашла в архиве любопытный текст. Может даже, не один. Что тебе надо в библиотеке, Лидка? Выносить за пределы дома хоть бумажку, хоть самый незначительный бумажный клочок... Николай Иванович Ретельников. Который сосватал, впарил, буквально воткнул Лидку в эту экспедицию и чье имя невзначай упоминал Саша...

Баллон с отравленным воздухом. Но так, чтобы экспертиза потом ничего не могла доказать.

Теперь ее, Лидку, заказали. Вернее... приговорили. Велели убрать. Так естественно... просто... один раз не вышло, но много... опасностей... море... эта бухта... яма... шторм...

— Мама! — закричала она, из последних сил барахтаясь в пенном котле. — Ма-ма-а!

Волна подхватила ее и понесла по спирали, но у Лидки уже не было сил сопротивляться. Даже если она выплывет сейчас, Саше достаточно нескольких ленивых движений, чтобы утопить ее даже на отмели. Свидетелей нет. Ей уготован несчастный случай...

Геошник читал, вернее, делал вид, что читает. Ей показалось, что на лице его лежит тень раздражения — ну что она никак не тонет, эта девчонка?

Она повернулась лицом к волне и поплыла в море. Еще раз ей залепило водой ноздри, но зато, сдвинувшись с места, она выбралась наконец из прибрежного котла. Справа и слева ревели клыки-волнорезы, но между ними было относительно спокойно; берег отдалился, теперь Лидка не боролась с волнами — просто болталась на воде, часто дышала и плакала.

Саша на берегу наконец-то отложил свою книгу. Лениво встал, посмотрел на часы, потом на Лидку. Махнул рукой: вылезай, мол.

Она оглянулась на выход из бухты. Совершенно ясно было, что ей не выбраться отсюда вплавь. В такую погоду, в таком состоянии — она не доплывет, ее либо утащит те-

чением, либо размажет о скалы, либо она просто пойдет ко дну, подобно мешку с песком.

Саша приложил ладони к губам.

— ...и-ида-а! — донеслось до нее. — Е-о-но ы-о-ди!

Как же, подумала Лидка. Сейчас.

Неужели он приплывет сюда, чтобы утопить ее?! Это уже риск для него. Она будет сопротивляться...

Хотя какое сопротивление, проще выждать еще полчаса. Она утонет сама собой.

Саша — Лидка видела — плюнул. Стянул майку. Снял шорты. Вместо плавок на нем оказались просторные спортивные трусы.

— Мама... — прошептала она еле слышно.

Саша вошел в воду. Сразу нырнул под волну, и еще раз нырнул, и пошел к Лидке размеренным кролем. Волны, казалось, совсем не беспокоили будущего Лидкиного убийцу.

— Мама...

Она сделала попытку отплыть подальше в море, но валов, разбивающихся о волнорезы, отрезвил ее.

Сашина голова мелькнула в двадцати метрах. В десяти.

Тогда обреченная Лидка подняла глаза, в последней надежде оглядывая берег, пляж и скалы. Высоко на круче, там, где чахло под солнцем одинокое колючее дерево, ясно различимы были человеческие фигурки. С моря не удавалось разглядеть, что это за люди и куда они смотрят, — но у Лидки вдруг нашлись силы.

Последние пять метров Саша одолел под водой, в длинном нырке. Вынырнул прямо перед ней; глаза его показались ей совершенно отстраненными, рыбьими. Глаза хладнокровного убийцы.

— Вон! — У нее хватило сил на выкрик и даже на то, чтобы показать рукой на скалы. — Там! Солдаты! У них бинокль! Они все видят!

— Обалдела?!

Он был зол. Страшно зол и раздражен. Лидке показалось даже, что она видит слюну, летящую у него изо рта; тем не менее он обернулся и взглянул в сторону берега.

И некоторое время разглядывал, как ей показалось, людей на круче.

— Сдурела?!

— Не подходи, — выдавила она, не сводя с него глаз.

— Что?!

— Ты меня не утопишь, — сказала она, чувствуя на подходе щипучие слезы. — Там увидят... Не трогай...

Он выругался — так, как не ругались при женщинах Лидкины знакомые мужчины.

— На берег. Живо! Не то притоплю тебя, психичка долбаная, и за волосы вытащу. Ну?!

Она поплыла к берегу — просто потому, что больше некуда было деваться. Саша держался рядом — не очень близко, но Лидка прекрасно понимала, что эта дистанция обманчива. Пловец... чемпион, наверное...

Очередная волна швырнула ее к берегу и хотела было оттащить обратно, но Саша сильно подтолкнул Лидку сзади. И еще. Она почувствовала под ногами песок и буквально вцепилась в него пальцами ног; волна схлынула, а Лидка осталась стоять и со следующей волной сделала три шага вперед. Наклонилась, упала на четвереньки...

Новая волна, и последняя для Лидки на сегодня, сбила ее с ног и прокатила по отмели. И оставила отплевываться на песке.

Саша снова выругался за ее спиной. Лидка слепо, как кутенок, отползла подальше от моря, добралась до сухого и упала мешком.

Саша что-то пробормотал сквозь зубы.

Лидка подняла гудящую голову; Саша выходил из моря злой, оскаленный, без трусов.

— Что смотришь? Волной унесло! Из-за тебя, дура...

И он прошествовал через пляж к своим шортам. Лидка лежала, не в силах пошевелиться, ничему больше не удивляясь.

* * *

— Я рапорт подам, — сказал Саша сквозь зубы. — Всю лабораторную работу делает один Зарудный. А эта истеричка знай создает чепэ... Ну не спит она со своим мужи-

ком, ну психует, когда он с Валькой лижется, — при чем тут работа?! Работа при чем? Сегодня она в обморок падает, завтра топится, послезавтра она кинется вниз головой со скалы, и ты, Вит, будешь по уши в дерьме... И Петр огребет ни за что. Подумай, Виталья.

Молчать, молчать, говорила себе Лидка. Если сейчас закричать, разреветься, начать оправдываться — каждый всхлип будет на Сашину мельницу. Молчать, терпеть, молчать...

В штабной комнатухе, светящей голыми кирпичными стенами, было сумрачно и сыро. Басовито жужжали мухи. Только этот звук и нарушал повисшую после Сашиних слов тишину.

— Лида, — пробормотал наконец Виталий Алексеевич, вертя в пальцах тусклую поцарапанную линзу. — Выйди, пожалуйста. Пойди погуляй.

Петр Олегович шумно вздохнул.

— Не пойду, — сказала Лидка тихо.

Виталий поднял брови:

— Что?

— Послушайте... — Она изо всех сил пыталась удержать себя в руках. — Если через пару дней я действительно упаду со скалы — знайте, что это *он* меня толкнул! Он... да, я попала в яму, и мне трудно было... трудно выплыть. Я звала его! А он сидел и смотрел, как я тону. И улыбался!

Последнюю деталь Лидка выдумала, но выдумала очень убедительно. Ей действительно вспомнилось, как Саша улыбался, глядя на ее барахтанье. Сытой улыбкой палача.

— Сдурела?! — опять взорвался подводник. — Тебе к психиатру надо! Что тебе привиделось, что ты придумала, это же открытый бред!

— Я звала, — повторила Лидка шепотом. — Я бы утонула... я случайно выплыла. Это правда.

Виталий уронил на стол свою линзу:

— Саша... какого пса вас понесло в эту бухту?! Чья это была идея?

— Его, — сказала Лидка еще тише.

— Да запретить ей вообще подходить к морю! — рявкнул Саша. — Отослать ее из экспедиции на фиг, какого

черта... Я сидел на песочке и читал! Если она и кричала, то себе под нос, тихонько так, в тряпочку. А там же гудит все...

— Почему же ты не поглядывал? — раздраженно спросил Виталий. — Видишь же, что шторм!

— Да она минут сорок там сидела! Мелко там, песочек, крыса не утонет. Кто же знал, что она такая...

Он замолчал, но проглоченное гадкое слово явственно отразилось в его глазах.

— Лидка, выйди, — сказал Виталий резко.

Она поднялась:

— И я сама... хочу уехать. Прежде чем он меня не убил.

Повернулась и вышла, плотно прикрыв за собой двери.

Славку она нашла у водонапорной колонки. Ведро давно наполнилось, а он все качал железный рычаг, вода бежала через жестяной край, подтапливала Славкины резиновые шлепанцы, впитывалась в жадную, каменистую, растрескавшуюся землю.

Славка посмотрел на Лидку — и ничего не сказал. Выпустил рычаг, но вода еще бежала некоторое время тонкой, затухающей струйкой.

— Ну у тебя и вид, — сказал Славка.

Лидка заглянула в ведро. Оттуда посмотрела на нее бледная осунувшаяся дама со спутанными, свесившимися на лицо волосами.

Лидка зачерпнула воду ладонью. Умылась, желая отрезвить себя и взять в руки, однако эффект оказался прямо противоположным. Пришлось сесть на землю и тогда уже, скорчившись, разрыдаться.

Славка сел рядом и обнял ее за плечи. Погладил по голове, по жестким просоленным волосам:

— Ну... ничего. Со мной тоже когда-то... чуть в пруду не утонул. В двух метрах от берега. А Сашка... ты на него не думай. Он, когда не видел никто, сам чуть не плакал, бледный такой... Не слышал он. Так бывает, кажется, что кричишь громко, а на самом деле ни звука. А еще море шумит. Так что... ну не плачь. Все ведь обошлось...

Славкин голос был так убедителен, что и без того ревущая Лидка покрылась потом при мысли о том, что на са-

мом деле вся история с утоплением — дурацкая случайность. У одной дуры не хватило голоса кричать погромче, другой дурак зачитался, забыл приглядывать за купающейся девчонкой...

Она замолчала. Славка все гладил ее и все бормотал, успокаивая; теперь Лидке неприятны были его прикосновения. Вспоминались масляные глаза веселой Вали; нет, скотина Саша, черноротая скотина; ему-то что?! Да пусть Славка хоть со всем лагерем лижется, хоть с Валею, хоть с Петром Олеговичем. Ему-то что, завидно?!

Из низкой полуподвальной двери выбрался Виталий. Болезненно сощурился, когда солнце ударило ему в лицо; следом вышел хмурый Петр Олегович. Его белая тенниска темнела двумя подмышечными пятнами пота.

— Стало быть, так, лаборант Зарудная, — сообщил Виталий, глядя ей в лицо глазами-буравчиками. — До конца экспедиции осталось не так много. Никаких инцидентов, досрочных возвращений, рапортов и прочего ни мне, ни Петру не надо. Так что перетерпи, будь добра, пересиди в лаборатории. К морю не подходить. К катеру не приближаться. Надеюсь, больше никаких чрезвычайных происшествий не будет?

Петр Олегович избегал смотреть на Лидку. Зато Виталий глядел, будто закручивая на ее лице два железных болта. Лидка поняла, что не сможет не отомстить. Не ответить ему теперь. Даже под угрозой позора и новых насмешек.

— Я видела остатки Зеркала там, в Воротах, — сказала она Виталию в глаза. — Я *видела*. А вы — нет.

Петр Олегович поморщился, будто ему было стыдно за Лидку. Так непристойно, по-детски лгать, придумывать сказки, беспомощно набивать себе цену...

Оба повернулись и ушли, не говоря ни слова.

— Ну зачем ты, — устало сказал Славка. — Ну помолчать бы... что ты мелешь?

— Я видела, — сказала Лидка, разом успокаиваясь. — Если бы не та отравка, что этот гад намешал мне в баллон...

— Это паранойя! — бросил Славка зло. — Кто тебе чего намешивал? Завтра окажется, что тебе салат отравили!

Он осекся.

Рядом стоял Виталий. Футболка его перепачкалась на животе, и оттого казалось, что желтая мышь побывала в дымоходе.

— Зарудная... Идем-ка со мной.

* * *

Блестящая сетка. Паутина, местами рваная, местами идеально гладкая и сверкающая на солнце. Сверкания Лидка нарисовать не сумела, но в целом получилось довольно похоже. Особенно учитывая слабую зрительную память, которую Лидка знала за собой еще с лица.

И уж конечно, не получится нарисовать звуки. Мало того, Лидке и припомнить-то их толком не удавалось.

— Почему ты мне сразу ничего не сказала? — неприятным голосом осведомился Виталий.

— Я забыла. Потому что баллон, отравление и...

— Не было никакого отравления! Не мели ерунды. Чтобы отравить человека на глубине пять метров, яд в баллоне должен быть концентрированным и явным, а экспертиза не показала почти ничего!

— Почти?

— Ничего, что могло бы вызвать такую твою реакцию!

— А если *он* подменил баллоны перед экспертизой?

— Истеричка, — устало сказал Виталий. — С каким удовольствием я отправил бы тебя обратно.

— Так отправляйте! — Лидка погладила белый листок со своим кособоким рисунком. — Отправляйте... Я найду людей, которые мне поверят!

— Дай.

Виталий выдернул бумагу из-под ее рук. Снова поднес к глазам, и лицо у него было такое, будто через силу пришлось сосать приторно-сладкую карамельку.

— Вы не впервые это видите, — тихо сказала Лидка.

Виталий пожал плечами:

— Мало ли... Да, я видел нечто подобное. В отчетах по старым артефактным Воротам, которые исследовали несколько циклов подряд, в конце концов махнули рукой и открыли для туристов... Там была отдельная подборка бре-

довых версий. И какой-то псих вроде тебя тоже увидел... паутинку. Правда, чуть более целую, чем у тебя. И еще там была специальная папка под названием «Обмороки в створе». Всего случаев семь или восемь... Ты отключилась под воздействием Ворот. Оставь Сашку в покое.

— И теперь вы не подпустите меня к Воротам за версту? — желчно предположила Лидка.

Виталий поморщился.

* * *

Ночью ей приснился ребенок. Мальчик лет полутора в белых трусиках, пузырящихся на ветру. Уверенно стоящий на плотных, чуть кривоватых ножках, причем на правой коленке — наполовину зажившая, замазанная зеленкой ссадина. В одной руке — ярко-желтый пластмассовый совок, в другой — резиновый кот с пищалкой на животе. Коротко стриженные русые волосы, большая круглая голова, глаза безмятежно-спокойные, лицо — маленький портрет Андрея Зарудного или, может быть, Славки, все едино. Пухлая ладонь сильнее сжимает резиновую игрушку, кот издает длинный писк, и еще раз, и еще.

Лидка проснулась. Над палаткой гулял ветер, протяжный писк еще стоял в ее ушах, выдуманный, приснившийся звук. Славки рядом не было.

Она раскрыла наполовину зашнурованный полог и на четвереньках выбралась наружу.

Все эти бредни, эти идиотские байки про то, что бездетной женщине обязательно снятся ее нерожденные дети... Ну, было бы ему сейчас год-полтора. Пускал бы слюни, возился бы с погремушками, грыз резиновые кольца... И все. Ничего бы другого не было, ни университета, ни работы, ни экспедиции...

А на черта она нужна, эта экспедиция?! Ну, обмерили остатки Ворот. Ну, установили, что ничего особенного они из себя не представляют, камень как камень, человечество таких арок настроило до фига и больше. Понять природу Зеркала мы не в силах, да и нет его здесь, Зеркала, одни фантазии...

В предрассветной полутьме светилось единственное окошко в помещении штаба. Славки нигде не было видно; в отдалении маячила оранжевая, как апельсин, просторная палатка Валентины.

Лидка вернулась под тент. Свернулась калачиком и закрыла глаза.

* * *

И на этот раз без Саши обойтись не удалось. Он сидел за рулем катера, а Лидка сидела на корме и делала вид, что не замечает подводника. Свежий ветер развеивал ее волосы, наконец-то вымытые с шампунем; Лидка знала, что выглядит эффектно, и знала, что эффекта хватит до первого соприкосновения с водой. Потом волосы облепят голову и шею, и смоется та минимальная косметика, которую она вопреки здравому смыслу нанесла сегодня на глаза и губы. Глупо краситься, отправляясь под воду, но именно сегодня Лидке хотелось продемонстрировать всем свою красоту и независимость.

И, надо сказать, кое-каких успехов она достигла. Техник Сергей поглядывал с интересом, водитель Валера проводил расфуфыренную лаборантку долгим удивленным взглядом, и даже Петр Олегович улыбнулся Лидке и помог перебраться с причала на катер. Виталий хранил профессиональную невозмутимость, Саша вел себя так, будто Лидки нет на свете.

А Славка... Славку она не видела с утра. Вернее, со вчерашнего вечера.

Ну и пусть. Он ей больше не нужен. Он... отработанный материал.

Море слегка волновалось. К Лидкиному поясу прикрепили страховку, Петр взял камеру, Виталий передал Саше бинокль:

— Поглядывай тут...

Тот кивнул, не выпуская сигареты. Оглядел горизонт, махнул рукой:

— Чисто... Давай.

Они нырнули почти одновременно. Только Лидка чуть

замешкалась и поймала на себе внимательный, чуть презрительный Сашин взгляд.

Хорошо бы никогда его больше не видеть, подводника-гэошника. Никогда в жизни.

Зеленоватое, с опаловым оттенком безмолвие успокоило ее. Странно, она больше не боялась глубины, хотя, по идее, все должно быть наоборот: после того случая был бы естественней панический страх погружения...

Шарахнулась, бликуя плоскими боками, рыба стая.

Ритмично покачивались подводные леса. Плотные воздушные пузыри уходили к небу, их было много, каждый был моделью радужного, безбедного мирка; если бы не маска, Лидка, наверное, улыбнулась бы.

Петр и Виталий плыли по бокам, и ни в одном из них нельзя было узнать ни видного археолога, ни гэошника с неприятным пронизывающим взглядом. Они были одинаковые, они были равны — странные стеклолицые существа, мерно перебирающие перепонками ласт. Плавниками-протезами. Человек еще не рыба, но уже вполне пристойно плавает...

Лидка снова сдержалась, чтобы не улыбнуться. Плотнее закусила загубник.

Ворота были видны издали — море оставалось прозрачным. Действовали согласно заранее оговоренному плану: Петр с камерой обогнул арку и остановился напротив створа, так чтобы поймать видеоискателем и Ворота, и входящую в них Лидку.

Она уверена была, что на этот раз ничего не случится. Просто по закону подлости; некоторое время она проторчит в створе, потом стрелочка манометра намекнет, что пора бы и возвращаться. И они поднимутся в катер, не глядя друг на друга, и только Саша снова зыркнет из-под длинного козырька своей пляжной кепочки; при мысли о Сашинем взгляде Лидке снова стало неудобно. Страховка, застегнутая на поясе, показалась вдруг поводком, ограничивающим свободу, и неприятно было думать, что другой конец тонкого троса находится в руках у ЭТОГО. Ладно, пусть Лидка истеричка и параноик, пусть Саша и не хотел

убивать ее... Но все равно — сказано и сделано достаточно. Хоть бы он, проклятый, утопился.

Шелестел, вырываясь наружу, теплый воздух. Маска чуть-чуть травила, пропуская воду, вода заливала стекло изнутри, мешала смотреть, но вылить ее не было никакой возможности — то есть опытный ныряльщик сумел бы, конечно, сделать это с помощью сложного небезопасного маневра, но Лидке такие фокусы были не под силу. Проще перетерпеть.

Петр поднял руку, объявляя о своей готовности. Лидка двинулась вперед, стараясь дышать как можно спокойнее и ровнее. Все равно ничего не произойдет.

Она немного не рассчитала импульс — проскочила дальше, чем следовало. Легла на спину, на мгновение увидела солнце сквозь толщу воды. И темное днище катера увидела тоже; раскинула руки, одновременно коснувшись каменных столбов справа и слева от себя. Эти Ворота были такими узкими, что в них могли пройти плечом к плечу человека три, не больше...

В следующую секунду Ворота раздвинулись, разъехались, как двери скоростного трамвая. Проем сделался широким, как улица, но самое печальное — Лидкины руки по-прежнему касались каменных столбов. Лидкины руки, ее верные, знакомые с детства руки растянулись, будто резиновые канаты, она с ужасом посмотрела сперва на правую кисть, потом на левую — обе были страшно далеко, обе казались маленькими, игрушечными, а ведь вода зрительно увеличивает все предметы...

Выпустив от неожиданности целый фонтан радужных пузырей, Лидка рывком поднесла ладони к глазам. Руки слушались беспрекословно, руки по-прежнему принадлежали ей; правда, сквозь очертания кисти просвечивала золотая паутина, а сквозь шелест уходящего к поверхности воздуха проступали невозможные здесь звуки. Длинный аккорд.

Дышать. Ровно, глубоко. Никаких чепэ.

Она потянулась вперед, словно собираясь ткнуть пальцем в объектив видеокамеры. Но впереди и сверху не было ничего — ни Петра, ни солнца над водой. Вытянутая Лид-

кина рука оставалась у нее перед глазами — непривычно толстая, будто размазанная по стеклу.

«С меня хватит».

Она ударила ластами — примерно так бьет хвостом рыбина, угодившая в полиэтиленовый кулек. И еще несколько секунд ей казалось с перепугу, что все кончено, ничего нет, сердце не бьется, — вот она, противоположная сторона Ворот, снулый мир, где Лидка была лишь однажды, но не хотела бы возвращаться...

А потом оказалось, что ее тянет куда-то без учета ее желаний. Тонкий трос напрягся, и с каждым его рывком утяжеленный пояс все сильнее врезался в голый Лидкин живот.

Вот она, подсвеченная солнцем поверхность, — далеко. И вот оно, днище катера, — еще дальше. Тянутся ввысь два перламутровых дерева — из узкой груди Петра, из прокуренных легких Виталия. Третье — над Лидкиной головой; мешает смотреть вода, набравшаяся в маску. Рука инстинктивно тянется протереть глаза, — но натывается на стекло.

Ее спутники — она не могла разобрать, кто из них кто, пока не увидела болтающуюся на ремне камеру, — спешили к ней с двух сторон. Трос на мгновение ослабел и напрягся с новой силой. Один из пловцов — скорее всего, Виталий — размахивал рукой перед Лидкиным носом, указывал вверх, веля немедленно всплывать; под водой движения получались плавными, замедленными, недостаточно убедительными.

В этот момент второй пловец вытянул руку, указывая куда-то Лидке за спину. Она обернулась.

Под водой их туши казались неожиданно огромными. Каждая была размером с тот грузовик, на котором приехала в Рассморт передвижная электростанция.

Трос рванулся снова. Пояс врезался в тело, от боли Лидка едва не прокусила загубник. Один из ее спутников торпедой рванул вверх — только ласты мелькнули. То был Петр Олегович; Лидка увидела плавно опускающуюся ко дну видеокамеру.

Черное гляцевое существо оказалось в метре от Лид-

ки. А может быть, ей померещилось — ведь вода мешает правильно оценить расстояние; темная морда была огромная, как экскаваторный ковш. Мгновение — и дельфин повернулся боком, скосив на Лидку острый маленький глаз. Некоторое время они смотрели друг на друга, и Лидка готова была руку отдать на отсечение, что зверь смотрит удивленно. Изучающе. Свободный зверь, единственное высшее существо, умеющее выживать без помощи Ворот...

Потом ее потащили наверх одновременно страховочный трос и гэошник Виталий, причем Лидка затруднялась определить, кто из них причинял ей больше боли.

Потом голова ее оказалась над водой, и первым делом она стянула маску; катер оказался неожиданно далеко, тем не менее отлично видно было, как мокрый, жалкий Петр крутит ворот лебедки, а Саша стоит, упершись ногой в борт, и вроде бы отдыхает. Лидку рывками тащило по волнам, подобным образом когда-то наказывали провинившихся матросов; рядом плыл Виталий, и за ним, кажется, оставался пенный след, как за моторной лодкой...

Глянцевая туша взметнулась над волной. Высоко, метра на полтора; прежде чем дельфин успел погрузиться, в бок у него появились три маленькие черные дырки.

Лидку тащило спиной вперед, и она все прекрасно видела. Над водой взметнулось живое гибкое тело — обратно упало, шлепнулось издыхающее мясо, еще подрагивающее, еще желающее жить, замутняющее воду вокруг, и волна становилась грязно-коричневой...

А может быть, кровавые детали воссоздало Лидкино воображение? Потому что когда ей было все это разглядеть?

Совсем рядом мелькнула, едва показавшись из воды, аспидно-черная спина. И Саша снова успел выстрелить.

Лидку втащили на катер, причем ей показалось, что на борту остаются сорванные клочки кожи; конечно, это ее воображение сновахватило через край.

Виталий сорвал ласты. Как был, не снимая баллона, кинулся за руль. Зачихал мотор; высокая волна швырнула катер так, что Лидка едва не вывалилась снова.

А может, это не волна?!

Саша выстрелил еще. И еще. Лидка мельком увидела его лицо — отрешенное лицо довольного жизнью убийцы.

Мотор заработал, катер высоко задрал нос, пытаясь тащить за собой неподобранный якорь. Саша опустил пистолет, шагнул к Лидке — она не удивилась бы, если бы он и ее продырявил за компанию. Но вместо этого шуплый гэошник переступил через нее, как через рухлядь, перебрался на корму и что-то там сделал с якорным канатом.

Катер рванул вперед. Саша едва удержался.

Дальфины уходили в море, увлекая за собой агонизирующих собратьев. Двоих? Трех? Лидка не видела.

Она смотрела на Сашину загорелую спину с проступающими позвонками.

Пистолет он так и не выпустил. Держал в опущенной правой руке.

* * *

«...Д. — единственные адаптированные к апокалипсису высшие существа. По анатомии и физиологии взрослые особи близки к млекопитающим, однако по способу размножения Д., как ни странно, яйцекладущие. Цикл развития Д. в точности похож на цикл развития насекомого; самки делают кладку раз в двадцать лет, накануне апокалипсиса. Кризисные изменения во внешней среде, а иногда даже их предвестники, провоцируют развитие личинки Д. — глефы. В разгар кризиса глефы покидают скорлупу яиц и выходят на сушу. Личинки Д. смертельно опасны для всего живого. Малоуязвимые, устойчивые к высоким температурам, они не нуждаются в убежище и переживают апокалипсис без укрытия. Возвращаются в море после того, как прекращается сейсмическая активность. Следующая стадия развития — куколка, внутри ее Д. пребывает всего от месяца до двух, после чего на свет появляется взрослая особь.

Д. остается одним из наименее изученных существ планеты. Происхождение Д. и природа его адаптационных механизмов до сих пор неясны. Отсутствие информации порождает домыслы. Так, Д. стали находкой для писателей-

фантастов, которые в своих произведениях приписывают этим существам то разум, то внеземное происхождение, то мистическую связь с Воротами, то все эти свойства одновременно».

(Малая популярная энциклопедия, с. 271.)

* * *

Вечером на берег выбрались крабы. Казалось, сами камни зашевелились, поднялись на членистые лапы, выкатили бессмысленные блеклые глаза и толпой поползли туда, где на груде скальных обломков лежал отторгнутый морем дальфиний труп.

Археолог Петр Олегович пил неразбавленный медицинский спирт и плакал. Сегодня он оказался трусом, бросил товарищей в беде и утопил казенную видеокамеру с ценными записями. Археолог был близок к самоубийству, несмотря на то, что никто даже взглядом не уязвил его, не то что словом.

Убийца Саша был трезв. Сидел перед ангаром и демонстративно чистил пистолет. Разобранное оружие на промасленной тряпке вызывало у Лидки рвотный рефлекс. В аккуратно разложенных деталях было нечто патологоанатомическое; вечера у моря всегда успокаивали Лидку, но теперь некуда было деваться ни от чаек, алчно кружащихся в отдалении, ни от Саши с его пистолетом.

Она вернулась в штаб и одновременно взялась за два безнадежных дела: убирая в лаборатории, она пыталась навести порядок в голове.

Рядом, за фанерной стенкой, смеялась Валентина. Звала кого-то на посиделки — ей отвечали голоса Сергея и Валеры. Славки не было слышно.

Потом без стука отворилась дверь. Лидка обернулась, ожидая увидеть мужа, но вместо него на пороге обнаружился Виталий. Желтая мышь на его футболке вылиняла до бледно-лимонного цвета.

— Пиши. — Виталий уселся без приглашения, вытянул

ноги, положил на столик перед Лидкой лист бумаги с числом и неразборчивой печатью. И шариковую ручку.

— Что писать? — спросила Лидка.

— Хронику событий, — скучным голосом сказал Виталий. — С момента, когда ты погрузилась. Заканчивая моментом, когда мы вышли на причал.

— А сверху писать: «Объяснительная записка»? — съязвила Лидка.

Виталий поднял на нее взгляд, и глаза были сумрачные, как фары похоронного автобуса. Под этим взглядом Лидка кивнула, села на табуретку и пододвинула к себе листок.

— Такого-то числа в таком-то часу, — начал диктовать Виталий, — выполняя такое-то задание, я, такая-то и такая-то, вместе с такими-то и такими-то членами экспедиции...

— Вышла куда-то и сделала что-то, — пробормотала Лидка сквозь зубы.

— Пиши, — сказал Виталий без тени улыбки в голосе.

Некоторое время в лаборатории стояла тишина. Откуда-то просачивался сигаретный дым, причем сигареты были — Лидка потянула носом — с ментолом. Валя.

Она дошла до момента, когда «выполняя задание, приблизилась к объекту и расположилась в створе, обеими руками коснувшись...».

Прекратила писать. Осторожно положила ручку:

— Это же бред... Виталий Алексеевич. Это же меня в психбольницу отправят с такими... отчетами.

— Это не отчет, — Виталий поморщился. — Это... Не волнуйся. Просто пиши. Подробно и честно.

Лидка опустила голову.

Вспоминать случившееся в Воротах было неприятно. Сформулировать и перенести на бумагу — трудно.

— Тут помарки, — сказала она, извиняясь.

— Простят, — коротко отозвался геошник. — Пиши.

В молчании прошло еще несколько минут. «Потом я потеряла... утратила ориентацию».

Она снова положила ручку.

— Ну, а... о дальфинах... надо?

— Надо, — жестко сказал Виталий. — Все. Кто куда плыл и кто куда стрелял...

Лидке показалось, что Виталий ухмыляется. Не понять, то ли Сашу к награде представят, то ли на гауптвахту упекут за эти выстрелы. Но Виталий знает по этому поводу нечто, чего не знает Лидка.

Она вздохнула. Бумаги оставалось мало, поэтому с каждой строчкой приходилось писать все мельче.

— Подпишись. Число.

Виталий взял из ее рук плотно исписанный листок, просмотрел, остался доволен. Поднялся, не прощаясь, вышел.

— Так это не бред? — спросила Лидка ему в спину.

— Твое дело, — сказал Виталий уже из коридора, — доложить. А классифицировать — не твое дело. Считаю, что я тобой доволен.

— А мне плевать на ваше удовольствие, — сказала Лидка уже в пустоту.

Некоторое время она сидела, тупо глядя в покрытый потеками потолок. Потом под окном заплакал ребенок.

Галлюцинации, подумала Лидка, покрываясь потом. Уже и наяву...

И изо всех сил приложила кулаком по столу. Жалобно звякнуло лабораторное стекло в ящиках; ребенок раскричался с новой силой, причем не младенческим бессмысленным вяканьем, а солидным басовитым ревом годовалого как минимум человеческого существа.

Лидка подошла к окну, толкнула пыльную раму, впуская в комнату теплый вечерний ветер.

Офицер в пятнистой форме о чем-то приятно беседовал с техником Сергеем. В отдалении стояла армейская легковушка, и толстая женщина потряхивала, успокаивая, полуголого обиженного младенца. На женщине было джинсовое платье в обтяжку. Вероятно, из этого платья можно было бы выкроить штаны чуть не для всей экспедиции.

Младенец как-то сразу успокоился — только что орал и вот уже смеется, похрюкивает от удовольствия. Мать спус-

тила его с рук, и он заковылял, косолапя, смело попирая землю босыми розовыми ступнями.

Лидка захлопнула окно. Звякнули пыльные стекла.

* * *

Ей только сейчас пришло в голову, что все они очень молоды. Еще недавно они лежали, спеленатые своими «кукольными» покровами, где-то глубоко на дне, куда человеку никогда не донырнуть. А потом родились в третий раз, ровесники, одно поколение, лишенное другого опыта и других знаний, кроме тех, что заложены в инстинктах.

А если бы человечество умело так же? Если бы все взрослые погибали бы при апокалипсисе, а нерожденные — личинки — выживали? Страшно представить себе полчища этих диких детишек. Звереныши, они весь отпущенный им срок боролись бы за выживание. Все двадцать лет жизни — до нового апокалипсиса... И венцом их усилий стали бы новые кладки. Потомство, которому никогда не суждено увидеть родителей.

А если бы?!

Лидка закусила губу.

Со своего места, с тропинки, она видела только опавший черный бок. И не торопилась подходить ближе, зная, что крабы делают свое дело, что чайки уже съели дельфины глаза, недавно глядевшие на Лидку с искренним удивлением. Почему-то она была уверена, что там, в камнях, лежит именно *тот*. Ее знакомец.

Или это была «она»?

Ворота. Дельфины. Ворота. Глефы. Страхолюдные всепожирающие твари, которых можно остановить только шквальным огнем из крупнокалиберного пулемета. А если нет под рукой пулемета? «Глефы расправляются с жителями деревни NN. Холст, масло. Запрещено к просмотру несовершеннолетними».

А если они когда-то *были* разумными? Что, если эти, явившиеся поглядеть на чужаков, — просто дети, у кото-

рых никогда не было родителей? Большие и сильные, безмозглые, сбившиеся в стаю дети?

Она обнаружила, что бредет по тропинке обратно. Что чайки, которых она спугнула было, поспешно возвращаются к дармовому мясу. И что перед ангаром по-прежнему сидит на складном стульчике Саша, а на коленях у него лежит свежевывищенный пистолет.

Она остановилась в пяти шагах.

Почему-то убийцу тянет на место преступления, а бабочку влечет к огню. Лидке бы пройти, не останавливаясь, не глядя, вернуться в мертвый поселок, к штабу. А вместо этого она встала; хотела сунуть руки в карманы — эта поза всегда придавала ей уверенности. Забыла, что на шортах, бывших когда-то джинсами, от карманов остались только жалкие атавистические складочки.

В отдалении бродили чайки. Лидка поняла вдруг, что сжимает зубы до хруста, что судорожно стискивает кулаки. Она скажет ему... Она скажет...

Саша поднял голову. Без выражения посмотрел на Лидку, потом на пистолет. Потом снова на Лидку.

— Извини, — сказал он бесцветным голосом. — Я там в штабе наговорил всякого... Со зла. Не надо было. Так что прости.

Если бы он поднял свой пистолет и выстрелил Лидке в лоб — она удивилась бы меньше.

* * *

Утренняя поездка на объект закончилась уже через час. Лидка была в лаборатории, когда с берега прибежал взмыленный Славка; через минуту они вдвоем неслись вниз по тропинке, причем Лидка прижимала к животу аптечку, которая по всем правилам должна была храниться на катере, но не хранилась с оглядкой на дневную жару.

Аптечка, по счастью, не понадобилась.

Когда Славка с Лидкой добежали до причала, Виталий уже сидел на досках, бледный до синевы, но в полном сознании. Предложенный нашатырь отклонил:

— В ящике... на катере... Почему аптечка не на месте?!

Слова, поначалу показавшиеся бредом, были на самом деле дисциплинарным внушением. Роль врача в экспедиции исполнял Петр, но за технику безопасности при погружениях отвечал Саша, а тот, по-видимому, полагал, что если есть пистолет, то нашатырь уже без надобности.

Пришвартованный катер бился бортом о причал. Доски под ногами вздрагивали. Виталий отыскал глазами Лидку.

— Петя, — спросил, не сводя с Лидки взгляда, — ты заснял?

— Да, да, — несколько суетливо подтвердил археолог. — Только ведь... ничего не было, Виталик. Внешне ничего не было видно...

— Ворота? — тихо спросила Лидка.

Виталий отвел глаза:

— Там остатки Зеркала... Нас поощряют, ребята, за эту экспедицию. Но мы все равно ни черта не узнаем... и не поймем.

Пленку, извлеченную из второй, резервной, видеокамеры, просмотрели уже через полчаса. Виталий морщился, глубоко дышал и глотал таблетки от головной боли; по-видимому, ему пришлось еще хуже, чем Лидке. В записи прекрасно видно было, как некто с аквалангом входит в Ворота, останавливается в проеме, на минуту зависает, упираясь руками в каменные столбы, а потом вдруг дергается и обмякает, и потихоньку переворачивается, отправляя к поверхности пузырьки воздуха, набирая в легкие воды... На этом запись заканчивалась. Петр и Саша, бывшие в тот момент под водой, быстренько вытащили Виталия к солнцу и откачали прямо в катере. Утопленник уже дышал, но в сознание не приходил, из-за чего спасателям пришлось пережить несколько неприятных минут.

— Лида, — сказал Виталий, когда эмоции собравшихся в штабе немного утихли. — У меня к тебе будет несколько конфиденциальных вопросов. Как к биосенсору.

— Кому? — спросила Лидка с опаской. В университете ей успели привить стойкую неприязнь ко всякого рода псевдонаучным терминам.

Виталий ухмыльнулся.

...Был полдень. В самом этом слове Лидке слышался звон желтых, раскаленных колоколов.

В жухлой траве верещали цикады. Воздух струйчато переливался над забетонированной площадкой, над крышей автобуса, над бортами передвижной электростанции. Лидка надвинула кепку на самый нос.

Виталий отвел ее в короткую тень кряжистой, пережившей *мрыгу* яблони. Люди, в свое время варившие компот из ее яблок, канули в никуда, и, будто сознавая это, яблоня баюкала в ветвях единственный зеленый плод. «Яблоком? Облезете...»

— Лида, вот что. Тогда, когда ты... в первый раз «поплыла» в Воротах, тебя что-то эмоционально задело? Потрясло?

Лидка смотрела непонимающе.

— Видишь ли, во второй раз, после истории в бухте, когда ты, по твоим словам, чуть не утопилась, — там понятно. Там ты была здорово на взводе. А первый раз?

— Я впервые увидела Ворота, — сказала она шепотом. — Ну и вообще... вы же мне тогда в первый раз разрешили погружаться.

Виталий кивнул:

— Да. Понятно.

И замолчал, думая о своем.

— Эмоциональный... фон? — тихо предположила Лидка. — То есть, когда человек сильно возбужден...

И Саша, и Петр, и она проходили сквозь Ворота, останавливались в Воротах, и сам Виталий, между прочим, делал это неоднократно. Но почему-то только теперь «поплыл», поймал галлюцинацию вслед за Лидкой. Или не совсем галлюцинацию.

— А вас что... что-то случилось? — спросила она тихо.

Виталий молчал.

— Что, эта стрельба... с дальфинами...

Виталий глубоко вздохнул. Лимонная мышь на его футболке потянулась и опала.

— Да, ты угадала. Вчера ночью пришла радиogramма...

Мы свернем экспедицию в течение недели. Дома... неприятности.

— Что? — Лидка подобралась.

— Нет, — Виталий поморщился. — Ничего особенного. Это у нас, — он на мгновение запнулся, — в конторе проблемы. Тебя не касается и никого не касается. И ты молчи, ладно?

Лидка кивнула.

К водонапорной колонке вышла, покачивая бедрами, Валя. Улыбнулась Виталию, многозначительно посмотрела на Лидку, налегла на рычаг с неженской силой. Вода так и брызнула, так и ударила о дно эмалированного ведра.

* * *

На следующей планерке Петр Олегович официально объявил о завершении программы и сворачивании экспедиции. Сергей и Валера несказанно обрадовались, да и сам Петр выглядел скорее бодро, чем разочарованно, и Лидка его понимала. За время, проведенное у артефактных Ворот, две его внучки с черно-белой фотографии должны были чуток подрасти.

Вечером на берегу устроили нечто вроде прощального пикника. Развели костер, к которому тут же заявился местный патруль с руганью и запретами. Патруль пришлось успокаивать и умасливать, а костер прикрывать валунами, но он все равно был виден со всех сторон, потому что питали его сухими водорослями, а те горят, как бумага.

Патруль остался. Офицер непонятного звания и пара молодых солдатиков расселись прямо на камнях, небрежно положив рядышком автоматы с пристегнутыми рожками, и Лидка хоть и слабо разбиралась в оружии, но поглядывала на хлопцев с опаской. Что-то подсказывало ей, что с автоматами так не обращаются.

Солдаты хрумкали консервы, щедро выделенные Валею из интендантских запасов. Офицер несколько раз приложился к мятой фляжке от термоса, исполнявшей роль бокала. Солдаты были пьяны одной лишь тушенкой.

Вина раздобыл, как обычно, водитель Паша — расшедрился, приволок две здоровенные канистры. Вино было густое, домашнее, крепкое, одного пластикового стаканчика вполне хватало, чтобы мир пустился в пляс. Хлебо-сольная хозяйка Валя разругалась, сидя между техником Сергеем и водителем Валерой, и то и дело заходилась смехом, слышимым, наверное, и по ту сторону гор.

Виталий посидел полчаса и ушел к себе. Минут через десять после него ушел и Петр; Саша остался, и Славка не спешил уходить — сидел хоть и рядом с Лидкой, но как-то обособленно, слушал байки и анекдоты и глядел, как Лидке казалось, прямо Вале в полногубый рот.

Разговоры становились все громче и раскованней. Лидка отошла в сторону, села на самой кромке моря, скинула босоножки и опустила ступни в воду.

— Не, сидели-сидели, ты мне скажи, ныряли-ныряли — хоть выныряли чего-нибудь? Что мне жене говорить — премия будет, нет?

— Тебе, Серега, премии так и так не положено. Ты тут загорал, считай, прохлаждался да Вальку лапал, вдали от жены-то...

Мужчины захохотали. Лидка поджала пальцы на ногах. Острый камушек, неведомо как оказавшийся среди обкатанной морем гальки, впился в пятку.

— Ничего себе прохлаждался... Тут место само по себе плохое, жили люди — и все, нету, проклятое место, у меня в фотоаппарате пленка сама собой засветилась...

Голоса отдавались в Лидкиной голове, сливались в один неровный болезненный звон. Перед глазами будто плыл экран неведомого прибора — зеленая точка прыгала, вычерчивая зубчатый график, а когда в общий галдеж ввинчивался смех Вали, самописец подскакивал высоко вверх и окрашивался красным...

Надо было встать и уйти в палатку, но Лидка знала, что там будет еще хуже. Бродить по берегу впотьмах, да еще на пьяную голову, означало обязательно споткнуться и сбить колени; Лидка сидела, сунув ладони под мышки, и чувст-

вовала себя черствым обрезком хлеба, лежащим на столе рядом со стопкой румяных, ароматных булочек.

Мама говорила ей: «Не ошибись... подумай...»

Она ошиблась. Она верила, что будет настоящая наука, открытия, настоящая, короче, жизнь...

Детородный период закончился. Или закончится через несколько месяцев. Науки нет — есть удивленное разглядывание, многозначительные намеки и подробные чертежи, ничего на самом деле не объясняющие. С таким же успехом можно обмерять и взвешивать труп и надеяться таким образом разгадать ход мыслей усопшего...

И Виталий, и, наверное, Петр с самого начала знали, что экспедиция ничего нового не даст. То, что было воспринято Лидкой как царский подарок, оказалось подачкой с барского стола.

Ее босую ступню ощутило куснули — не то глупая рыба, не то крабеныш. Лидка зашипела и отдернула ногу.

— А ты сам видел? А то говорят тут всякие: НЛО, НЛО... Да, огонечки были, так это, наверное, самолет...

— Днем, говорят тебе! Вот ты, солдатик, видел такую штуку над морем? Вроде как блюдце летающее?

— Спасибо...

— Да не спасибо, ты скажи, видел тарелку?

— Спасибо, нет, не хочу...

— Объект — нельзя. — Это вступил офицер. — Объект — секретный. Объект — нельзя говорить, нельзя спрашивать. Не надо.

— Ах, извини... Ну по глазам же вижу, инопланетяне тут были, вы еще небось и стреляли по ним... Может, и сбили? А?

— Нельзя.

— Понимаю... Служба...

Лидка поднялась. Голова кружилась все сильнее, следовало немедленно прекратить это безобразие.

Купальника не было. Она отбрела подальше, туда, куда не достигал свет костра. Быстренько разделась. Голышом вошла в море, погрузилась по самую макушку, испытала сперва шок, а потом облегчение. Голова очистилась от

мыслей, как очищается от дыма прокуренная комната. Лидка заткнула пальцами уши и легла на спину.

Ну вот и все.

Небо было огромным и тусклым. Плотная дымка пропускала свет только самых крупных звезд.

Инопланетяне. Да уж, куда проще. Зеленые человечки, поработившие космос и обнаружившие на одной из планет потенциальных конкурентов. И осадившие их сложным, но относительно гуманным способом. Прописавшие человечеству регулярное профилактическое кровопускание, шоковую терапию, после которой не остается времени ни на какие глупости вроде завоевания космоса. После которых — лишь бы выжить и восстановить численность...

Лидка показала бы звездам кулак, но не хотела, чтобы прохладная вода заливалась в ухо.

...А человечество — тот еще воспитанник. Ко всему приспособится. Живет потихоньку со страховым полисом в зубах, активно пользуется «условленным временем» и, говорят, даже немножко развивается...

Она замерзла. Перевернулась на живот и пляжным брассом поплыла к берегу.

Костер красиво дробился на поверхности воды, отражался в каждом мокром камушке. И у костра происходила заварушка. Лидка разинула рот.

Сергей сидел, полуобняв Валю за плотную талию. Оба были белые, как пена, даже отблески костра не могли придать их лицам человеческого оттенка. В двух шагах от парочки стоял водитель Валера, и в руках у него был автомат с пристегнутым рожком.

Лидка разом ослабела и поняла, что сейчас утонет. К счастью, под ногами отыскалось дно.

— С-сука, — внятно произнес Валера. — Ты... убери лапу. С этой потаскухи. Убью. Обоих.

Валера был веселым, энергичным мужчиной средних лет. Лидка никогда не видела его раздраженным или скандальным.

Растерянные солдатики сидели рядом, разинув рты, вцепившись каждый в свою консервную банку. Лидкино

поколение, младшая группа. Их плохо кормят, подумала Лидка отстраненно. Они голодные...

У костра валялась пустая канистра из-под вина. Когда они успели *столько* выпить?!

Валера пошатнулся. Шире расставил ноги. Дуло автомата описало полукруг. Даже Лидка инстинктивно пригнулась, нырнула и под водой услышала резкое — та-та-та...

Бледный техник Сергей все еще сидел, обнимая бледную Валю.

Солдатики все так же сжимали каждый свою консервную банку.

Зато Валера лежал на камнях. И автомат был в руках у Саши, а Сашина нога попирала Валерину шею.

— Ти-хо, — сказал Саша шепотом, но так, что и Лидка услышала. — Ти-хо. Ша.

Никто не издал ни звука. Не выпуская Валериной шеи, Саша обернулся к офицеру и сквозь зубы заговорил на языке, из которого Лидка понимала только отдельные слова. Офицер слушал, и сперва его лицо сделалось белым, как у Вали, а потом пунцовым, в полумраке почти коричневым. Офицер был тоже Лидкиного поколения. В каком он звании, она так и не поняла.

Потом звякнули пустые жестянки. Солдаты встали, подхватили каждый свой автомат, причем тот, что принимал оружие из рук Саши, едва не лишился чувств. Вся тройка рысью удалилась в темноту, и оттуда уже долетели визгливые команды и звон мордобоя.

— Во блин, — сказал водитель Паша.

Остальные молчали.

Сергей, уже убравший руку с Валиной талии. Валя, закусившая пухлую губу. Водитель Паша, методично подбирающий упавшие стаканы. Славка — господи, хоть с ним-то ничего не случилось?! И гэошник Саша, а там, где он, всегда что-то происходит.

Заворочался Валера, придавленный Сашиной ногой.

— ...ус... ти...

Саша отступил и дал ему подняться. Валера встал; губы

его оказались запачканными кровью из разбитого о камни носа.

Саша сгреб Валеру за ворот тенниски. Аккуратно в обход костра, вывел к морю и тут расчетливо, коротко ударил под дых. Валера ахнул и опрокинулся в воду; Саша поднял глаза и увидел Лидкино лицо над водой.

— Выходи.

— Я голая, — пролепетала она еле слышно.

— Выходи и одевайся.

Лидка поспешила к своей одежде — наполовину вплавь, наполовину вприпрыжку. На четвереньках выбралась на берег, долго не могла отыскать шорты. В воде громко ворочался Валера, издавал обширный диапазон непристойных звуков, стонал и ругался.

— Во блин, — повторил водитель Паша. — Вот это виныще, наверное, табака подсыпали.

— Чего теперь? — хрипло спросил Сергей.

— Теперь штаны постирай, — с неожиданной злобой откликнулась Валя. — Тоже мне мужики... Один кретин схватил пукалку — все разом обо...лись.

— На себя посмотри, — огрызнулся Сергей.

— Тихо, — сказал Саша. — Один перепил. Он теперь до-олго будет работу искать, я позабочусь... Но если кто рот откроет по пьяни или сдуру... тоже будет работу искать. Долго. Ясно?

Все молчали. Паша подбросил в костер травы и хвороста. Валера затих, выполз на берег, сел лицом к морю, уронив голову на руки.

Потом Валя поднялась — вызывающе яркая, смелая, облитая светом костра. Как будто пережитый страх переплавился теперь в возбуждение, в бравалу, недаром так хищно поблескивали прищуренные влажные глаза.

— Кто бы мне помог эту корзину обратно оттарабанить? Слав, ты вроде трезвее прочих будешь?

И улыбнулась. Лидка видела ее улыбку, потому что как раз к этому времени успела одеться и брела к костру, чтобы погреться.

Зависла пауза. Костер горел высоко и ровно. На щеках

Сергея играли желваки, Паша ободряюще усмехался. Даже Саша обернулся, смерил Славку оценивающим взглядом.

Трешала, сгорая, трава. То, что прежде было водорослями и жило на глубине, в царстве безмолвия и рыб, а потом умерло, было отторгнуто и выброшено штормом, высохло под палящим солнцем, теперь исчезало в костре, не оставляя даже пепла.

Лидка глубоко вздохнула.

— Нет, — сказал Славка, глядя в сторону.

Костер понемногу опадал. Морская трава горит быстро.

Валя улыбнулась снова, но совсем другой улыбкой:

— И что делает с людьми хронический спермотоксикоз...

Славка вскочил — и в какой-то момент сделался похожим на Сашу. Такой же быстрый и безжалостный; сжимая кулаки, он остановился перед Валею, и тогда интендантша улыбнулась в третий раз, да так, что даже у Лидки свело скулы.

— Что, Слав? Ты что-то хотел сказать?

Сергей примиряюще ввинтился между ними:

— Слав, нельзя так на бабу. Она не виновата... Ты скажи своей лаборантке, чтобы не выпендривалась, а дала, как поло...

Лидка не знала, приходилось ли Славке когда-нибудь драться. В лицее, помнится, он не задибался никогда; теперь же Сергей отлетел на два шага и едва удержался на ногах, и схватился за скулу:

— Ах ты, гаденыш...

Саша поймал предназначенный Славке удар, играючи завернул руку водителя за спину. Толкнул Сергея на землю:

— Мало? Тоже хочешь строгача?

Сергей выругался. Тогда Лидка, мокрая, в прилипшей к телу майке, вошла в освещенный круг, стараясь, чтобы губы не дрожали:

— Славка... Ну их всех... Пойдем, а?

Славка посмотрел на нее мутными затравленными глазами.

— Слав... пойдем? Пожалуйста... Ну их к черту...

Его рука была холодная, как рыба. И дрожала мелкой дрожью.

Утром Лидка выбралась из палатки, воровато волоча за собой спальный мешок.

Оглядевшись и никого вокруг не увидев, наспех свернула спальник и, зажав его под мышкой, поспешила к морю. Забралась в камни на краю пляжа и опустила спальник в воду.

Напитавшись, мешок сделался неподъемным и почти неуправляемым; зайдя по колено в море, Лидка помогала соленой воде уничтожать следы первой брачной ночи.

Она не знала, что с кручи на нее смотрит, закусив полную губу, интендантша Валя.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Двести пятый детский комбинат сегодня возвращал себе гордое название школы. Половина спален снова называлась классами; двухъярусные кровати были разобраны и вынесены в кладовую, и старые школьные столы, за которыми учились еще Лидкины ровесники, заняли свое законное место, настолько законное, что железные мебельные ножки попали каждая в свою шербинку на линолеуме. Исключая, конечно, те несколько помещений, которые во время апокалипсиса выгорели дотла, — там линолеум был почти новый.

Яночка, дочь Тимура и Сани, терялась в море цветов и бантиков, образовавшемся под табличкой «Первый-«К». Широченный двор до краев был запружен народом; малыши из средней и младшей групп липли к окнам, расплющивали носы о стекло, с завистью глядели на старших братьев и сестер, у которых сегодня, прямо сейчас, начинается новая взрослая жизнь. Лидка помнила себя, взбравшуюся на подоконник, ищущую в такой же возбужденной толпе Тимура и Яну.

Все они — и она, Лидка, тоже — в свое время пошли в первый класс именно здесь, в двести пятой. Потом, на взлете папиной карьеры, всех троих перевели в лицей: Яна с Тимуром были тогда в шестом классе, Лидка — в четвертом. Племянницу же Яночку собирались отдать в лицей с первого же дня учебы, но у Тимура не хватило на это денег, а у папы — влияния.

— Слушай учительницу... — в двадцать пятый раз повторила Саня.

Яночка выпятила капризную губку:

— Воспитательницу? Тамару Михалну?

— Это она была воспитательницей, а теперь она учитель! И с тебя спрос другой, поняла?

— Ага, — сказала Яна равнодушно.

Худенькая и миловидная Лидкина племянница была не по годам развита и не по годам строптива. Лидка молча сочувствовала неведомой Тамаре Михалне, мучившейся с Яночкой четыре года в саду и, вероятно, обреченной мучиться еще как минимум год, пока Саня с Тимуром не исхитрятся перевести девчонку в лицей.

Мама растроганно улыбалась. Папа попеременно шелкал то языком, то фотоаппаратом. Хмурился, втихомолку завидуя, шестилетний Паша, оказавшийся на полгода младше собственной племянницы и потому попавший в среднюю группу. Лидка видела, как Яночка обернулась в толпе и прицельно показала дядюшке язык.

— Как время-то идет, — плаксиво сказала оказавшаяся рядом незнакомая толстая тетка.

— Родители первоклассников! Отойдите за белую черту! — прокричал мегафон настойчивым голосом профессионального педагога.

Лидка попрощалась с Тимуром и Саней, кивнула Яночке и выбралась из толпы. На этом празднике хватает толкотни и без дальних родственников.

Улицы были полупусты; город тихо помешался на первом дне учебы. Все рекламные щиты предлагали если не тетрадки, то ранцы, если не ранцы, то коробочки для завтраков или сами завтраки, «для поддержания сил маленького отличника». Кое-где на улицу были выставлены репродукторы, будящие ностальгию незатейливыми школьными песенками. «Как время-то идет», — вздыхала ведущая радиопередачи.

Лидка зашла в автомат и позвонила Славке на работу. Никто не брал трубку; ничего удивительного, первый день учебы всегда считался нерабочим днем, в том числе и в Институте кризисной истории.

Только зачем Славке было врать, что сегодня в двенадцать у него совещание?

Интересно, в какую школу пошел этот его отпрыск.

И тем более интересно, как он зовет отца: папа? дядя? Ярослав Андреевич?

Лидка послушала длинные гудки, вздохнула и набрала коротенький, давно надоевший номер.

— Приемная слушает.

— Говорит Зарудная. Шеф на месте?

— Минуточку...

Контора работает без выходных. Хоть первый день учебы, хоть последний — секретарша на месте, и шеф на месте тоже, только вот захочет ли он разговаривать?

Щелчок в трубке. Глухой голос без всякого выражения:

— Алло...

— Добрый день, Виктор Алексеевич. Я хотела спросить, есть ли новости по поводу моего...

— Есть, — оборвал ее голос, на этот раз с оттенком раздражения. — Одиннадцать ноль-ноль, сто первая комната. Поговоришь с одним... человеком.

— Спасибо, — сказала Лидка, но трубка уже пищала короткими гудками.

Она посмотрела на часы — полдесятого. Лишнее время. Вырванные из жизни полтора часа.

Но неужели ее дело сдвинется с мертвой точки?

Она села в автобус — благо он был почти пуст. Спинка впереди стоящего сиденья была разрисована разнообразными рожами; это еще цветочки, через полгодика пойдут надписи. Сперва самые невинные, а дальше — больше...

Спустя двадцать минут вышла на набережной — вдоль улицы пестрели киоски, открытые и закрытые, брезентовые и стеклянные, и каждый второй приманивал броской вывеской: «Школьный базар».

По бетонной лестнице она спустилась к морю. Чайки, потрошившие мусорный ящик, неохотно отковыляли на несколько метров в сторону. То и дело оступаясь на камнях, Лидка добралась до знакомой расщелины. Подстелила полиэтиленовый пакет, уселась, скрестив ноги.

...Во время их со Славкой медового месяца — сразу после возвращения из экспедиции — они любили уединяться здесь и печь картошку на углях. И вспоминать, как было хорошо тогда, в первую ночь, в палатке. Тогда Лидка была

еще свято уверена, что не сегодня-завтра тест на беременность даст положительный результат.

С каждым новым пикником картошка становилась все суше, а жареная колбаса все жирнее и гаже.

Наконец потребность в романтических вечерах у моря отпала вовсе.

Лидка мрачно ухмыльнулась. Море было серым, как огромная, до горизонта, мышь.

* * *

Она предъявила пропуска — сперва внешний, потом внутренний. Внутренний, красно-розового легочного цвета, был ей особенно противен. Столько усилий потребовалось, чтобы получить его, и столько открытий мерещилось за порогом искусственной тайны, и какой пустой и вымороченной оказалась вся эта запретная наука и вместе с тем какой ревнивой и мстительной; заполучив в свое нутро человека с розовым пропуском, она ни за что не желала выпустить его обратно.

Дверь сто первого кабинета была обшита кожей. Скорее всего, искусственной, но очень похожей на настоящую. Кожа нерадивых сотрудников, подумала Лидка — и не улыбнулась собственной шутке.

— Александр Игоревич, к вам Лидия Зарудная...

Она вошла. Сидевший за массивным столом поднял голову, и в первый момент она его не узнала. И только когда он сдвинул брови и подбородком указал на стул — только тогда она вздрогнула и подобралась.

Саша сильно изменился за последние пять лет. А может быть, это партикулярный костюм с галстуком преображал его до неузнаваемости. И еще — гладко зачесанные волосы.

Какая стремительная карьера, подумала Лидка, усаживаясь и устраивая на коленях выдавшую виды сумку. Какое у него звание? И какое звание было *тогда*?

Она вспомнила себя, барахтающуюся в волнах, из последних сил хрипящую: «Саша, Саша», и человека на берегу, этого вот человека, нарочито погруженного в чтение.

Правда, море шумело так громко... А она кричала так тихо...

— Мне передали ваше заявление, — негромко сказал бывший подводник. — Чем вызвано ваше столь радикальное решение? Столь неожиданное для всех, кто вас знал?

Лидка посмотрела ему в глаза. Саша, казалось, не узнавал ее. Во всяком случае, прозрачные глаза его ничего не выражали.

— Я поняла, что не смогу больше принести пользу науке, — сказала Лидка без запинки. — И не смогу принести пользу службе ГО.

Саша продолжал смотреть сквозь Лидку. Ни один мускул на его лице не дрогнул.

— Почему?

— Потому что я ошиблась в выборе пути, — сказала она все так же просто. — Потому что я не ученый. Только и всего.

Саша опустил голубоватые веки:

— Видите ли, коллега Зарудная. Вы производили впечатление энергичного, увлеченного своим делом исследователя. Все считали вас, именно вас наследницей дела человека, чью фамилию вы... — он сделал эффектную паузу, — ...носите. Разве нет?

— Я не знаю, кто что полагал, — сказала Лидка уже менее уверенно. — Людям свойственно ошибаться, разве нет?

— А вам не кажется, что вы совершаете предательство? — негромко спросил, прямо-таки прошелестел Саша.

Лидка разозлилась. Сняла сумку с колен, поставила на ворсистый ковер:

— Ну, и кого я предаю?

— Память Зарудного, — подсказал Саша.

Лидка сглотнула, набирая в грудь побольше воздуха. Только сдержаться. Только сдержаться; он провоцирует ее намеренно, и непонятно, что последует после того, как она поддастся на провокацию. Молчать, молчать, я шарик, воздушный шарик, красный воздушный шарик...

— Для науки и ГО это имеет какое-то значение? — спросила она через силу. — Предаю я память Зарудного или нет?

Он отвел глаза:

— Нет. Не имеет.

— Тогда я прошу дать ход моему заявлению. Снять с меня право допуска. Я дам какие угодно подписки о неразглашении — хоть на три *мрыги* вперед...

— Вас не будут выпускать за границу, — сказал Саша с сожалением. — Ни за какую. Ни под каким предлогом. Лет десять.

Лидка поморщилась:

— Да, это вы умеете. Не пускать.

Некоторое время Саша не сводил с нее сосущего взгляда.

— Вы настаиваете на увольнении?

— Да, — она кивнула.

Саша откинулся назад. Покрутил в пальцах желтый лаковый карандаш:

— Ты права. Ученый из тебя хреновый.

Она смотрела, как он подписывает бумаги, и чувствовала, как немеют, покрываясь бледностью, щеки.

Он врет. Он врет умышленно, оскорбительно. Ни в чем нельзя верить геошникам. Ученый из нее был бы неплохой... если бы вся эта наука имела смысл... Она могла бы... не зря ее ценили в университете! Не зря она получила свой красный диплом... Не зря ее брали в экспедиции... Не зря ее допустили в секретный институт... Не могло такого быть, чтобы столько надежд — на хренового ученого!

Грохот моря. Соленая вода в горле.

— Я хочу спросить, — сказала она хрипло.

Он на секунду оторвался от бумаг:

— Спрашивай.

— Ты меня топил?

Он аккуратно сложил подписанные бумаги. Скрепил скрепочкой. Поднял на Лидку прозрачные глаза:

— А ты знаешь... Тогда, будучи сопливой пацанкой, ты действительно казалась перспективной штучкой. Ты была фанаткой. Таких бояться. И ты умело делала вид, что много знаешь.

— Так топил?! — переспросила она, подавшись вперед.

Саша улыбнулся. Впервые с самого начала разговора: на его строгом галстукé тускло поблескивала золотая булавка. И так же тускло, но остро поблескивали глаза.

— ...Поздравляю вас, бывшая коллега Зарудная. Вашему заявлению будет дан ход, мы изыщем возможность уволить вас без скандала. Стоит ли говорить, что ни к одному научному заведению вас на пушечный выстрел не подпустят? Или и так понятно?

— Не больно-то надо, — сказала Лидка медленно. И поднялась:

— Благодарю вас, Александр Игоревич. Я вполне удовлетворена.

...Отовсюду звучали школьные марши. Поднявшийся ветер гнал по мостовой обертки от конфет.

На столбе объявлений гроздьями висели приглашения на работу. Учителя требовались в колоссальных количествах. Почему-то в основном по живой природе и труду. «А историю я преподавала бы одной левой, — подумала Лидка. — Да и биологию... Да хоть физкультуру. И они сидели бы у меня как мышки, они бы меня боялись...

Потому что я их ненавижу».

Она села на скоростной трамвай (в вагоне сидели сплошь радостные мамы первоклассников), доехала до центра, на выходе купила банан и съела на ходу. У ветра был запах осенних цветов. «Кладбищенский запах», — подумала Лидка.

Вот и все. Легко и пусто. Какая всеобъемлющая, спокойная пустота.

...Взять и пойти в школу. И дрессировать их, как шенков. Чтобы стояли навтыжку. Чтобы по десять раз переписывали длиннющие упражнения, а сделают пометку — и еще десять раз. Чтобы сидели, сложа на парте руки, не смея шелохнуться... Чтобы вздрагивали при звуке моего голоса!

Мемориальную доску Андрея Игоревича Зарудного не протирали давно. Бронза позеленела, депутат Зарудный окончательно перестал быть похожим на себя. Одно время местные ребята облюбовали барельеф для разнообразных забав, но после того, как Лидка поймала пару снайперов с водяными пистолетами и жестоко надрала им уши, стрельба по бронзовой мишени прекратилась.

Возмущенным мамашам пострадавших стрелков Лидка кинула в лицо отобранное у пацанов оружие. «Это же

вода! — не унималась одна из них, соседка с третьего этажа. — Что она может сделать этой вашей доске!» — «Еще раз поймаю, — сказала Лидка, — будет хуже». «Садистка! — кричала мамаша. — Я найду на тебя управу!» — «Ищите», — сказала Лидка и захлопнула дверь перед мамашиным носом.

Соседи и раньше не понимали ее, а после случая с экзекуцией так и вовсе невзлюбили. Особенно женщины: «Своих детей нет, так эта стерва на чужих кидается!» Особенно жена дипломата с третьего этажа и жена известного актера с четвертого. Дом-то оставался элитарным, даже появилась у входа будочка консьержа, в которой по очереди коротали дни две смиренные старушки...

Один только старик приветливо здоровался с Лидкой, седой плешивый старик с первого этажа, тот самый, что курил сейчас у подъезда. Курил и кашлял; Лидка поздоровалась, и старик ответил, и она в который раз удивилась, как в этом немошном уже теле помещается глубокий бас — голос не старческий, а в высшей степени мужской, красивый и даже волнующий.

Она отперла дверь своим ключом. Со свекровью они не разговаривали, наверное, уже года три; Клавдия Васильевна жила отдельно, запирала свою комнату на замок и злоговорила — Лидка точно знала — о своей скверной невестке всюду, где только удавалось завести разговор. От ближайшего хлебного магазина и до Совета министров, где вдова Андрея Зарудного теперь занимала какую-то маловразумительную, но весьма выгодную должность.

Однажды в Лидкино отсутствие Зарудная перенесла портрет мужа из его кабинета к себе в комнату. И Лидка не смогла добиться возвращения портрета на законное место; вдова в который раз продемонстрировала ей свое исключительное право на память об Андрее Игоревиче. Хорошо, что у Лидки был еще фотопортрет, тот самый, который так удобно ложится на стол под оргстекло...

В гостиной толстым слоем лежала пыль. Клавдия Васильевна не убирала нигде, кроме своей комнаты да изредка — кухни. Лидка механически включила телевизор; по всем программам было одно и то же. «Такая-то школа при-

няла сегодня столько-то первоклассников. Несмотря на определенные материальные трудности, педагогический коллектив уверен...»

Тоска, подумала Лидка. И это называется современным телевидением?!

«Продолжают работу институты повышения квалификации для работников дошкольных учреждений. Молодое поколение воспитателей сплошь и рядом сталкивается с собственной некомпетентностью, поскольку воспитателям не хватает образования... стать педагогом... и проблема будет обостряться с каждым годом, по мере усложнения программы. По-прежнему актуальны центры переориентации работников вузов, уволенных по сокращению штатов... для работы с младшими школьниками. Работники музеев, люди с гуманитарным образованием...»

Лидка поморщилась и переключила программу.

«Третий городской лицей объявляет о прекращении конкурсного приема в первый класс. Родителям детей, так и не ставших учениками лицея, не стоит отчаиваться. В будущем учебном году будет объявлен конкурс в первый и второй...»

Лидка кисло усмехнулась. Знаем мы цену этим конкурсам. И кто в них соревнуется, тоже знаем.

Она переключила канал еще раз. Ей хотелось чего-нибудь громкого и веселого, клипа хотелось, ну неужели в честь первого дня учебы не пустят ни одной *нормальной* передачи?

С экрана смотрел широколицый мужчина из поколения Лидкиных родителей. Очень загорелый, не по возрасту морщинистый, с неопределенного цвета глазами, убежавшими куда-то под самый лоб.

— ...оставить армию и заняться политикой? — спросили из-за кадра.

— Мне кажется, я много сделал для армии. Я стал генералом в тридцать пять лет... Но армия в условиях мирного времени, современная армия, уже не дает мне места, чтобы сделать больше. Моя победа на выборах — закономерность, но это только первый шаг. Я хотел бы, чтобы люди, отдавшие за меня свои голоса...

Мужчина говорил с трудом, заученный текст никак не ложился ему на язык. Лидка печально вздохнула и подняла пульт. В чем прелесть телевизора? Так легко можно заставить замолчать любого из политиков, да хоть самого Президента.

Камера отъехала, пропуская в кадр длинный стол с выводком микрофонов и людей, сидящих по обе стороны от рождающего слова генерала. Лидка выключила было телевизор, но тут же разинула рот и включила его снова.

Нет, не ошибка. По правую руку от генерала сидел, сосредоточенно кивая головой, Игорь Рысюк собственной персоной. Светлый элегантный костюм, интеллигентное тонкое лицо — рядом с ним генерал казался просто корягой, притащенной натуралистами из лесу, да так и не дождавшейся шлифовки.

Ну надо же!

Лидка выключила телевизор. Бросила пульт в мягкое кресло, прислушалась; кажется, свекрови не было дома. Тоже празднует первый день учебы?

В кабинете, по старой памяти именуемом «кабинетом отца», помигивал красным автоответчик нового телефона. Предчувствуя неприятность, Лидка нажала на маленькую и упругую, как прыщ, кнопку.

— Добрый день, господа Зарудные. Это говорит такой Рысюк, если вы помните. Я был бы благодарен, если бы кто-нибудь из вас перезвонил по номеру...

— Легок на помине, — сказала Лидка вслух.

Еще в лицее она подметила, что события, как правило, ходят табунами. И если есть новость — жди другой, третьей и так далее.

* * *

— И это твоя квартира?

Рысюк кивнул.

Крохотная комнатуха была оборудована по первому разряду. Вычислительная машина, видеоцентр, телефоны, совсем как когда-то в кабинете Зарудного.

— А ночуешь ты где? — ехидно спросила Лидка.

Рысюк внимательно на нее посмотрел. Усмехнулся:

— На диване.

Лидка запнулась:

— А, это самое, жена, дети? У тебя вроде жена была?

Рысюк кивнул на стол. Под экраном монитора лепились одна к другой три фотографии — на первых двух были два толстых голых младенца, вперившие в пространство бессмысленные глаза: мальчик и девочка. На третьей, совсем свежей, стояли рядом шекастая первоклассница с цветами и кругленький урюмый пацан в коротких штанишках.

— А... в кого они такие... — Лидка чуть было не спросила «толстые», но вовремя опомнилась. — В кого они такие крупненькие?

— В жену, — коротко ответил Рысюк.

Лидка снова глянула на фотографии. На всякий случай оглядела весь стол — нет, женского фото нигде не наблюдалось.

— Как Слава? — отрывисто спросил Рысюк. — Работает?

Лидка кивнула без энтузиазма.

— А ты, говорят, увольняешься?

Лидка подняла на него глаза:

— А ты откуда знаешь?

— Разве это тайна? — Рысюк снисходительно усмехнулся.

— А, я и забыла, что ты серым кардиналом заделался, — сказала Лидка как бы в шутку.

Шутки не получилось. Рысюк смотрел внимательно, теперь уже без улыбки, и под взглядом его неподвижных светлых глаз Лидке сделалось не по себе.

— Почему ты оставила науку?

— Не твое дело, — сказала она, пытаясь придать разговору тон веселой школьной пикировки.

Рысюк помолчал. Предложил почему-то шепотом:

— Кофе хочешь?

— Ага, — сказала она после паузы.

— Пошли варить...

Кухня в отличие от комнаты носила на себе все следы холостяцкого быта. Стол был покрыт, будто круглой чешуей, застарелыми отпечатками кофейных чашек. В раковине аккуратной стопочкой стояла немытая с вечера посуда.

— Лида, тут наклеывается интересная перспектива. Я хотел поговорить с тобой... и со Славой.

— Так со мной или со Славой? — спросила она, пальцем проверяя чистоту табуретки.

Рысюк цепко глянул на нее через стол:

— Мне надо сделать выбор? Или—или?

— Нет. — Она опустила глаза.

— Понимаю, — сказал Рысюк медленно. — Видишь ли, Сотова... Я действительно понимаю, и понял не вчера. Слава *никогда* не простит тебе того случая в музее. Для Славы ты — эмблема его унижения, неполноценности, памятник его подростковой глупости. Если бы даже у вас были дети, вы все равно не ужились бы вместе. Впрочем, ты ведь выходила за Славу не по любви?

— Не твое собачье дело, — сказала Лидка глухо.

— Конечно, — Рысюк кивнул. — Так, к слову пришлось... Потому что теперь *мне* нужен Слава, и примерно для того же, для чего в свое время он понадобился тебе.

Лидка вскинула подбородок:

— Ты сменил сексуальную ориентацию?

— Так ведь он и тебе нужен был не для секса, — вкрадчиво напомнил Рысюк. — Тебе нужна была его фамилия... фамилия его отца. Чтобы при слове «Зарудная» люди сперва переглядывались, а потом спрашивали с почтением: «А вы, часом, не родственница *того самого*?»

Лидка молчала. Рысюк сполоснул под краном чашки, наполнил их кофе, пододвинул к Лидке сахарницу:

— Бери...

— Спасибо, — сказала она сквозь зубы.

— На здоровье... Видишь ли, Сотова. Сейчас я собираю ресурсы для одного очень перспективного дела. Любые ресурсы. А наследие Андрея Зарудного — ресурс крупный, ценный, редкостный.

Лидка сжала губы, отчего рот ее некрасиво, по-старушечьи, искривился. Она поспешно опустила голову; меньше всего ей хотелось, чтобы Рысюк видел ее уродство.

— Перспективное дело — это твой косноязычный глупый генерал?

— Косноязычие излечимо, — мягко сказал Рысюк. —

А что до ума, то этот генерал умнее многих. Это очень мощный, волевой, перспективный человек. Надо только направить его в нужное... русло.

— И ты при нем кто же? — поинтересовалась Лидка с откровенной издевкой.

— Я при нем руководитель штаба, — ответил Рысюк, никак не реагируя на провокационный тон. — Сейчас мы выиграли депутатский мандат в городском совете. Через пару лет мы метим в мэры, а еще годика через четыре — сама понимаешь, в Президенты. Работы — вот так, — Рысюк провел ладонью поверх головы.

— Ты серьезно? — спросила Лидка, внимательно глядя в чашку с остывающим кофе.

— Более чем.

— Ты хочешь взять Зарудного... память Зарудного, наследие Зарудного... и хочешь пришить его к своему сомнительному знамени? Белыми нитками?

— «Мы вертимся, как белки в колесе, — негромко сказал Рысюк, — от цикла к циклу, и, кажется, нет выхода. Но, может быть, если апокалипсис — это колесо для белки, то Ворота — это большее, чем просто спасательный круг? Если апокалипсис — не испытание, то, может быть, Ворота — это и есть тест? Лабиринт для крысы? Нас много, но и Ворот много. Я готов с цифрами в руках доказать — Ворота возникают с расчетом на то, что живущие люди пройдут в них *все*. Если не будут терять ни секунды. Если никто ни на мгновение не задержится, чтобы отпихнуть с дороги соседа... Но возможно ли это?»

— У тебя хорошая память, — медленно сказала Лидка, — но одно слово ты все-таки переврал. Не «это большее», а «нечто большее». Вот так.

Рысюк довольно улыбнулся:

— «Зачем поставлены Ворота? И что будет, если в один прекрасный день человечество пройдет в них с гордо поднятой головой, не медля, но и не торопясь, спеша поддерживать любого, кто случайно оступится? Что будет, если это, несбыточное, однажды случится? Возможно, именно тогда цикл завершится, и намордник будет снят... И человечество будет наконец развиваться. Развиваться, а не ходить по

кругу, не раскручивать беличье колесо. Возможно, тот, кто поставил Ворота, сочтет, что *теперь* человечество достойно жизни без поводка...»

— К чему? — отрывисто спросила Лидка.

— К вопросу о белых нитках, — так же отрывисто отозвался Рысюк. — Наше знамя — естественная основа для идей Зарудного. Они, эти идеи, прирастут к нему безо всяких ниток.

— Прирастут к этому генералу?! — возмутилась Лидка.

— Не к генералу, а к знамени, — мягко поправил Рысюк. — Если тебе нравится выражаться столь высокопарно.

Лидка молчала.

— На самом деле, — еще мягче продолжал Рысюк, — речь идет об обществе, способном эвакуировать свое население без потерь. Без потерь — в Ворота. Без толкотни. Без давки. Вот так. И пей кофе, пока он не остыл.

Лидка взялась за чашку. Поставила ее на место:

— Игорь, а ты не хотел бы заняться делом? Пойти, например, на курсы учителей младших классов? Везде вон предлагают...

Рысюк улыбнулся:

— Кто знает, кто знает... Когда Слава будет дома? Чтобы я мог ему позвонить?

— Вряд ли Слава тебе поможет, — сказала Лидка холодно. — Спекуляции на имени отца давно вызывают у него аллергию.

— Хорошо, — Рысюк кротко кивнул. — Но, видишь ли, имя Андрея Зарудного не принадлежит исключительно Славке и не принадлежит тебе. Первым делом мы переиздадим его избранные сочинения, кроме того, наполовину готова книга воспоминаний «Мой муж Андрей Зарудный. Расстрелянная справедливость».

Лидка поперхнулась кофе:

— Что-о?!

— Твоя свекровь написала «рыбу». А так как стиль у нее поганый, эдакий сентиментальный канцелярит... то мы нашли литературного обработчика. Хочешь, дам почитать?

— Это подло, Игорь, — сказала Лидка.

Рысюк поднялся. Подошел к ней, оперся о стол, так что его глаза оказались рядом с Лидкиными, рядом и чуть выше:

— Почему? Почему — подло? Чем такая книга хуже все той же мемориальной доски? Присвоить фамилию «Зарудная» для поступления в универ — правильно? А попытаться реально что-то сделать по наработкам Андрея — подло?

На виске у него билась жилка. Внешне Рысюк оставался спокойным, но Лидка поняла вдруг, что это спокойствие обманчиво.

— Я хотела заниматься наукой, — сказала Лидка сквозь зубы. — Я хотела стать его наследницей... понятно?

— Почему же не стала? — тихо спросил Рысюк.

— Потому что кризисная история — не наука! Это видимость, профанация! Это тупое собирание фактов, которых никто никогда не сможет осмыслить!

— Вот видишь. — Рысюк оттолкнулся от стола, отошел к низенькой, в коричневых потеках, плите. — На этом поприще у тебя фиг чего вышло. Что не мешает тебе ревновать, когда на титул наследника претендует кто-то еще.

— Это неправда, — сказала Лидка безнадежно.

Рысюк вздохнул:

— Ты хочешь сказать, что Андрей Игоревич всю жизнь занимался видимостью, профанацией, лженаукой?

— Он занимался... — Лидка облизнула губы. — Он занимался... да одни выкладки по удельной демографической нагрузке, коэффициенту проходимости, популяционному сдвигу...

— Значит, он чего-то добился в кризисной истории, а ты — нет, и это основание объявлять ее лженаукой?

Лидке захотелось встать и уйти. Но это означало бы полное, катастрофическое поражение, поражение без права на реабилитацию, а потому она стиснула зубы и осталась сидеть.

— А ты не пробовала посмотреть на ту же проблему с другого конца? — тихо спросил Рысюк. — Не как работают Ворота и почему они так работают, а как сделать так, чтобы у входа не было давки?

Лидка смотрела в стол.

— Помнишь апокалипсис? — спросил Рысюк. — Свою сестру помнишь?

— Помолчи, — сказала Лидка шепотом.

— Каждый из нас — разумный человек, — сказал Рысюк. — Но когда мы собираемся вместе, мы не люди. Мы единое существо, тупое и совершенно бессовестное. Толпа.

Лидка с усилием проглотила комок в горле:

— И чем тут поможет твой генерал?

— Посмотрим, — вздохнул Рысюк. — Может быть, и ничем... Лид, прости мою бестактность. Ты отказалась от детей сознательно? Или медицинские проблемы?

Она встретилась с ним взглядом. И он пожал плечами, как бы извиняясь: вот такой, мол, я наглый урод.

— Сперва я не хотела, — сказала она, поражаясь собственной откровенности. — А потом... захотела. Цикл еще был. В то время еще вовсю рожали... Еще можно было успеть.

Рысюк кивнул:

— Понимаю...

— Что ты понимаешь? — взорвалась Лидка. — Что ты понимаешь?! У него старший сын сегодня в школу пошел, а еще есть две дочки от разных мам! Он щедрый был, скотина, бык-производитель... Всех покрыл, до кого дотянулся, всех оплодотворил, и совершенно бесплатно! И не бесконечный оказался, мешок с семенем, был, да весь вышел!

— Лида, — предостерегающе сказал Рысюк. И Лидка поняла, что опозорена окончательно, и разревелась, опрокинув на стол чашку, и коричневая лужица растеклась по нечистой столешнице.

...Тогда, по возвращении из экспедиции, они пережили настоящий медовый месяц. Она поверила, что любит Славку. И, наверное, она действительно его любила. «Мама! — кричал Славка Клавдии Васильевне. — У нас будет ребенок!» И Лидкина свекровь расцветала на глазах, звала Лидку дочкой и подсовывала ей орехи с медом...

Все кончилось, но не сразу. Надежда умирает последней, хотя лучше бы она сразу сдохла, эта надежда, чем так мучиться.

— ...Так почему вы живете вместе? Зачем?

— Я к нему привыкла, — сказала Лидка, глотая слезы. — Привязалась... И я не представляю... куда идти. Дома... свои дела, там брат и племянница... И Янка вспоминается некстати... там... совсем другое. И потом... я ведь в квартире Зарудного живу. Андрея Игоревича. Сажу за столом, где он сидел... Я же до сих пор люблю его, Игорь, разве не видно?

— Видно, — сказал Рысюк.

И положил ей руку на плечо.

* * *

Письменный стол завален был бумажным хламом. Лидка села на краешек стула, облокотилась, положив подбородок на сплетенные пальцы.

Вот разрозненные листы ее так и не состоявшейся диссертации. Собрать, сложить, свернуть трубочкой, аккуратно засунуть в корзину.

Вот какие-то Славкины записи — пусть разбирается сам. Сгрести и положить в ящик, высвобождая кусочек оргстекла, а под ним — ухо и часть щеки.

Стопка журналов — переложить на шкаф. Стеклооконное окошко стало шире, проглянул смеющийся глаз.

Сдвинуть в сторону старую вычислюху, убрать газеты, провести по столу ладонями, стирая пыль. Вот он весь. Улыбается как ни в чем не бывало.

Щелкнула входная дверь. Лидка тяжело вздохнула, опустила подбородок на сплетенные пальцы. Поперек оргстекла тянулась царапина, и потому казалось, что у Зарудного-старшего на скуле белый шрам.

Славка легко, в тапочках, прошел мимо кабинета на кухню. Лидка слышала, как он гремит пустыми кастрюлями. Потом дверь кабинета приоткрылась:

— Лид... ты работаешь?

— Нет, — сказала она отрывисто.

Славка вошел. Чувство вины висело на нем, как огромная дохлая медуза. То самое — специфическое — чувство вины, в котором человек сам себе не признается. Которое унижает своего носителя.

— Ты... Видишь ли, Лидка. Иногда жены готовят обед... ну хотя бы хлеб покупают.

— Знаю, — сказала она равнодушно.

Славка молчал. Переводил взгляд с Лидки на окно, с окна на письменный стол, где молча улыбался из-под стекла его отец.

— Лидка... что-то случилось?

Она пожала плечами:

— Как сказать... случилось, наверное, давно.

Он помолчал, потирая ладони. Сказал, чуть подчеркивая голосом собственную холодную обиду:

— А... Ну извини.

И повернулся, чтобы уйти; Лидка задумчиво спросила ему в спину:

— А ты не хотел бы жениться на матери своего ребенка? Какого-нибудь одного, на выбор?

Широкая Славкина спина напряглась, будто по ней наотмашь ударили палкой.

— Нет, — ответил он, не оборачиваясь. И добавил после паузы: — Мне хотелось верить, что ты меня любишь.

— Верь, — сказала она устало. И Славка вышел, так и не взглянув на нее, плотно прикрыв за собой двери.

Лидка осталась наедине с Андреем Игоревичем. Положила голову на оргстекло и прижалась щекой к прохладной поверхности.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«**П**обрушилась линия электропередачи, возникли пожары, преградившие людям путь к отступлению. В то время как глефы поднимались из воды один за другим, видимо, почувствовав легкую добычу. Несколько тысяч человек оказалось в ловушке...»

(«Армия и ГО», иллюстрированный отчет по 53-му апокалипсису, том 4, с. 209.)

«...полгорода пылало, и ничего нельзя было понять. Дым, паника... Сотрудникам ГО с огромным трудом удавалось организовать людей, я помню, в ход шли даже угрозы оружием... Организовали эвакуацию, но коридор для отхода был слишком узким, а эти, из моря, шли сплошной стеной... Никогда в жизни я не видел столько глеф одновременно и, надеюсь, больше не увижу...

Я помню, когда появились из дыма эти вертолеты, мы поняли, что спасены. Они двигались слаженно, будто танцевали... И они открыли огонь по глефам, а мы кричали и махали им руками, мы кричали: «Спасите нас...»

Потом они начали гореть и падать, один за другим. Это было еще страшнее, чем глефы. Потом я узнал, что это была электрическая атмосферная аномалия, что их сшибало шаровыми молниями... Упал один, второй, третий, еще два, мы думали, что те, кто остался, развернутся и улетят. Потом я узнал, что именно такой приказ они и получили. И что командир звена, полковник Стужа, не подчинился приказу...»

(Там же. Воспоминания очевидца, Карпенко Игоря Всеволодовича, жителя города Белополье.)

«...Темное время суток, свет пожарища и черный дым. Видимость почти нулевая... Потом переменялся ветер, и мы увидели и берег, и людей, и *этих*. Мы вели прицельный огонь, и очень успешно, пока я не услышал в наушниках такой характерный треск, знакомый каждому вертолетчику, а особенно тем, кто летает в кризис. Электроаномалия, по всем инструкциям следует быстренько сматываться, но мы же видим — вот люди, а вот *эти*... Я орал в микрофон приказ к отступлению, а сам оставался и стрелял. Связи уже не было никакой, так что я мог до хрипа орать, в такой ситуации каждый командир экипажа принимает решение сам. Я-то знал, что лучше сдохну тут, лишнюю пару сволочей пристрелю да, если повезет, свою горящую вертушку на них же опрокину...

Из двенадцати машин четыре взорвались на первых же минутах аномалии. Пара машин успела уйти... Они и сейчас живы, эти люди, я им слова плохого не скажу, они поступили как умели. Мы остались вшестером и держались с полчаса, такая фортуна была нам... И стреляли *этих*, благо боекомплект у нас был усиленный...»

(Из воспоминаний генерала Стужи, награжденного золотым значком Героя за спасение жителей города Белополье.)

«Каждая секунда этого противостояния спасала несколько человеческих жизней. Подоспевшие наземные силы ГО эвакуировали людей в глубь континента...»

(«Армия и ГО», иллюстрированный отчет по 53-му апокалипсису, том 4, с. 210.)

«...Вечная память ребятам, вечная память. И моя машина загорелась и потеряла управление. Зацепилась за какую-то крышу, успел выползти из машины, прежде чем она рванула. Выбрался на открытое место, кажется, площадь... Увидел ребят из ГО и потерял сознание. Они меня, спасибо, вытащили; уже через полчаса я был в порядке и в Ворота прошел, как огурчик, вот она, матушка-судьба...»

(Из воспоминаний генерала Стужи, Героя Белополья. «Армия и ГО», иллюстрированный отчет по 53-му апокалипсису, том 4, с. 211.)

В штабе было накурено и шумно. Не умолкая, трезво-нили телефоны. На конторском столе помешалась вычислительная машина, почему-то голая, без крышки, со всеми платами и проводочками, выставленными напоказ, и совершенно неприличным казался Лидке вертящийся маленький вентилятор.

Рядом урчал холодильник; к нему то и дело подходили люди, доставали, кому что приглянется, и, жуя, расходились по рабочим местам. Гора бутылок из-под минеральной воды — стеклянных и пластиковых — грозила рассыпаться и погresti под собой разбросанные по полу бумаги.

Ей под локоть подсунули новый исписанный листок:

— Окончательные данные по Подольскому району...

Она пробежала глазами. Ну разумеется. Всепожирающее лидерство Верверова. Что и требовалось доказать.

Она вздохнула. Сегодняшнее утро наконец-то избавит ее от этой добровольной болезни, от этого рабства, в которое вверг ее Рысюк, от ошейника, подаренного под видом новой цели. Сегодняшнее утро — закономерный провал после стольких изнуряющих репетиций.

Половина букв на клавиатуре западала. По этим клавишам остервенело молотили на протяжении многих часов — в том числе и сама Лидка молотила. И вот на экране карта, карта страны, и столица отчетливо окрашена синим цветом, то есть цветом Верверова, Дмитрия Александровича, соперника, врага и, вероятнее всего, нового Президента...

Лидка заложила руки за голову. Откинулась на спинку кресла, задавая себе привычный в последнее время вопрос: что я здесь делаю? Каким ветром меня занесло сюда? Какие-то избирательные участки, прокуренные наблюдатели, осоловевшие от недосыпа эксперты, я и сама эксперт... Сложная, изнурительная, не очень красивая игра — генерал Стужа, пытающийся выиграть президентские выборы.

По всем опросам выходило, что генерал отвалится на первом же туре. Тогда Лидка так устала, что серьезно намерена была лечь и сдохнуть. И, помнится, горько разревелась, узнав, что Стужа пролез во второй тур. Это означа-

ло, что скотская работа продолжается, в то время как надежды на выигрыш еще меньше, чем прежде, потому что депутат Верверов лидирует по голосам с огромным перевесом, а в «Дикую Стужу» никто никогда не поверит, он прошел во второй тур случайно, только потому, что верверовские противники перецапались между собой...

Приехали какие-то корреспонденты с камерой. Поставили Рысюка на фоне настенной карты, стали задавать какие-то вопросы, Лидка с удивлением увидела, что Игорь улыбается. Как будто вести, приходящие из разных концов города, ничуть его не огорчают, как будто поражение, извлеченное в полночь из фанерных ящиков, нисколько не портит ему настроение.

— ...Сведения из провинций приходят с некоторым опозданием... Рано делать выводы, следует дождаться полной картины...

Репортеры тоже улыбались. Глаза у них поблескивали нездоровым лихорадочным блеском — каждый делает сейчас свою работу, и кое-кто надеется на карьерный рост, вот этот парень с микрофоном надеется точно. А где будет завтра Игорь Рысюк, такой подтянутый и партикулярный, несмотря на многодневный недосып? На свалке, извините, истории?

Лидка поморщилась. Где-то она слышала этот высокопарный оборот, и даже представила такую себе историю, самосвалами везущую старые имена и негодные учения на помойку.

Новый Президент многого не простит Рысюку. Не простит мемуаров Клавдии Зарудной. Не простит самой игры на имени погибшего депутата; этот козырь Верверов намерен был приберечь для себя. И давно намерен был — не зря квартира Зарудных возвратилась законным владельцам именно стараниями Дмитрия Александровича. И не зря Славка как зачарованный пошел на поводу у Верверова. Славка умеет помнить добро, и не исключено, что в другом штабе, куда более роскошном и представительном, сидит сейчас за вычислюхой Лидкин бывший муж.

Лидке под локоть подсунули еще один листок. И еще.

— Да, — говорил Рысюк в трубку. — Да. Готовы.

В комнате галдели. Табачный дым плавал сизыми струящимися полотенцами. На какое-то время Лидка потеряла связь с действительностью — возможно, она заснула сидя и во сне продолжала колотить пальцами по клавиатуре, переносить бессмысленные цифры с бумажки на экран и возить мышкой по засмальцованному серому коврику. Похоже, они на этом коврике бутерброды разворачивали...

Она очнулась оттого, что в комнате стало тихо. Подчеркнутая, неестественная тишина.

Она потеряла ладони. Тщательно помассировала каждый палец — это ненадолго помогало одолеть усталость. Потом протерла глаза. Посмотрела на экран монитора перед собой.

Столица по-прежнему оставалась синей, но по телу страны отчетливо проступали зеленые пятна. Кое-где бледно-салатные, а кое-где изумрудные, как сытая летняя травка.

Синих пятен было меньше. И они располагались только возле крупных городов.

Лидка перевела взгляд на экран телевизора. Там было сразу много людей, диктор и дикторша разговаривали с какими-то аналитиками, и все они почему-то нервно, натужно и громко смеялись.

— Дайте мне кто-то сигарету, — хрипло сказала Лидка. К ней протянулись сразу несколько пачек; никому в голову не пришло спросить, почему некурящая Лидка именно сегодня решила отдать дань пагубной привычке.

Ничего не понимая в сортах и фильтрах, она выбрала самую красивую коробку. Сунула сигарету в рот — на краю сознания кто-то пояснил, что табак следует размять в пальцах. Лидка пропустила совет мимо ушей.

Сигарета воняла. В ее запахе и вкусе не было ничего достойного внимания; Лидка брезгливо подержала дым во рту, потом выпустила вместе с сигаретой и, воровато оглядевшись, сплюнула в мусорную корзину. Сигарета осталась дымиться на нечистом, невесть откуда взявшемся блюде.

— Сведения по северным районам.

— Сведения по востоку и югу... Господи... Господи...

Карта зеленела. Сквозь ее первозданную белизну лезла, будто сквозь снег, упрямая, нежданная, невозможная зелень; Лидка прикрыла воспаленные глаза.

Карта. Городки и местечки. Села. Поганные дороги. Сельские клубы. Скверные гостиницы и гостеприимные дома с теми самыми необъятными перинами, от которых поутру так болит позвоночник. Домашняя колбаса. Домашнее вино. Запах травы и леса. Запах сивухи и навоза.

Они исколесили все это пространство, от одного областного центра к другому, через поля и лесополосы, по бездорожью, на автобусах и армейских грузовиках, а иногда и на маленьких, ревуших, припадочных самолетах. И везде, всюду, со всеми говорили по душам. Вернее, говорил Рысюк, а Лидка улыбалась.

Народа набиралось видимо-невидимо, со всех окрестных сел, потому что рекламой у Рысюка занимался один очень толковый майор. Концерт начинали под открытым небом и обязательно на краю большого открытого пространства; армейскую электростанцию, усилители и прожекторы возили с собой. Агитбригада разогревала публику песнями и анекдотами, а потом с неба обрушивался грохот и налетал вихрь, и на посадку заходила пара армейских вертолетов.

Стужа выходил из машины, отечески улыбаясь и на ходу снимая шлем. Пятнадцать минут уходило на речь, яркую и экспрессивную, написанную Игорем Рысюком. Грозно рычали многочисленные динамики: благоденствие, кредиты, работа и процветание шли на затравку, как пища привычная и употребляемая всеми. Под конец подносился деликатес, изюминка, фирменное блюдо: а справедливо ли, что лощеные сынки чиновников учатся в роскошных лицеях, а ваши дети как пасли свиней, так и будут пасти? Кого из ваших детей возьмут потом в университет, а? Разве вам безразлично ваше будущее, а, дети?

Вопрос был риторическим. Сразу же после него генерал вспоминал собственное сентиментальное детство, прошедшее в таком вот областном центре, и летние каникулы, из года в год проводимые у бабушки в селе.

Потом, как правило, все грузились по машинам и ехали в особо щедрый, особо гостеприимный поселок — продолжать. В рекордно короткие сроки накрывались бесконечные столы; бутылки кланялись стаканам, и начиналась вторая, вернее, уже третья серия: Стужа не пьянел. Он опрокидывал емкость за емкостью — за отмену всех и всяческих привилегий! Местные выпивохи тушевались перед ним, трезвенники раскаивались, а женщины откровенно балдели; тем временем небо рокотало парой вертолетов, на которых организовано было катание, и желающих было так много, что в очереди вспыхивали порой и драки.

И когда генерал наконец возвращался в свою кабину и крылатые машины поднимали ураган, от которого падала ниц трава и взлетали женские юбки, тогда все селение провожало взглядом уходящие за горизонт две хищные вертолетовы тени. Провожало и цокало языками.

И все начиналось сначала. Разговор по душам, областной центр, толпы народу, агитбригада. И только дважды случилось досадное отступление от сценария — первый раз вертолетчики перепутали названия поселков и промахнулись километров на десять. Герой с неба так и не спустился, и Рысюку пришлось импровизировать, спасая мероприятие. Но тогда все обошлось более-менее гладко, зато от второго раза у Лидки осталось прескверное воспоминание.

Не то генералу изменила его обычная стойкость по отношению к спиртному, не то он превысил все-таки свою лошадиную дозу, но опьянел герой отвратительно, непотребно, справил малую нужду на розовый куст перед зданием сельского клуба и полез лапать всех, до кого смог дотянуться. А какому-то возмущенному мужу заехал в челюсть.

Самоотверженному Рысюку не удалось замять скандал. Он и сам схлопотал от пьяного генерала по морде; правда, уже через неделю агитационная кампания возобновилась как ни в чем не бывало...

Вот они на карте, эти до боли знакомые названия. Танцы, выпивка, армейский вертолет. И вот они, графики,

высоченные зеленые столбцы рядом с коротенькими синими недомерками.

Чья-то ладонь легла Лидке на плечо. Не оборачиваясь, она накрыла эту руку своей.

Легко представить, что творится сейчас в штабе у Верверова. Или, наоборот, чрезвычайно трудно представить. Когда аутсайдер, всю дистанцию трусивший ни шатко ни валко, перед самым финишем вдруг разгоняется, как реактивная ракета, и выравнивается с лидером — грудь в грудь...

— Завтра они оспорят результаты выборов, — спокойно сказал Рысюк. — Ну, а на это у нас припасено еще кое-что...

Затрезвонил до того молчавший красный телефон, стоявший подчеркнуто в стороне, на углу рысюковского стола.

— Да, Петр Максимович, — сказал Игорь без намека на улыбку. — Да... Давайте подождем окончательного результата, ладно? Тем более что ждать-то осталось...

Трубка гудела и гундосила. Рысюк непроизвольно поморщился. Попрошался. Опустил трубку на рычаг. Пьяный, поняла Лидка. Опять пьяный. В такой момент... А если ему завтра к корреспондентам выходить?!

Рысюк подозвал парня-референта, усадил за вычислительную машину:

— Подмени Лиду. Она уже выполнила свою роль талисмана... Теперь, Сотова, тебе надо чуть-чуть отдохнуть.

За окном серело. А возможно, серо было у Лидки в глазах.

* * *

«Уважаемая редакция! Пишут вам жители поселка Новая Коменка Хальковской области.

Наш поселок новый. Нас отселили после последнего апокалипсиса, потому что старый поселок наш Коменка сильно пострадал от цунами и стал непригоден для жилья. Нас отселили в глубь континента, дали подъемные и помогли отстроиться, но прижиться мы так и не прижились.

Воды почти нет, воду развозят в бочках, и часто за воду надо платить дополнительно, хоть по закону она нам поло-

жена бесплатно. Летом засуха и страшная жара, на солнце плавится резина и горит асфальт. Ничего не растет. Зимой морозы такие, что невозможно дышать — обжигает легкие. Детей пришлось отдавать в интернаты, потому что здесь нет для них никаких условий... Мы обратились с коллективным письмом в областную администрацию, чтобы нас отселить обратно на побережье. Лучше жить рядом с дальфинами, чем так мучиться двадцать лет. Государство же должно о нас заботиться. Администрация не прореагировала никак. Мы написали письмо Президенту, но уверены, что он не получит его, потому что вокруг него собралась толпа советчиков и кровососов... Через несколько лет апокалипсис, говорят, здесь будут страшные землетрясения еще до того, как откроются Ворота. Уважаемая редакция, опубликуйте наше письмо, может быть, это поможет нам решить...»

*(Открытое письмо в газету «Человек и страна»,
12 мая 15-го года 54-го цикла.)*

* * *

Бесшумно покачивалась палуба. Лидка лежала, широко раскрыв глаза, и сама себе казалась частью полосатого шезлонга, парусиновой тряпчочкой, расслабленной и бездумной. Прямо над ее головой уходила в небо голая мачта, тоненький черный палец, добродушно грозящий небу, покачивающийся вправо-влево, и если проследить за его движением, непременно закружится голова.

— Хочешь спать? — спросил Игорь.

Он сидел на палубе, скрестив ноги, на нем были бирюзовые импортные плавки и партикулярная белая рубашка, и строгий галстук с ослабленным узлом, элегантная черная петля, небрежно сбившаяся набок.

— Не хочу, — сказала Лидка.

Рысюк поморщился:

— У тебя такой недовольный вид... Тебе здесь не нравится?

— Нравится, — сказала Лидка.

— Так почему ты киснешь?

Лидка вздохнула.

Почти месяц прошел с того дня, как, покорная составленному Игорем плану, она выступила основательницей Детского культурного фонда. Под фонд заранее отгрохали здание — трехэтажное царство белого мрамора, натурального дерева и тонированного стекла. И она, Лидка, это здание открывала.

На мероприятие привели особо одаренных детей в особо крупных количествах; среди них была, разумеется, и Лидкина племянница Яночка, тринадцатилетняя дылда с подведенными тушью ресницами, давно уже принятая в лицей, придавленная грузом собственных троек, но не особо удрученная этим обстоятельством. Яночка читала стихи собственного изготовления — о Родине, доброй к своим детям; Лидка слушала ее и с огорчением понимала, что ни брат Тимур, ни кто-либо из Лидкиных родственников не оставил Яночке ни одного доминантного гена. И лицом, и голосом, и манерой держаться девочка походила на Саню и только на Саню; Лидка ничего не имела против невестки, тем не менее Яночкин дебют поверг ее в раздражение пополам с тоской.

Они искала среди подростков своего маленького брата — Пашу — и не находила. Чуть позже оказалось, что двенадцатилетний Павел объявил себя недостаточно одаренным для столь пышного мероприятия и удрал с пацанами на рыбалку.

Она награждала каких-то отличников какими-то медалями. Она дарила каким-то сиротам книжки, ручки и конфетные наборы; она, по множеству отзывов, выглядела вполне пристойно. Моложавая энергичная женщина, озабоченная будущим страны и оттого готовая усыновить всех детишек, до которых удастся дотянуться. Общественная деятельница, наследница Андрея Зарудного (во время развода со Славкой сохранение звонкой фамилии было основным Лидкиным условием). Гранд-дама...

Во рту у нее стоял тухлый привкус. Ни дезодоранты, ни зубные пасты, ни душистые конфеты не могли перебить его.

Потом начался пробег по школам; актовый зал напол-

нялся одинаковыми головами, самодеятельный микрофон сипел, Лидка говорила свои слова, улыбалась. Брала из рук помощника очередную книжку или конфетный набор, улыбалась, совала подарок в руки подоспевшему подростку. Улыбалась. Брала новый подарок, совала в руки. Улыбалась. Слушала аплодисменты. Кивала. Шла к машине. И так изо дня в день.

Две недели назад она сказала Рысюку, что с нее хватит. И тот, покивав, согласился отсрочить поездку по провинциям; а, еще поездка по провинциям, думала Лидка, все то же самое, только придется еще и обещать в будущем году открыть в каждом селе по лицу...

Рысюк вытянул бледные, незагорелые ноги. Расстегнул рубашку, лениво сбросил ее, оставшись в плавках и в галстуке:

— Зачем вздыхаешь?

Она молчала.

Рысюк хотел что-то сказать, но обернулся, и она автоматически проследила за его взглядом. От берега шел, покачиваясь, средних размеров траулер.

Яхта дернулась на волне. Тонкая мачта судорожно черкнула по небу. На палубе траулера стоял, упираясь ногой в борт, Президент — Петр Максимович Стужа в тельняшке и камуфляжных штанах.

— Гей, Игореха! Поехали. Тут охота намечается, давай-ка прыгай... И ты, Лидок, не сиди. Второй такой раз когда будет? Здоровая стая, пришли откуда-то с юга, они в это время здесь редко бывают... Ну?

Генерал говорил как бы вполголоса, но все морские шумы не могли заглушить произвольный приказ, который постоянно жил в каждом его слове, даже когда Стужа поднимал тост за здоровье или желал спокойной ночи. Игорь легко встал, протянул Лидке руку; еще не вполне понимая зачем, она поднялась тоже.

— Штаны надень, — сказал генерал. — Там ветер... Или нет. Иди сюда как есть, а тут мы тебе дадим че-нить. Брезентовую какую-нить робу. Тут у Вовки есть... Ты, Лидка, тоже. И тебе дадим. Давай!

С борта на борт перекинули швартовы, но шель остава-

лась — метра полтора. Игорь бесстрашно перепрыгнул, протянул Лидке руку:

— Прыгай!

Она замешкалась, спрашивая себя: а почему, собственно, она должна покидать шезлонг и куда-то плыть?

— Ну! — рывкнул генерал, сочтя ее замешательство бабским страхом перед прыжком.

Она прыгнула, Рысюк поймал ее, но она все равно сильно ушибла большой палец на ноге. Зашипела, высвобождаясь из рук Рысюка; траулер провонял рыбой и дымом, упоминание о хваленой морской чистоте казалось здесь по меньшей мере насмешкой.

Под стенкой рубки сидел на автомобильной крышке «наследный принц» — двенадцатилетний Стужин внук. Его, по-видимому, давно и основательно укачало.

— Куда мы хоть едем-то? — спросила Лидка сварливо.

Наследный принц не ответил.

Траулер пер носом в открытое море. Ветер становился все злее; преклонных лет рыболов вытащил откуда-то из подсобки гору подозрительных шмоток, Рысюк выловил в этой горе необъятных размеров засмальцованную робу и бестрепетно натянул на себя, причем галстук так и болтался у него на шее, придавая главе Администрации комичный и трогательный вид.

Лидке дали плащ. Она поблагодарила кивком.

Стужа стоял на носу, картинно расставив ноги, не отрывая от глаз бинокль. Ну прямо морской волк, кисло подумала Лидка. Будто услышав ее мысли, Стужа опустил бинокль, огляделся, поманил пальцем Игоря:

— Слушай, Рысюк. Вот туда смотри, прямо по курсу, как увидишь спины — свистать всех наверх, ясно?

Рысюк кивнул. Перенял позу Президента, уставился на горизонт.

Стужа враскорячку прошел вдоль борта. Потрепал внука по коротко стриженной голове:

— Ну что, мужик, стрелять будем?

Наследный принц изобразил на лице крайнюю усталость.

Стужа вернулся с тяжелым брезентовым свертком. Ос-

тановился на палубе, развернул брезент; негромко урча, принялся осматривать извлеченные на свет винтовки. Две штуки — весьма внушительное с виду, лоснящееся от смазки, сытое, ухоженное оружие.

— Валерик, — это внуку, — глянь, какие красавцы... Ну, возьмишь один?

Наследный принц втянул голову в плечи. Ему хотелось на твердую землю, в кресло перед телевизором и чтобы все отстали.

— Ну, Валер, что ты раскис, как баба... — с неожиданной нежностью пророкотал Стужа. — Пацанам потом расскажешь — умрут ведь от зависти. А?

Мальчишка мотнул головой.

— Есть! — крикнул Игорь со своего наблюдательного пункта. — Действительно, стоя здоровая...

Стужа обернулся на его крик — и улыбнулся. Лидка сидела, привалившись спиной к борту, так случилось, что именно в этот момент лицо Стужи попало в поле ее зрения.

Стужа улыбнулся, а Лидку передернуло. Вспомнился институтский курс бытовой медицины. И единственный в жизни визит в морг.

Она прикрыла глаза.

Тускло звякнули извлекаемые из коробки патроны. Лязгнул затвор.

— Вовка! — крикнул Стужа, обернувшись к капитанской рубке, перекрывая рыком и волны и ветер. — Давай их мне под правый борт! — И, уже изготавившись для стрельбы, через плечо спросил Рысюка: — А ты стрелять будешь?

Рысюк перевел взгляд на невидимое Стуже Лидкино лицо. Улыбнулся, отрицательно мотнул головой:

— У меня рука дрожит, Петр Максимович. После вчерашнего.

— После вчерашнего? — Стужа оглушительно захохотал. — Слабак ты, Игорешка, с чего ж дрожать-то?

Рысюк рассмеялся в ответ — совершенно естественно и даже весело. Лидку передернуло снова.

Траулер повернулся носом против волны — Лидка судо-

рожно ухватилась за поручни. То зарываясь в пену, то выныривая, поднимая фонтаны воды, суденышко нагоняло стаю дальфинов.

— Идиоты, — сказал Стужа. — Еще говорили, будто мозги есть у них. Были бы мозги — ка-ак драпанули бы сейчас, только бы мы и видели... Не. Вон, смотри, Игорек.

Спотыкаясь о канаты, облепленные чешуей, поскользываясь на мокрых досках и оступаясь на неопознанном хламе, Лидка добралась до железной лесенки, ведущей наверх, в рубку, и зацепилась за нее мертвой хваткой. Качку она переносила относительно легко, но перспектива не удержаться и врезаться в борт мало ее прельщала.

Брезентовый плащ вонял рыбой. Дохлой, мутноглазой, не выпотрошенной вовремя.

За бортом будто повернулось черное лаковое колесо — дальфинья спина. И еще. И еще — в отдалении; скоро Лидка сбилась со счета. Стая действительно была немаленькая.

Кораблик по-прежнему раскачивало, Лидка была более чем уверена, что генерал промахнется; ветер, ревуший в ушах, благополучно съедал все звуки.

Траулер врезался в стаю, отделяя от общей группы три или четыре твари. А потом широко, как в слаломе, развернулся — рубка прикрыла Лидку от ветра, отчего вокруг сделалось тихо-тихо, почти как под водой.

И в этой-то тишине генерал выстрелил. Запрыгала по палубе гильза.

— А-а, н-на тебе, сука, н-на! На, на, получай!

Стреляные гильзы летели и летели. Игорь, приподнявшись на цыпочки, с интересом заглядывал за борт; генерал вскинул руку, давая указания невидимому Вовчику:

— Дальше! Гони!

По накренившейся палубе покатались предметы. Выбралась откуда-то жестяная банка с окурками, неспешно двинулась от борта к борту, то и дело роняя то жеванные бычки, то докуренные лишь до половины дорожные сигареты с золотой каймой и отпечатком помады на фильтре. «Кого они тут ловят, на этом траулере?» — подумала Лидка.

Снова возник ветер. Лидка съежилась, пытаясь запахнуть

плащ без помощи рук — руки она по-прежнему не решалась оторвать от лесенки. Генерал стрелял и стрелял, заряжал и стрелял снова, сперва Лидка видела только его затылок, но потом Стужа поменял ракурс стрельбы, повернулся к Лидке в профиль, и она удивилась.

На лице его не было против ожидания ни ожесточения, ни свирепой радости. Это было умиротворенное лицо счастливого человека: разгладились морщины, исчез привычный оскал, генерал походил сейчас на пожилого клерка, вернувшегося со службы домой и наконец-то добравшегося до любимой коллекции марок.

Лидка поднялась на несколько ступенек выше.

Нет, море не меняло цвет. В отдалении мелькали спины — стоя спешно уходила. Вероятно, дельфины не были такими идиотами, какими полагал их Президент; самоубийцами, во всяком случае, они не были точно.

Среди уходящих не было ни одного раненого. Лидка прищурилась. Ни одного.

— Девять, — сказал Стужа, опуская винтовку. — Девять. Приедем домой — зарубки буду делать. Итого — сто пятнадцать. Есть что отпраздновать, Рысючина...

— Мясо-то пропадает, — огорченно сказал тот самый пожилой морячок, что снабдил Лидку и Рысюка нечистой парусиной. — Гарпуном бы — так был бы толк. А так — рыбам корм.

Стужа неприязненно зыркнул на старичка, так, будто тот предлагал закусить червями.

— Девять, — раздумчиво пробормотал Рысюк. — Я вот семь насчитал. Как их учитывать, твои трофеи?

Стужа в момент надулся, побагровел, напряглись жилы на толстой шее:

— Банкиров контролируй и министров там разных... *Этих* я чую. Я их сто пятнадцать штук уложил в новом цикле, и *тогда* — штук двадцать глеф. *Эти* тоже были глефами — может, человечины пробовали, а ты, — это морячку, — *их* жрать собрался?!

Пожилой рыболов бочком-бочком убрался прочь и исчез в каком-то люке.

— Девять, девять, — успокоительно закивал Рысюк. —

В конце концов, коллекция зарубок ничем не хуже коллекции, например, чучел...

— Ты видел, как глефы людей заваливают? — почти спокойно спросил генерал.

Траулер развернулся к берегу. Ветер окончательно ушел, в наступившей тишине перекачивалась по палубе жестяная коробка из-под окурков; наследный принц с отсутствующим видом наблюдал за чайками, откуда ни возьмись слетевшимися к месту охоты.

Лидка на четвереньках добралась до борта, уцепилась за поручень, и ее вырвало.

* * *

«...в ущерб боеспособности всего нашего ГО. Суд целиком и полностью подтвердил вину подсудимых: многократные злоупотребления, игнорирование служебных обязанностей, организация утечки информации ... Смещены с занимаемых должностей... осуждены на разные сроки тюремного заключения... Полковник Ретельников Н. И., в течение многих лет продававший секретные материалы отечественного ГО аналогичным зарубежным службам... признан виновным в измене Родине и приговорен к высшей мере наказания — расстрелу...»

*(Газета «Человек и страна»,
24 июля 16-го года 54-го цикла.)*

* * *

За окном медленно, неуверенно светлело небо. Теперь будет легче. Если рассвет — значит, ночь позади. Еще немножко — и встанет солнце, но, в принципе, уже сейчас можно шлепать на кухню и варить себе кофе.

Лидка боком выбралась из-под одеяла. Рысюк тяжело вздохнул, но не проснулся.

Оживая, подавали голос птицы. Сперва робко, потом все более слаженно; трудно поверить, что это не магнитофонная запись. Что здесь, в центре города, в душном ад-

министративном квартале, еще остался кто-то, способный щебетать на рассвете.

В сером утреннем полумраке она прошла в ванную. Взглянула в зеркало над раковиной, заранее зная, что предстоит увидеть. Лихорадочно блестящие глаза, отекающие веки, седые волоски по обе стороны от пробора. Тридцать три года, ни годом больше, но и ни годом меньше. Все врут, что косметология способна творить чудеса... На воспаленный затравленный взгляд не наложишь очищающую маску.

Она умылась, на несколько минут создав для себя самой иллюзию бодрости и свежести. Отправилась на кухню и плотно закрыла за собой дверь. Негромко взывала кофемолка; Лидка поставила на огонь медную, как колокол, и такую же огромную джезvu. Вот и все. Сейчас остатки бессонной ночи благополучно утопятся в густой коричневой жиже. И забудется час быка — раздумья, приходящие, будто по расписанию, ровно в четыре часа утра. Замечательное время, звездный час всех сумасшедших.

Лидка улыбнулась. Отхлебнула от дымящейся чашки. Еще... Бесшумно приоткрылась дверь. На пороге обнаружился Рысюк, босой, в полосатом, до пят, халате.

— Доброе утро, — сказала Лидка.

— Ты с ума сошла? — спросил он ворчливо. — Такая рань...

— Ранняя птичка ловит червячка. Хочешь кофе?

Глава Администрации насупился, будто ему предлагали по меньшей мере мышьяку. Беспечный Лидкин тон не мог обмануть Рысюка. Иногда, в минуты отчаяния, ей казалось, что Рысюка вообще невозможно обмануть...

— Что случилось, Лида?

— Ничего.

— А конкретнее?

Лидка забросила ноги на табуретку:

— Ни-че-го.

Рысюк молча ждал. Она поморщилась, как от лимона:

— Два дня назад звонил Слава.

— Какой Слава? — спросил Рысюк после паузы.

— Слава Зарудный, — сказала Лидка с нервным смешком. — Ты уже забыл, кто это?

Рысюк сунул руки в карманы халата. Помолчал. Улыбнулся:

— Паникует?

Лидка сдвинула брови:

— Как ты сказал?

— Слава паникует? Ему стало тесно в одной коробке с Верверовым? Он чего-то боится?

Лидка пожевала губами. Отвернулась, тихо спросила, глядя в окно:

— Кто устроил эту дикую чистку в ГО?

Рысюк молчал.

— Кто устроил эту длинную показательную расправу? Кому помешал Ретельников, семидесятипятилетний старик?!

За окном вставало солнце.

Николай Иванович. Пепельница в коробочке из-под аспирина. Птичий помет на влажной весенней скамейке.

— При чем тут Слава? — мягко спросил Рысюк. — Его не тронут при любом раскладе. Он — Зарудный, а это табу...

— Игорь, ты понимаешь, что происходит? — устало спросила Лидка.

Рысюк терпеливо кивнул:

— Ты не спишь и нервничаешь. Тебе кажется, что происходит нечто из ряда вон выходящее. Ничего подобного — разборки в структурах были и прежде, только ты ничего об этом не знала.

— В таких масштабах — не было, — сказала Лидка сквозь зубы.

Рысюк снова кивнул:

— Да, возможно, сейчас все игры ведутся по-крупному, но ведь через три года будет *мрыга*, Лида. Старое ГО — разжиревшая, потерявшая боеспособность организация. Старое государство — банда взяточников и казнокрадов...

Он поймал ее за плечи и аккуратно, будто тяжелую вазу, снял с табуретки. Притянул к себе.

— ...А новое государство прорастает сквозь останки старого, как травка...

— ...сквозь труп... — вставила она сквозь зубы.

— Ну что за натурализм. — Рысюк шевельнул плечами, халат упал к его ногам, Лидкина щека оказалась прижатой к холодной, твердой, безволосой Игоревой груди.

— Отпусти, — сказала она тихо.

— Да, — отозвался он печально. — Вот именно так силовые структуры поступают с доверившимся ему народом... для его же блага.

Лидкины тапочки остались на кухне. Босые ступни не касались пола; Рысюк нес ее торжественно и вместе с тем небрежно, как охотник несет добытое мясо.

— Игорь, я действительно не хочу. Я не кокетничаю. Отпусти.

— ...А государство не существует без принуждения. Особенно накануне апокалипсиса. Извини, что я говорю банальности...

Лидка нащупала пол под ногами, попыталась высвободиться, но Рысюк провел грамотную подсечку и уложил ее на ворсистый ковер посреди спальни.

— Игорь, ты с ума сошел?!

— Занятия политикой плохо на тебе сказались. Ты стала нервной, потеряла вкус к жизни... — Блокировав ее запястья одной рукой, он ловко стаскивал с нее белье. — В то время как близятся настоящие потрясения, предстоит огромная работа, перестройка всего общественного сознания под модель нового апокалипсиса, Зарудновскую модель, Ворота для всех, люди не куры, чтобы топтать друг друга, ни одной напрасной смерти, успеют все...

Она рванулась. Он сильнее сжал ее запястья.

— Игорь, — сказала она в нависающее над ней лицо. — Если ты... я уйду сегодня же, и навсегда, понял?!

Рысюк замешкался. Остановился, замер, не спеша выпускать Лидку, внимательно разглядывая ее — сперва разметававшиеся по ковру волосы, потом соски, потом наконец глаза.

— ...Человечество, спешащее к «Воротам», подобно амебе. Простейшему существу. Реализуя инстинкт самосо-

хранения, оно реагирует только на элементарные раздражители. Даже если кто-то сумеет сохранить в этой толпе трезвую голову и человеческий облик — он все равно не сможет ничего изменить, оставаясь в подавленном меньшинстве, подавленном и придавленном. Самое гуманное, что может сделать этот смельчак, — дать затоптать себя, чтобы самому не топтать других... Лида, а почему ты так уверена, что я испугаюсь?

Она не нашлась что сказать. Глава Администрации по-прежнему возвышался над ней, придавив своей массой, не давая вздохнуть.

— Куда ты уйдешь? Что, Слава Зарудный позвал тебя обратно? Переметнувшись к Верверову, ты стала бы ценным козырем. Ты писала бы очерки о нравах, царящих в близких Президенту кругах, ты рассказывала бы только о том, что видела своими глазами, и Верверов с его идеей немедленного импичмента получил бы дровишек в свой костер... Ничего, что я так красиво выражаюсь?

Лидка молчала, стиснув зубы.

— Это Верверов вернул Славику с мамой их квартиру? Это Верверов первым вспомнил о заслугах Зарудного перед обществом? Это на его деньги издали первое собрание сочинений? Это Верверов умный, интеллигентный человек, в противовес солдафону Стуже, которым к тому же ловко манипулирует подлец Рысюк?

Лидка молчала. Игорь налег на нее сильнее, его лицо оказалось в сантиметре от Лидкиных воспаленных глаз.

— Это Верверов заказал Зарудного, Андрея. Это он его убрал, Лида. Я знаю точно... А теперь думай!

Лидка вскрикнула. Рысюк бывал с ней настойчивым и бесцеремонным, но никогда еще он не был так груб.

* * *

Лидке снились пожары.

Пылающие многоэтажные здания. Сперва густой дым, валяющий из окон на верхних этажах, потом языки пламени, потом ревущий огненный ад, черные балки, обрушивающиеся стены, закопченные скелеты и горы дымящихся

развалин. Дом за домом, реальные дома, знакомые дома, целый город, бегущие рыдающие люди...

Потом она проснулась во сне, осознала свой кошмар и с облегчением вздохнула. Во сне встала, подошла к окну и увидела — сколько хватало глаз — многоэтажки, многоэтажки, и за каждой третьей ветер тянет шлейф жирного дыма...

Она проснулась снова, вернее, попыталась проснуться, и, балансируя на грани кошмара, подумала, что все это не к добру. Что пожары во сне обещают неприятности в реальной жизни, и как хорошо все-таки — ее дом так и не сгорел, горели те, что рядом, а ее остался нетронутым...

Ну, хватит, сказала она себе и проснулась окончательно. Стучали часы; следуя проверенному правилу, Лидка перевернулась на другой бок: «Куда ночь — туда и сон...» Больше никаких пожаров, ни-ни.

Ей приснилась не то презентация непонятно чего, не то митинг непонятно по какому поводу. Она стояла на возвышении, расфуфыренная, окруженная кольцом микрофонов, и репортеры со сладкими лицами, и репортеры с желчными лицами, и толпы людей с самыми разными лицами ждали, чтобы она сказала приготовленную речь, а Лидка не могла выговорить ни слова. Еще открывая рот, она помнила свой текст от начала и до конца, но, уже набрав в грудь воздуха, поняла вдруг, что ни слова не осталось в памяти, она не помнила даже, по какому поводу сборище и кто эти люди и чего от нее ждут...

Она проснулась снова — в холодном поту. За окном было черным-черно. Четыре часа утра.

* * *

Брат Пашка сидел на подоконнике и болтал ногами в начищенных до блеска черных ботинках. В лицей теперь пускают только в черных, и если не начищены — заворачивают с порога.

В прошлый вторник и Пашку завернули тоже, он не стал отчаиваться и пошел пить кофе в какую-то забегаловку, где его и обнаружил патруль комитета по образованию,

проводящий операцию «Урок». Пашке пришлось пережить немало неприятных минут; директрисе лица — тоже. Отныне нерях в нечищенных ботинках отправляли мыть лицейские туалеты, а Пашу не выперли из лица только потому, что он приходился родным братом Лидии Зарудной, основательнице Детского культурного фонда. Однако, предупредили Пашу, в случае следующего нарушения дисциплины, сколь угодно малого, его не спасет никакое родство.

А соседка Оля с четвертого этажа вообще влипла в историю. Прогуляла в школе три дня, а мама ее, тетя Света, написала записку, что, мол, Оля болела и лежала с температурой. Так что ты думаешь? Не поверили записке, спросили у девчонок, а те донесли, что в те дни видели Ольку на улице. Тете Свете написали на работу, вклеили ей выговор с занесением, а Ольку поставили на учет, конечно, не только за этот случай, они давно на нее зуб имели, Оля ходит бледная, уроки учит с утра до вечера и к районному инспектору каждый месяц — отмечаться...

— С занесением куда? — спросила Лидка с некоторым опозданием.

— Что — куда? — не понял Паша.

— Выговор с занесением куда? — повторила Лидка терпеливо.

— В личное дело, — удивленно ответил Паша. — А ты что подумала?

— Ничего я не подумала, — сказала Лидка.

Пашке было четырнадцать лет. За последние полгода он трансформировался из прыщавого подростка во вполне приличного, красивого даже юношу с тонкими чертами лица и темной полоской усов над верхней губой. И длинный стал — на голову выше Лидки. И у него была девочка, с которой они трогательно, по-школьному, дружили.

— Ладно, — сказал брат, прерывая затянувшуюся паузу. — Пойдем чай пить.

На кухне было тесно. Лидка давно забыла, что такое настоящая, душная, пихающаяся локтями теснота. Яночка, в будущем году заканчивающая лицей, уныло купала ложку

в остывающем супе; на круглом Яночкином лице не было и следа косметики. На уроки с косметикой не пускали даже старшеклассниц.

Саня, изрядно располневшая в последние годы, мыла посуду. На Лидкино приветствие едва ответила; Саня справедливо считала, что высоко взлетевшая родственница мало заботится о семье. Невозможно же ютиться двум семьям в трех маленьких комнатах!

Мама что-то жарила и одновременно варила. На всю кухню стоял треск жира и запах жареного лука; вслед за невозмутимым Пашей Лидка проскользнула в узкую щель между холодильником и Яночкиной круглой спиной, влезла в проем между столом и подоконником и уселась на крошечный трехногий табурет.

— Геошник задолбал, — сказала Яночка обиженным басом. — Факультатив по субботам, причем ходить обязательно. По субботам, прикинь, ма!

— Ну и походишь, — отозвалась Саня, гремя посудой. — Все лучше заниматься, чем маяться дурью.

Яночка надулась, как праздничный шарик:

— Если бы нормальные занятия! Математика там... А то маршруты зубрить эти долбанные да по линии препятствий бегать! — Яночка вдруг трагически понизила голос:

— Представляешь... У нас у одной девчонки дни были, ну, бегать нельзя. Она ему и говорит: «Я сегодня линию не побегу...» А он ей знаешь что говорит? «*Мрыга*, — говорит, — не спросит, есть у тебя дни или нет. Штаны подтяни — и вперед...» Ну представляешь?

— Яночка, — сказала мама от плиты. — Тут же мужчины...

Паша хохотнул. Яна смерила его презрительным взглядом:

— Этот, что ли? Какой он мужчина, он ни одного кросса до конца не добежал! Физкультурник так и сказал: «Передай его маме, что будет двойка в четверти, а когда до него доберется ГО — будет просто котлета с мозгами...»

— Фу, — сказала Саня, вытирая мокрые красные руки. — Не говори глупостей... Поела? За уроки!

Яночка поднялась, поджала губы и лебедем выплыла из кухни.

— Теперь уж квартиру не купим, — сказала Саня, обращаясь как бы к вешалке для полотенец. — А получить по очереди — так до самой *мрыги* не достои́мся... Хотя бы сгорел этот дом, что ли. По страховке получили бы, наверное, получше квартиры...

— Типун тебе на язык, — устало сказала мама.

— Я жилье не распределяю, — сказала Лидка, отхлебывая чай. — Районный жилищный комитет, Новый Спуск, семь, приемные часы с восьми до восемнадцати. Никаких привилегий. Ворота открыты для всех.

Саня вздохнула и вышла вслед за Яночкой.

— Ты бы все-таки поговорила... — неуверенно начала мама.

— С кем? — подняла брови Лидка.

Мама опустила плечи. Постаревшая, как-то сразу, скачком, превратившаяся из дамы средних лет в пожилую, не очень ухоженную женщину.

— С Игорем... Я, правда, не знаю, что у вас теперь за отношения...

Лидка вздохнула.

Она всячески скрывала от родных перемены в своем статусе. В другую квартиру переехала — мне там удобнее. Да, все в порядке, но Игорь очень загружен, мы с ним видимся только по выходным. Да, и в фонде все хорошо, работа как работа...

— Игорь... Игорь спустит меня с лестницы! Если узнают, что главный борец с привилегиями делает исключения для... допустим, родственников... Хорошо, что он не узнал об этой истории с Пашкой, а то бы позвонил в лицей, чтобы выгнали! Специально, чтобы подчеркнуть отсутствие всех и всяческих...

Задребезжал входной звонок. И еще раз, длинно, требовательно. Мама вздрогнула:

— Кто еще?

В передней послышался сперва звук открываемой двери, потом густой мужской голос:

— Добрый день, райотдел милиции, проверка документов. Пожалуйста, паспорта...

Минут пять прокуренный дядька в форме сличал лица мамы, Сани, Лидки с их фотографиями на документах. Потребовал свидетельства о рождении Яны и Паши, сверил данные о месте учебы, спросил, где находятся прописанные здесь же папа и Тимур. Удовлетворенно кивнул, извинился, попрощался.

— Задолбали, — сказала Яночка. — С этими проверками... у нас одна девка билетика в трамвае не взяла, так ее засекли контролеры, отвели в отделение, и она потом целый день тротуары подметала. Еще телегу в лицей накатали...

— Серьезно? — спросила Лидка.

Яночка вздернула нос:

— Это вы, тетя Лидка, в своем фонде сидите и от жизни отстали. А вот попробуйте в автобус сесть без билета!

— И правильно, — неожиданно агрессивно заявила Саня. — Закрутили гайки, и слава богу. В прошлый цикл в это время уже нельзя было в темноте по улицам ходить... А теперь хоть всю ночь гуляй, был бы паспорт при себе.

— Да, всю ночь, — саркастически пробормотал Паша. — Вовку с первого этажа на улице засекли в пять минут одиннадцатого, он со дня рождения шел! Всю ночь просидел в отделении. Еще родителей вызвали... Нельзя, вишь, пацанам после десяти! Даже на пять минут нельзя!

— И правильно, — все так же агрессивно отозвалась Саня. — Потому и порядок.

— Ой, — сказала мама, глядя на Пашу. — А ты позавчера в половине одиннадцатого пришел от Лены...

— Да, — самодовольно сообщил Лидкин брат. — И в патруль попал! Только я их издали увидел, а тут тетечка шла, я и говорю: «Скажите, что я с вами...» Она мне свой кулек дала, так те, из патруля, даже не спросили! Я тетечке потом шоколадку подарил...

— Ой, Павлик, — сумрачно сказала мама. — Не надо, пожалуйста. Хватит с меня.

«И с меня хватит», — подумала Лидка.

— Ну, я пойду. — Она посмотрела на часы и поднялась. — Позвоню вечером, да, ма?

— Ты так редко заходишь, — сказала мама, глядя в сторону. — И сразу бежишь...

Лидка развела руками:

— Ну что делать... В субботу приду обязательно. Ну, пока?

Паша вышел провожать ее на лестницу. Она взяла его за воротник, притянула к себе:

— Это очень серьезно. Если что — не пытайтесь отмазаться моим именем, потому что выйдет наоборот. Показательно, специально наоборот, чтобы доказать, что привилегий нет ни для кого... Если Саня попрется с моим именем в жилкомитет — переполовинят страховку. Если снова влипнешь ты... могут и на учет поставить, напоказ. Чтоб неповадно было. Ты меня понял?

Паша поджал губы. Мрачно кивнул.

Она не стала ловить такси и поехала домой общественным транспортом. И, войдя в автобус, первым делом закомпостировала билет.

* * *

«...накануне великих потрясений. Преступность, обычная для кризисного времени, из цикла в цикл мучившая и развращавшая народ, преодолена на восемьдесят процентов. Проведены крупнейшие операции по выявлению и ликвидации торговли наркотиками, спекуляции всех видов, проституции. Наше будущее, которое приближал своими работами Андрей Зарудный, с каждым днем все ближе. Мы смело смотрим в лицо грядущему апокалипсису; нам есть что противопоставить слепой стихии, нас ведет сплоченное, боеспособное, профессиональное ГО, каждый войдет в Ворота, и войдет в порядке, с гордо поднятой головой!»

*(Из президентской речи
на III Зарудновских чтениях,
3 марта 17-го года 54-го цикла.)*

Она шла по знакомым местам — и не узнавала их. С того солнечного дня, когда Лидка гуляла здесь под руку с Андреем Игоревичем, прошел почти полный цикл, и все, что чудом сохранилось с того времени, изменилось до неузнаваемости. Даже камни.

Директорский домик был разрушен апокалипсисом и восстановлен в другом месте. Там, где когда-то были копытные, теперь помещались пруды с птицей. Остатки огромного, высохшего и завалившегося дерева не спешили убирать — растянувшийся вдоль дорожки ствол лежал здесь с декоративной целью. Наполовину лишенный коры, наполовину поросший мхом, мертвый великан хранил на своих боках многочисленные автографы подрастающего поколения. От «Катка дура» до «Светка родит от Вовы», плюс иллюстрации, выполненные перочинным ножом.

Лидка остановилась перед поверженным стволом. Оглянулась на место, где раньше стоял директорский домик, а теперь располагалась клумба; да, она не ошиблась, это то самое место и то самое дерево. По которому бегали белки. Под которым стояли они с Андреем...

...И Зарудный, казавшийся тогда невообразимо далеким и взрослым, был всего на несколько лет старше Лидки теперешней. «Моя мама погибла в прошлый апокалипсис. Ее затоптали перед самыми Воротами».

И он, выжив, принял немножечко детское решение: посвятить жизнь тому, чтобы во время апокалипсиса никого больше не затоптали. И ради этого углубился в свою кризисную историю, а потом ради этого по уши влез в ароматную жижуху политики, заглянул за кулисы общественного устройства, увидел выступающие колесики и пружинки, узнал вкус власти, борьбы и победы, грудью ринулся на доступное искоренению зло — и поймал свою пулю. Умер в момент наивысшего напряжения и веры в успех, так и не отдав себе отчета в том, что проиграл. Что на пороге Ворот топтали и топтать будут, а все его рассуждения о гордо поднятых человеческих головах останутся в лучшем случае заклинанием...

«Другой принцип», — сказал голос Рысюка, да так явственно, что Лидка испуганно оглянулась, будто ее бывший одноклассник мог прятаться за поваленным стволом. Другой принцип, совсем другой. Проход большой человеческой массы через Ворота, да так, чтобы не было потерь? — по сути дела акробатический трюк. Сложный, но доступный после долгих тренировок. Как акробат тренирует свои мышцы, связки, нервы? так общество должно тренировать каждого человека и всех во взаимной связке. А кто-то, находящийся у власти, должен тренировать это общество, другого пути просто нет, Лида. Или трупы затоптанных на подступах к Воротам? или сознательная ежедневная подготовка к неизбежному. С детского сада. Поколение за поколением. Мы опоздали с нашим Стужей, мы здорово опоздали, я понимаю, что раньше никак не успеть было? но все равно нервничаю и исхожу желчью. Столько времени потрачено зря, столько возможностей упущено...»

— Предъявите ваши документы.

Лидка вздрогнула. На этот раз голос был совершенно реальным и принадлежал лысому крепышу в черном плаще. Его напарник, моложавый мужчина с ранней проседью в темных волосах, глядел на Лидку пристально и в то же время равнодушно. Наверное, так смотрит на двадцать пятого за день клиента утомленный работой портной.

Она протянула паспорт:

— А что, собственно, случилось?

Лысый мельком взглянул на документ, потом Лидке в лицо.

— Где вы работаете? — спросил моложавый.

— В Детском культурном фонде при Администрации Президента, — отозвалась она холодно.

Лысый и моложавый переглянулись.

— Разве сейчас не рабочий день? — вкрадчиво спросил моложавый. — Разве сотрудники Администрации не обязаны подчиняться распорядку? У вас есть документ, оправдывающий ваше отсутствие на рабочем месте?

Лидка растерялась. Ей уже случалось попадать в подобные ситуации, но далее волшебных слов «Администрация Президента» дело обычно не шло.

— Я подчиняюсь непосредственно главе Администрации господину Рысюку, — сказала она прямо-таки ледяным тоном и тут же вспомнила, что из-под официального патронажа Рысюка ее уже месяц как вывели, и ее теперешний начальник... елки-палки, она даже не помнит, как его зовут!

Глаза моложавого сузились, и? глядя в них, Лидка поняла, что весь последний год он ждал такого момента. Поймать важную птицу на горячем, застать за каким-нибудь непотребством, вроде пошлейшего прогула, а потом предметно доказать и себе и ей, что ни-ка-ких привилегий и послаблений не существует ни для кого. Чем выше ты взлетел? тем больше с тебя ответственность и тем, соответственно, обширнее лужа, в которую тебя ткнут, как кутенка, повинной мордой.

— Вам придется пройти с нами, гражданка Зарудная. Для выяснения? кто и когда давал вам отгул или больничный, и по какому поводу, и на каком основании...

— Пройдемте, — сказала она сквозь зубы. — К ближайшему телефону. Я позвоню господину Рысюку, и он выдаст вам справки... обоим.

Лысый струсил и готов был отступить. Моложавый — нет.

«Мы упустили время... Теперь придется форсировать. Нам понадобится умение слушать и подчиняться. Умение быть частью целого, а не отдельным сумасшедшим существом. Это воспитывается поколениями, но первых успехов мы добьемся уже в этом цикле. Ты увидишь, Лида. Ты увидишь — число жертв будет ничтожным, и тогда в следующем цикле у нас уже почти не будет проблем... Ворота для всех. С гордо поднятой головой. Не об этом ли говорил Зарудный?!»

Она шла между ними, как арестованная. У входа в зоопарк стояла машина, и в ней уже кто-то сидел. Ага, пара подростков, которым теперь светят бо-ольшие неприятности, и угрюмый мужчина в шляпе, с тортом, портфелем и коробкой цветов. Нашел где свидания назначать, дуралей... Еще и даму твою отловят, и не избежать огласки, а вдруг ты женат, а вдруг она замужем?!

— Где телефон? — Она огляделась.

— В участке, — сказал моложавый.

Лидка сдвинула брови; лысый занервничал.

— Я не поеду с вами в участок, — сказала Лидка мягко.

«Условленное время» будет урезано до предела. Только жизненно важные для нового цикла персоны, только Президент, только Администрация, только страховые и силовые структуры. При правильной организации на это уйдет минут пятнадцать, потом начинается эвакуация людей, организованное отступление, а не паническое бегство. Нам понадобится огромное количество поводырей, командиров, обученных довести свой отряд до Ворот и уйти в последнюю очередь. Надо продумать целую систему контроля и поощрений... и наказаний для тех, кто изменит долгу. Это бездна работы, Лида, утомительной и иногда неприятной, и на каждом шагу придется убеждать, что она необходима...»

— Дайте мне возможность связаться с моим шефом, и он подтвердит мое право находиться здесь во время рабочего дня, — сказала Лидка еще мягче. — Ни я не хочу неприятностей, ни вы их не хотите... правда?

Телефонный автомат стоял тут же, у входа, свежепокрашенный, сверкающий красными боками. Лидка давно его приметила — и моложавый приметил тоже.

— Разве я не имею права позвонить? — Лидка наконец-то ощутила подкатывающее раздражение. Сейчас она будет вести себя, как взбешенная барыня? — возможно, завизжит. Возможно, даст моложавому по морде. Возможно, после этого ее посадят на трое суток за хулиганство, и Рысюк палец о палец не ударит, чтобы...

— Давайте, звоните, — сказал моложавый сквозь зубы.

Кабинка была слишком тесной, чтобы в ней поместились двое. Моложавый остался снаружи, пристально глядя сквозь мутное стекло на Лидкину руку, занесенную над диском.

Пусть смотрит.

«Нам понадобится армия агитаторов, которые каждый день будут ввинчиваться в сознание законопослушного гражданина с одной и той же целью: объяснить ему, что

для его же блага он должен находиться в общем строю. Ради жизни его и его детей. Облекать эту мысль в самые разные формы, подходить к разным людям с разных сторон, творчески, если хочешь, обрабатывать. Потому что эгоизм и расхлябанность сегодня обернутся смертями завтра. Понимаешь, Лидка?»

Трубка была неприятно холодная. И в ней жил далекий квелый гудок.

В последний момент Лидка подумала, что можно позвонить и отцу, занимающему сейчас совсем не маленькую должность в системе страхования. Что можно позвонить рысюковскому заместителю дяде Диме, его телефон Лидка тоже помнит наизусть. И что обоим придется объяснять, краснея, в чем, собственно, дело, и оба звонка окажутся совершенно бесполезными...

А где она должна быть во время рабочего дня? Где? В своем фонде? Да, наверное. Сидеть за необъятным столом и перекладывать пустопорожние бумаги. За это ей деньги платят, а она выперлась среди дня в зоопарк, согрешила, нарушила один из тех законов, неуклонное исполнение которых обеспечит, с рысюковской точки зрения, апокалипсис без жертв.

Моложавый надсмотрщик ждал; Лидка готова была положить трубку на рычаг и сказать ему с царственной улыбкой: «Ах, я передумала. Вы совершенно правы, я провинилась и готова отвечать по закону...»

У него был красивый разрез глаз. И высокие скулы. Интересный мужчина, вот только жесткий и нарочито холодный взгляд портит дело. Интересно, на свою женщину он тоже так смотрит? Или, придя домой и сняв маску уличного инквизитора, превращается просто в хорошего парня, любящего мужа и отца?

Вряд ли это возможно, подумала Лидка. Такие маски имеют свойство прирастать. Да и не на всякую рожу ляжет такая маска...

Он увидел, как изменился ее взгляд, и занервничал:

— Ну? Долго ждать?

Она вздохнула и сунула палец в прорезь диска. Пласт-массовое обручальное кольцо.

Она не разговаривала с Рысюком вот уже полтора месяца. Не обменялась ни словом. Идея звонка была блефом, она надеялась, что молодежавый струсит, но в последнее время все эти общественные контролеры совсем потеряли страх; бояться должны все прочие. Вот как те подростки, что сидят сейчас в машине: впредь не будут прогуливать. И тот бедолага с тортом, что составил им компанию: его теперь долго не потянет на сладкое...

А ведь вполне реально, что этот сигнал будет иметь для Лидки самые неприятные последствия. Ее «уйдут» из фонда, тихо и незаметно, она давно всем надоела, намозолила глаза, а для Рысюка такой поворот дела — новый козырь в колоду принципиальности... Что дальше? В контролеры она не пойдет. Стало быть, ждет Лидку обыкновенный учительский стул в школьном кабинете истории (или на худой конец биологии), тот самый учительский стул, на который так часто подкладываются кнопки... Впрочем, теперь уже нет. Теперь на горизонте постоянно маячат детская комната милиции, спецшколы и специнтернаты, а в виду такой перспективы сильно меркнет удовольствие от подложенного под учительский зад сюрприза.

А вот любила ли она Игоря хоть три дня из всей их долгой совместной жизни? По всему выходит, что таки да, любила, причем одно время даже нежно и страстно...

И разрыв обошелся ей тяжелее, чем она думала. Много тяжелее.

Прикрывая диск локтем, она набрала рысюковский прямой телефон.

«Арестантская» машина бибикнула, поторапливая. Трубка заняла длинными гудками.

«Я ничего не боюсь, — подумала Лидка раздраженно. Если хотят — пусть их, пусть везут в участок, пусть пишут на работу, в фонд, к черту, к дьяволу, в тюрьму ведь не посадят... наверное».

Червячок паники дернулся и затих. «Да что это я, — раздраженно подумала Лидка. — Какая тюрьма, за что?!»

Трубка ныла.

«И меня запугали, — подумала Лидка зло. — Даже меня. На работу, с работы, по субботам — в кино. В автобусе би-

летик, на водку талончик, хотя в гробу я видела эту водку, я ее сроду не пила... Надо выжить в апокалипсис! В будущее воскресенье объявят учебную тревогу — и побегу тренироваться, как миленькая побегу, даже если у меня болят ноги и ломит спина, даже если я хочу почитать хорошую книжку, даже если у меня назначено свидание... Дрессировать меня, как крысу, потому что я своей выгоды не понимаю. Лень мне тренироваться в преддверии *мрыги*, лень лазить по крышам и бегать кроссы по пересеченной местности, неохота часами стоять под дождем, перед фанерным муляжом Ворот, и под команды гэошника отрабатывать «плотный строй в четыре линии»...

— Да-а, — сказал в трубку Рысюк. Такое знакомое, протяжное, чуть насмешливое «да-а».

— Привет, — сказала Лидка после крохотной паузы. И добавила, специально для моложавого контролера: — Привет, Игорь Георгиевич.

Моложавый подался вперед, чуть не прилипая к мутному стеклу. Лидка ногой приоткрыла дверь, как бы приглашая поучаствовать в разговоре.

— Привет, — сказал Рысюк без удивления. — Здравствуй, Лида. Что скажешь?

Голос его металлически отдавался в наушнике, и, отслонив трубку от уха, Лидка предоставляла моложавому возможность слышать отдельные слова.

— Мне очень не нравится вся эта затея, — сказала Лидка устало. — Меня бесит кампания по всеобщей дрессировке. Меня мутит от этих... общественных контролеров. Добром дело не кончится, помани мое слово.

Рысюк помолчал. Лидка боялась, что он повесит трубку.

— Ты из автомата? — спросил он наконец.

— Да.

— Что-то случилось?

— Нет, — сказала она медленно. — Пока ничего не случилось... но еще немножко — и меня вырвет от такой реализации зарудновских идей.

— Носи с собой картонный пакетик, — серьезно посоветовал Рысюк. — Как на кораблях во время шторма. Ты что-то еще хотела сказать?

Лидка вздохнула:

— Нет. Я все сказала. Пока.

— Привет.

Она дождалась коротких гудков и повесила трубку. «Арестантская» машина бибикала уже не переставая.

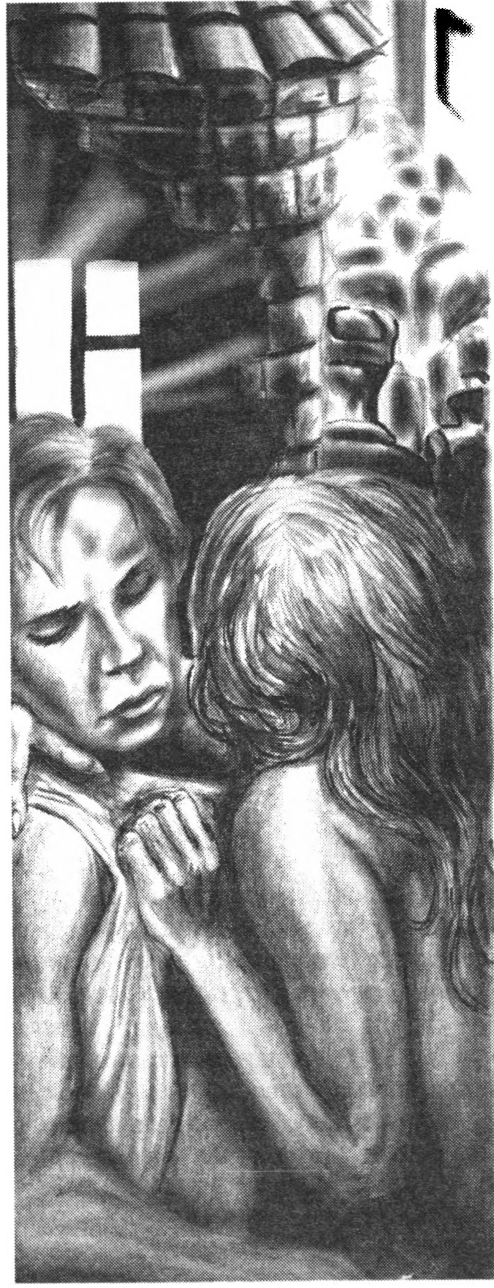
— Ну, поехали, — почти весело сказала Лидка молодому контролеру. — Давайте вместе разбираться... в моих многочисленных грехах.

* * *

«...Условленное время» сократить до пятнадцати минут. Список лиц, подлежащих эвакуации вне очереди, утверждается лично Президентом. Родственники должностных лиц, включенных в список, эвакуируются на общих основаниях. Исключений не допускается. Будучи освобожденным от должности, служащий теряет право на внеочередную эвакуацию. За соблюдение данного постановления отвечает Центральный штаб ГО и лично Глава Оборона...»

(Указ Президента «Об изменениях в «условленном времени» от 15 мая 17-го года 54-го цикла.)

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

дравствуйте, дети. Меня зовут Лидия Анатольевна.

«Дети» стояли каждый у своего места. Здорово их вышколили. В Лидкино время принято было приветствовать учителя, чуть оторвав зад от стула и иногда — по желанию — выкрикивая нечленораздельное приветствие. Эти встали как солдатики, в ответ на приветствие одновременно кивнули головами и сели только после соответствующей команды.

Лидка мельком оглядела класс. Несколько тусклых таблиц с рыбьими и лягушачьими кишками, схематическое изображение четырех стадий развития дельфина, режим дня с нравоучительными до тошноты картинками, внутренний распорядок, с которым Лидка ознакомилась еще при приеме на работу. Муть собачья, все расписано — за сколько минут приходить, на какой перемене есть, на какой пить, учебник класть справа, дневник — слева, подол форменного платья должен закрывать колени, рубашка под форменным пиджаком должна быть однотонная в будни и белая в праздники, и не дай бог в клеточку или в полоску. Для учителей имелся свой распорядок, вызвавший у Лидки косую ухмылку, которую, по счастью, удалось скрыть от директрисы.

Ну что ж, кролики, начнем.

Наверное, у нее был очень красноречивый взгляд в тот момент, во всяком случае? «кролики», завозившиеся было за своими столами, снова притихли и устались на новую училку.

Старшая группа, всем по шестнадцать лет. Боже, как скверно ощущать себя старой. Пока не видишь этих недо-

рослей, пока не сравниваешь себя с ними? как-то легче поверить в собственную бесконечную юность...

А ей всего-то тридцать три. Но такое ощущение, что шестьдесят. Во всяком случае, сегодня у нее именно такое ощущение.

— Начинается новый учебный год, для вас он будет последним. Вы теперь выпускники, значит, на вас ложится основная ответственность...

Она на секунду запнулась. Что за ответственность на них ложится — пес его знает, просто надо же было сказать что-то об ответственности, теперь это обязательное, самое главное слово, от частого употребления потерявшее всякий смысл.

— ...ответственность за успешное овладение знаниями. Во время апокалипсиса вы должны показать себя сознательными гражданами, а в новом цикле — хорошими специалистами и еще более сознательными семьянинами... семьянами.

Ей было смешно, но она не позволила себе даже улыбки. Если директриса подслушивает под дверью — пусть себе. Она, Лидка, говорит вполне политкорректные вещи. В духе времени. В соответствии с пожеланиями.

— Семьянами и семьянками, — сказал черноволосый мальчик на второй парте в левом ряду. Сказал тихо, но Лидкин острый слух сработал безотказно, тем более что чего-то подобного она постоянно ждала.

— Встань. Как твоя фамилия?

Подросток покраснел и поднялся. Невысокий, широкоскулый, с ярко-зелеными глазами. Ну ни фига себе, подумала Лидка.

— Максимов.

— Иди к доске.

Парень вышел. Лидка прекрасно понимала, что сейчас строятся ее отношения с классом, и ей хотелось войти в память этих выпускников самым кровавым палачом за все десять лет учебы.

Именно сегодня ей этого очень хотелось.

— Максимов, — она нашла его имя в журнале. — Так, Максимов, что у тебя по биологии за прошлый год?

— Пять, — тихо отозвалась жертва.

— Отлично, — она кровожадно усмехнулась. — По уровню подготовки отличника проверим общий уровень подготовки класса... Убрали все учебники с парт. Открыли тетради, написали: «Самостоятельная работа». Ты, Максимов, на доске, а вы все в тетрадях, пожалуйста, определение понятий «удельная демографическая нагрузка», «популяционный сдвиг» и «органический порог переносимости». Время — пять минут. Время пошло, я жду...

Склонились макушки. Зашелестели переворачиваемые странички. Один умник — ага! — задумал положить книгу себе на колени; Лидка заставила его положить на учительский стол и книгу, и собственный дневник. Достала красную ручку и задумалась, какую бы для начала сделать запись, а тем временем бледный Максимов постукивал мелом, выводил слова и формулы, и правильно, в общем-то, выводил, хотя сегодня всего лишь второй день учебы, а за лето, как водится, можно забыть все, что угодно...

Тем более за *такое* лето.

Лидка помрачнела. Занесла красную ручку над «вторым сентября» в дневнике уличенного хитреца и поняла, что выглядит глупо. «Не готов к уроку»? Неудачная запись, урок-то первый в учебном году. «Не подчиняется коллективу»? Звучит угрожающе, но совершенно бессмысленно.

...Накануне летних каникул парламент отклонил очередной проект по дотациям для ГО. То был очередной ход в затяжной войне Стужи и парламента; депутат Верверов кричал с трибуны об организации-пиявке, требующей все новых и новых вливаний, о непомерно раздутых гэошных штатах, о неразумных требованиях, стыдливо прикрытых заботой о будущем апокалипсисе. Парламент согласился с Верверовым и, шлепнув ГО по загребущим рукам, распустился на каникулы — до осени.

Лето стояло скверное, дождливое, гнилое. Пустовали городские пляжи; изнывающие от скуки отпускники получили в качестве развлечения серию жутковатых, захватывающих событий.

Стужа выступил по телевидению, обвинив коррумпированный парламент в предательстве интересов избирателей.

Депутаты все еще уверены, что в обход президентского Указа им удастся эвакуироваться в «условленное время» вместе с детьми и семьями; сытые демагоги, они вертят дыру в днище общего ковчега — Гражданской Обороны. (Эта фраза живо напомнила Лидке Игоря Рысюка. Кажется, даже в голосе генерала проскакивали рысюковские интонации.)

Потом выступил генеральный прокурор. Против Дмитрия Александровича Верверова было открыто уголовное дело по обвинению в организации убийства Зарудного А. И. Большая часть информации утаивалась «в интересах следствия», но уже на следующее утро все газеты вышли с подробнейшими материалами по «делу Зарудного». Доказательства, более или менее убедительные, взялись как бы из-под полы.

Лидка не выдержала и позвонила Славке. «Это неправда! — кричал в трубку ее бывший муж. — Это сфа... сфабрико... это провокация!»

Лидка понимала его. Конечно, Славке трудно было в *такое* поверить; сама она не поверила в то утро, когда Рысюк повалил ее на ковер в их общей спальне: «Это Верверов заказал Зарудного Андрея. Это он его убрал, Лида. Я знаю точно...»

Протоколы допросов — бывшие верверовские сотрудники раскалывались один за другим. Полностью готовое, аргументированное обвинение. И депутатская неприкосновенность Верверова, заседавшего на одной из своих приморских дач.

Лидка не спала три ночи подряд. Вспоминала, как улыбался Дмитрий Александрович (она виделась с ним однажды, когда Славке с мамой вернули их квартиру) и как протягивал руку, в том числе и ей, Лидке, тогда еще девчонке. И она вспоминала прикосновение этой руки — прохладное и сухое — и нежную, как у женщины, кожу.

Он?!

Она говорила себе, что и Стужа, и Рысюк вполне могут соврать для пользы дела. Что им нужно утопить Верверова, и ради этого они обвинят его хоть в разведении дельфинов,

хоть в организации апокалипсисов. Что все эти невесты откуда взявшиеся свидетельства ничего не значат...

Говорила — и не верила сама себе.

Рысюк и Стужа давно знали, *кто* заказал Андрея. Игорь искал и копил компромат, рыл носом, как прилежный кабан под дубом, и кто знает, каким способом добывал доказательства. А добыв, хранил до момента «икс». Пока депутат Верверов ел, спал, вещал с трибуны, дарил жене цветы...

Он, понимала Лидка, и губы ее сами собой высыхали, трескались, покрывались корочкой. Тогда она шла в ванную, умывалась и долго мыла руки, пытаясь соскоблить с правой ладони ощущение рукопожатия почти двадцатилетней давности.

Тем временем разгневанная общественность, умелым образом подогреваемая, потребовала ареста Верверова. Стужа обратился к парламенту с требованием о лишении преступника депутатской неприкосновенности.

Преступников называет только суд, вякнула независимая газетенка и тут же была закрыта пожарной инспекцией. Дальнейшие события уложились в несколько дней.

Стужа объявил о роспуске продажного и недееспособного парламента. Депутаты, оставив ведомственные санатории, сползли в столицу, где под залом заседаний их встретило вооруженное формирование ГО. Под дулами пулеметов ни один народный избранник так и не добрался до своего кресла.

Верверов повесился на своей даче — успел за те несколько секунд, пока гэошники ломались последовательно в ворота, в двери дома, в двери ванной. Его самоубийство было объяснено признанием вины и страхом перед наказанием.

В тот же день депутатские санатории были изъяты из ведомственного подчинения и переданы Детскому культурному фонду под летние тренировочные лагеря.

Парламент так и не смог прийти в себя после поражения. Несколько попыток собраться воедино сорвались из-за внутренней депутатской грызни. Тем, кто добровольно сложит мандаты, Стужа пообещал трудоустройство в сто-

лице, ведомственное жилье, огромную страховку и прочие блага; уже через неделю от парламента осталось только воспоминание, и воспоминание недоброе.

Всю эту неделю Лидка провела перед телевизором, ежась, горбясь и по-старушечьи кутаясь в мамин пуховый платок. Она слушала взвинченных дикторов и прекрасно понимала, что никогда теперь не узнает правды. Был ли Верверов виновен и был ли виновен только Верверов — тайна умерла, удавилась шелковым галстуком. В свое время эта деталь — галстук — поразила Лидку. Вспоминался Рысюк на яхте, полуголый, с элегантной удавкой на шее...

Вот ты и получил, что хотел, Игорь. Твой Стужа почти диктатор — теперь давай, дрессируй. Апокалипсис покажет, и если, Игорь, ты все-таки прав, если удастся обойтись без потерь... Я первая признаюсь в своей глупости. Униженно попрошу простить меня, дуру, не понявшую и не принявшую гениального человека, куда более гениального, чем сам Андрей Зарудный...

Она опомнилась. Перед ней на столе лежал ученический дневник, и, поймав в прицел графу «Поведение», она аккуратно вывела красными чернилами: «Не выполняет требований учителя».

— Максимов, ты готов?

Он исписал мелом почти всю доску и вспомнил почти все касательно «удельной нагрузки» и «порога переносимости», но с «популяционным сдвигом» было плохо.

— Что такое популяционный сдвиг, Максимов?

— Как в учебнике написано или как я понимаю? — спросил он с надеждой.

Лидка улыбнулась:

— Конечно, как в учебнике.

Он сжал губы. Подумал.

— Популяционный... сдвиг. Если за время цикла плотность популяции на данной территории изменяется... Или если особенность населения... кочевое... мигрирующее...

Лидка засекла глазами как минимум двух девочек, которым очень хотелось Максиму подказать. Одна — серьезная дурнушка с жидкой косой, другая — вполне ни-

чего, блондиночка, кудрявенькая кукла. Конечно, такой мальчик должен иметь успех...

Лидка ощутила внезапный прилив раздражения. Вспомнились сочувствующие глаза директрисы: «Часто бывает, что женщины, по каким-либо причинам лишенные радости материнства, приходят работать в школу... Правда, обычно это случается раньше, на девятом-десятом году цикла...»

— ...Если количество населения обозначить как эн, площадь территории — тэ, а пропускную способность Ворот как вэ... то популяционный сдвиг будет равен... эн первое минус эн второе, делить на тэ... нет, делить на вэ...

— Тройка, — сказала Лидка с почти искренним сожалением. — Три балла, на большее твой ответ не тянет.

Мальчик молчал. На скуластом лице его медленно проступали красные пятна.

* * *

В воскресенье, в четыре утра, объявили учебную тревогу. Лидка ночевала на квартире у родителей; накануне поздно легла, всю неделю не высыпалась, звук сирены едва не спровоцировал рвоту.

— Я никуда не пойду! — заорала она спросонья.

— Трое суток исправительных работ, — флегматично сказал отец. — Или десять, если повторно. Оно тебе надо?

Едва перебирая ногами, толкаясь и спотыкаясь на каждой ступеньке, выбрались во двор. В крошечной темени метались лучи фонариков — четыре гзэшных инструктора собирали каждый свою группу. Потом над двором зависла красная ракета, имитирующая, очевидно, характерный для апокалипсиса свет. И над соседним двором тоже висела ракета. И над следующим. Вероятно, на «учебку» подняли весь микрорайон.

Пять минут ушло на переключку; из дома Лидкиных родителей недосчитались только какой-то старушки с пятого этажа да мужчины, накануне сломавшего ногу. Инструктор нахмурился:

— Санитарная команда, на выход! Носилки, все, что полагается...

Никто не решился перечить. Санитарная команда, в которую входил и Лидкин брат Тимур, извлекла несчастного из кровати, тот некоторое время орал и нечленораздельно бранился, но потом затих. На другие носилки уложили старушку.

— Четвертая *мрыга*, — бормотала бабушка. — Четвертой — не пережить. Оставьте, дайте помереть спокойно...

Лидке было ее жаль.

В строгом порядке двинулись по улицам. По очереди несли носилки; загипсованный мужчина весил, как мраморная колонна, носильщики быстро выдыхались. Никто не роптал; руководители групп слушали сообщения по радио и, повинаясь им, все время меняли направление движения. Примерно через час пути, когда складка чулка на пятке немилосердно натерла Лидке ногу, руководители учений посчитали, что самое время для полосы препятствий. Понурая толпа тренирующихся по лестнице забралась на крышу шестиэтажного дома, оттуда по узкому железному мостику перебралась на крышу соседнего. Загипсованный мужчина стонал сквозь зубы. «Долго еще?» — спрашивали у инструкторов задыхающиеся женщины. «Сколько понадобится».

Светало. Из окон сочувственно поглядывали жильцы, которых сегодняшняя тренировка не коснулась. Пока не коснулась. Никого не минет чаша сия, не поднимут в воскресенье утром — настигнут в полночь посреди рабочей недели...

Лидка глядела себе под ноги. Рубероид, кирпичи, антенны. По крышам домов тянулась отлично, прямо-таки любовно оборудованная пешая трасса, и человек сто женщин, мужчин и стариков шагали по ней, охая, мучаясь одышкой и проклиная ГО — проклиная молча.

Инструктор ГО получает больше Лидкиного отца, который тоже не последний человек. Инструкторские вакансии плодятся, как кролики, но желающих все равно хватает, на одно место по десятку соискателей. Большого ума на этой должности не надо, образования не нужно тоже, нужны только приличная биография да физподготовка. А в до-

полнение к солидной зарплате и целому списку льгот инструктору дается еще и власть, самая настоящая: «Гражданин, не выполнивший распоряжение инструктора во время учебной тревоги, наказывается административным арестом на срок до полугода...»

Научить. Натренировать. Довести до автоматизма. Так, чтобы настоящий апокалипсис и настоящая эвакуация показались прогулкой, едва ли не развлечением. Эти регулировщики перед муляжами Ворот. Эти знаки, жесты, команды, снящиеся Лидке в красноватых бредовых снах, и не только Лидке, наверное, снящиеся. Колонна построилась — пошла — стала. Пошла — стала. Пошла — стала... Никакой толкотни. Автоматные очереди поверх голов. Принудительные психиатрические обследования саботажников, «лиц, сознательно сопротивляющихся комплексу подготовительных мер ГО».

Уж лучше *мрыга*.

* * *

«Дорогие сограждане! Поздравляю вас с Новым, восемнадцатым годом цикла, который наступит в годовщину последнего апокалипсиса, двенадцатого ноября. Желаю счастья, здоровья, процветания... Около трех лет осталось до ожидаемого нами апокалипсиса, и я могу с полной уверенностью обещать вам, что это будет первый в истории человечества апокалипсис без потерь. Сильное, боеспособное ГО, подготовленное, сознательное население, разработанные видными учеными планы эвакуации — мы смело смотрим в будущее, мы не тревожимся за наших детей. Пусть приходит зима — мы утеплили наш дом и припасли дров. Пусть приходит апокалипсис — мы готовы к нему и войдем в Ворота в спокойствии и порядке, с гордо поднятой головой...»

(Из поздравительной речи Президента,
10 ноября 17-го года 54-го цикла.)

«Пусть приходит Стужа — мы смело смотрим в окошко нашей камеры»

(Из анонимной надписи на дверях Лидкиного подъезда,
14 ноября 18-го года 54-го цикла.)

Дверь в мужской туалет была распахнута настежь. Маленькая пожилая техничка мыла белую стену умывальни, и вид у старушки был почему-то виноватый. Из-под тряпки стекали темно-красные потеки. Лидка нахмурилась:

— Кого тут по стенке размазали?

Техничка не поняла ее юмора, мелко заморгала глазами:

— Да вот, Лидия Анатольевна, просто пишут всякое фломастером, глупости всякие... Вечно пишут в туалете...

— Отыщем кто — живо на учет поставим, — сказала Лидка механически, думая уже о другом. Переступила порог класса, дождалась, пока настанет полная тишина, пробежалась взглядом по лицам — и ощутила неправильность. Маленькую, незаметную глазом, не поддающуюся пока определению. Что-то изменилось.

— Садитесь... Откройте тетради. Откройте книги на странице двести десять и посмотрите на задание семь к параграфу сорок два...

Максимов, ненавидевший Лидку и нервничавший в ее присутствии, был сегодня монументально спокоен, даже удовлетворен. Зато на личике его блондинистой кукольной подружки выступили красные пятна, и она никак не могла отыскать в учебнике нужную страницу. Вторая воздыхательница, умненькая дурнушка, пересела сегодня на последнюю парту.

— Дрозд, кто разрешил тебе пересаживаться?

Дурнушка поднялась. Глаза ее нехорошо поблескивали. Подставив под локоть правой руки кулак левой, девочка требовательно вскинула руку:

— Лидия Анатольевна! Можно сказать?

Замешательство в классе. Переглядки, шиканья, дурнушку дергают за подол, но она упрямо тянет руку.

— Говори, — кивнула Лидка.

— Лидия Анатольевна! А Максимов написал на стенке...

Доносчица запнулась, будто не решаясь выговорить крамолу. В классе сделалось тихо-тихо, шелестел, ударяясь о стекла, сухой снег.

— «Вика плюс Артем»? — насмешливо спросила Лидка.
— «Равняется любовь»?

Кто-то хихикнул и сразу замолк.

— Нет, — угрюмо сказала доносица. — «Стужа — дрессировщик».

— Что? — автоматически переспросила Лидка.

— «Стужа — дрессировщик», — шепотом повторила девочка.

Лидка посмотрела на Максимова. Парень сидел ровно, именно так, как велено внутренним распорядком: спина прямая, между животом и краем парты расстояние в ладонь, подбородок поднят, руки согнуты перед грудью, правая лежит на левой. Ничего не выражающее бледное лицо.

— И где он это написал? — мягко спросила Лидка.

— В туалете, — сказала доносица.

— В женском? — спросила Лидка еще мягче.

Доносица покраснела:

— В мужском...

По классу прошло движение. Сдавленное хихиканье. Переглядки.

— Не может быть, — протянула Лидка, по-прежнему глядя на Максимова. — И ты сама это видела, Дрозд? В мужском туалете?

— Он написал! — с вызовом сказала девчонка, и под ее взглядом в классе стихли смешки. — В туалете никого не было, у Максимова был красный маркер! Он вышел, а я заглянула и увидела!

Лидка встретила с ней взглядом и стиснула зубы. У девчонки были глаза-буравчики, такой знакомый и такой забытый взгляд.

Кто у нее родители? Вот черт, не вспоминается. Надо открыть журнал на последней странице — там расписаны все адреса и даты рождения, номера страховых полисов и геошных участков, и должности родителей расписаны тоже...

Как бы так открыть журнал на последней странице... ненавязчиво?

— Максимов...

Она хотела спросить: «Максимов, это правда?» — но в

последний момент прикусила язык. Потому что у парня хватит ума ответить: «Да». В присутствии всего класса. Он совершеннолетний, ему давно исполнилось шестнадцать, а значит, идиотская выходка оборачивается сразу несколькими статьями. Оскорбление чести и достоинства Президента (а кто докажет, что «дрессировщик» — слово не оскорбительное?), компрометация правительственной антикризисной программы, хулиганство. Плюсотягчающая формулировка «в стенах учебного заведения». Дурачок. Маленький дурачок.

Как бы невзначай, раздумывая, она перевернула журнал задней обложкой кверху. Вздохнула, открыла.

— Максимов, у тебя действительно есть красный маркер?

Весь класс знает, что есть. Маркер приметный; парню привезли его из-за границы несколько лет назад, когда такие поездки еще были возможны.

Максимов покорно полез в пенал за маркером; Лидка пробежала глазами записи в маленьком школьном досье. Дрозд, Антонина Григорьевна, номер четыре в списке. Мать — пищевик-технолог. Отец — инструктор ГО третьей ступени. Все понятно с тобой, девочка.

Максимов, Артем Алексеевич. Номер тринадцать в списке. Бывший отличник. Не повезло, с таким-то номером...

Мать — инженер. Отец... об отце нет данных. Мать-одиночка?

Черт побери, но что же делать?! Весь класс в свидетелях обвинения. Эта дура, инструкторова дочка. В старые времена Лидка поиздевалась бы над малолетней шпионкой и вызвала бы ее к доске — отвечать какую-нибудь зубодробительную тему. Ей и сейчас смешно, но в параллельном классе одного парня на прошлой неделе отправили в колонию. За то, что обозвал гэошника старым дураком.

Техничка, милая умная техничка, надо бы купить ей шоколадку и с чем-нибудь поздравить. Или просто угодить...

Она демонстративно посмотрела на часы:

— Время урока уходит со страшной скоростью. Дрозд, Максимов, идемте со мной. К директору.

Доносчица сжала губы, но поднялась. Максимов встал легко, внешне беспечно; его отношение к биологичке ни для кого не было секретом. Отношение Лидии Анатольевны к бывшему отличнику, низведенному теперь на тройки, тоже ни у кого не вызывало сомнения. Так что доносчица попала прямо в точку. Классу был совершенно понятен исход.

Блондинистая девочка — Вика — из красной сделалась белой до синевы. Не приключилось бы с ней чего.

— Если за время моего отсутствия я услышу в классе хоть один звук...

Никому не приходит в голову спросить, как можно слышать звуки во время отсутствия. Формула отработана, неуклюжая фраза велит заткнуться и молчать. И молчать будут.

В сопровождении парня и девушки Лидка вышла в коридор. Очень удачно — никого. Тишина. Учебный процесс.

— Тоня, — почти ласково спросила Лидка. — Где же?

Дверь мужского туалета по-прежнему стояла нараспашку. По всему коридору распространялся запах хлорки; уже на подходе доносчица почуяла неладное.

Чисто вымытые стены. Вымытый пол. Красота.

— Здесь было, — тихо сказала доносчица. — Это смыли. Техничка.

— Какая? — мягко спросила Лидка.

— Откуда я знаю? — обозлилась девчонка. — Какая сегодня дежурит, вы узнайте...

— Я обязательно узнаю, — пообещала Лидка. — А теперь скажи мне, Антонина. У тебя какие-то счета к Максиму?

Доносчица вспыхнула. Надула щеки, хотела что-то сказать, но удержалась.

— Видишь ли, Дрозд. Это ведь легко узнать. Прямо сейчас спросить у класса, и ребята вспомнят, чем Максимов тебе досадил. Может быть, он отнесся к тебе не так хорошо, как тебе хотелось?

Дурнушкино лицо налилась кровью до пурпурного оттенка.

— А ведь ты выдвинула очень серьезное обвинение, Дрозд. Очень. И если окажется, что оно ложное, что это обыкновенная месть...

— Он написал! — взвизгнула девчонка.

— Где? — тихо спросила Лидка. — Если ты видела, как он писал, надо было сразу бежать к дежурному педагогу, к завучу, к учителю ГО... Но они спросили бы тебя: а что ты делала в мужском туалете? И как часто ты туда заглядываешь? И что ты хочешь там увидеть?

Девчонка готова была разреваться. Глаза-буравчики превратились в обыкновенные обиженные, полные влаги глаза. Куда тебе тягаться с нами, гёошкина дочка. Кончилась твоя первая любовь. Смирись.

— Иди в класс, Дрозд. Нет... иди в туалет — в женский! — и приведи себя в порядок. И впредь, пожалуйста, думай, что говоришь.

Доносчица ушла; через минуту на другом конце коридора забулькала в раковине вода. Максимов как встал, привалившись спиной к дверному косяку, так и стоял, не двигаясь. Сжимая в кулаке красный маркер.

Он был одного с Лидкой роста. От него пахло юношеским потом, и не горячим, физкультурным, а холодным, липким, нервным. Но запах не был неприятным. Зеленущие, как хвоя, глаза часто и растерянно мигали.

— Дурак, — сказала Лидка одними губами. — Идиот... Иди в класс.

* * *

Почему-то у нее было хорошее настроение. Впервые за много дней. И даже за много месяцев.

И почему-то, увидев Максимова, отслонившегося от кирпичной стены, она не удивилась.

Закончился шестой урок, и закончилась еженедельная планерка. Шоколадку техничке Лидка так и не подарила — отложила на потом, чтобы не вызывать подозрений. У Антонины Дрозд не хватило пороку, чтобы провести дознание самостоятельно. А возможно, она сделает это завтра. Сегодня она слишком расстроена.

Директриса говорила что-то о падающей успеваемо-

сти — Лидка слушала вполуха. Потом пошла речь о нарушениях дисциплины и правонарушениях малолетних; в последнее время, говорила директриса, участились случаи разнообразных хулиганских выходок, поддерживаемых, к сожалению, взрослыми. Отказ от участия в сборах, игнорирование указаний инструкторов ГО, провокационные надписи на стенах...

Левая рука директрисы покоилась на перевязи. Во время последней учебной тревоги немолодая женщина упала и сильно растянула связки.

Лидка освободилась без четверти четыре; значит, Максимов прождал на улице ее около двух часов. Притом что сегодня мороз и ветер.

— Лидия Анатольевна...

Преступный сговор, подумала Лидка. А если у него в кармане подслушивающее устройство?

Бред. Чего только не придет в голову накануне апокалипсиса.

Она шла, не сбавляя шага. Максимов шел рядом, и Лидка видела, что он растерян. Он ждал, что она хотя бы взглянет на него, о чем-то спросит...

У перехода она вынуждена была остановиться. По дороге шла, презирая светофоры, колонна военных машин, вернее, бывших военных, переоборудованных под надобности ГО. Огромные ребристые шины деловито месили снег.

— Им на тебя плевать, — сказала Лидка, едва разжимая зубы. — Они едут по своим делам. Они не добрые и не злые. Им надо ехать. Если ты поскользнешься и окажешься в колее — они проедут по тебе. Сам виноват. Они — машины. Они делают свое дело... А ты — дурак.

Максимов молчал, потрясенный.

— Больше так не делай, — со вздохом заключила Лидка. Все-таки школьная фразеология медленно, но верно липла к ней, заполняла память и речь. «Ответственность за последовательное овладение знаниями... Огульное охаивание эпохального значения...»

Колонна прошла. Остатки снега на дороге походили на жеваную серую салфетку.

— Ты действительно ее обидел? — спросила Лидка небрежно.

— Она мне не нравится, — жалобно сказал Максимов.

Лидка едва удержалась, чтобы не засмеяться. Несмотря ни на что, у нее было отличное настроение. Может быть, благодаря этому дурачку.

Она впервые с начала разговора посмотрела на него. Это короткое пальтишко он носил, наверное, уже лет пять, и сперва оно было огромным, ниже колен, потом незаметно стало впору, а теперь смахивает скорее на курточку. Круглая детская шапка из искусственного меха. В Лидкины времена такого парня засмеяли бы до истерики, и ни одна девчонка не заинтересовалась бы им, разве что самая экзальтированная. А теперь большинство подростков ходит в перелицованной детской одежде, потому что на новую не хватает денег. Привыкли, не замечают. Надо ведь оплачивать труд армии инструкторов, которые ничего не умеют, кроме как водить свои группы к муляжам Ворот. Агитаторов, которые колесят по весям с баянами, плакатами и учебными фильмами. Стратегов и тактиков, которые разрабатывают все новые маршруты с учетом меняющейся обстановки. Колоссальный парк разнообразной техники, секретные институты слежения, обнаружения и связи и так далее, всего не перечислить...

— Она страдает, — сказала Лидка. — Пойми ее правильно.

Максимов молчал, опустив зеленые глазищи. Уголки рта его были поджаты по-взрослому скорбно, так что Лидке захотелось сунуть ему снега за ворот, чтобы встряхнулся.

Но она удержалась.

* * *

В первый же день новой четверти старшую группу в полном составе сорвали с первых трех уроков. Лидка уныло бродила по учительской, слушала сплетни, пыталась читать газеты — скукотища. Ей надо было пройтись по магазинам, но, презирая себя, она так и не решилась выйти. Вероятность встречи с патрулем была не столь уж велика, но Лидку передергивало от одной мысли об этом.

На четвертом уроке у нее был «любимый» класс. За десять минут до звонка автобусы высадили старшеклассников в школьном дворе; все они выглядели неважно. Гэошники провели переключку, и непривычно молчаливая толпа подростков растеклась по классам.

— Раскрыли тетради. Тема сегодняшнего урока... Что это вы все такие пришибленные?

Молчание.

— Вика Роечко, что было на экскурсии?

Бледная блондинка — зрелище то еще. Кукольное личико Вики имело хорошо различимый синий оттенок.

— Мы были на экскурсии в морге...

— Где?

— В городском морге, — потерянно призналась Вика. — В программе... в рамках программы... подготовки к апокалипсису. Нам показывали жертв автокатастрофы... по характеру... повреждений... Можно выйти?!

Лидка едва успела кивнуть. Зажимая себе рот, блондинка вылетела из класса.

— Дрозд... расскажи, что там было.

Дочке гэошника пристало иметь нервы покрепче, чем у других. Тоня Дрозд набрала в грудь побольше воздуха:

— Характер повреждений при давке в Воротах сродни характеру повреждений... при некотором виде автокатастроф! Нам показали... чтобы был стимул тренироваться, потому что все ноют и ноют, что, мол, слишком много учебных тревог...

— Понятно, — быстро сказала Лидка. — Открыли учебники. Страница триста, упражнение двадцать к параграфу пятьдесят девять. Дрозд, прочитай вслух...

— ...Последовательно перечислить общие законы возникновения малых Ворот в лесостепи, в степной зоне, в полупустыне, в пустыне... Написать формулу популяционного сдвига применительно к высшим животным... Подставить в нее данные...

Лидка смотрела в стол. В животе у нее было пусто и холодно; через пару дней, как намекала директриса, «экскурсия» предстоит всему преподавательскому составу. Ну Лид-

ка, допустим, кризисный историк и много чего повидала. Но...

Отчаяние было подобно взрыву. Лидкины пальцы сами собой стиснулись на картонной обложке журнала.

Почему?! Что, иначе — никак? Иначе — не пройти? «Апокалипсис — намордник, надетый на человечество...» «Толпа подобна амебе... простейшие рефлексy... простейшие раздражители...»

Рефлекс. Но рефлекс сложный. Всю жизнь положить на его отработку. Поколение за поколением. Может быть, со временем послушание инструктору сделается врожденным?

Нет. Приобретенные свойства не передаются по наследству. А значит — с рождения и до смерти, тренировка и тренировка, а придет наш час — войдем в Ворота с гордо поднятой головой... С рефлекторно поднятой головой. Альтернатива? Давка. Куча-мала. Ад, где осталась Яна...

Лидка поняла, что класс давно смотрит на нее и чего-то ждет. Что доносчица Дрозд давно прочитала задание и ждет дальнейших распоряжений. И что они — многие — прекрасно понимают, почему замолчала биологичка и о чем она думает. Во всяком случае, думают, что понимают.

— Дрозд, — сказала Лидка непривычно слабым голосом. — К доске, пиши законы, пиши формулу, подставляй данные. Максимов, пойди посмотри, как себя чувствует Роенко...

Максимов поднялся, но блондинка уже вернулась, чуть менее бледная, с мокрыми пятнами на форменном платье.

— Кто из вас читал труды Зарудного? — неожиданно для себя спросила Лидка.

Поднялся лес рук:

— Мы проходили по новейшей истории... «Введение в историю катаклизмов» и некоторые статьи...

— А сверх программы, для себя никто не пытался читать? — спросила Лидка невесть зачем.

Руки опустились.

— Не... мы по программе...

Максимов насупился. С вызовом глянул Лидке в глаза и — единственный — поднял руку.

Рукав пиджака был коротковат. Скатился едва ли не до локтя.

— Но почему же никто этого не знает?!

Они шли по пустынной, продуваемой всеми ветрами улице.

— Я думал, Зарудная, невестка Зарудного — это та женщина из Детского фонда, я когда-то видел по телевизору, давно, правда... Я никогда бы не подумал... Я думал, вы однофамилица!

— А какая разница? — спросила она угрюмо. — С сыном Андрея Игоревича я уже много лет как рассталась. Фамилию оставила... потому что Андрей Игоревич не стал бы возражать. Фамилия — и все.

Максимов сдвинул брови, будто что-то припоминая. Вспоминай, со вздохом подумала Лидка.

— Если вы скрываете это, — с запинкой начал мальчик, — то я никому не скажу...

Лидка открыла рот, чтобы заверить Максимова в своем полном равнодушии, но в этот момент высоко в небе разорвалась сигнальная ракета, и сразу отовсюду завывли сирены.

— В тревогу вляпались, — сказал Максимов горько. — А у меня на сегодня столько уроков...

Лидка быстро огляделась. Темнело, по улице мела поземка, зажигались и тут же гасли окна в домах.

— Иди за мной.

Она бесцеремонно схватила его за рукав пальто и потащила в сторону. Здесь, неподалеку, была неразобранная детская площадка с круглой башенкой-фортом. Башенку любил и чистил местный дворник; иногда по дороге с работы Лидка позволяла себе уединиться в игрушечном замке. Он заметно подправлял ей настроение.

— Прыгай. Чтобы не осталось следов перед входом.

Она почему-то не сомневалась, что он послушается. Не хлопает глазами, не спросит: «А как же тревога?»

Окошки-бойницы были такими узкими, что в них не пролезло бы средней величины яблоко. Наверх вела винтовая лестница; на втором этаже вдоль стен помещались полукруглые скамеечки.

— Сидим. Тихо.

Снаружи заметались фонарики. Потом подошла машина с мощным прожектором, и луч его мазал, как малярная кисть, по фасадам домов, вдоль улицы, и всякий раз, когда маленькая детская башенка попадала в его свет, Лидка видела перед собой собранного, немного напуганного, но в целом спокойного Максимова. Сжатые губы делали его старше, чем он был на самом деле, зато широко открытые глаза оставались откровенно детскими, Лидке казалось, что перед ней сидит то парень лет двадцати, то мальчонка лет двенадцати.

Она сжала его руку:

— Не бойся...

Он кивнул. Ничего, мол. Не боюсь.

Тусклые голоса завели знакомую переключку; кого-то ждали, но ни Лидки, ни Максимова в этих списках не было, они должны были сами зафиксироваться как «случайные прохожие», но вот не довелось. Простуженным голосом жаловалась на судьбу какая-то женщина, металлически вещали рации, урчал мотор, бранились мужчины. Потом до Лидкиных ушей долетел свисток — колонна тяжело сдвинулась с места, в ночь, сквозь начинающуюся метель, до рефлекса, до подкорки, теперь уже тренироваться не так тяжело, вы заметили, теперь все идет как по маслу, движение на свежем воздухе очень полезно для здоровья, вы не поверите, у меня перестало болеть сердце и значительно улучшился цвет лица...

Колонна ушла. Фонари остались.

— Дом тридцать «бэ», квартира тринадцать, — бубнил совсем рядом хриловатый мужской голос. — Отказ, мотивировка — воспаление легких.

— С воспалением сказали пока не брать. Справка есть?

— Нету.

— Какой участок?

— Сто сорок седьмой.

— Косит, наверное, зараза. Проверю.

— Проверь... И пару пацанов нашли в подвале, мотивировки никакой, одни слезы. По четырнадцать лет, младшая группа.

— Пусть школа разбирается... Итого?

— Всего по двум участкам семь отказников. Этого ненормального из пятой квартиры уже забрали, я позвонил. Дама с воспалением, два пацана, старый хрыч из тридцать «а», помереть, грит, хочу спокойно.

— Блин...

— Ага... Спокойно, грю, не выйдет, дедуля... И одна парочка закосила, сирены, говорят, не слышали. Мужик и баба, из постели их вытащили, ну ясно — услышишь тут! — Голос похабно хихикнул. — Эти, правда, отказываться не стали, ноги в руки — и побежали как миленькие...

— Так что ты мне отчетность портишь?! Пять отказников, пять, этих лопухов я попугаю, а в сводку ты их не вноси. Все?

— Все... Пятьдесят семь человек из списков отсутствуют — в отпуске, в командировке, не вернулись с работы. Надо было попозже сигналить.

— Как нам командуют, так мы сигналим.

— Да... Слушай, тут дама с пацаном под сирену проходили, а в списках случайников их не было.

— Что за дама с пацаном? Местные?

— Нет, в списках их нет. Случайники. Прохожие. Куда они могли деваться?

— Успели, стало быть.

— Не. Не успели. Темно, зараза...

— Я ж тебе машину пригнал.

— Ага... пусть посветят по палисадникам. Может, они на дурнячка сховались где-то.

Максимов инстинктивно вжался в камень, подальше от бойницы. Лидка и сама напряглась. Нешадно мерзли пальцы ног в слишком тонких сапогах.

Снова заурчал мотор. Снег заискрился, будто под солнцем. Через секунду в башенке стало светло как днем. Лидка увидела огромные глаза Максимова и капельки пота на его лбу. В такой-то холод.

— По палисадничкам, по щелям, вон там в подворотню... и за трубой... Так.

— Один умелец в канализационном люке прятался...

— ...Так едем или нет?

— Ща, подожди... куда они, суки...

— ...Надо сперва машину пригонять, а потом сирену давать.

— Тогда все, как прожектор увидят, из домов разбегаться начнут...

Громко заржали несколько голосов. А ведь среди них может быть и папа Антонины Дрозд, подумалось Лидке, и рубашка сразу же прилипла к спине. Он совершенно естественно может среди них оказаться. Вот было бы ему... вот удача...

— Слушай, эта фиговина каменная, башня, что ли, торчит тут как хрен, развернуться не дает. Давно хочу сказать — посигналь наверх, чтобы дали дозволение на снос.

Белый луч ударил в бойницы. Лидка видела, как сузились зрачки Максимова. И как он вжался в каменную стену, отворачивая лицо от беспощадного света.

— Вспомню — посигналю... Ладно, я поехал. У меня еще три сирены сегодня по плану.

Прожектор ушел. Сделалось темно.

Налетел ветер. В узких бойницах заплясали снежинки, холод прошелся по всей башне, от основания и до жестяного купола.

— С-с-с... Ш-ш-ш... паек дадут... поделишься?

— Дождешься от них... Ш-ш-ш...

— Бывай...

— С-с-с...

Рев мотора.

Прожектор погас совсем — и темнота сделалась совершенно непроницаемой. Не светилось ни одно окно. Страшно.

Максимов подался вперед, и она ухом ощутила его шепчущее дыхание.

— А если... они остались... следить?

— Темно, — сказала Лидка шепотом. — Сейчас пойдут прохожие, ну и те, что с работы еще не пришли... И тогда мы выйдем, в темноте. Кто что докажет?

— Вы храбрая, — сказал Максимов еле слышно.

Она усмехнулась:

— Я трусливая... Твоя мать не волнуется?

Парень поерзал на скамейке:

— Она... знает же, что я могу в облаву... то есть в тревогу попасть. То есть она волнуется, конечно...

— Посидим еще минут пятнадцать — и пойдем... Пообещай мне, Артем.

— Что?

— Пообещай, что сам ты *никогда* не будешь так делать.

Новый порыв ветра заставил обоих поежиться. Лидка терла ладони в перчатках, но пальцы не желали согреваться, а только еще больше замерзали.

— Потому что... люди должны честно тренироваться? — спросил Максимов так тихо, что Лидка скорее догадалась, нежели расслышала.

Теперь, когда глаза отвыкали от света, можно было различить очертания бойниц. И хлопья летящего снега. И одинокую звезду в разрыве снеговых туч.

— Потому что тебя поймают, дурачок.

Он вздохнул с таким облегчением, что даже сквозь вой ветра Лидка расслышала его вздох.

— Я так и... но меня не поймают!

— Поймают. Обещай, что не будешь. Иначе завалю на контрольной.

Он неуверенно помолчал.

— Знаете... я больше не боюсь контрольных.

— Хорошо. А по моей личной просьбе?

Он помолчал еще.

— Хорошо. Обещаю.

В темноте они пожали друг другу руки, и Лидка поняла, что пальцы Максимова едва сгибаются.

— Так дело не пойдет... Еще минут десять терпеть.

Она стянула с него тонкие перчатки из фальшивой кожи и принялась растирать его руки снегом — свои и его. Согрелась. Снег таял, стекал с красных, распухших, горячих ладоней.

— Как уши?

— Пока не надо...

— Еще пять минут. Сейчас выходим.

Она очень давно никого не *касалась*. Мимолетные объятия с мамой, дружеские рукопожатия Тимура — не то...

Пришла и утвердилась давняя, запретная мысль: это

мог быть мой сын. Лидка поняла, что, не прогнав этой мысли, она навсегда испортит этот вечер и этот день. И по-настоящему возненавидит Артема Максимова.

Это *не мог* быть мой сын!

— Э, да у тебя нос отмерз, — сказала она небрежно. Притянула его к себе — он не очень сопротивлялся — и губами отыскала губы.

Поцелуй на морозе — удовольствие экзотическое. Впрочем, она не собиралась развращать Максимова — ей важно было застолбить, что он *не сын* ей.

А он ответил. Он, оказывается, прекрасно умел целоваться. Все наговаривают на современную молодежь, что она, мол, ленива и закомплексована.

Лидка выгнулась дугой. Давно забытое ощущение; господи... Нарвалась. Сама. Нарвалась.

Она обняла его за плечи — поверх детского пальтишка.

В окошко-бойницу заглядывала звезда. Уже и не одна; небо постепенно очишалось, снег перестал, но ветер усиливался.

* * *

Он заболел бронхитом и месяц не показывался в школе. Для Лидки это был долгий, как жизнь, счастливый и тяжелый месяц.

В крошечной квартирке, которую она снимала вот уже несколько лет, царили смятение и беспорядок. Упорядоченный беспорядок, узаконенный — ей просто не хотелось ничего менять, как будто предметы, сдвинутые со своих случайных мест, способны были разорвать установившийся ход вещей. И максимовский шарфик, забытый на письменном столе, остался лежать там, куда его бросили — Лидке казалось, что это добрая примета. Пусть лежит.

В ванной так и осталось висеть чистое махровое полотенце, которым пользовался гость. Полотенце давно высохло, но Лидка не спешила его убирать. Пусть висит.

Иногда, просыпаясь в четыре утра, она покрывалась потом от мысли, что все кончено и Максимова не вернуть. Что, оклемавшись после болезни, он тихонько переведется

в другую школу. Что ему мучительно стыдно вспоминать все случившееся с ним, что он в депрессии, что он ненавидит ее, старую дуру, стерву-биологичку, что он смеется над ней и презирает себя...

После часа-другого таких раздумий Лидка вставала, в темноте брела на кухню и глотала приготовленные с вечера таблетки. Иногда после этого удавалось снова заснуть.

Возвращаясь в сумерках из школы, она задирала голову и смотрела на свое темное окно. Понимала всю глупость этого ритуала и все равно смотрела — ей казалось, что однажды окно окажется освещенным.

— Я тороплюсь, — говорила она коллегам и знакомым. — Меня ждут.

Коллеги и знакомые переглядывались, и Лидка в этот момент верила, что сказанное — правда. Что ее действительно ждут; она торопилась домой, поднималась на пятый этаж по узкой вонючей лестнице, входила к себе в комнату и видела небрежно брошенный шарф, хранящий остатки мальчишечьего запаха, и две чашечки из-под кофе с засохшим узором гуши на дне.

Тогда она садилась на край дивана, смотрела в потолок и счастливо улыбалась.

Она выдумывала поводы, разрешавшие ей позвонить Максиму домой. Поводов находилось хоть отбавляй — близилась весна, а с ней и выпускные экзамены. Состояние максимовского здоровья должно было внушать педагогу серьезные опасения; Лидка несколько раз репетировала предстоящий разговор, прокручивала в уме разные его варианты. Можно позвонить из учительской, а можно из автомата. Можно позвонить вечером, когда дома будут максимовские мать и брат. А можно утром, и тогда есть шанс застать болящего в одиночестве.

Она выучила на память номер его телефона.

Но ни разу не позвонила.

К концу зимы участились болезни и среди учителей. Лидке накидали дополнительную нагрузку. Уроки шли один за другим, классы — старшая и средняя группы — сменяли друг друга в Лидкином кабинете биологии. При

этом мальчишка или девчонка, усевшиеся на священное место Максимова, вызывали у нее не совсем понятное раздражение. Ей приходилось делать усилие, чтобы скрыть его.

Иногда ей приходилось сдерживать себя, чтобы без видимой причины не улыбаться во весь рот. Она чаще обычного ходила по классу вдоль рядов, потому что скрипучий стул отзывался звуком на каждое движение, и усидеть на нем бывало неважно.

На нее смотрели. Оглядывались на улице совершенно незнакомые мужчины. Таращили глаза старшеклассники. Как будто от нее исходило тепло. Или запах. Или невидимые волны, колебания, круги по воде.

Однажды — Максимов болел уже двадцать дней — она решила заговорить с математичкой, обремененной классным руководством.

— Этот, Максимов... Что он себе думает, на второй год оставаться?

— Говорила с матерью, — нехотя отозвалась замученная, неухоженная женщина. — Скоро должен выйти... Вы уж, Лидия Анатольевна, дайте ему возможность догнать программу. Обидно — отличник был...

Лидка поджала губы и сама поразилась, как удачно, как естественно сложилась на лице стервозная гримаска. Вот ведь привычка. Прирастает.

А через неделю Максимов появился в классе.

Она увидела его мельком, на перемене, и долго сидела в учительской, успокаивая бьющееся сердце, удерживая разъезжающиеся к ушам губы. Дура, дура, старая дура.

Она вошла в класс минут через пять после звонка — ученики уже почти уверились, что биологичка наконец-то заболела.

Она вошла, вызвав всеобщее разочарование; она умышленно не смотрела на максимовскую парту и, только утвердившись за столом, позволила себе «заметить» новоприбывшего:

— А-а-а, Максимов! Ну наконец-то! Как ты себя чувствуешь?

Она сразу же пожалела об этом вопросе. Потому что теперь придется выслушивать ответ.

Максимов поднялся, и она увидела, что он похудел. И он изменился; остатки детства, неуклюжая фигура в мешковатом костюмчике, круглые щеки — все осталось в прошлом.

— Спасибо, хорошо, — сказал он тихо. — *Почти совсем* хорошо.

От этого «почти совсем» вспыхнули Лидкины уши, прикрытые, по счастью, распущенными волосами. Она нервно поправила прическу; ей казалось, что весь класс, от проницательной Антонины Дрозд до туповатого тихони Харченко, наблюдает за ней и прекрасно понимает, что происходит.

— Тебе придется догонять программу, — сказала Лидка, глядя в журнал. — Садись... У нас сегодня новая тема. Государственные заповедники и их роль в биологическом ритме живой природы...

Максимов сидел, низко опустив голову.

На перемене она то и дело выходила из учительской. Шла по коридору то в туалет, то в библиотеку, то еще куда-то.

Он стоял перед огромным стендом и делал вид, что изучает правила внутреннего распорядка. Он стоял, не сходя с места, все двадцать минут, пока длилась перемена.

Он тоже боялся.

Он боялся, выслеживая ее после уроков. Только потом она поняла, как страшно ему было сделать этот первый шаг: а вдруг она засмеется и прогонит? Или, что вероятнее, посмотрит холодно, непонимающе: «Максимов? В чем дело?»

Она увидела его — и быстро отвела взгляд. Отойдя на десяток метров, замедлила шаг.

Он двинулся следом. Как хвост.

Так они прошли несколько кварталов.

Потом Лидка ни с того ни с сего завернула в незнакомый, высокий, пропахший котами подъезд.

И долгие десять минут — пока наверху не хлопнула чья-то дверь — они стояли обнявшись, беззвучно и неподвижно.

* * *

Ее жизнь обрела смысл. Снова и, как ей казалось, теперь уже навсегда.

Очень скоро выяснилось, что Максимов фатально отстал от программы. Это при том, что у него и раньше были тройки; Лидка прекрасно знала, что думают о ней коллеги-учителя. «Низвела» мальчика, чтобы срубить денежку на репетиторстве; родителям Максимова не стоило идти у стервы на поводу. А-а-а, у мальчика только мать...

Она возвращалась из школы, ставила чайник на плиту, принимала душ и доставала из шкафчика флакон дорогих, безумно дорогих для скромной учительницы духов.

И ждала — обычно не дольше получаса.

Сперва в коридоре раздавались шаги, но она сдерживала себя, не бежала сломя голову навстречу, а дожидалась, пока в прихожей вежливо тренькнет звонок.

...Невозможно встречаться каждый день. Тут и еж заподозрит неладное. Максимов приходил к ней по понедельникам, средам и пятницам, но она ждала его каждый день, и очень часто не зря ждала, потому что то и дело оказывалось, что он забыл тетрадь, или не понял задания, или еще что-нибудь.

И у нее почти никогда не хватало сил его выгнать.

— ...Ты считаешь, что так и должно быть? Выработка условного рефлекса на прохождение Ворот? Что ради этого надо было превратить страну в дрессированное стадо?

— Не знаю... А какой может быть другой путь?

— Но ведь выживали и так! Много лет выживали! Твои родители, ты сама, мои родители, брат, да все...

— Все... Те, кого ты видишь, действительно выжили. А тех, кто остался *там*, ты не видишь. Мою сестру Яну, например...

— Извини...

— Артемка, дело даже не в том, сколько *нас* останется

лежать на подступах к Воротам. Дело в том, что если раздавят даже кого-то одного... затопчут, смешают с землей...

— Понимаю. Не продолжай. Но ведь нас топчут уже сейчас! Мы уже затоптанные, Лида. Еще не настал апокалипсис, а мы — уже...

Они лежали, обнявшись. В комнате стояла темнота, только время от времени по потолку проплывали отсветы далеких фар.

— Нет. Мы не растоптанные. И никому не дадим себя топтать. Мы только сделаем вид...

Он усмехнулся холодно, как умудренный жизнью человек лет сорока. Она не видела его улыбки, но почуяла ее и притихла.

— Так не получится, Лида. Ни у кого. Мой отец... Я не хотел говорить тебе, но он не просто умер. Его отправили на общественно полезные... оттуда забрали в клинику... и прислали справку, что он... скончался от инсульта. И тот человек из его газеты, которого забрали одновременно с ним, — его жене тоже пришло — от инсульта... Они их убили. Они убивают. Они будут убивать больше. Потому что иначе не удержишь, одних заверений в том, что это надо, одних экскурсий в морг... мало. Уже мало. Мы думаем, что мы самые умные... Что мы прикинемся покорными, и ничего. Но у меня уже сил нету. Таких, как Тонька Дрозд и ее папаша... Им нравится, когда мы — грязь. Лида, я не могу больше. Я не могу...

По серому потолку снова прошло белое сияние. Свет отразился в глазах лежащего рядом юноши, широко открытых и влажных.

Она обняла его. Накрыла собой.

— Артемка... У меня никого нет, кроме тебя. Послушай... Держись. Все пройдет. Пройдет *мрыга*, все образуется, успокоится эта истерия... И я вернусь в науку. И ты будешь со мной. Поступишь в универ... Летом мы будем ездить в экспедиции. Зимой и осенью — обрабатывать данные, писать статьи... Я раздобуду допуск. Я смогу. Я просто струсила тогда, отказалась... а мы пойдем.

— Природу Ворот? — спросил он шепотом.

— Да! — согласилась она радостно. — Мы... мы наладим промышленное изготовление этих самых Ворот, люди будут ставить их сами, как сейчас ставят муляжи. Мы не будем зависеть ни от чего...

— Это не решение задачи, — тихо сказал Максимов. — Это все равно, что в лабиринте для крысы сделать сто дополнительных выходов.

По стеклу медленно, деликатно застучал дождь. Потом все быстрее и быстрее. Потом забарабанил.

— Артем... Обними меня.

Прикосновение. Еще. Спокойствие. Безмятежное счастье.

Ей снилась та давняя экспедиция, безмолвный зеленоватый мир и затопленные морем, не убранные вовремя Ворота. Во сне вместо Славки с ней был Максимов.

Ей снился Андрей Зарудный, молодой, моложе самой Лидки. Почему-то с зелеными глазами, и из глаз Андрея Игоревича улыбался мальчик Артем.

Ей снились университетские коридоры, и красные ковры на ступенях геошной конторы, и красные поля бесконечных маков. И вместо множества непонятных, необязательных в ее жизни людей там появлялся Максимов. Она не видела его, но ощущала его присутствие.

Весь прежний мир, вся ее прежняя жизнь были подернуты пыльной такой занавесочкой. Порой прозрачной, порой почти неразличимой. И только теперь, сдернув пелену, Лидка понимала, что жить под ней невыносимо. Под этой серенькой, всепроницающей пленкой нелюбви.

Она потеряла полжизни.

А могла бы потерять всю, без остатка. И так и не понять, чего лишилась.

* * *

«...вопящих о нарушении прав человека. Уместно спросить этих господ — о каких правах речь? О праве любого из нас быть затоптанным на пороге Ворот? О праве быть погребенным под лавой, или смытым волной, или убитым

глейфой? Почему меры по спасению населения во время кризиса кажутся кому-то то антигуманными, то излишними, то несвоевременными?

А вот почему. Во все времена на апокалипсисе кормилась целая стая кровососов — от продажных государственных чиновников, пропускавших в «условленное время» армию своих родственников, до сомнительных фирм, отпочковавшихся от старого ГО, за колоссальные деньги обещавших безопасные «эскорт, транспортировку, эвакуацию». Теперь они лишены этой возможности; теперь им не нравится, что каждый гражданин имеет равную возможность гарантированно и бесплатно эвакуироваться в Ворота. Теперь они орут о «нарушении прав человека», существующем только в их воспаленном воображении...»

*(Из речи Министра ГО по поводу Апрельских праздников,
23 апреля 18-го года 54-го цикла.)*

* * *

...Она ждала его дольше обычного. Он пришел запыхавшийся, огорченный — мать, по его словам, что-то давно подозревает и вот-вот даст подозрениям ход. Пряча глаза, он предположил, что, возможно, придется изменить порядок встреч или вообще некоторое время не встречаться; через минуту, увидев ее лицо, он обнял ее и сказал, что бросит ради нее и школу и семью. Что сбежит с ней в лес.

Нервно смеясь, они помогали друг другу раздеться, когда за окном взвыла сирена. Был ясный апрельский вечер; в соседней квартире упал и загрохотал по полу оцинкованный таз.

— Граждане, учебная тревога. Граждане, зачет времени пошел. Внимание... Учебная тревога... Сто семь, сто шесть, сто пять, сто четыре...

Лидка медленно выпустила руки Максимова. Остановившимися глазами посмотрела ему в лицо:

— Не пойду.

Он переступал с ноги на ногу, то просовывая руку в рукав рубашки, то снова выдергивая ее обратно:

— Что?

— Не пойду! — шепотом выкрикнула Лидка. — Нет! Ненавижу! Не хочу! Запру дверь, всех к черту! Моя квартира... Не пойду! Не желаю!

— Девяносто два, девяносто один, девяносто, восемьдесят девять, — бубнил металлический голос во дворе. По лестнице гулко топали чьи-то ноги.

— Успокойся, Лидочка...

— Я спокойна. С меня хватит. Я не крыса, я не желаю! Я не поддаюсь дрессировке. Я имею право слохнуть! Я... имею право... любить тебя, когда хочу! Я свободный человек!

— Лида...

Она улеглась на диван и закинула ногу на ватную спинку:

— Все. Иди. Ты — иди. А мне уже плевать.

— Шестьдесят восемь, шестьдесят семь, шестьдесят шесть...

— Лида, — глухо сказал Максимов. — Мой отец... Теперь ты. Я не хочу.

— Ничего мне не сделают, — сказала она зло.

— Сделают, — тихо сказал Максимов. — Это саботаж. Для начала выгонят из школы... Все... станет... труднее.

— Пятьдесят два, пятьдесят один, пятьдесят, сорок девять...

— Лида, — шепотом сказал Максимов. — Я тебя очень-очень прошу. Пожалуйста. Ну пересиль себя...

Она отвернулась лицом к диванной подушке и зарыдала.

По счету «ноль» они вышли из подъезда — бледный мальчик со школьным портфелем и его нервная, красная, возмущенная репетиторша. Еще бы — так грубо прервали учебный процесс...

Соседи косились.

Они косились бы еще больше, если бы увидели, что у мальчика под курткой нет ни рубашки, ни майки. А возмущенная дама надела плащ прямо поверх эротичной кружевной комбинации.

На выпускном вечере Лидка впервые увидела Максиму-мать. Прежде они почему-то не встречались ни на родительских собраниях, ни на общешкольных праздниках; даже в те далекие времена, когда Артему еще грозила тройка в аттестат, Максимова — вопреки советам — не пришла в школу, чтобы поговорить с вредной биологической.

И вот теперь они встретились — хотя Лидка весь вечер стремилась держаться подальше.

Максимова была Лидкиного поколения, но выглядела скверно, лет на десять старше. Плохая жизнь не добавляет молодости. Тревога за сына — тем более.

— Добрый вечер, Лидия Анатольевна... Как жаль, что раньше нам не доводилось встречаться.

Максимова говорила, а глаза ее быстро и внимательно изучали сперва Лидкино лицо — включая макияж и прическу, потом Лидкину фигуру — включая фасон костюма, и даже туфли, как показалось Лидке, собеседница успела рассмотреть — вплоть до состояния подметок. Лидка ждала, что в следующую секунду она, усмехнувшись, добавит: «А не кажется ли вам, что в *наши* годы навязывать семнадцатилетнему мальчику свои несвежие ласки — непристойно?»

— Поздравляю, поздравляю, — затараторила Лидка, надеясь потоком поздравлений сбить Максиму с толку. — Такой день сегодня, выпускной вечер — это такое счастье, когда сын заканчивает школу, а он же у вас отличник, поздравляю, он вступает во взрослую жизнь, перед ним широкая дорога, пусть ему везет...

Готовые сочетания слов привычно ложились на язык. Лидка говорила, а Максимова смотрела ей в глаза; гремел школьный оркестр, самодеятельный, зато громкий.

Она обо всем догадывалась, эта Максимова. Или не обо всем, но тем мучительнее была догадка. Сын, прежде не имевший от нее тайн, теперь ушел к другой женщине, и то, что эта другая годилась ему в матери, вызывало у Максимова не то чтобы возмущение, не то чтобы отторжение, а

совершенно беспомощную, растерянную, почти детскую обиду.

Она, Максимова, боялась этого вечера так же, как боялась его Лидка. Она спровоцировала разговор, которого Лидка избегала. Она надеялась что-то понять и что-то для себя прояснить, но вместо этого запуталась еще сильнее, потому что сухая, моложавая женщина с жестким лицом не должна была, по мнению Максимовой, вызывать у нормального юноши никаких чувств, кроме страха перед двойкой.

Артем наблюдал за встречей издали. У него была на этом вечере своя роль; расфуфыренная блондинка Вика не отходила от него ни на шаг, в то время как Тоня Дрозд разыгрывала, будто по нотам, бурный роман с мальчиком из параллельного класса. Молодежь казалась чуть пьяной, хотя алкоголь был строго-настрого запрещен на этом грандиозном, затопившем весь город празднике; Лидка сто раз предупредила Артема насчет возможных провокаций. Не брать в рот ничего, кроме лимонада, не брать в руки никаких бутылок вообще. И постоянно быть у всех на виду.

Она видела, как он подошел к матери сразу после их с Лидкой разговора. И о чем-то спросил, нарочито беспечно, но Лидка прекрасно видела, как он напряжен.

Она не слышала, что ответила мать. И не видела ее лица; Максимова прошла в раздевалку, а Артем остался на месте, улыбаясь, но не очень естественно, а рядом уже прыгала блондинка Вика, предлагая пойти в вестибюль, где давно уже начались танцы...

Лидка подумала, что так одиноко, как сейчас, ему еще никогда не было. Что весь этот вечер, в меру официальный, в меру раскованный, оказался вдруг точной моделью бестолкового мира, в котором они с Лидкой чувствуют друг друга за версту, но не имеют права перекинуться словечком, чтобы не вызвать кривотолков. И мать, измученная подозрениями, но не имеющая доказательств. И прыгучая Вика, демонстрирующая всем свое право обнимать его за плечи. И Тоня Дрозд, полагающая, что буйные танцы с верзилой из параллельного класса дают ей преимущество в чьих-либо глазах.

Он улыбался, по мере сил притормаживая раззадорившую Вику, но улыбка была все более жалкой.

Ему было одиноко — и страшно. Обычный страх перед будущим, охватывающий невесту на пороге церкви или выпускника на сцене актового зала, был тут совершенно ни при чем.

Лидка стиснула зубы. Нежность стояла в ней, сочувствие и нежность — по ноздри. Почти материнское, как ни крути, чувство.

Она шагнула вперед — и весь этот зал, расфуфыренные девчонки, приодевшиеся учителя и взбудораженные родители, столы с бутербродами и лимонадом, сипящие микрофоны, желтый под слоем мастики паркет, надувные шарики и цветные флажочки — весь этот зал двинулся сперва на нее, а потом мимо, и двигался все быстрее, размазываясь в движении, теряя четкость.

Совсем рядом оказалось румяное, чуть капризное личико Вики. Она уже теряла терпение:

— Тем, ну мы так и будем стоять здесь сто...

Она осеклась, потому что Лидка подошла уже достаточно близко, чтобы попасть в поле Викиного внимания.

— Ну, ребята, как проходит вечер? — спросила Лидка, широко улыбаясь и внутренне морщась от отвратительно-казенной фразы.

— Хорошо, — сказала Вика. — Просто замечательно.

Максимов молчал.

Еще не поздно было передумать. Повернуть назад. Сказать что-то вроде — «ну развлекайтесь» и удалиться за столы, где Лидкины коллеги отдыхают, сплетничают и методично поглощают недоеденные выпускниками бутерброды.

Лидка усмехнулась. Радостно и зло. А что такого она хочет сделать? Ничего особенного. Всем можно, а ей нет?

— Максимов, мы немало крови попортили друг другу. Ты не откажешься станцевать со мной?

Пауза. Удивленный взгляд блондинки Вики — пока еще только удивленный.

Все они о чем-то таком болтали. «А может, Максимов

влюбился в биологичку?», «А может, он ей нравится и она ему мстит?», «А может...» — и довольное хихиканье, потому что тогда сразу можно предположить, что директриса влюбилась в геошника, а тот в свою очередь — в сторожа. Волнующая тема, отчего бы и не почесать языки...

Что удивительного, если на последнем школьном балу ученик станцует с учительницей?

Веселые и удивленные лица надвинулись — и снова размазались в движении. В вестибюле топтались, наступая друг другу на ноги, танцующие пары. Самодеятельный оркестр уступил место магнитофону; по личному распоряжению районного инспектора на всех выпускных вечерах разрешено было проигрывать только романтическую танцевальную музыку, это бал, а не прыгалки, пусть молодежь развивает свой вкус...

Вальс отдавал нафталином.

Они выбрались ближе к центру вестибюля, туда, где было посвободнее. Узнавая Лидку, перед ними расступались.

Одна максимовская рука легла ей на талию. В другой, горячей и мокрой, утонула Лидкина ладонь.

— И — раз-два-три... Да ладно. Просто двигайся в такт.

Под их каблуками потрескивали, сминаясь, цветные спирали серпантина. Налипали на подметки кружочки конфетти. Впрочем, их танцу было далеко до настоящего летучего вальса. То было скорее подростковое топтание, не лишнее, впрочем, некоторого изящества.

— Ты сумасшедшая, — сказал он, едва шевеля губами.

— Ты уже не школьник.

— А ты...

— Я бросаю школу. Сегодня.

Он так стиснул ее ладонь, что она улыбнулась от боли:

— Да... ну ее к черту.

Его глаза сделались круглыми и влажными, как залитые дождем фары.

— Лида...

— Танцуй. Что ты топчешься, как слоненок.

Его рука, лежащая у нее на талии, грела сквозь ткань

пиджака и блузы. Ей казалось, что строгие учительские тряпки вот-вот расползутся, будто под действием кислоты. Что максимовская ладонь касается уже голой кожи.

* * *

— Признаюсь честно, если бы вы не написали этого заявления, Лидия Анатольевна, мне пришлось бы самой просить вас об этом... Да-да, я подпишу. Спасибо.

У директрисы были желтоватые длинные ногти в островках облупившегося лака. Из-за обшлагов стильного делового пиджака выглядели совершенно немодные кружевные манжеты.

— ...Работа в школе требует особенных моральных качеств... вы не педагог, к сожалению. Ни в коей мере. Я не давала хода многочисленным жалобам родителей... и даже учеников... так или иначе этот учебный год был бы для вас первым и последним... Увы. Кстати, в новом цикле он захочет иметь детей. Вы, насколько я понимаю, ничем не сможете ему помочь. У вас ведь бесплодие?

Фарфоровая подставка для карандашей, помещавшаяся посреди директорского стола, представляла собой смеющуюся клоунскую голову. Кое-где эмаль сбилась, отчего веселая усмешка сделалась похожей на предсмертный оскал.

Выдолбленный череп. Вместо мозга — пластмассовые тельца ручек и фломастеров. По желтому карандашу ползает муха.

— У меня нет никакого бесплодия, Раиса Дмитриевна. В следующий раз требуйте от ваших информаторов соответствующую докторскую справку.

Директриса улыбнулась — от щеки к щеке растеклись напомаженные губы.

Лидка вышла из кабинета, глядя прямо перед собой. Вошла в туалет, огляделась, не видит ли кто; извлекла из сумки упаковку слабенького транквилизатора.

По дну сознания пошла мысль — если сожрать сразу все, то и проблем никаких не будет...

Лидка умылась холодной водой. Усмехнулась своему отражению в надтреснутом зеркале. Сперва жалобно усмехнулась, потом спокойно, потом уверенно.

Спрятала упаковку, так и не надорвав.

Много чести, Раиса Дмитриевна. Чихать на вас с высокой колокольни.

* * *

Она ждала Максимова к семи, но звонок в дверь прозвучал в полседьмого. Она как раз выходила из душа; плотнее запахнув халат и распустив стянутые на макушке волосы, она прошлепала к двери. И так торопилась открыть, что не спросила даже: «Кто там?»

— Ты сегодня ра...

Прохладный ветер подъезда пробрался под полы халата и тронул Лидкины голые ноги. Она осеклась.

— Мне можно войти? — кротко поинтересовался глава Администрации Президента Игорь Георгиевич Рысюк.

Лидка отшатнулась в глубь квартирки. Тесной, как шкатулка. Ободранной, неухоженной, бедной.

Не дожидаясь иного приглашения, Игорь Георгиевич переступил порог. От него исходили запахи дорогого одеколona, новой натуральной кожи и, кажется, коньяка. Крепкого, не вполне устоявшегося перегара.

— Игорь, ты пьян, — сказала Лидка, как будто эти слова могли защитить ее.

Некто из-за плеча Рысюка внимательным глазом окинул Лидкино жилище (включая неприбранное белье на диване, максимовский халат на спинке стула и беспорядок на письменном столе). Бесшумно убрался в коридор, прикрыл за собой дверь, но захлопывать не стал.

— Я пьян, — устало подтвердил Рысюк. — Я трагически пьян. Трезвым бы я к тебе не приперся.

Он уселся на стул; Лидкины мысли пребывали в панике, руки же все запахивали полы халата, хотя плотнее завернуться было уже попросту невозможно.

— Почему... вы... ты... не предупредил? — пробормотала Лидка, прекрасно понимая, что к ее словам лучше всего применимо сейчас определение «лепет».

— Телеграммой? — желчно поинтересовался Рысюк. — У тебя же нет телефона!

Лидка сгребла все, что лежало на диване, скомкала, сунула в приоткрытую пасть постельной тумбы. Рысюк сидел, покачиваясь взад-вперед; он почти не изменился внешне, но был до крайности, маниакально сосредоточен. На галстук, чуть ниже узелка, имелось свежее пятнышко жира.

Он поймал ее взгляд.

— Я выпил бутылку коньяка, — сообщил отрывисто, будто отвечая на незаданный вопрос.

— Я вижу, — сказала она тихо.

— Сядь.

Она села на диван. Потом поднялась:

— Я в своем доме. Не командуй, пожалуйста.

— В твоих интересах, — он прищурился, — выработать однозначную реакцию на любые команды. Подчинение. Тогда у тебя есть шанс.

Старый будильник, служивший еще Лидкиным родителям, отсчитывал минуты до появления Максимова. Минут оставалось всего двадцать четыре. Хотя Максимов, конечно, может и опоздать...

Но ненамного.

Рысюк снова поймал ее взгляд. Усмехнулся:

— Я нарушаю твои планы?

— Да, — сказала она еще тише.

Рысюк встал, и она целую секунду надеялась, что он повернется и выйдет. Вместо этого он подошел к письменному столу, смахнул на пол бумаги — конспекты по биологии Максимова-абитуриента — и некоторое время разглядывал улыбающееся лицо Андрея Зарудного.

— Так я и думал.

— Что ты думал? — спросила она сухо.

— Неважно. — Он сунул руки в карманы пиджака. — Свари мне кофе, Лидка. У меня в голове муть какая-то, ничего не разобрать.

Она против воли посмотрела на будильник.

— Успеешь! — рявкнул Рысюк. — Все успеешь, в край-

нем случае пошлешь его мыться в душе или делать уроки... пока мы с тобой поговорим.

Лидка сделала медленный вдох. И такой же неторопливый выдох.

— Не скучаешь по нормальной жизни? — спросил Рысюк тоном ниже.

— Какую жизнь ты называешь нормальной?

Рысюк сморщил нос. Демонстративно огляделся; упал на диван, закинул ногу на ногу:

— Хочешь новый анекдот? Руководители ГО устроили конкурс для энтузиастов, чья система тренировок прогрессивнее. Приехали строитель, пожарник и врач. Строитель говорит: «Я ввел для своих подчиненных курс тренировочного падения, поэтапно, до пятнадцати метров без страховки». Пожарник говорит: я ввел для своих подчиненных курс тренировочного пожара, поэтапно, до пятнадцати минут пребывания в открытом пламени». Врач говорит: «А я ввел для своих пациентов курс тренировочной смерти, поэтапно, до пятнадцати часов пребывания в заколоченном гробу...» Не смешно?

Лидка молчала.

— Так ты будешь кофе варить или нет? — спросил он вкрадчиво.

Лидка молчала.

— Ты не желаешь меня видеть? Фанатика и мерзавца, насильника во всех отношениях?

Лидка напряглась. Когда-то — теперь ей казалось, что очень давно — она, кажется, сказала Рысюку нечто подобное. Какие-то похожие обидные слова. Интересно, что она забыла, а глава Администрации помнит.

— Зачем ты пришел? Разве у тебя нет других дел — государственной важности?

Рысюк тяжело поднялся с дивана. Подошел к столу. Посмотрел в улыбающееся лицо Зарудного — мрачно, почти с ненавистью.

— Тебе, наверное, так приятно. Под *его* взглядом... Начала ты с *его* сына, потом, наверное, воображала *его* на моем месте, теперь у вас любовь втроем.

— Уходи, — сказала Лидка тихо.

— Сейчас, — он кивнул. — Сейчас-сейчас... А ты помнишь Стужиного внука? Такого противного пацана, помнишь?

— С ним что-то случилось? — спросила она после паузы.

— Ничего, — глухо сказал Рысюк. — Ты телевизор смотришь?

— Нет, — призналась она честно.

Он хрипло рассмеялся:

— Смотрю на тебя... Лидка, Лидка... Помнишь? Вертолеты?

Она желчно, совсем по-учительски поджала губы.

— Вертолеты. — Рысюк снова обрушился на диван, запрокинул голову, явив Лидке тощий кадык. — Ты была... мы были. Лидка, мы пропали. Мы почти совсем пропали... Мне страшно. Свари мне кофе.

Некоторое время она смотрела на него, не зная, что с ним делать.

— Игорь...

— Я прошу тебя. — Он поднял на нее влажные, лихорадочно блестящие глаза. — Я не спал две ночи... Свари. Потом я уйду.

Под его взглядом она прошла на кухню. До прихода Максимова оставалось десять минут; она молола кофе и пыталась убедить себя, что ничего ужасного не происходит. Ну, напился глава Администрации, ну, встретятся они с Артемом. Ничего. Ничего страшного. Помешать союзу Лидки с Максимовым не сможет ни Президент, ни его Администрация, ни все ГО, вместе взятое...

Когда она вернулась в комнату, Рысюк стоял перед открытым окном и задумчиво ковырялся в вазоне с кактусом. И бросал вниз мелкие камушки, шепотки земли и песка.

— А-а-а... Вон он идет.

Лидка глянула через его плечо. По двору шел, помахивая сумкой, Максимов. Шел не таясь, как давно привык ходить; за деревьями урчали машины, где-то грохотал

трамвай, и больше никаких звуков не было посреди этого июля, но все равно казалось, что каждый максимовский шаг ложится на ритм неслышного марша.

Лидка невольно улыбнулась. Даже сейчас ей было приятно смотреть, как он идет; напряжение, вызванное визитом Рысюка, потихоньку стаивало, уходило, исчезало.

— На моего пацана похож, — сказал Рысюк. — Интересно, что бы я сказал, если бы мой пацан сошелся с учителькой...

Последнее слово-уродец явно совмещало в себе «учительницу» и «телку». Лидка усмехнулась:

— Ты бы не узнал, папаша. Сомневаюсь, чтобы твой пацан поверял тебе секреты. Когда ты его видел в последний раз?

Рысюк резко обернулся. Покачнулся, и Лидка испугалась, что он вывалится из окна.

— Я его видел... Я видел, Лида. Но я его в списки льготников не внес... Не внес. Только должности... Условленное время — до минимума... Если бы у тебя были дети, Лида... Но ты пойми. Если бы у тебя был выбор — пускать своего... ученичка... со всеми, в очередь, или в «условленное время»... Ты бы... как? А?

Подходя к дому, Максимов привычно поднял глаза. И сбился с шага; быстро перевел взгляд на две черные машины у подъезда, на скучающих на лавочке мужчин в партикулярных костюмах, снова посмотрел на Лидкино окно.

Она отодвинула Рысюка в глубь комнаты и приветственно махнула Максимову рукой. Поднимайся, мол.

Парень секунду колебался, а потом выше поднял подбородок и вошел в подъезд. Тяжело хлопнула дверь.

— Лида, — глухо сказал Рысюк. — Ты меня не слушаешь. А это очень важно.

— Важно? — механически переспросила она. На лестнице вот-вот должны были обозначиться легкие максимовские шаги.

— Важно, — Рысюк отхлебнул от чашки. — Кофе дрянной у тебя... Лида, мы поздно начали. Слишком поздно. Мало времени... Если бы на несколько циклов... растя-

нуть, начинать с малого... без форсажа... возможно, мы успели бы. Я говорю ерунду... Невозможно. Апокалипсис не ждет...

Тренькнул звонок.

— Извини, — сказала Лидка Рысюку.

— Извини и ты меня, — откликнулся после паузы глава Администрации.

Лидка уже шла к двери.

— Артем, заходи... Это мой бывший одноклассник, Игорь Георгиевич. Зашел по старой памяти.

— Это мы по старой памяти, — сказал Рысюк, поливая кактус остатками кофе. — А ваше дело молодое... Танцуй, пока молодой! — Он протянул руку, намереваясь взерошить Максимову волосы. Тот отстранился; Рысюк отдернул руку и внимательно посмотрел на ладонь:

— Что-то короткая у меня линия жизни... Ладно, Лида. Когда понадобится устроить твоего хлопца в универ — а его ведь не примут, из-за отца... Когда понадобится устроить — звони мне, а не проректору. Потому что проректор потом все равно перезванивает мне... Неудобно получается. Ну, будь здорова.

Он поцеловал ее в щеку — Лидка не решилась сопротивляться. Махнул рукой, ушел, не оглядываясь, плотно и без стука прикрыв за собой дверь.

* * *

«Нас обманывают. Списки на первоочередную эвакуацию давно переделаны. В «условленное время» уйдут не только чиновники, но и все их родственники. Президент Стужа своей рукой вписал в списки «условленных» своего сына, внуков, невестку. А наши сыновья и внуки потеряют драгоценное время — их ждут землетрясения и глефы, и давка перед Воротами... Президент Стужа предал идеалы, на гребне которых ему удалось в свое время прийти к власти...»

(Листовка.)

Палатка была новая, оранжевая, пахнувшая резиной и спорттоварами. Никто-никто еще не спал в ней. Ничьей-ничьей любви не помнило прорезиненное днище.

По крыше, покрытой полиэтиленовой пленкой, тихонько постукивал дождь. Они лежали, обнявшись, в полной изоляции от остального мира. Если бы за плотно зашнурованным пологом случился бы сейчас апокалипсис — они, наверное, так и не разжали бы рук.

Вчера им удалось выбраться из города, минуя заставу ГО. По болоту, через овраги, через лес; к концу пути Лидка была измотана хуже, чем после учебной тревоги, но при этом совершенно счастлива.

Они выбрали место для ночевки — вернее, Максимов выбрал — на небольшой возвышенности, где слабый ветер хоть немного, но сдувал комаров. Максиму не нравилось, что палатка яркая. Такую палатку легко обнаружить с вертолета; делать им нечего, говорила Лидка, зевая. Делать им нечего, только отлавливать по лесам беглецов-туристов. А завтра — завтра мы уйдем еще дальше...

В полусне ей привиделся вертолет. Рокошущее страшное лицо, из брюха которого свешивается, подобно потроху, Президент Стужа.

А потом в палатку на четвереньках вошел Максимов, и Лидкин сон улетучился сам собой.

Прикосновения. Расстегнутая спортивная курточка, трикотажная футболка где-то в районе подбородка. Голая максимовская спина, широкая и гладкая, как стол. Его подбородок в неожиданно мягкой щетине, его губы, его щекошущее дыхание. Лидка изо всей силы дрыгнула ногой, чтобы окончательно стряхнуть спортивные штаны и все, что на ней было надето; в приоткрывшийся полог влетел комар и радостно зазвенел, обнаружив так много горячей, прямо-таки кипящей крови.

Его прихлопнули мимоходом.

Потом там, снаружи, пошел дождь. Максимов заботливо укутал Лидку спальником и одеялом; удобно устроив голову на его плече, она подумала, что не сможет его поте-

рять. Что, потеряв, немедленно сведет счеты с жизнью; мысль оказалась такой невыносимой, что Лидка сочла возможным спросить:

— Тем, а ты уверен, что не бросишь меня ради какой-нибудь молоденькой...

И осеклась. Максимовские руки стиснулись сильнее:

— Не говори глупостей... Не гневи бога.

Они еще долго лежали, слушая дождь и дыхание друг друга.

Еще два дня назад для них было очень важно, поступит Максимов в университет или не поступит. Поскольку документы у него, с легкой руки Рысюка, все-таки приняли, и профилирующий экзамен — кризисную биологию — он сдал на «отлично».

А на сочинении его завалили.

Позавчера утром стали известны оценки; Лидка долго стояла перед бумажной простыней, на которой в длинном списке фамилий имелась короткая запись: «Максимов — 2». Нельзя сказать, чтобы она была так уж ошарашена — уже тогда, когда Максимов перечислил ей предложенные абитуриентам темы, в Лидкину душу закралось нехорошее подозрение...

И вот подозрение оправдалось.

Она вышла из университета; кто-то с ней даже поздоровался, какая-то женщина ее же лет, Лидка ответила на приветствие, но так и не сообразила, кто же это был. Очтившись на улице, в тени пыльных тополей и лип, она испытала вдруг облегчение — ну их всех к черту. Свобода. Полная свобода. Экзамены отменяются, отменяется изнурительная подготовка, теперь дело за малым — собрать рюкзаки и двинуть из города...

Нет, идея с рюкзаками пришла в голову уже Максиму — часом спустя.

Лидка собрала остатки своих сбережений. Вместе они пошли в спорттовары и купили палатку. Пара рюкзаков нашлась у Максимова дома. Матери он сказал, что идет с ребятами в поход; оставшиеся полдня ушли на лихорадочные сборы.

Радио бормотало о новой технологии учений — специа-

листами с такого-то завода изготовлены надувные муляжи Ворот, которые легко переносятся с места на место с помощью вертолетов. Таким образом, учения приобретают стопроцентную достоверность — как и во время настоящей эвакуации, никто не знает, где окажутся Ворота, и только информация из штаба ГО открывает эту тайну...

Лидка не умела как следует укладывать рюкзак. Ей никогда не доводилось путешествовать пешком. Максимов имел кое-какой туристский опыт; где-то к полуночи сборы были закончены, зато Лидкина квартирнка выглядела, как после *мрыги*...

Лидка проснулась оттого, что в палатке сделалось душно. Она вздохнула глубже — и сразу зашевелился Максимов. Очевидно, он давно уже лежал без сна.

— Рука затекла?

— Нет...

— Который час?

— Не знаю...

— Дождя вроде нет... Тем, я выгляну, посмотрю.

Она расшнуровала полог. Свежий воздух показался сладким на вкус и совсем не холодным; Лидка осторожно выглянула наружу.

Ночь была светла, хотя небо оставалось затянутым тучами. Рассвет, подумала Лидка, и ошиблась.

Она посмотрела вверх — и замерла с открытым ртом.

По небу плыли цветные дымы. Яркие, фосфоресцирующие. Там, где за горизонтом остался город, стояло теперь зарево.

— Артемка... Это пожар?!

Максимов уже стоял рядом. Цветные тучи отражались в широко раскрытых глазах.

— Это... тише, Лид. Ничего. Это, наверное, большие учения.

Она проглотила слюну. Да, что-то такое бормотало радио. Большие всеобщие учения, пять видов сигналов, полная имитация...

— Какое счастье, что ты провалился на экзамене. Какое счастье, что мы ушли.

Максимов поднял плечи. Поежился от сырого ветра:

— Мы ушли... а они там все остались. Мама, Костя, все твои... Бегают, как бараны. «Полная имитация», блин... Не удивлюсь, если они бомбу кинут, для атмосферы.

Лидка нахмурилась. Холодная змейка шевельнулась в груди, ускользнула в живот. То был не страх даже — отвращение.

— Не бойся, — сказал Максимов. — Ну их всех к черту.

Лидка обняла его за плечи — и вдруг увидела, что он выше ее на полголовы.

Он продолжает расти. Давно вырос из школьной формы. И, возможно, вырастет из школьной любви...

Мысль была на этот раз совершенно спокойной, трезвой, безо всякой экзальтации.

Хорошо, что он не видел ее лица.

* * *

«Центральный штаб ГО выражает соболезнование родным и близким покойных. Принято решение о назначении материальной компенсации...»

*(Телевизионное обращение к гражданам
по поводу событий 2 августа 18-го года.)*

«...в лучшем случае грубые ошибки. В кратчайший срок изолировать группу инструкторов, находившихся в районе Почтовой площади в период с шести двадцати до семи ноль-ноль. Восстановить протоколы переговоров со штабом... Сформировать официальный запрос командующему саперными войсками, чьи действия в конце концов повлекли...»

(Внутренний документ ЦШ ГО, 3 августа 18-го года.)

«...не тысяча человек, как сказано в официальном обращении, а по меньшей мере пять тысяч (не считая раненых). Их хоронят на разных кладбищах, даже за пределами города, даже в области. ГО ищет заговоры, обвиняет армию, в то время как этот чудовишный рукотворный апокалипсис — целиком на совести ГО и лично Президента...

(Листовка.)

Марина и Сергей Даченко

«И спросил Господь: «Почему Ворота стоят пустые?» — «Некому спастись, Господи, — ответили ему. — Всех утомили в процессе учебы».

(Анекдот.)

* * *

Они валялись на траве, глядя в небо. Облака плыли как бы в двойной бахроме — первую бахромю образовывали склоненные метелочки травы. Вторая бахрома была повыше — зеленые кроны сосен.

— Артемка...

— Что?

— Догадайся.

— Прямо сейчас? На голой земле?!

Смех.

По небу живой сеткой двигалась огромная птичья стая.

Прочь от города.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Стояла жара. Над остатками растрескавшегося асфальта дрожало марево; пепелища еще пахли дымом, и кое-где по ним бродили непуганные, сонные мародеры.

Дом покосился. Жильцам так и не удалось вернуться в собственные квартиры; кто-то получил страховку, а кто-то нет. Если учесть, какие потери понесли во время апокалипсиса страховые фонды...

Кое в каких квартирах на свой страх и риск ютились самоселы. Каждого из них заставляли подписать бумажку, что жилец, мол, осведомлен об аварийной опасности, и если его, жильца, однажды накроет крышей и погребет под развалинами — это его, жильца, проблемы. Хочет жить — пусть перебирается в барак.

Но пока что дом стоял — без света и воды; во дворе рядом помещались дощатые сортиры. Всего девять штук; запах стоял соответствующий.

Бронзовая доска на фасаде дома стала чьей-то добычей. Вероятно, ее уташили собиральщики цветных металлов. Многие сейчас промышляют именно сбором утиля... А что делать?

Лидка сидела на скамейке, невесть как сохранившейся посреди развороченного двора, и, прикрыв глаза, смотрела, как суетятся в щели под камнем красные жучки-солдатики.

Мыслей не было. Пустота. Марево.

Кто-то подошел со стороны подъезда. Потоптался рядом; его разношенные спортивные туфли оставляли фигурные следы в розовой, как пудра, пыли.

— Ты постарела, — сказал кто-то.

Лидка подняла голову. Перед ней стоял сорокалетний Слава Зарудный — правда, теперь ему можно было дать все пятьдесят.

— Ты тоже неважно выглядишь, — сказала она через силу.

— Что тебе надо, Лида?

— Фотографию. — Она спрятала под скамейку ноги в тряпичных босоножках. — Фотографию отца, я знаю, у тебя сохранились фотоплакаты.

— А где твоя? — после паузы спросил пожилой дядька, бывший когда-то мальчиком Славиком.

— Сгорела, — коротко отозвалась Лидка. — Дай.

— Зачем тебе? — спросил Зарудный с внезапным озлоблением. — Зачем тебе? У тебя хватает совести... после всего, что ты сделала! После всего... что вы с Рысюком сделали! Ты предавала имя отца... не раз и не два! Сперва ты взяла его себе — обманом! Потом ты... вы... его именем... все эти мерзости! Вы, убийцы... палачи... дрессировщики... именем отца... психушки — именем отца! Расстрелы — именем отца! Ради светлого будущего! Ради бескровного апокалипсиса! А вот посмотри теперь... посмотри вокруг... Что, получили? Получили бескровный апокалипсис? Получили?!

Во всем дворе, на всей улице не было ни единого человека, и некому было оборачиваться на срывающийся голос Зарудного. Некому было с удивлением прислушиваться. Лидка поморщилась:

— Не кричи. — И добавила, помедлив: — Я тебя не обманывала. Ты сам первый полез ко мне под юбку. Помнишь?

Зарудный осекся. Посмотрел на Лидку с неприкрытой ненавистью:

— Ты... Так я и знал.

— Я тебя не обманывала, — повторила Лидка мягко. — Я тебя любила, Слава... Во всяком случае, мне так казалось.

— Будь проклят тот день, когда я тебя увидел, — сказал Зарудный горько. — Тебя, стерву... Не дам фотографию. Иди своей дорогой... не смей приходить сюда, слышишь?!

Лидка не отводила глаз.

— Не смей приходить сюда, — сказал Славка тоном ниже. — Ты... тварь. Это ты со своим Рысюком... посадила на трон этого сумасшедшего идиота, фанатика, этого... Стужу. Это ты. Ты знала, чем все закончится... Все они...

— Неправда, — сказала Лидка. — Я никого никуда не сажала. Я ничего такого не делала, Слава. А вот ты сотрудничал с Верверовым. С убийцей твоего отца.

Славка налился черной кровью:

— Не доказано. Ничего не доказано. Ничего не узнать. Методы следствия... Лидка, ты в дерьме по уши. В дерьме и в крови.

— Нет, — сказала Лидка тихо. — Прекрати истерику... и дай мне фотографию.

— Убирайся.

— Нет.

Славка молчал, плечи его поднимались и опадали. Не хватил бы его удар, подумала Лидка. На такой-то жаре...

— А где твой молоденький мальчик? — елеинным тоном спросил вдруг Зарудный. — Где твой маленький школьник, такой милый и сладенький? А?

Лидка молчала. Легкий ветерок со стороны сортиров доносил невыносимый аммиачный запах.

* * *

По утрам у нее болела спина и набрякали веки. К вечеру ныли опутанные венами ноги; Лидка купила в галантерее конвертик хны, и вместо седых волос в ее прическе обнаружились теперь ярко-красные.

Последний апокалипсис стоил ей нескольких лет жизни. Что совсем не удивительно, если учесть, что это был за апокалипсис.

Возможно, просчитался Рысюк. Возможно, просчитались Стужа и штаб ГО, но пружина, заботливо взводимая в ожидании времени «икс», лопнула гораздо раньше. Лопнула — и мало кто не почувствовал ее отдачи.

Августовская давка с многочисленными жертвами породила раскол внутри ГО. Вернее, спровоцировала его начало, потому что сам раскол назревал уже давно. Выплыли

на всеобщее обозрение целые груды грязного белья; оказалось, что Стужа, а с ним и все высокопоставленные чиновники давно откорректировали списки первоочередной эвакуации, внося туда всех своих родственников. «Условленное время» доросло до полутора часов. Деньги, выделяемые на учения, оседали в самых разнообразных карманах.

Начались перебои с хлебом и электричеством. У Лидки с Артемом целыми днями не было света, как, впрочем, и у половины города; оба перепробовали по десятку работ и приработков, пока наконец летом девятнадцатого года Максимов не поступил наконец в университет.

(Граждане, способные дестабилизировать эвакуацию, подлежали тайной изоляции, причем круг таких граждан все время ширился. Сперва это были психически больные, алкоголики и рецидивисты; уже в те времена широко распространился термин «общественная недееспособность». На двадцатом году цикла одной «недейки» было вполне достаточно, чтобы загреть «на изолят».)

Утомленные тяжелыми вступительными экзаменами, они с утра до вечера валялись на пляже. Время от времени Максимов отлучался попрыгать с вышки или поиграть в волейбол, и Лидка, затаившись, наблюдала, как скачет под солнцем бронзовотелый коренастый красавец и как со всех шезлонгов и подстилок за ним следят внимательные девичьи глаза.

К тому времени она уже носила закрытый купальник. Очень закрытый. И предпочитала держаться в тени...

(На старых баржах, выведенных далеко в море, устроены были изоляционные лагеря; предполагалось, что согласно популяционному закону для собранных в одном месте отщепенцев откроются отдельные Ворота. «Система барж» не дожидаясь апокалипсиса — во время одного из штормов по лагерям прокатился бунт, охрану, не успевшую перейти на сторону бунтовщиков, сбросили в море, и на шлюпках, захваченных катерах, а то и просто на плотках под парусом разбежались кто куда — в основном за границу.

Тайна «изолятов» стала всеобщим достоянием. ГО к тому времени было полностью разложено взятками и обессилено внутренней борьбой.)

...Вечера Максимов проводил теперь в студенческих компаниях; Лидка сопровождала его всего раз или два. Среди молоденьких девчонок она выглядела странно — будто чья-то мама, и отношение к ней было соответствующее; Артем краснел и бледнел, и не желал признаваться, что стесняется Лидки. Она и не стала добиваться признания — зачем его мучить зря?

(Президент Стужа, раздраемый противоречиями, окончательно спился; последним разумным решением сумасшедшего вертолетчика было решение о выдаче Рысюка.)

...Обычно ждала Максимова к двенадцати и, дождавшись, вознаграждала себя за одинокий вечер. Вернее, это он ее вознаграждал; искусство любви давалось ему легко и естественно, он уже не был юношей в постели — был мужчиной, тактичным и нежным, выдержанным и страстным, и, обнимая его, Лидка мстительно вспоминала влюбленные лица всех этих пухлогубых девочек...

А потом она учуяла чужой запах. Его кожа пахла легкими, цветочными духами; его волосы пахли чужой кожей. Лидка едва удержалась, чтобы не зажать себе нос...

(Игорь Георгиевич Рысюк, тридцати семи лет, был арестован, отдан под суд, признан виновным по целому букету ужаснейших статей УК, приговорен к высшей мере и расстрелян летом двадцатого года, за десять месяцев до апокалипсиса. Судебный процесс транслировался по всем возможным каналам; Лидка узнала о нем спустя неделю после исполнения приговора.)

Тем не менее прошла осень, прошла зима, и наступил май, а Лидка с Максимовым по-прежнему были вместе. Апокалипсис второго июня застал их в одной постели.

Только перед самыми Воротами — позади были чудовищные мытарства, никем не удерживаемые глефыи стай, никем не управляемые потоки людей, немой эфир, хаос и паника — только перед самыми Воротами напиральная толпа разъединила их руки.

Новый цикл — новая жизнь.

Славка ушел, а Лидка осталась сидеть на скамейке, благо, ветер переменялся, и сортирный запах уполз в сторону старой детской площадки.

Говорят, после третьей *мрыги* чувствуешь себя снова ребенком. Но после второй — все так говорят — приходит старость.

Она поднялась — через боль в спине и в сердце. Побрела, волоча ноги в розовой, как пудра, пыли; автобус ходил редко, но все-таки ходил. Вдоль улицы кое-где попадались ржавые трупы машин; в ответ на Лидкину поднятую руку остановилась телега на ребристых автомобильных колесах, запряженная красивым, но грязным коричневым жеребцом.

— Две карточки на сахар, — предложила Лидка. — До кемпинга.

Возница, пропыленный усатый крепыш, удовлетворенно кивнул:

— Садись...

Красивым словом «кемпинг» назывался обыкновенный лагерь лишенных крова. Палаточный городок, прокопченный дымом костров, провонявший табаком и мочой. Ровными рядами стояли серые палатки-общежития; как попало лепились палатки-особняки, туристские или армейские, уж кому как повезло.

На окраине поселения — у самого спуска к морю — стояла в прошлом оранжевая, а теперь грязно-рыжая палатка, в которой Максимов и Лидка когда-то пережидали дождь.

У въезда в лагерь, у комендантского дощатого домика, обнаружился пестрый фургончик с форсмажорной помощью; номера у фургончика были иногородние. Лидка подошла поближе; странно, она и забыла, что на свете бывают ярко раскрашенные фургончики, что бывает сливочное масло в тугой фольге и сухари в полиэтиленовой пленке.

Фургончик резко контрастировал со всем, что сейчас его окружало; водитель, чернявый парень в синей унифор-

ме, драил тряпкой лобовое стекло. Драил с отвращением, как будто боялся, что вездесущая розоватая пыль — заразна. Как будто именно она символизирует нищету, тоску и безнадёгу.

Лидка прошла дальше. Талонов на «форсмажорку» у нее не было.

Она боялась не застать Максимова, но, по счастью, он оказался на месте. Лидка увидела сперва его спину. Широкая, с выступающими позвонками, загорелая спина, мерно работающие мышцы: Максимов распиливал остатки чье-то забора.

— Лидка? А я топлива приволок...

— Отлично, — сказала она весело. Будто и не замечая его виноватых, бегающих глаз.

Перед палаткой сложена была печка из бесхозных кирпичей. Среди всего этого мусора забавно смотрелся кухонный сервиз — кокетливый, изящный, в горошек. Все равно сопрут, подумала Лидка равнодушно.

— Отлично... Чайку мне согреешь?

Чай у них был настоящий. В свое время стащили из развалин гастронома. Смародерничали.

— Лидка... Тут такое дело.

— Да? — спросила она нарочито рассеянно.

— Да... А где ты была?

— У Славы Зарудного, — сказала она после паузы. — Хотела у него взять фотографию Андрея... А он не дал.

— Вот скотина, — удивился Артем. И добавил, помолчав: — Лид, а ты этого Андрея до сих пор любишь?

— Люблю тебя, — сказала она со вздохом. — А его — помню. Понимаешь разницу?

— А меня помнить будешь?

Лидка подняла глаза на его загорелое, скуластое, очень взрослое лицо. Лицо своего ровесника.

— Тем... ты что?

— Да нет, — он заискивающе улыбнулся. — Я неправильно выразился... Извини. Я сглупил.

Она продолжала смотреть.

— Лид, тут такое дело... Набирают людей за бугор. Вербуют. На работу. Строителей, разнорабочих...

Лидка сразу все поняла. Отвела глаза; линиялые бока рыжей палатки то надувались ветром, то опадали. Как будто палатка дышала.

— Ну, я хочу... в общем, понимаешь, я хочу завербоваться... пока есть такая возможность.

«А я?» — хотела спросить Лидка, но не спросила.

— Лид... что ты скажешь?

— А ты меня спросишь? — она через силу улыбнулась.

Максимов отвел глаза:

— Они берут... только из младшего поколения. Больше никого. Я специально спрашивал... Но, может быть, по какому-нибудь особому каналу? Ты ведь высококлассный специалист... может, им ученые нужны, преподаватели...

Лидка устало улыбнулась.

Некоторое время они молчали; весь лагерь молчал. Это был удивительный, тихий, молчаливый лагерь; только тюкал где-то топор, и натужно ревел мотор в отдалении, и звенели мухи. А люди молчали. Ни смеха, ни плача, ни громких голосов.

В городе не было семьи, не пережившей потерю.

Остались по ту сторону апокалипсиса мать и брат Артема Максимова.

Погибли и Тимур, и жена его Саня. Яночка осталась круглой сиротой; Лидка знала, что мама каждый вечер молится перед тусклой обгорелой иконой. И каждый раз возмущенно спрашивает у Того, кто на ней изображен: почему?! Почему именно они, молодые?!

— Артемка, а университет?

— Какой университет? — спросил Максимов шепотом. — Какая наука... после всего ЭТОГО?

— Поднимется, — сказала Лидка без особой уверенности.

— Поднимется, — после паузы отозвался Максимов. — Через пару лет. Я вернусь... к тебе. Или заберу тебя... туда, если устроюсь.

Надувались и опадали рыжие бока палатки.

— Ты уже завербовался? — просто спросила Лидка.

Максимов сглотнул. Облизнул губу. Посмотрел загнанно, как тогда у доски, в их первую с Лидкой встречу.

Следовало, наверное, улыбнуться. И потрепать его по плечу. И выразить уверенность, что да, конечно, это лучший выход, что через пару лет он сможет вернуться или забрать Лидку к себе. И тогда они поженятся, и будут жить мирно и счастливо, и умрут, возможно, в один день...

Лидка стиснула зубы. Она знала, что *так* случится, но не думала, что это произойдет именно сегодня. Именно сегодня, в этот жаркий-жаркий, озвученный мухами день...

И такое ощущение, будто ударили под дых.

* * *

За день до отъезда Максимов принес ей огромную фотографию Андрея Игоревича Зарудного. Из тех плакатов, что были напечатаны еще в позапрошлом цикле. Копия журнальной фотографии, когда-то лежавшей у Лидки под стеклом, только копия увеличенная; вырезанное из журнала фото сгорело вместе с квартирой, которую Лидка когда-то снимала.

— Где взял?!

— У Ярослава Игоревича.

— Что, он тебе прямо так и дал?

Максимов жестко усмехнулся:

— Я *взял*, Лидка. Хотя давать он не хотел.

Лидка представила себе эту картину — покосившийся аварийный дом, седеющий Славка в дверях старой квартиры, и перед ним — такой вот плечистый, здоровенный, уверенный в себе парень.

— Ты что, с ним дрался?!

— Да ну, мне еще с ним драться, — безмятежно отозвался Максимов. — Он же... струсил, короче говоря.

Лидка облизнула губы:

— Артемка, а если он пойдет в милицию?

Максимов снова усмехнулся, на этот раз снисходительно:

— Да ты что, Лид? Какая теперь милиция?

Лидка взяла в руки старый, пропахший пылью свиток.

Развернула; краски, конечно, давно поблекли, но улыбка Андрея Игоревича оставалась прежней.

Теперь он был моложе Лиды Сотовой. По крайней мере на вид — моложе.

* * *

«...Пустые оболочки. Существа безмозглые и бездушные. Всякий, кто видел их, согласится с этим суждением... Но вот закончен апокалипсис. Люди и высшие твари ушли в Ворота, низшие твари затаились, переживая опустившийся на землю ад... И глефы, те, кто остался в живых и сумел насытиться, возвращаются в кипящее море. И покрываются пеленами, и становятся куколками, о которых нам неизвестно ни-че-го...

Говорят, что глефы — пустые существа, готовые принять в себя человека. И в начале нового цикла они перерождаются не только физически, но и внутренне. Говорят, души погибших во время апокалипсиса вселяются в дальфинов. Но души эти как бы спят — и только изредка вспоминают бывшее с ними когда-то. Дальфины видят людей — и вспоминают, что сами когда-то были людьми. И очень часто ищут контакта, но люди видят в них убийц и людоедов, и встречают их гарпунами и пулями...»

*(В. Великов, «На грани невероятного».
Мягкая обложка. Тираж 5 тыс. экз.)*

* * *

Песок на берегу изрыт был колесами самосвалов. Удивительно, но кто-то где-то что-то отстраивал, у кого-то были самосвалы; кому-то понадобились песок и галька, раз он взялся добывать их прямо с городского пляжа. Тоже своего рода мародерство...

Лидка прошла дальше.

Пляжные зонтики, косо воткнутые в песок, похожи были на жутковатый лесок-уродец. Трепетали на ветру лоскутки расползающейся ткани, ржавые спицы торчали во все стороны, будто лучи бракованных железных солнц.

Говорят, с одного из пляжей порывом ветра сорвало все зонтики. И они летели, кувыркаясь, и опустились где-то в городе, причем в падении поранили с полдесятка человек...

Лидка шла, увязая по шиколотку. Ее старые кроссовки давно были полны песка, песок перетекал между пальцами ног, сперва Лидка морщилась, а потом притерпелась. Ритм шагов затягивал; так борются с зубной болью — четыре шага вперед, четыре шага назад, из угла в угол тесной кухоньки...

Лидка шла, тупо глядя перед собой.

В прибрежных камнях лежал на боку прогулочный катер. На остатках снастей сохли какие-то тряпки, от катера тянуло дымком — видимо, и там кто-то живет.

Лидка обошла тушу дохлого корабля. Шагать становилось все труднее; песок сменился сплошным нагромождением камней. Лидка упала и поранила колено; поднялась и, шипя сквозь зубы, побрела дальше.

...Вероятно, настоящая любовь и обязана быть слепой. Настоящая любовь должна видеть потенциал великого ученого там, где его нет и быть не может...

Лидка криво улыбнулась.

Все злее жгло маленькое белое солнце. Наконец-то она выбилась из сил, присела на первый попавшийся камень, прикрыла глаза. Сквозь опущенные ресницы море казалось лужей расплавленного олова. И когда в этой луже замелькали черные спины, Лидка решила, что ей мерещится.

Дальфинов было штуки три.

Они были молоды. Они были, наверное, дети, почти младенцы; в глянцевой черной шкуре они существовали меньше месяца. Прежде они были яйцами в глубоководных кладках, а потом — чудовищными глефами, пожирающими все живое и мертвое... А потом короткое время — сонными неподвижными куколками. И вот теперь они полным ходом шли к берегу, не зная (или зная?), сколько пуль и гарпунов спит и видит, как бы войти в черный блестящий бок... Впрочем, теперь берег почти пуст. Никто не станет охотиться на относительно безопасных, поменявших шкуру людоедов.

Лидка сидела, поддавшись странному оцепенению. Дельфины то едва показывались над волнами, то выпрыгивали высоко в небо, Лидке казалось, что она различает их морды (лица?). И как будто они на нее смотрят. И идут к берегу специально затем, чтобы оказаться рядом с ней.

Она вспомнила, как когда-то смотрел на нее маленький удивленный глаз. И как потом этот глаз съели чайки.

Почему-то все, кто в ее присутствии стрелял в дельфинов, были ей неприятны. Гэошник Саша. Президент Стужа. Возможно, это совпадение. Даже скорее всего.

Дельфины подошли еще ближе. Гораздо ближе, чем это обычно случалось. Лидка сидела, не трогаясь с места.

Дельфины теперь делали вид, будто ее нет здесь. Облюбовали глубокое место почти у самого берега и затеяли, похоже, игру. То гонялись друг за другом, уходили на дно, то выскакивали наверх; Лидка оглянулась, нет ли на камнях стрелков. Уж больно подставлялись прыгучие твари.

Берег был пуст.

Тогда Лидка, поколебавшись секунду, сняла футболку. Сбросила полные песка кроссовки, стащила спортивные штаны, скомкала и сунула в какую-то щель застиранное белье. Ссадина на колене отзывалась болью на каждое движение.

Попав в воду, больное колено сперва вспыхнуло, а потом как-то странно успокоилось.

Вода.

Ритм волн.

Лидке казалось, что она вообще ничего не чувствует. Ни ссадины, ни колющей боли в левой стороне груди, ни тридцати семи прожитых лет. Ни двух апокалипсисов. Ни гибели Зарудного. Ни ухода Максимова. Ни рук, ни ног.

Она растворялась, как кусочек сахара. Потихоньку и с удовольствием. Кажется, сквозь нее уже просвечивало солнце...

Она улыбнулась.

Опустила лицо в воду. Без маски смотреть было плохо; размазанная черная тень прошла прямо под ней и вынырнула на поверхность в пяти метрах от Лидки.

— Привет, — сказала Лидка без страха и без радости.

Дальфин мягко ушел в воду. Рядом тут же вынырнул другой; при взгляде на его лицо (морду?) Лидке показалось, что это дальфиниха.

— Как у вас с половыми проблемами? Тоже небось нерест?

Третий дальфин подошел совсем близко. Лидка увидела его метрах в двух перед собой и даже успела испугаться.

Тугая спина провернулась колесом. Дальфин исчез. Возник у Лидки за спиной.

Сожрут, подумала Лидка. Сожрут, я поранилась, я пахну кровью...

Дальфин повернулся боком, не сводя с Лидки острого глаза. Глаз был карий, как у Тимура.

Лидка протянула руку и коснулась его кожи.

На мгновение вспомнилось видение в створе мертвых Ворот. Когда Лидкины руки вдруг удлинлись, не потеряв при этом чувствительности; дальфин был, наверное, в двух метрах от Лидки, а она легко, не напрягаясь, дотянулась до него указательным пальцем. И рука непроизвольно отдернулась...

Ничего не произошло.

Дальфин нырнул снова. Проплыл прямо под Лидкой; она ощутила, как ее обдало, будто ветерком, потоком разгоняемой воды.

Она вдруг застеснялась своего тела. Бесстыдно голого, не первой молодости и свежести, незагорелого, дряблого.

— Ребята, — сказала она хрипло. — Ребята... вы...

— А-а-а! А-а-а!

Кто-то кричал на берегу. Лидка обернулась; вероятно, эта молоденькая толстушка обитала в опрокинутом катере. Теперь она кричала и приседала; на ней была свободная, до колен, тельняшка.

— А-а-а! Дальфи... Вовка! Во-овка-а!

От невидимого за скалами катера уже бежал, перепрыгивая с камня на камень, полуголый парень с винтовкой в руках.

Дальфины были уже в море, метрах в пятидесяти от берега. И продолжали удаляться.

Первые младенцы появились на свет весной. Окна в уцелевших домах были к тому времени не только застеклены, но и подернуты кокетливыми занавесками. Младенцы рождались и рождались, и было их необычайно много; на каждом рекламном щите висел привычный, несколько выскопарный плакат: «Рождение — вот все, что мы можем противопоставить Смерти». С плаката смотрела пронзительными глазами женщина с огромным животом. За ее спиной угадывались очертания Ворот, развалины и пепелища.

Вереницами стояли у подъездов старые коляски. Сходил снег с неотстроенных развалин. Детский крик придавал особый колорит густонаселенному коммунальному быту.

Дочь Тимура Яночка родила Лидке внучатого племянника. Тьфу ты, почти внука; из-за этого хилого, не вполне доношенного существа удалось отсрочить неминуемое уплотнение. Квартиру Сотовых пока оставили в покое — хотя для полной уверенности надо было завести еще двух членов семьи.

— Я скоро замуж выйду, — говорила Яночка. — Не за этого, конечно, что мне малого сделал. Тот дурак... Я хорошего парня найду, надежного. Вот увидите.

— Вот и славненько, — нарочито бодро говорил отец. — Мужа твоего пропишем, а там и еще одного хлопца родите... или девочку. Успеете ведь?

— Успеем, — говорила Яночка. — Двойню.

— Давайте, — озабоченно говорил отец. — А то на Пашку надежда невелика, все на сторону бегают, паразит.

— Ничего, я скоро такую бабу приведу — не обрадуется, — сумрачно обещал Павел.

Лидка при этих разговорах старалась не присутствовать.

Паша редко ночевал дома; Лидкина детская комната принадлежала ей почти безраздельно. На столе, помнившем еще тетрадки лицеистки Сотовой, привычно лежала

фотография Зарудного. Мама в Лидкину комнату старалась без крайней нужды не заходить.

Изо всех щелей перла свежая трава. Зацвели тополя на бульваре; в один из теплых влажных дней Лидка долго сидела, глядя в окно и поглаживая портрет Зарудного под стеклом. Потом поднялась, достала из шкафа пластмассовую автомобильную аптечку и высыпала ее содержимое на диван.

Раскатились облатки и капсулы. Были среди них и такие, за которые на черном рынке можно было выручить денег на хороший магнитофон или вечернее платье, но Лидка не слушала музыку и не нуждалась в нарядах. Да срок годности у этих лекарств уже вышел, наверное, ведь покупались-то они еще в разгар рысюковской карьеры...

На коробочке с ночным транквилизатором был выбит условный срок «24». То есть двадцать четвертый год от начала цикла, в котором выпущено лекарство; начался второй год нового цикла, апокалипсис случился на двадцать первом, стало быть, транквилизатор годен, и даже вполне.

Лидка улыбнулась. Сбросила остальные лекарства на пол, легла на диван, подложив руку под голову. Коробочку с транквилизатором положила на грудь.

Жизнь прекрасна. Новый цикл — новая жизнь.

* * *

Шел дождь. В парке быстро темнело; зажигались желтые фонари в обрамлении мерцающих капель. Кто-то приглушенно смеялся. Под крышей ветхого павильончика играли уличные музыканты, гитарист и скрипач. Их слушали, сбившись толпой, накрывшись глянцевыми черными зонтами; Лидка остановилась на минутку и неожиданно для себя осталась на час.

Они хорошо играли. И теплый дождь, и зонты, и подсвеченные фонарями капли были частью этой музыки. Лидка стояла, сжимая в кармане ветровки коробочку с транквилизатором, и бездумно улыбалась в темноту.

Окружавшие ее люди тоже улыбались. Почти все были возбуждены, многие — навеселе, запах вина плавал над головами вместе с запахом моря и запахом дождя. Но пьяного хохота, громких голосов и прочей сопутствующей гадости не было; Лидка сперва удивлялась, потом перестала.

Гитарист и скрипач сделали паузу; толпа зашевелилась. Лидка отошла в сторону и села на мокрую скамейку.

В отдалении возвышался памятник Героям-подводникам — две мужественные фигуры с бронзовыми масками, сдвинутыми на бронзовые лбы. Один держал в опущенной руке акваланг, другой — гарпун. Весь город знал, что, если посмотреть с определенного ракурса, гарпун можно принять за невиданных размеров мужское достоинство. Наверное, потому Апрельский парк и обрел свою странную сезонную особенность.

Высокая голенастая девица, совсем молоденькая, видно, из младшей группы, нервно курила под облезлым парковым грибком. Два парня остановились неподалеку, о чем-то коротко посоветовались; один украдкой извлек нечто из кармана, другой вытащил это нечто у него из рук. Лидка готова была поклясться, что парни тянут жребий с помощью двух обыкновенных спичек.

Парни переглянулись. Опять же украдкой пожали друг другу руки; тот, что вытащил короткую спичку (так подумалось Лидке), пошел вперед, как бы прогуливаясь. Прошел мимо нервной девушки, остановился; вернулся, будто что-то забыв.

— У вас закурить не найдется?

Дурацкий вопрос, особенно если учесть, что девушка дымила всюю.

Некоторое время парень и незнакомка смотрели друг на друга. Потом девушка что-то тихо сказала и погасила сигарету. Парень ответил; в руках у него появился опять-таки заготовленный заранее паспорт.

«Интересно, а справок о здоровье здесь не требуют?» — подумала Лидка.

Девушка глянула на развернутый парнем документ. Пе-

ревела взгляд на его лицо; закусил губу. Полезна в сумочку, долго там рылась, парень терпеливо ждал. Наконец девушка извлекла свой, завернутый в полиэтилен паспорт. Показала парню. Тот прочитал, шевеля губами:

— ...Какое красивое имя!

Девушка бледно улыбнулась.

Парень галантно предложил свою руку; девушка взялась за нее двумя пальцами, будто боясь обжечься. И так, вдвоем, они зашагали по аллее — трогательно, будто влюбленные с вечеринки...

Нерест.

Лидка прикрыла глаза. За три часа, проведенных ею в вечернем парке, она насмотрелась этих сцен во всем их разнообразии. В основном здесь гуляла молодежь из последнего поколения, но попадались и люди постарше, мужчины Лидкиного возраста и даже совсем седые старички. Один такой старичок вздумал нежно поухаживать за Лидкой; она прогнала его, заслужив ядовитое замечание, что, мол, солидной даме-недотроге хорошо бы дышать воздухом в каком-нибудь другом месте...

Старичок был прав.

Дам Лидкиного возраста здесь было мало. Пришла парочка разукрашенных, молодящихся, пьяненьких особ — и сразу же удалилась в компании четверых подвыпивших юношей. Вообще же, говорят, профессиональных проституток отсюда гоняют, за этим следят специальные сотрудники ГО в штатском...

По аллее прошелся холодный ветер. Лидка поежилась; еле слышно пересыпались таблетки в картонной коробочке. Хотя нет, они не могли пересыпаться, Лидке почудился этот звук...

Сперва она хотела посидеть у моря, но разыгравшийся шторм и плохая погода сыграли с ней злую шутку. Она решила посмотреть на так называемый праздник жизни. И вот наблюдает уже четвертый час.

— У вас закурить не найдется?

Она окинула взглядом крепкого мужчину лет сорока. Мотнула головой. Поднялась и зашагала к выходу из парка.

* * *

«Представления о том, что искусственное оплодотворение вредно для здоровья, есть не что иное, как грубое суеверие. А распространенный миф о том, что искусственно зачатые дети якобы не способны пережить апокалипсис, — возмутителен и вреден. Пропаганда искусственного оплодотворения как альтернативы случайным связям должна занимать главнейшее место во всей пропагандистской работе медицинских учреждений».

*(Газета «Твое здоровье»,
15 сентября 2-го года 55-го цикла.)*

* * *

Ночью она лежала, слушая рев маленького Тимура. Тимура-второго, маленького сына Яны-второй. Вот путаница....

Интересно, а Лидкиным именем здесь кого-нибудь когда-нибудь назовут? Если вдруг будет две девочки подряд, если откроется вакансия для имени?

И еще — она думала, чем занимается сейчас Максимов. В первые месяцы после его отъезда это была почти болезнь — она не могла отвлечься от мыслей о нем. Где живет? Где работает? С кем спит?!

Несколько его писем хранились в ящике стола. Как ни странно, именно письма помогли Лидке освободиться от Максимова. Читая их одно за другим, Лидка кожей ощущала, как он отдаляется все дальше и дальше. В последних письмах участились нарекания на почту — вот, мол, как плохо ходит, если ты подолгу не будешь получать весточки — знай, это проклятая почта...

Из чего Лидка заключила, что переписка надоела Максиму и он готовится свернуть ее. Так и произошло. Вот уже четыре месяца от Максимова не было даже открытки.

Стопкой лежали на полу книжки о дальфинах. От академических и до бредово-популярных; стопка покрыта была толстым слоем пыли. Лидка давно отказалась от сво-

их псевдонаучных изысканий. Связь между дельфинами и апокалипсисом, дельфинами и Воротами? Бред. К дельфинам постоянно липнут самые немыслимые домыслы.

Она лежала и смотрела в потолок. Рядом на подушке валялась коробочка с транквилизатором; за стеной кричал младенец. Громче, тише, громче... «Тима, Тима, Тимочка...»

Принять одну таблетку — и сразу наступит позднее утро.

Принять все таблетки...

Ничего не наступит. В дельфина уже не вселиться... хотя хорошо было бы. А самоубийцу после смерти ждет в лучшем случае пустота...

Постукивал по стеклам дождь. Редко-редко по окнам проходились фары проезжающей машины, и тогда казалось, что в темноте зажигаются сотни укориженных глаз.

Лидка заснула, судорожно обняв подушку и уткнувшись носом в маленькую аптечную коробочку.

* * *

На постаменте памятника Героям-подводникам краснели выведенные помадой имена. Разноцветной помадой. Кроваво-алый «Миша». Кирпично-желтый «Петя». Розовый «Ростик». Перламутровый «Виталик». И еще много всяких, Лидка не стала их читать. Герои-подводники смотрели поверх голов, им, героям, не было дела до страстей, кипящих у подножия постаментов.

«Рождение — вот все, что мы можем противопоставить Смерти». Плакатами со строгой беременной женщиной были заклеены все столбы, все шиты и даже стены беленького паркового сортира. Кое-где плакаты были дополнены шаловливыми, а то и вовсе непристойными изображениями.

Лидка прошлась взад-вперед по аллее. Ее заметили; не раз и не два она ловила на себе внимательный, оценивающий взгляд.

Стайка девушек шепталась на двух сдвинутых скамей-

ках. Постреливали глазками, делая вид, что страшно увлечены беседой. Запах могучих, прущих на пролом духов расплывался, кажется, по всему парку.

Юноши стояли и бродили по двое, по трое. Поодиночке прогуливались седеющие мужчины зрелых Лидкиных лет. Вместо скрипача и гитариста в павильончике сидела смешанная компания с магнитофоном.

Одна блондинка показалась Лидке похожей на Вику, школьную подружку Максимова. От стыда Лидка готова была бежать куда глаза глядят, и бежала бы, если бы в следующую секунду не выяснилось, что девушка на голову ниже бывшей Лидкиной ученицы и совсем не такая симпатичная. Нет, это была совсем незнакомая девушка, взгляд ее скользнул по Лидкиному лицу, будто капля по клеенке. Не задерживаясь и не оставляя следа.

Лидка стиснула зубы. Сунула руку в карман, коснулась картонной коробочки. Нашупала скомканный листок бумаги; полчаса назад на автобусной остановке смуглая улыбчивая девушка сунула ей в руки этот плакатик-памятку. Она совала его всем женщинам, проходящим мимо; Лидка знала, что это за бумажка, но не выкинула, как обычно, в ближайшую урну, а сунула в карман. И несколько минут спустя, отойдя от остановки и пристроившись в хвост какой-то очереди, украдкой развернула листок.

То была реклама центра по искусственному оплодотворению. Распространялась бесплатно. Висела на видном месте в каждой аптеке. «Представление об искусственном оплодотворении как о противоестественном и вредном для будущего ребенка есть не что иное, как суеверие, грубое, пещерное, недостойное цивилизованного человека... Наш центр предлагает... с учетом достижений мировой медицины...»

Лидка не решилась ни выбросить листок, ни спрятать его. Нашла половинчатое решение — скомкала бумажку, как подлежащий уничтожению хлам, и... сунула обратно в карман.

На площади перед парком продавали воздушные шары. Влюбленные, смеясь, привязывали цветные ниточки к пуговицам; мамы поглядывали на них неодобрительно и

энергичнее покачивали свои коляски. Лидка подняла голову, провожая чей-то улетевший оранжевый шар. «Ап-рельский парк», — было написано на облупившейся вывеске. И рядом, на столбе, все та же суровая женщина с огромным животом. «Рождение — вот все, что мы мо...»

— Прошу прощения, у вас закурить... не найдется?

Лидка обернулась.

Парень лет двадцати, старшая группа. Ровесник Максимова, но совершенно на него не похож. Высокий, с длинными руками и ногами, с продолговатым лицом и прозрачными глазами чуть навывкате. В свое время мог бы оказаться у Лидки в классе...

— Я не курю, — сказала она медленно. И поняла, что нужно повернуться и уйти. И не возвращаться в этот парк никогда...

Рука в кармане стиснула одновременно и листок-пачку, и коробочку со снотворным.

Парень моргнул. У него были длинные пушистые ресницы; он не был похож на неудачника, отвергнутого ровесницами. Интересный парень.

Секунды шли. Не бежали, а именно шли, вразвалочку, кажется, даже прихрамывая.

— У вас какие-то неприятности? — спросил парень.

— С чего ты взял? — спросила она учительским тоном.

Парень отступил на шаг:

— Показалось... У вас такие... глаза.

— «Глаза», — передразнила она, выпятив подбородок. — Как тебя зовут?

— Иннокентий, — ответил он, совершенно не смутившись. И добавил, переходя на «ты»: — А тебя?

Она быстро огляделась. Направо. Налево. За спину...

— Ты не должен знать, как меня зовут. И я не хочу ничего знать о тебе, кроме имени. Ясно?

«Я ли это? — удивленно спросил внутренний голос. — И я действительно на ЭТО пойду?!»

— Ясно, — деловито сказал Иннокентий. — Мой паспорт...

— Не надо... Ничего не надо. Только скажи — почему ты ко мне подошел? Я же старая!

Иннокентий вдруг покраснел. Уши вспыхнули, как два рубина.

* * *

В родильном зале выбирались на свет по двадцать-тридцать младенцев одновременно. Врачи в синих балахонах расхаживали от стола к столу; обезумевшей от боли Лидке мерещился нескончаемый человеческий конвейер.

— А, здесь пожилая первородящая... Сан Саныч, пусть Нина не отходит от пятнадцатого стола...

Каждому новорожденному первым делом привязывали на ножку номер. Чтобы не перепутать в такой толчее.

— Мальчик. Девочка. Девочка. Мальчик. Три пятьдесят. Три двести. Два девятьсот... Шевелитесь, шевелитесь, через полчаса смена!

Не успею за полчаса, подумала изнемогающая Лидка. Придется рожать в пересменку.

Что же ты там застрял, Андрей?!

Некто, кого она с самого начала определила как мальчика Андрея, будто услышал ее мысленный призыв. Конопатая молоденькая Нина — сама на изрядном месяце беременности — засуетилась, забежала вокруг стола:

— Сан Саныч! Да Сан Саныч же! Пятнадцатый... Зашивать надо будет...

Лидка смотрела в потолок. Ей мерещилась белая поверхность моря, оловянные тусклые блики, огромная дельфинья морда с карим удивленным глазом...

Нельзя во время родов думать о дельфинах! Плохая примета!

— Здравсьте, — ласково сказала Нина. — Ох ты и здоровый какой пацан...

Лидка закрыла глаза.

Дорожка из бликов.

Дорожка.

Новая весна пришла на несколько недель позже, чем следовало. Колоссальные роддома потихоньку переоборудовались в обычные детские больницы, ясли, а то и общежития; детородный период заканчивался. Старшая группа уже всю возилась в песочницах, средняя группа ковыляла, держась за руки мам и бабушек, волоча за собой дребезжащие игрушки на деревянных колесиках. Младшая группа лежала в колясках и люльках, агукала и тянулась за погремушкой.

Сотовская квартира, еще два года назад подпадавшая под уплотнение, теперь напоминала не то зверинец, не то сумасшедший дом, не то перенаселенный до отказа муравейник. В трех комнатах помещались теперь Лидкины мама с папой, Яночка с двухлетним Тимурчиком, Лидка с трехмесячным Андреем и младший Лидкин брат Паша, исполнивший свою угрозу и приведший в дом жену, правда, годовалый ребенок у нее был от какого-то другого мужчины. Сама Лидка жила теперь бок о бок с племянницей Яночкой; Тимурчик ревновал к младенцу, приходившемуся ему дядей. Капризничал, изображал беспомощность, умышленно писал в штанишки и все норовил забросить в колыбельку то грязный ботинок из прихожей, то подобранный на улице осколок стекла, то еще какой-нибудь опасный хлам.

Если бы несколько лет назад Лидке сказали, как и в каких условиях она будет жить, — она либо не поверила бы, либо побежала бы топиться. Теснота, нищета и бесконечный детский гвалт — тем не менее Лидка была безмятежна, как никогда. Почти счастлива.

Ее мама, подчеркнуто равнодушная к сыну Пашиной жены, тряслась над Лидкиным ребенком, будто дракон над грудой золота. Откуда-то взялись запасы пеленок и одежды, два цикла дожидавшиеся своего часа. Мама гуляла с коляской, бегала на молочную кухню, готовила каши и смеси — своего молока у Лидки было мало, и Андрея почти сразу же пришлось докармливать.

Длинный строй мам и бабушек на скамейках приветствовал Лидку тепло и уважительно. Поначалу она шарахалась, а потом привыкла и даже научилась находить удовольствие в несуетных разговорах, куда более полезных и актуальных, нежели целые полки запыленных книг. Девятнадцатилетние девчонки, нянчившие по двое детей каждая, охотно делились с Лидкой своим богатым опытом. Унылая бездетная стерва умерла; ее место заступила не очень молодая, но энергичная мать со здоровым цветом лица.

Новый цикл — новая жизнь. Теперь Лидка сполна понимала, что значат эти слова. Все, когда-то казавшееся ей ценным и значительным, теперь частью отодвинулось, частью перестало существовать. Мир упростился, время распределилось на промежутки между сном и кормлениями. Еще одна коляска в общем потоке, еще одна справка в поликлинике, еще одна бутылочка детского питания...

Все переменялось в один день.

Лидка возвращалась из города. Несла хозяйственную сумку с бутылкой подсолнечного масла; ей повезло. Масло завезли в магазин прямо перед ее носом, она успела подскочить к прилавку и оказаться в голове свеженькой очереди.

И теперь вот возвращалась, довольная.

У подъезда, чуть в стороне от плотно заселенных скамеек, стояла, явно кого-то дожидаясь, тощая бледная женщина в черном плаще. Слишком теплом для майского дня. Руки женщины лежали глубоко в карманах.

Лидка хотела пройти мимо, но женщина ступила на асфальтовую дорожку, загораживая Лидке проход:

— Простите, вы — Лидия Зарудная?

— Я Лидия Сотова, — сказала Лидка, не особенно задумываясь.

Женщина на мгновение растерялась. Но только на мгновение:

— Не-ет... Вы ведь были женой Рысюка?

Вероятно, ответ прочитался на Лидкином лице. Черная

женщина кивнула, оскалила больные зубы и быстро вытащила правую руку из кармана.

Она была медлительна и неуклюжа, эта черная женщина. Хотя соседки, видевшие все от начала до конца, утверждали в тот вечер, что это Лидка была стремительна, «ну прямо как зверь».

Она успела уклониться. И ударить агрессоршу по черной руке; часть предназначенной Лидке кислоты плеснула на дорожку. Часть попала на джинсы, и эти джинсы пришлось потом выбросить. Несколько капель угодило на голую руку, но боль пришла уже потом.

— Сука! — тонко кричала черная женщина. — Я знаю! Это ты! Я тебя помню!

Соседки побежали вызывать милицию. На площадке ревели перепуганные малыши. Металлическая баночка с непонятной надписью валялась на асфальте, и на нее уже кто-то наступил.

— Вы знали! Он не убивал! Сфабриковали... дело! Ты еще поплатишься, сука, проклятье на твой род и на детей твоих...

Из подъезда выскочила Лидкина мама в халате и в тапочках.

— Вот... вот!

Откуда-то из-под плаща черной женщины появились и рассыпались по земле желтые листы бумаги — бледные ксерокопии документов с печатями, с устрашающими грифами.

— Провокаторша! Сука! Змея!

Кольцо женщин посреди двора вовсе не было непреодолимым препятствием. Но черная женщина не спешила убегать; прибывшая по вызову милиция довольно грубо затолкала ее в машину, а она все кричала и кричала с видимым удовольствием:

— Поплатишься! Стерва! За все!

Лидкина сумка лежала на дорожке, из-под ее темного брюха растекалась масляная лужа.

Контора, ранее носившая одиозное название ГО, теперь переродилась в скромную организацию под вывеской «Отдел Общественной Безопасности», ООБ.

Населявшие контору люди были относительно молоды — Лидкиного поколения и младше. Никого из них Лидка прежде никогда не видела, но глаза-буравчики были, очевидно, неотъемлемым атрибутом любого наследника ГО. Как будто бывшие сотрудники Гражданской Обороны сложили свои буравчики в сейф, чтобы преемники, ввалившись в здание, первым делом примерили на лица этот незабвенный, специфический взгляд...

Сухошавый, серолицый, страшно усталый мужчина в штатском записал Лидкины показания и велел ей расписаться. Показаний было — кот наплакал. Шла домой, увидела совершенно незнакомую женщину. Успела уклониться от направленного в лицо потока кислоты. Нанесен незначительный материальный ущерб и значительный — моральный...

Потом, когда Лидка уже собралась уходить, серолицый вздохнул, как кузнечный мех, и достал откуда-то новый лист гербовой бумаги.

— Лидия Анатольевна... Вашим первым мужем был Ярослав Андреевич Зарудный?

— Да, — сказала Лидка после паузы. И добавила, колебавшись: — Мы расстались с ним в прошлом цикле. Очень давно.

Обэшник вздохнул снова:

— Ваш брак с Игорем Рысюком тоже распался?

— Да.

— Где вы были во время процесса над Рысюком?

Лидка поморщилась:

— Здесь. В городе. Но я не знала, что идет процесс. Меня занимали другие, м-м-м, проблемы.

Следователь вежливо поднял брови:

— То есть вы НЕ ЗАМЕТИЛИ событие такого масштаба?

— Я была занята другим, — упрямо повторила Лидка. И добавила с кривой усмешкой: — Я была, видите ли, влюблена. И мне отвечали взаимностью.

— А-а-а, — сказал следователь. И некоторое время смотрел на Лидку, как бы прикидывая, кто же был тот ненормальный, что влюбился в эту гримзу.

— Когда было выдвинуто обвинение против Верверова... вы уже расстались к тому времени с Рысюком?

— Ну конечно рассталась, — сказала Лидка таким теплым снисходительным тоном, что для полноты картины следовало добавить: «...дурачок мой». — Давным-давно рассталась. Претензии этой женщины... мягко говоря, смешны.

— Ага, — сказал следователь, кажется, с облегчением. — По всей вероятности, ей потребуется помощь психиатра... Спасибо, Лидия Анатольевна. Больше у меня нет к вам вопросов.

* * *

Черная женщина оказалась вдовой Дмитрия Александровича Верверова, главного политического противника генерала Стужи. Мертвого противника. Впрочем, и сам Стужа теперь мертв — во всех смыслах. Жизнь его оборвалась во время апокалипсиса; все, что осталось от его тела, погребено под слоями земли, камней, песка. Все, что осталось от его имени, погребено под слоями проклятий, и они, проклятия, тяжелее самой чудовищной глыбы.

А Верверов просто забыт. Всеми, кроме его вдовы. Потому что его дети тоже, оказывается, не пережили последнего апокалипсиса.

...Лидка позвонила в дверь, открыла Яночка. Маленький Тимурчик сидел посреди прихожей в картонной коробке из-под форсмажорной помощи.

— Ой, тетя Лид, ну наконец-то... Андрейчик поел и все срыгнул. Не спит, голодный... А у Тимы опять диатез, так я хотела в аптеку выскочить...

Яночка говорила и натягивала туфли. Лидка поставила свою сумку на полочку для обуви. Поперек длинного тем-

ного коридора лежал косой солнечный луч, населенный, как амебами, медленно плывущими пылинками.

— Теть Лид, я на полчаса...

Лидка заперла за ней дверь. В комнате все громче и громче верещал младенец.

— Люса ни слусаеса, — осуждающе сказал Тимурчик из своей коробки. — Тима уписалса...

Лидка увидела, что стенки коробки потемнели от вбираемой влаги. Тимур смотрел на нее честными серьезными глазами. Глаза у него были незнакомые — ни в Тимура-старшего, ни в Саню, ни в Яночку. Наверное, в собственного неизвестного отца.

— Подожди, Тима... Надо было попроситься... Ты уже большой мальчик...

Она торопливо вымыла руки. Накинула поверх блузки домашний халат.

— Андрюшечка, ну что такое... Ну иди сюда...

Пеленки были мокрые, рубашечка — грязная. Лидка возилась, переодевая, бормоча ласковую бессмыслицу, стараясь не слышать возмущенных воплей обделенного вниманием Тимура; Андрей притих. Выложенный на животик, подобрал под себя ручки и без усилия поднял голову. Проследил глазами за резиновым попугайчиком, разинул рот, улыбнулся от уха до уха.

Светлые пряди младенческих волос свешивались на выпуклый розовый лоб. Лидкин сын улыбался счастливо и даже несколько залихватски.

* * *

Она не могла проснуться. Даже в те редкие минуты, когда становилось ясно, что происходящее — сон.

Они ждали... чего? Кажется, праздника. Был дом, очень высокий, шестнадцать этажей. Лидка понимала, что с точки зрения сейсмологии такой дом никуда не годен — развалится в первую же *мрыгу*, от первого же толчка. Но вот же — стоит...

Был балкон. Очень просторный. На балконе — стол, та-

буретки, какие-то люди, знакомые и незнакомые. Мама, Яночка, даже, кажется, Максимов...

Балкон не был огражден. Почти не был. Перила оказались проломаны, или сгнили, или обвалились; со всех сторон зияли дыры, гости, смеясь, предупреждали друг друга: осторожно, а то еще свалитесь.

А под ногами гостей вертелся Андрюша. Уже большой, лет двух или трех. Бегал и лепетал, и, когда он пробежал мимо пролома, Лидка чувствовала, как обмирает сердце.

— Иди сюда... Не ходи туда... Дай руку...

И сын послушно сидел рядом с ней — целую минуту. А потом Лидка отвлекалась, и все начиналось сначала. Развеселый колокольчик, бегущий по краю пропасти.

Лидка становилась в проломе, загораживая его собой, но дыр в ограде было много, и она не могла закрыть их сразу все. Обреченность витала над столом, над веселящимися гостями.

— Андрей!!

Лидка проснулась.

Непроглядная тьма. Духота. Сопение.

Сунула трясущуюся руку за прутья кровати.

Живое. Теплое. Спит.

* * *

Случай с Верверовой целый месяц развлекал компанию гуляющих мамаш. Центральная городская газета не пожалела двадцати строчек в разделе «Криминальная хроника», по счастью, без фотографий. Молодой длинноволосый корреспондент целых два дня дежурил у подъезда, ожидая, пока Лидка выйдет с коляской; Лидка не вышла, и корреспондент нашел себе занятие поинтереснее.

Пришло письмо от Максимова. Помятое, потертое, пропутешествовавшее не одну неделю. Лидка долго не решалась вскрыть его, а когда наконец прочитала — ничего страшного не оказалось в этом письме. Ни покаяний с истерикой, ни вежливых извинений; даже отзвука былой теплоты — и то не было. Обычное школьное сочинение на

тому «Как я провел лето». Не опасно, не разрушает душевный комфорт, хотя и провоцирует бессонницу...

Телефонный звонок прозвучал в полвосьмого утра.

Яночка с Тимуром стояли одетые на пороге квартиры, собираясь идти в поликлинику. За стенкой ревел приемный Пашин сын; младенец Андрей только что позавтракал, и Лидка прижимала его к себе, смиренно дожидаясь, пока малыш срыгнет.

— Мама! Возьми трубку!

В ванной шумела вода. Мама если и слышит — что же ей, нагишом к трубке бросаться? Отец, кажется, еще спит...

— Теть Лид, ну возьми, — раздраженно сказала Яночка. — Мы же опаздываем.

И хлопнула дверь.

Одной рукой удерживая ребенка, Лидка прошлепала к телефону. Подняла трубку:

— Алло.

Молчание. Тресь-тресь. Лидка готова была в раздражении швырнуть трубку обратно, когда с той стороны, из потрескиваний, возник голос:

— Будьте добры, позовите Лидию Анатольевну.

— Это я, — сказала она, сильнее прижимая к себе Андрея.

— Это Саша, — сказала трубка. — Мы когда-то ныряли вместе. В Рассморте. Помнишь?

Андрею было неудобно. Он пошевелился, высвобождая ручки. Тихонько закряхтел.

— Помню, — сказала Лидка глухо. Но вспомнила не море и не затопленные ворота, и не дерево из тугих шелестящих пузырьков — вспомнила обитую кожей дверь и тускло поблескивающую булавку на галстук: «Ты права. Ученый из тебя хреновый».

— Старая Верверова все-таки достала тебя? Дотянулась?

— Нет, — сказала Лидка сквозь зубы. — Только джинсы выкинуть пришлось.

Маленький Андрей наконец-то срыгнул. Так, кофточку снова придется менять.

— Лида, надо встретиться. Поговорить.

— Не хочу! — сказала она зло. — Все это меня не касается. У меня нет времени. У меня маленький ребенок.

Пауза.

— Да-а?! Поздравляю... Тем более — ты же хочешь жить спокойно? И, наверное, хочешь узнать, кто все-таки убил Андрея Зарудного?

Младенец хныкал все громче.

— Что молчишь, Лида?

— Подожди...

Неловко наклонившись, она положила трубку на столик. Отнесла ревушего малыша в комнату, уложила в кроватку, тряхнула гирлянду из погремушек; малыш остался безучастным. Плакал.

Лидка прикрыла за собой дверь. Вернулась к телефону.

— Саша?

— Да?

— Чего тебе надо от меня?

— Это ТЕБЕ, Лида, надо. В конце концов, столько времени прошло, и мы оба живы... Что странно и восхитительно. Нас связывают кое-какие общие воспоминания... Неужели тебе не интересно?

Лидка молчала. Прежде Саша не позволял себе эпитетов, тем более сентиментальных. «Странно и восхитительно». Постарел?

— Значит, так, Зарудная, давай-ка встретимся через часок где-нибудь в спокойном месте, в парке... И ты ведь хочешь знать, кто его убил?

Лидка закусил губу.

Правильно ли она сделала, когда назвала малыша Андреем? Это имя ползло за ней, как тень, и не всегда приносило только радость. В последнее время — совсем даже наоборот...

— Да, — сказала она через силу. — Соломенский парк. Идет?

От ее дома было двадцать минут ходу до Соломенского парка. Неспешным шагом с коляской — полчаса.

— Идет, — отозвался Саша. — Через час. Если ты опоздаешь, я подожду.

Она положила трубку.

— Ну не реви... Ты же сытый... А, ты уже напрудил тут... Сейчас. Сейчас гулять пойдем, ой, смотри, какая цаца...

Дверь в коридор была полуоткрыта. Лидка видела, как из Пашиной комнаты на цыпочках выскользнула его жена. Нырнула в освободившуюся ванную; ей, бедняге, тяжело. Тяжелее, чем когда-то Лидке в доме Зарудных. Не зря она такая бледная и нервная. Не зря за стенкой все чаще случаются приглушенные, но отлично слышимые ссоры...

— Лида, кто это звонил? — спросила мама из кухни.

— Так, — отозвалась она рассеянно. — Один знакомый... Мы — гулять.

— Лида, ты ведь не ела?!

— Ела-ела... Пока.

С мастерством опытного водителя она провела коляску в дверной проем. Со второго раза попала колесами в желобки на лестнице; очень хорошие желобки, удобные. Через пару лет их снимут за ненадобностью.

Андрей наконец-то увлекся погремушкой. Пытался достать звенящую от толчков пластмассовую гирлянду; Лидка протолкнула коляску в двери подъезда. Перевела дух.

Несмотря на ранний час, на скамейках у подъезда оставалось не так много посадочных мест. Лидка прошла сквозь приветствия, как раньше проходила сквозь косые взгляды; посреди песочницы стоял на четвереньках годовалый внук Светки с четвертого этажа. Рот дитяти перемазан был песком — и парень собирался продолжить трапезу; вот он зачерпнул горстью и отправил содержимое в рот, и Светка, постаревшая и располневшая, сорвалась со скамейки, чтобы подхватить негодника за шиворот и вытряхнуть из него недоеденный песок:

— Ах, ты опять? А по попе сейчас, по попе дам...

Недовольный рев. Без особого отчаяния, так, дань приличиям; Лидка обратила внимание, что обитателей песочника стало меньше. Прочие, видимо, в яслях.

По тротуару двигался целый поток гуляющих колясок; Лидка приноровилась к общему темпу. До назначенной встречи оставалось минут пятнадцать, она знала, что опоздает, но спешить не хотела. Был даже момент, когда она всерьез собралась поворачивать обратно, но одумалась и продолжила путь. Телефонный номер он знает, так что проще сразу все решить, чем играть в «перепрыжки»...

Руки ее автоматически покачивали коляску. Ребенок задремал.

Со времени их последней встречи прошел почти цикл. Произошло множество событий. Но Лидка почему-то отлично помнила, какой ворсистый был в кабинете ковер. И какая заколка блестела на галстуке. О чем они говорили — сейчас неважно, хотя некоторые Сашины слова основательно засели в памяти. Насчет «хренового ученого», например. Или вот эти: «Ты действительно казалась перспективной штучкой. Ты была фанаткой. Таких боятся. И ты умело делала вид, что много знаешь...»

Ничего я не знаю, думала Лидка угрюмо. Да, я разбира-ла архив Зарудного, но и вы, гзошники, разбирали его тоже. Возможно, в молодости мне хотелось выглядеть значительнее, чем я была на самом деле. Но если бы действительно что-то знала, я не дожидаясь бы до сегодняшнего дня, так ведь?

Она невольно ускорила шаг. В витринах плыло ее торопливое отражение — женщина катит коляску; магазины украшены были звездами из фольги и прочими атрибутами приближающегося Нового года. Нового, четвертого года; не так просто было привыкнуть, что праздник приходится теперь не на осень, как в прошлом цикле, а на второе июня. Три года прошло — как не бывало. Три года после этого ада — и ничего, живем...

Действительно ли ей интересно, кто убил Андрея Игоревича? И возможно ли правосудие — теперь, после всего, что было?

Право-судие. Если по праву, то и ее, Лидку, надо... того. Потому что и она ездила по райцентрам в составе этой проклятушей агитбригады, и в ночь выборов сидела перед

медленно зеленеющим экраном, и, кажется, даже радовалась... И говорила своим школьникам что-то про «ответственность за успешное овладение знаниями и умениями», «сознательность граждан» и прочую политкорректную, преступную чушь...

Что такое одна жертва, пусть даже и депутат... по сравнению с тысячами жертв последнего апокалипсиса?

Она обогнала одну коляску. И еще. Кто-то сказал: «Осторожно», кто-то неодобрительно посмотрел. Лидка шагла все быстрее.

У нее есть шанс УЗНАТЬ.

И многое решится.

И многое...

Сирена «Скорой помощи». Милицейская мигалка; круто Лидка взяла влево, чтобы обогнуть небольшую, но быстро растущую толпу. Не удалось; как назло, дорожный инцидент — а это был, по-видимому, именно он — случился прямо на площади перед Соломенским парком.

— Проходите, проходите... не задерживайтесь...

— Куда ты прешься со своей коляской?!

Андрейка спал, улыбаясь во сне, и казался точной копией Лидкиных младенческих фотографий; Лидка задержала занавесочку, прикрывая сына от чужих ненужных взглядов.

— Проходите... Женщина, вы куда?

— В парк, — отозвалась она автоматически.

Чьи-то спины расступились. Лидка осторожно спустила коляску с бордюра; колесо проехало по брошенной туфле. Мужской, не новой, но вполне приличной, аккуратной вычищенной несколько часов назад.

Только тогда Лидка подняла голову.

На тротуаре — на белой «зебре» перехода — лежал человек лет шестидесяти, в мятом летнем костюме.

Босой. В серых носках.

Волоча за собой коляску, Лидка, как привязанная, шагнула ближе.

— Ну что за народ, — бормотала проходящая мимо старушка. — Сбежались... стервятники... на *такое* смотреть...

Люди в синих халатах уже грузили лежащего на носилки. Не то чтобы совсем грубо, но и не так, как принято обращаться с живыми.

За секунду до того, как на мужчину накинули простыню, Лидка успела увидеть его лицо.

Жизнь не пощадила бывшего подводника Сашу, зато смерть его была мгновенной.

* * *

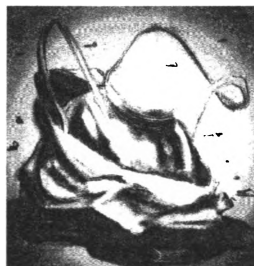
«Нашим предкам не сразу удалось установить связь между глефами и дельфинами. Биолог Карл Дорф, впервые выдвинувший гипотезу о стадиях развития дельфинов, был поначалу объявлен едва ли не сумасшедшим. В самом деле, ведь дельфины — млекопитающие! Сравнительный анатомический анализ дельфинов и, например, китов выявляет много общего... Но есть и различия. И главное из них — органы размножения...

Детенышей дельфинов попросту не существует в природе. Желая подтвердить теорию Дорфа, его последователи провели несколько глубоководных экспедиций (см. главу «Тайны океанов»). Одна из них закончилась трагически. Прочие не принесли желаемых результатов — все, кроме одной. Накануне очередного апокалипсиса отважным ученым удалось погрузиться на глубину более тысячи метров и заснять объект, впоследствии получивший название «дельфинья кладка». Это и есть кладка, дельфины откладывают яйца, как это делают, к примеру, стрекозы. Труднодоступность таких кладок оберегает яйца — до сих пор не существует надежного способа их уничтожения... В час апокалипсиса срабатывает «биологический будильник», природа которого до сих пор не ясна — вероятно, это мультифакторная система, учитывающая сейсмические колебания, изменение температуры воды и ее химического состава. Из отложенных дельфинами яиц появляются на свет существа, известные нам как глефы... Целью недолгой жизни глефы является поглощение разнообразной органики. Добравшись до берега, они выходят на сушу, где и поглощают все, до чего могут дотянуться (см. главу «Гле-

фы»). Насытившиеся глефы возвращаются в море и там переходят на следующую стадию развития — покрываются оболочкой и замирают, подобно куколке у насекомых. В таком виде им удастся пережить апокалипсис... Всего через несколько месяцев после катаклизма из куколок появляются на свет дельфины, какими мы их знаем. Они питаются рыбой, и, как правило, не представляют опасности для человека.

С тех самых пор, как обнаружилась связь между дельфинами и чудовищными глефами, человечество ломает голову над тем, как избавить себя хотя бы от этой опасности. Тотальное истребление дельфинов оборачивалось неожиданным результатом — отстрел дельфинов не сокращал количества глеф, а, наоборот, как бы провоцировал всплеск их активности. Вероятно, срабатывали неизвестные нам компенсаторные механизмы... Уничтожение глубоководных кладок оказалось дорогостоящей и неэффективной мерой. На сегодняшний день наиболее действенным методом борьбы с глефами остается их отстрел из крупнокалиберного оружия. Завалы из органических отходов, воздвигаемые на берегу для отвлечения глеф, всякого рода препятствия и улавливающие тупики не приносят желаемых результатов...»

(«Популярная энциклопедия», т. 1, с. 46—47.)

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Наука не финансируется. Совсем. Те из наших сотрудников, которым не удалось уехать, занимаются прикладными исследованиями... или устроились на работу в ясли. Я знаю, ваш уход из науки — в прошлом цикле — был результатом преследований со стороны ГО. Я могу понять, почему вы оставили науку *тогда*. Но что побуждает вас вернуться к ней сейчас, в эти сложные времена?

Эту женщину Лидка смутно помнила. Кажется, они учились в одно время; когда Лидка была на втором курсе, эта дама училась на третьем. Тогда она еще не была дамой, ей было двадцать лет или что-то около того, любая одежда висела на ней, как на вешалке, она каким-то чудом ухитрялась рожать «без отрыва от учебы» и являться в библиотеку с переносной люлькой. Детей у нее было двое... если Лидка ни с кем ее не путает.

— Ваша идея... Видите ли, это, безусловно, интересно, однако денег нет ни на оплату вашего труда, ни на оплату аналитической группы, ни на экспедиции. Понимаете?

— Может быть, международные фонды? — спросила Лидка без особой надежды.

Дама посмотрела на нее сочувственно.

Ей, даме, тоже приходилось несладко. Ее тонкая кофточка была покрыта катышками свалявшейся шерсти. Дама нуждалась в услугах дантиста и гастроэнтеролога, ее взрослым детям тоже надо было где-то учиться, а предшественники, которых в этом цикле уже сменилось трое, успели полностью отработать возможности по устройству студентов за рубеж...

— Мне не нужны экспедиции, — сказала Лидка глухо. — Мне нужна техническая база... мощная вычислительная техника. Статистический анализ.

— Как вам пришла в голову эта... мысль? — тихо спросила дама.

Лидка помолчала. Осторожно потрогала пальцем полированную поверхность стола:

— Я думаю, она не мне первой пришла в голову. Но современные технические возможности...

— Да какие возможности. — сказала дама раздраженно и горько. — В прошлом цикле все ушло в ГО, все ресурсы. Нынешний... с нынешним все ясно. Мы деградируем, дорогая Лидия Анатольевна. Из цивилизованного государства мы превращаемся в обыкновенный союз племен... Какая уж тут наука. Одна видимость. Наши внуки будут жить в землянках и питаться мясом диких животных...

— Мне кажется, вы преувеличиваете, — осторожно предположила Лидка.

Собеседница подняла на нее глаза, и Лидка поразились их сходству с зеленоватыми пуговицами у дамы на кофточке.

— У меня было два сына, Лидия Анатольевна. Близнецы. Было два, остался один. По какому принципу осуществлялся... этот ваш предполагаемый отбор?

— Я не знаю, — сказала Лидка, отводя взгляд. — Для этого и нужен анализ... база данных.

Обе помолчали.

— Если вы окажетесь правы, Лидия Анатольевна... Не знаю, как и сказать. Это будет величайшее — и самое скверное — открытие за всю историю человечества. Ничего, что я так высокопарно выражаюсь?

Лидка молчала.

— Хорошо, я передам вашу заявку на рассмотрение международного академического фонда... когда появятся первые результаты. *Если* появятся первые результаты. Понимаете?

Лидка кивнула. Секретарша принесла кофе; звякая ложечкой о фарфор, Лидка смотрела, как двигаются напмаженные губы собеседницы.

— ...Это правда, что вы были невесткой Андрея Зарудного?

Лидка неспешно отхлебнула из чашечки.

На краю стола стоял красивый глянцевый глобус. Поверх физической карты штрихами нанесены были границы обитаемых и необитаемых зон. И тех, что когда-то были обитаемыми. Территории так называемых Погибших Цивилизаций.

— Это не совсем точно. Я вышла замуж за сына Зарудного, когда Андрея Игоревича уже не было в живых.

Дама поджала губы. Лидка знала, о чем она сейчас спросит, и потому опередила ее, как змея броском:

— Да, Андрей Зарудный разрабатывал теорию бескровных апокалипсисов. Но он *никогда* не стал бы достигать своих целей таким образом, как это сделали его последователи... те, кто называл себя его последователями. Его имя использовали в нечистых целях... Я понятно выражаюсь?

Дама медленно кивнула:

— Вполне... Вам не кажется, что ваша идея — антипод красивой идее Зарудного? Как бы ее тень?

— Не знаю, — сказала Лидка.

Дама вздохнула. Усмехнулась уголками рта:

— У вас ведь маленький ребенок. Как вы проживете на те гроши, что сможет предоставить вам Академия?

* * *

Рев стоял — затыкай уши.

— Аллочка, мама завтра придет... Танечка, мама звонила, у нее работа до ночи, она не может вас забрать. Идемте к деткам... Детки, покажите игрушки.

Детки, привычные к душераздирающим сценам, быстро прижали к животам кто тряпичного зверя с битающимися лапами, кто трактор на резиновых гусеницах, кто куклу, кто машинку. Никому не хотелось жертвовать игрушкой в угоду чужому дурному настроению.

— Посмотрите, девочки, а вот большие кубики, можно построить домик...

— Я н-не хочу домик! Я хочу к м-маме! — ревела старшая, Аллочка, рыженькая, с тонкими косичками, о которых Лидка с ужасом подумала, что завтра утром их предстоит заново заплетать. Младшая, Танечка, трагических

настроений не разделяла, но ревела в унисон со старшей сестрой. Солидарности ради.

Лидка коротко вздохнула:

— А хочешь, подарю тебе пистолет?

Рев слегка растерял напор и уверенность.

— А хочешь... завтра позовем в группу большую собаку?

Младшая уже молчала, глядя на Лидку круглыми голубыми глазами. Старшая всхлипывала.

— А хочешь посмотреть, кто живет в умывальнике?..

Она работала здесь уже полгода. Ночной няней, с семи вечера до семи утра. Каждый день. За небольшие, но стабильные деньги.

Двухлетний Андрей обретался тут же, в ясельной группе. Вечера проходили в заботах, зато день оставался свободным; теперь у Лидки был свой стол в Академии, письменный стол в сыром и неотопливаемом кабинете. И допуск в вычислительный зал.

Она работала.

Из десяти разнообразных математиков, с которыми Лидка по очереди пыталась наладить сотрудничество, вкалывать «за идею» согласился один. Молодой парень двадцати трех лет, выпускник политехнического института, Костя Воронов. Костя был вторым после академической дамы человеком, которого Лидка — под страшную клятву о нераспространении — посвятила в свои планы.

Костя был чем-то похож на Максимова. Но теперь, по прошествии почти четырех лет, Лидка научилась не принимать такое сходство близко к сердцу.

В первые же дни совместной работы Лидка убедилась, что в лице Кости судьба явила ей одну из самых искренних, самых широких своих улыбок.

Костя как будто сошел со страниц детского фантастического романа — классический ученый-растяпа, скромный гений, человек не от мира сего. За время своей учебы в политехе он дважды болтался на грани исключения. Уже получив диплом, он никак не мог устроиться на работу: на момент их с Лидкой знакомства Костя занимал почетную должность ночного сторожа на каком-то мелком складе.

С пятнадцати лет он придумывал и разрабатывал какие-то программы для вычислюхи, и одна из них как нельзя

лучше подходила к задачам по мультифакторному анализу. «Несите все, — сказал Костя Лидке. — Любые сведения. Вплоть до излюбленных словечек-паразитов, вплоть до оценок в табеле за первый класс. Собственноручные автографы, детские рисунки, отпечатки пальцев. Все, что раздобудете».

— ...Пусти зайца-молодца в Малые Воротца, небо красненько, травка черненька, злая глефа на пороге, уноси, зайчишка, ноги, лиска, мишка, воробей, ну-ка, спрячемся скорей...

Сосредоточенный Андрей (в свидетельстве о рождении Лидка записала «Андреевич») сидел на ковре; перед ним горкой лежали туловище пластмассового пупса, отдельно голова и четыре конечности. «Врачом будет», — подумала Лидка без особого энтузиазма.

...Исходная Лидкина посылка была — доказать, что Ворота являются фактором направленного отбора. А вот по какому признаку — гм, хотелось бы выяснить.

Она поднимала архивы загсов, соцстраха и ГО. Ее интересовали не все погибшие во время эвакуации, а только те из них, кто не пережил своего первого апокалипсиса. Люди младшего поколения, так и не оставившие потомства.

Таких, как ни странно, было неожиданно много. Почти сорок процентов от всех погибших — при том, что молодежь и бежит быстрее, и легче переносит физические нагрузки. Еще сорок процентов составляли пожилые люди и старики, для которых апокалипсис был третьим-четвертым. И около двадцати процентов — все остальные.

По ночам Лидке снилось огромное дерево, из толстых черных веток которого лезли под солнце молодые побеги. И некто с садовыми ножницами аккуратно подрезал их, придавая свободному гиганту форму садового куста. Не просто стриженного, а стриженного прихотливо...

Каждая отстриженная веточка — имя. Вот, например, Сотова Яна Анатольевна, первый год пятьдесят третьего цикла — двадцать первый год пятьдесят третьего цикла. Или сын академической дамы, Дорошко Виталий Николаевич, второй пятьдесят четвертого — двадцать первый пятьдесят четвертого. И таких карточек — ящик за ящиком, полка за полкой, вот уже несколько шкафчиков накопилось.

По каждой «отрезанной ветке» она собирала максимальное количество данных. Цвет глаз, волос, рост, вес. Особенности характера, склонности, успеваемость в школе. Данных не было, приходилось выцарапывать их буквально по крупице; приходилось разыскивать бывших учителей, встречаться с ними под видом корреспондента (многие верили) и расспрашивать о погибших школьниках, как если бы они были живыми.

Лидка разыскала данные и по своим бывшим ученикам. Только из максимовского класса погибли семеро (проклятый Стужа! проклятый апокалипсис!). Беленькая кукла Вика погибла тоже, а вот о дочери гзошника Тоне Дрозд сведений не было. «Выжила, — подумала Лидка. — Такие всегда выживают».

И она добавила еще семь карточек в свой архив. И в тот день не стала больше работать, поехала к морю и долго сидела, глядя на ползушие вдоль берега баржи...

Весь собранный материал она несла Косте. «Еще, — говорил тот. — Мало. Для статистической подборки — в самый раз. Для настоящего мультифакторного — мало...»

Двухлетняя упрямая Юля стояла посреди группы, и вокруг ее тапочек растекалась лужа; возле шкафчика шла активная торговля, торговались толстенький Вовка и рева Аллочка:

- Взвесьте мне еды.
- Хлеба или огурцов?
- Огурцов.
- Вот, пожалуйста... Чего еще?
- Еще еды.
- Еще огурцов?
- Да!

Маленький Андрей, позабыв про расчлененного пупса, поднялся на ноги и неотвратно, как возмездие, зашагал к домику из кубиков, только что сооруженному его ровесником Толиком. Толик почуял опасность, схватил домик в охапку — с грохотом разлетелись деревянные кубики — и потащил прочь, роняя по дороге обломки интерьера.

Лидка подошла. Взяла Андрея на руки; крепко прижала к себе, упреждая слабые попытки вывернуться и поспешить вслед за похитителем домика.

...Костя, допущенный до мощнейшей вычислительной машины, похож был на кота, которого купают в сметане. Оставил работу сторожем, жил впроголодь — Лидка подсовывала на стол бутерброды, увлеченный работой Костя уничтожал их, не задумываясь.

— ...Лидия Анатольевна, но если он существует — отбор... Если он проводится кем-то или чем-то вот уже пятьдесят с лишним циклов — значит, когда-нибудь материал сделается совсем однородным? То есть тот признак, по которому идет отсев, исчезнет вовсе?

Лидка пожимала плечами:

— Вероятно.

— И *мрыги* тогда прекратятся? Как лишенные смысла?

— Не знаю. Наверное.

— То есть для того, чтобы прекратить апокалипсисы в ближайшие несколько циклов, человечеству надо всего-навсего перебить особей, неугодных хозяевам Ворот?

Лидка вымученно улыбалась:

— Скорее всего, у Ворот нет никаких хозяев, Костя. Не надо... упрощать.

Операторы вычислительного зала поглядывали на них с опаской и с уважением. Лидкина картотека, перенесенная на монитор, выглядела внушительно и страшно. С экрана глядели молодые лица людей, так и не оставивших потомства. Отсеченные веточки; на каждого из них имелось досье, более или менее толстое.

Предстояло определить признак или комплекс признаков, общий для всех, кто не дал потомства. Нечто, отличающее и Лидкину сестру, и красивую девочку Вику, и несчастного сына академической дамы от прочих, выживших.

Многие гениальные идеи на первый взгляд кажутся ересью.

— Пись-пись, — печально разведя руками, констатировала Юлечка. И самокритично добавила: — Сты-ыдно.

* * *

Ночью Лидке опять приснился апокалипсис. Только дети почему-то оставались маленькими.

И Андрей.

Толпы взрослых текли по улицам, не слушая команд по радио, не глядя под ноги.

— Пропустите! Здесь дети! Пропустите!

Никто не слышал.

Инстинкт самосохранения гнал их, как стадо. Гнала слепая вера в исключительную ценность собственной жизни.

— Пропустите! Это же *дети*!

Она бежала, прижимая к себе Андрея.

И так, на бегу, — проснулась.

Счастливы курицы. Могут накрыть потомство крыльями, свято уверенные, что уж под крышей-то из перьев цыпленку ничего не грозит.

Глупые, счастливые куры.

* * *

Лето прошло без намека на отпуск. Хорошо, что ясли по-прежнему работали и даже детишек вывозили на пляж — три раза в неделю.

— Лидия Анатольевна, — сказал однажды Костя, и что-то в его голосе заставило Лидку вздрогнуть.

— Что?

Костя улыбнулся. Упал в кресло, закинул ногу на ногу. Старые потертые брюки лоснились на коленях.

— Что, Костя?

— Проверить надо одну вещь. — Костя поднес к носу палец, явно собираясь поковырять в носу. Одумался, опустил руку. — Надо проверить всех наших... всех этих ребят на склонность к музыке.

— Чего?

— Ну, музыкальные способности. Кто пел хорошо, кто в музшколе учился, кто в самодеятельности участвовал... Заново опросить всех знакомых, но налегать именно на этот пункт.

— Заново?! — спросила Лидка с ужасом.

Костя молитвенно сложил руки:

— Надо, Лидия Анатольевна!

Из приоткрытой форточки дул сырой, совсем уже осенний ветер.

«Предполагаемые способности к музыке».

Они, не пережившие первого апокалипсиса, были блондинами и брюнетами, отличниками и троечниками, рослыми и маленькими, умными и глупыми, добряками, эгоистами, спортсменами, хулиганами, маменькиными сынками — точно в той же степени, как и их ровесники, благополучно выжившие и наплодившие потомства.

Но почему-то «предполагаемыми способностями к музыке» среди них, погибших, обладали всего два-три процента.

— Критерии, — сказала Лидка хрипло. — «Способности»... размыто. Так, погоди, Костя, дай мне сообразить.

Костя терпеливо ждал. Лидка смотрела на бумажную змею-распечатку и не могла сосредоточиться; вспоминалась Яна. Как она пела, гремя на кухне грязной посудой: «Мой со-оловей о розе-е...» Мама морщилась. Яна пела громко и с чувством, вот только слушать ее было невыносимо; в музыкальную школу ее в свое время не взяли, зато в обычной общеобразовательной ставили четверки по пению. Из уважения к старанию и общей успеваемости.

— Костя... как ты к этому пришел?

Бывший сторож скромно улыбнулся.

Следующие полчаса он рассказывал ей о своем методе, рисовал что-то на листке бумаги, перекладывал предметы на столе. Лидка хлопала глазами и сама себе казалась тупой до безобразия двоечницей.

— Не понимаю, — призналась она наконец.

— Поймете, — мягко пообещал Костя.

Ему уже виделись переполненные академиками залы, передовицы центральных газет, премия, отдельная квартира и мотоцикл. Почему-то именно мотоцикл был для Кости символом сбывшихся надежд. Стенка перед его рабочим столом заклеена была изображениями мотоциклов, и маленькая оловянная моделька стояла прямо на мониторе.

— Костя, — сказала Лидка осторожно. — Это еще не результат. Это так, намек... Призрак, фата-моргана...

Костя молчал и улыбался. Он был не из тех, кто верит в худшее.

— Лидия Анатольевна, у вас не возникали сомнения в репрезентативности вашей выборки?

— Мы работаем в тяжелых условиях, — сказала Лидка с достоинством. — Тем не менее проанализировано почти две тысячи случаев. Две тысячи судебных, более чем сотня признаков по каждой отсеянной личности. Условно говоря, отсеянной. Мы понимаем, что это только начало, только, так сказать, заявка... но заявка более чем весомая. Уверенно можно сказать, что огромный процент не переживших свой первый апокалипсис юношей и девушек не обладали музыкальными способностями. Среди хористов, участников самодеятельности, учеников музыкальных школ процент погибших значительно меньше среднего процента, и это статистически достоверный факт.

В зале установилась тишина. Костя, сидевший в углу, принял вид скромного, но довольного жизнью героя.

Руководство Академии — все, что от него осталось, — переглядывалось, поскрипывая старыми партами. Именно партами, другой мебели не было. Академики за черными столешницами выглядели забавно, Лидке вспомнилось время ее учительства, она невольно улыбнулась. «Закрыли книжки. Раскрыли дневники. Записали домашнее задание...»

— Под это можно было бы выбить деньги, — задумчиво предположил лысый и бледный, как гриб, старичок на второй парте слева. — Выплатить людям зарплату, и премию хорошо бы... Сделать ремонт... Открыть аспирантуру...

— Это шаманство, — устало отозвался его сосед, чье морщинистое лицо было украшено вислыми, как водоросли, усами. — Это развлечение для желтой прессы, а не предмет для серьезных научных изысканий.

Лидка провела рукой по стопке толстых папок:

— Все случаи задокументированы. Архивные ссылки...

— В архивах нет сведений о том, обладал кто-либо музыкальными способностями или нет, — раздраженно прервал ее уса́тый скептик. — У вас есть точное определение, что считать такими способностями? У вас есть научная методика, позволяющая зафиксировать их наличие либо от-

существование? Тем более когда речь идет о людях, давно погибших?

— Это сложный вопрос, — Лидка старалась говорить как можно спокойнее. — Безусловно, потребуется и методика, и дополнительные исследования... И помощь специалистов...

— Музыкальный слух может быть приобретенным, а вовсе не врожденным свойством! — не слушая ее, продолжал вислоусый. — Вы же предполагаете отбор, стало быть, какие-то генетически обусловленные признаки?

Костя погрузился в своем углу. С его лица потихоньку сползало самодовольство.

— Если сейчас мы вспомним наших родных и знакомых, не переживших свой первый апокалипсис, — тихо сказала Лидка, — если мы их вспомним... У меня погибла сестра. Она была хорошая добрая девочка, но музыкальных способностей у нее явно не было. Совсем.

Лидка замолчала. Академики за партами задумались.

Прием был рискованный. Неправильный прием, если уж честно. Во-первых, два десятка чьих-то знакомых или родичей никак не тянут на статистическую выборку. Во-вторых, среди них запросто могли затесаться два-три случайных музыканта. В-третьих — да подло это, удар под дых, ведь каждый в одиночку несет свою утрату, а использовать горечь потери как научный довод...

Костя опустил глаза. Тоже, наверное, кого-то вспоминал.

Лидка поймала себя на том, что не может восстановить в памяти Янкиного лица. Лицо Тимура — может, но для Лидки Тимур остался сорокалетним мужчиной, тогда как сестра не дожила и до двадцати. Время, когда Тимура и Яну различали только по наличию-отсутствию косички, кануло в область легенд и сказаний.

Академики все еще молчали. Переглядывались.

— В конце концов, — задумчиво сказал вислоусый скептик, — если фонд выделит под это деньги, даже минимальные...

— А мой сын прекрасно пел, — задумчиво прервала его академическая секретарша. И печально улыбнулась: — Но всегда немножко фальшивил.

«Музыка не есть ни материя, ни живое тело, ни психика, и вообще она не есть какая-либо вещь и совокупность вещей... Музыкальное бытие в той же мере ниоткуда не выводимо, как и вообще бытие разума...»

Слезились воспаленные глаза. Справа громоздились уже прочитанные монографии, слева — предназначенные к прочтению.

«Музыка есть... такое же неподвижно-идеальное, законченно-оформленное, ясное и простое, как любая простейшая аксиома или теорема математики... И чтобы музыкально понять музыкальное произведение, мне не надо никакой физики, никакой физиологии, никакой психологии, никакой метафизики, а нужна только сама музыка, и больше ничего...»

Лидка уронила голову на стол. Костя, сидевший за вычислюхой, озабоченно сдвинул брови:

— Лидия Анатольевна! Вам плохо?

— Ничего-ничего, — пробормотала Лидка с кривой ухмылкой. — Ты работай, работай...

Обыкновенный недосып. Накопившийся за эти тяжелые долгие месяцы.

Городская филармония открыла сезон в конце октября. Первый сезон на шестом году цикла! Притом что обычно филармония и театры восстанавливались ко второму, на худой конец третьему году.

Слухи ходили самые мрачные, за пять лет многие поверили, что ни филармония, ни театры, ни галереи, ни зоопарк, ни пассажирское пароходство не восстановятся во все. Так, говорят, начинается угасание цивилизации — крупный апокалипсис, после которого общество не успевает оправиться полностью. Однако, кажется, обошлось. На этот раз обошлось.

Открытие сезона вылилось в праздник возрождения.

На круглой площади перед зданием с колоннами варилось феерическое действо. Толпа глазела на ряженных в старинных костюмах с париками, поглощала лимонад и

пирожные, покупала воздушные шарики; на плечах у половины прохожих восседали дети от трех до пяти лет. То был как бы второй ярус праздника, с отдельными интересами, своим кругом общения и своеобразным языком.

Немногие обладатели билетов чопорно обходили толпу и понемногу просачивались вовнутрь. Концерт начался с получасовым опозданием; Лидка сидела на балконе, сбоку, едва не над головами оркестрантов. Первое отделение заставило ее скучать, изучать повадки дирижера и разглядывать зрителей. Зато второе отделение неожиданно увлекло ее, и, выходя из зала, она ощущала нечто вроде легкой эйфории.

Она взяла свой плащ в гардеробе. Обошла здание кругом, постояла у служебного входа; празднество на площади шло своим чередом, разве что детей почти не было. Десятый час.

Она дождалась, пока часы на башне покажут девять тридцать, и вошла в стеклянную дверь служебного входа.

...Этот щуплый старичок принадлежал к старшей группе своего поколения, стало быть, сейчас ему было уже шестьдесят пять. Аккуратно зачесанные седые волосы, кажется, даже покрытые лаком. Концертный костюм. Печальные всепонимающие глаза.

— То есть, в принципе, вы согласны консультировать нас, Игорь Викторович?

Старичок поднял брови:

— В принципе — да... В свое время мы были очень дружны с Костиной мамой... Я, правда, не совсем понимаю, при чем тут Костя Воронов. Он вроде бы закончил политех?

— Мы формируем группу специалистов, — пояснила Лидка терпеливо. — Костя — математик, и, поскольку мы имеем дело со сложными мультифакторными системами...

— Да, — сказал старичок. — Понятно. Костя — математик, я — музыкант... Но, дорогая Лидия Анатольевна, мне не очень... меня немножко... ваш подход к делу. Что такое «музыкальные способности»? Как вы намерены их измерять?

— Но вы ведь не принимаете в консерваторию кого попало, — сказала Лидка и с удивлением обнаружила укоризну в собственном голосе. — Есть ведь какие-то критерии, не так ли?

— Есть, — старичок кивнул. — Но поступать в консерваторию приходят подготовленные абитуриенты. Про которых точно известно, что определенные данные у них, так сказать, имеются... А если вы станете измерять способности к музыке у строителей, скажем, или водителей, или военных... у людей, ни разу в жизни не видевших нотной записи... Критерии?

— Неужели нет? — спросила Лидка недоверчиво. — Слух, ритм, музыкальная память...

Старичок вздохнул:

— Я, Лидочка, выдывал абитуриентов с абсолютным слухом и чувством ритма... напроць лишенных того, что называется музыкальностью. Что, как вы правильно заметили, заложено на генетическом уровне и передается по наследству. Так что...

— Не может быть, — слегка забывшись, выдавила Лидка.

Старичок вздохнул снова:

— Лидия Анатольевна... У вас интересный проект... Я постараюсь помочь вам, чем смогу. Но это не так просто, я хотел бы, чтобы вы понимали...

Лидка молчала.

Как раз сегодня она с пеной у рта доказывала членам международной комиссии, что понятие «способности к музыке» вполне поддается точному математическому анализу.

* * *

Зима прошла как один день — правда, день тяжелый, долгий и однообразный. Зима самовольно захватила почти весь март, зато в конце апреля пришло лето, внезапное, как взрыв.

— Лидия Анатольевна!

Она оглянулась.

От облезлой стены Академии отделился незнакомый Лидке мужчина. Моложавый, в светлом плаще до пят; шагнул вперед, явно собираясь завести разговор, но зашамкался, потому что по тротуару шествовала, галдя, колонна детсадовцев, и впереди выступала грудастая воспитательница с красным флажком в руках.

Незнакомец оказался отрезанным от Лидки, как будто

между ними пролегла вдруг железнодорожная магистраль с проходящим составом. Поезд двигался нарочито медленно, шлепая ботинками по обновленному асфальту, смеясь, вопя, размахивая руками. А по ту сторону путей метался, пытаясь привлечь к себе Лидкино внимание, незнакомец в светлом плаще.

Лидка остановилась.

Колонна наконец закончилась; последним вагоном уходящего поезда проплыла другая воспитательница, тоже с флажком, но куда менее пышная.

— Лидия Анатольевна, я специально дожидался. Мне порекомендовал обратиться к вам Сысоев Олег Владимирович...

Лидка напрягла память, но никакого Олега Владимировича не обнаружила. Во всяком случае, среди оперативных воспоминаний.

— ...Академик Сысоев, он давний друг моего отца... он считает вас восходящей звездой мировой науки. С тех пор, как вы доложили о первых результатах своей работы... работы по вашему проекту. Ничего, что я посвящен?

Лидка молчала.

Никакого грифа секретности на ее проект навесить не успели. То ли потому, что службы, призванные копить государственные тайны, до сих пор не оправились от позорного развала ГО. То ли потому, что не все еще верили в серьезность Лидкиных изысканий. То ли просто по случайности. То есть официального статуса «Секретно» у проекта пока не было, но, знаете ли, трепаться с друзьями и знакомыми относительно сложной, спорной, едва начатой работы...

— Лидия Анатольевна, я должен объяснить. Я не зевака, я даже не журналист... Я писатель. Писатель-фантаст. То есть сейчас я работаю водителем на молокозаводе, но в прошлом цикле у меня вышли пять авторских книг, плюс публикации в журналах, сборниках, альманахах... У меня есть несколько литературных призов, в частности, один международный. По моему сценарию даже хотели снимать фильм... но отложили из-за апокалипсиса. Я член Союза писателей... вот. — Он вытащил из кармана плаща и показал Лидке небесно-синенькие корочки, на внутренней по-

верхности которых красовались печать и уныло-официальная фотография.

— Я прошу прощения, — сказала Лидка кротко. — Но мне на работу к семи, а ведь еще нужно...

Незнакомец замахал руками:

— Я не задержу вас, Лидия Анатольевна. Великов моя фамилия. Виталий Великов. Я могу подвезти вас домой на машине...

Лидка, уже собравшаяся было обогнуть писателя и продолжить свой путь, приостановилась:

— Машина? У вас?

— Государственная, — смутился Великов. — Обычно я не слишком... злоупотребляю, но сегодня заказов не так много... полчаса-час делу не повредят.

Лидка молчала, раздумывая.

— Мои романы, возможно, вам попадались в прошлом цикле... «Путь дельфина», «Потерянный ключ», «Морские дьяволы»...

— Терпеть ненавижу фантастику, — сказала Лидка задумчиво. — Гм... «Путь дельфина»?

— Я популяризатор, — писатель застенчиво улыбнулся. — Я пишу именно научную фантастику, ну, возможно, с легким налетом мистики... но на научно-популярные темы. Дельфины, Ворота... Чудеса и тайны...

— Где же ваша машина? — Лидка оглянулась.

— Да вот она! — обрадовался писатель.

На противоположной стороне улицы стоял огромный молоковоз с ярко-желтой, в потеках, цистерной.

* * *

— Двести пятый детский комбинат?! Да у меня же там заказы, я туда молоко вожу, правда, в утреннюю смену, в шесть часов... А вы когда освобождаетесь? В семь? Жаль, я бы вас подвозил домой... А, вам недалеко? Ах, Лидия Анатольевна, я все понимаю. Эта небывалая нагрузка, когда ради того, чтобы днем заниматься любимым делом, человек устраивается на ночную работу... Вы все равно спите? Ну да... Но дети, они же... У меня внуки, четверо, от каждого сына по двое. Как вашего внука зовут? А-а-а, это у

вас сын?! Ну вы молодец, Лидия Анатольевна, я преклоняюсь перед такими женщинами...

Лидка никогда в жизни не ездила на молоковозах. И ощущение было презабавное; во-первых, высокая кабина создавала иллюзию путешествия на слоне. Во-вторых, цистерна оказалась наполовину полной, и слышно было, как в железном брюхе глухо перекачивается молоко.

— Так вот, Лидия Анатольевна, литература будущего. Идея. Обязательно научная идея... предвидение. Вы знаете, что телефон был впервые описан в произведении писателя-фантаста? И не только телефон... Но я не об этом. Не столько технические прогнозы, сколько обобщающие, общеполитические... вот, например, Ворота отбирают людей с музыкальными способностями. Что это значит? Есть предположение, что музыкальные способности тесно связаны с математическими. То есть склонность к абстрактному мышлению... умение мыслить категориями, образами, чувствовать глубже, воспроизводить точнее... Все эти свойства обусловлены генетически, и если достаточно долго производить целенаправленный отбор... Вы знаете, как появляются новые сорта пшеницы? Новые породы собак? Что, если со временем количество музыкально одаренных перейдет в новое качество? Не просто поющее человечество, а человечество с новым свойством, с новым признаком... Назовем это, к примеру, внутренним слухом. Способностью слышать... что? А, например, глас божий, а? Как вам такой ход мысли?

Машина остановилась перед светофором. В цистерне булькнуло, будто в голодном животе.

— Виталий... э-э-э...

— Можно без отчества. Просто Виталий. Мы будем на месте через десять минут... Я понимаю, Лидия Анатольевна, что произвожу впечатление странного человека. Ну такой уж я увлекающийся... Я принес вам несколько моих книжек. Почитайте, получите представление...

В цистерне булькнуло снова.

— Это только один из вариантов развития событий. Назовем его глобально-философским. А вот другой замысел, попроще, подоступнее: Ворота никого не отбирают. Ворота просто генерируют волны, облегчающие проход людям,

обладающим неким комплексом свойств... в который — комплекс — входит и музыкальная одаренность. Как?

Лидка открыла рот и снова закрыла.

— Или вариант третий: музыка и дельфины. Допустим, дельфины как-то связаны с феноменом Ворота... Как именно? А допустим, они генерируют те же волны, что и Ворота. Не обнаружимые современными приборами. Или, наоборот, не генерируют, а воспринимают...

— Мы приехали, — сказала Лидка.

Великов аккуратно втиснул молоковоз между оградой деткомбината и автобусной остановкой. Спрыгнул на землю, согласно этикету обошел вокруг кабины, галантно помог Лидке спуститься с высокой пыльной подножки.

— Через некоторое время, — сообщил он задумчиво, — году в десятом-одиннадцатом, как обычно... возродится интерес к литературе и книгоизданию. И тот, кто смотрит вперед, кто сумеет предугадать особенности, характерные для современного цикла, просчитает заранее покупательский спрос, тот вовремя, первым подаст в издательство соответствующую рукопись... тот победит, Лидия Анатольевна. Вот, это мои книжки. Не обращайтесь внимания на обложки. С авторами почти никогда не согласовывают оформление. В «Пути дельфина» нет ни одной постельной сцены, а в «Потерянном ключе» нет ни одного эпизода со стрельбой...

Лидка осторожно, чуть ли не двумя пальцами, взяла из рук Великова пару томиков в глянцевых обложках. На одной была нарисована толстая голая женщина, беспомощно прикрывающаяся прозрачной тряпочкой от ужасного с виду дельфина, вылезающего из зеркала. На второй обложке брели, подернутые красноватой дымкой, глефы. Горящие развалины города едва достигали их колен. Крупное художественное преувеличение.

— Можно, я вам позвоню? — тоном, не терпящим возражений, спросил Великов.

— Я очень редко бываю дома, — сказала Лидка медленно. Потом спохватилась: — Погодите, а откуда вы знаете мой...

Великов уже залез в кабину. Прощально помахал ручкой:

— До встречи, Лидия Анатольевна! Я безумно рад наконец-то с вами познакомиться!

И газанул, окутав окрестности вонючим соляным дымом.

* * *

«Жила-была девочка. Пошла в лес за грибами, насобирала полно ягод. Тут увидела та-а-кое чудовище! Сказать тебе? Змею!!!»

(Андрюшины сказки, 12 января 6-го года.)

* * *

— ...А теперь, детки, возьмем наши ложки и будем стучать в такт. Раз-и-два-и... Сашенька, не надо так сильно лупить. У нас маленькие зверюшки танцуют, а ты так бьешь, как будто Баба-яга идет!

Четырехлетки залились хохотом. Старательная девочка Сашенька упала от смеха на ковер и замолотила в воздухе ногами.

Лидка аккуратно прикрыла дверь.

В последнее время дикой популярностью пользовались музыкальные занятия. Не проходило недели, чтобы в какой-нибудь газете не вынырнула соответствующая публикация; тон их колебался от осторожно-рекомендательных заметок о пользе музыкального образования до радостных воплей: раскрыта тайна Ворот!

Одно время Лидка пыталась отследить утечку информации. Но потом махнула рукой; в конце концов, побочным результатом такой утечки может быть только расцвет музыкальной педагогики, а вреда от этого не будет...

На звонки любопытствующих она раздраженно отвечала, что слухи ложные, никаких результатов нет и никаких исследований не ведется. Ей не верили.

* * *

«Сегодня в садике он взялся рассказывать сказку про то, как жили-были большой дом-мама и маленький доменок-сын. Что было дальше, слушатели так и не узнали. Ви-

димо, сказка оказалась очень грустной — потому что рассказчик разревелся раньше, чем успел перейти к изложению сюжета...

А вчера нарисовал на двух листочках одинаковые каракули, но на первой картинке был злой паук в паутине, а на второй — добрый. В той же, по-видимому, паутине, потому что различить, где какой, совершенно невозможно... Но он ведь различает! И обижается, когда я путаю! Кончилось тем, что он, совсем как в анекдоте, испугался злого паука и спрятался от него в шкафчик для одежды...

Я дура. Мне кажется, что он самый талантливый. Самый красивый. Что остальные дети рядом с ним — ослята рядом со львенком... Я понимаю, мать должна быть предвзятой, но не настолько же!»

(20 апреля. А. три года.)

* * *

Лидка ни за что на свете не взялась бы за эти книжки, во всяком случае, так ей казалось. Но после отбоя, дети уже полчаса как дисциплинированно сопели, а Лидке еще совершенно не хотелось спать — обнаружилось, что никаких других развлечений, кроме подаренных Великовым книг, в ее распоряжении нет.

Она вытащила их из сумки, поначалу чтобы рассмотреть и подивиться изобретательности художника. Потом ее глаза зацепились за первый абзац: «Это был маленький пикник на берегу, в скалах. Мне хотелось покормить дельфина с руки, и, когда взрослые отвернулись, я стянул с клеенчатой скатерти шампур с недоеденным шашлыком и, прыгая с камня на камень, поспешил к воде...»

Лидка сдвинула брови. Откуда-то потянуло шашлычным запахом; в деткомбинате обычно не пахнет шашлыками. Здесь пахнет молоком, кашей, в крайнем случае морковным пюре; запах возник в Лидкином воображении, и не потому, что текст был как-то особенно хорош. Нет, текст был обыкновенный, просто Лидке вспомнился эпизод из собственного детства, когда, заметив с берега глянцевые спины, она впервые в жизни осмелилась поглядеть на дельфинов вблизи. И — вот совпадение! — это было как раз во время апрельского пикника, когда взрослые были увлечены про-

цессом изготовления шашлыков, а Тимур и Яна, гордые сознанием своей взрослости, подавали шампуры...

Незаметно для себя Лидка прочитала три главы. Великов писал бойко и броско, но Лидка не могла избавиться от ощущения, что это ее полуосознанные мысли и побуждения кем-то подсмотрены, доведены до логического завершения и перенесены в книжку. С такой вот ужасной обложкой. С таким вот банальным названием. И автор ее — болтун, водитель молоковоза...

Воспоминание о булькающем в цистерне молоке отбило у Лидки охоту читать дальше. Она еще раз обошла детей, развернула свою раскладушку и улеглась.

Ей приснилась пустынная дорога, мигающие желтым светофоры на площади перед Соломенским парком, мужчины и женщины, неподвижно стоящие на мокром асфальте, на тусклой «зебре» перехода. Все без обуви, в носках. Несколько секунд Лидка, обмерев, наблюдала; потом от редкой толпы отделился пожилой мужчина, в котором Лидка через несколько секунд узнала постаревшего подводника Сашу.

— Ботинки слетают, — сказал Саша, смущенно косясь на свои носки. — Если ботинки слетели, то все... народная примета такая.

Стоящая рядом женщина устало кивнула; Лидка узнала соседку из дома напротив, которую давно, еще до апокалипсиса, сбила машина на Соломенской площади, прямо на переходе.

Остальных она не знала. И не стала разглядывать; вырвалась из сна титаническим усилием, ну прямо как муха из варенья.

Перевернулась на другой бок. Трижды пробормотала: «Куда ночь — туда и сон»...

И действительно, больше ей ничего не снилось.

В шесть утра, когда за серыми окнами проснулись собаки и погасли фонари, в жестяной козырек под окном деликатно ударил камушек.

Лидка не сразу поняла, что ее разбудило. Дети спали; некоторое время она лежала, глядя в потолок, подсвеченный желтым уличным фонарем. Потом фонарь потух —

будто закрылся уставший за ночь глаз. И одновременно ударил второй камушек — на этот раз в стекло.

Лидка поднялась — она спала в трикотажном спортивном костюме — и подошла к окну.

На посыпанной гравием дорожке стоял Великов, и улыбка его была от уха до уха.

* * *

— Это Зарудный?

Писатель Великов с интересом разглядывал Лидкин рабочий стол. Из-под толстого оргстекла смотрел бледный, но все еще улыбающийся Андрей Игоревич.

— Симпатичный мужчина...

Лидка удивилась:

— Вы раньше не видели его портретов?

— Видел, но официальные. Знаете, такие в рамках... Зарудный никогда не интересовал меня как персонаж. Прежде не интересовал. Но вот этот портрет, ваш, он, знаете, особенный, он преображен вашим вниманием, вашим теплым к нему отношением...

Великов замолчал, выжидательно глядя на Лидку.

— Андрей Игоревич был моим тестем, — небрежно сказала она, когда молчание сделалось совсем уж неловким.

— Да-а? — удивился Великов.

— Я думала, об этом все знают, — призналась Лидка.

Великов понимающе улыбнулся:

— Когда мне в первом классе вручили первую похвальную грамоту, я тоже думал, что весь мир уже знает... Когда я во втором классе разбил две чашки из сервиза — думал то же самое... Кстати, я не знал, что у Зарудного есть сын. Кто-то мне говорил, что у него две дочери.

— С его сыном мы расстались, — сказала Лидка, упреждая вопрос. — Жизнь, знаете ли. Бывает.

— Бывает, — кивнул Великов. — Мои вот три жены разбежались, как мыши, кто куда. Представляете, как им досталось, бедняжкам?

Лидка улыбнулась:

— Представляю...

Кабинет — первый персональный Лидкин кабинет! —

был на самом деле клетушкой, отгороженной фанерной стенкой от общего помещения. За фанерой переговаривались, смеялись, стучали по клавиатурам вычислительных машин, в то время как Лидка могла наслаждаться неким подобием обособленности. Начальство как-никак.

Дверца шкафа — в клетушке только и помещались, что стол, два стула и шкаф — приоткрылась, нескромно обнаружив домашние Лидкины шлепанцы и тряпочку для обуви.

— Наверное, этот портрет помогает вам работать? — кротко спросил Великов.

— Андрей Игоревич, — отозвалась Лидка после паузы, — Андрей Игоревич хотел верить, что Ворота изначально добры к людям. Что эта их функция — спасти — основная. Что только от человечества зависит, будут жертвы во время кризиса или не будут. «С гордо поднятой головой»... Красивая гипотеза.

Великов потрогал переносицу:

— Почему бы не присвоить вашему институту... виноват, вашему отделу имя Зарудного? В перспективе, я имею в виду?

Некоторое время Лидка молчала, внимательно его разглядывая.

— Что, Лидия Анатольевна? Я что-то не то сказал?

— Я думала об этом, — призналась Лидка через силу. — В перспективе... да, его имя было бы... это было бы справедливо. Если мы оправдаем...

Великов широко улыбнулся:

— А вы не боитесь, Лидия Анатольевна, что идея Зарудного не то чтобы скомпрометирована, но вызывает нехорошие ассоциации? Что, в конце концов, немногие уже помнят, кем он был, зато при звуке его имени вспоминают Стужу, произвол ГО...

Лидка смерила Великова взглядом — от пыльных рабочих ботинок до рыжеватых, высоко вскинутых бровей.

— Вы ищете материал для нового романа?

— Я всегда его ищу, — признался Великов. — Что же тут такого?

Лидка не ответила. Села за стол, привычным движением подвинула к себе красную картонную папку. Информ-

мация, собранная за последнюю неделю. Предварительные результаты статистического анализа...

Великов присел напротив:

— Я, наверное, мешаю вам. Вам кажется, что я назойлив... У всякого своя функция. Вы носите информацию, как трудолюбивая пчелка — по крупинке, ежедневно, вы надеетесь, что в ваших с трудом организованных сотах эта информация перейдет в новое качество — в открытие, в мед... А я порхаю, понимаете, как бабочка, методом «тыка». С цветка на цветок, безо всякой системы, лечу на яркое. Я человек интуиции... Вот, например, выехал сегодня на рассвете, улицы еще пустынные... Еду, молоко везу... И приходит мне в голову идея. А что, если человечество — потерянный ребенок? Не зря оно такое бестолковое, не зря оно не знает, как оно здесь оказалось и зачем. А потерял его некий мировой разум, потерял и теперь всюду ищет... а может быть, уже нашел. Представляете — потерял в джунглях младенца, а через много лет нашел подростка, дикого беспризорника, нет, не беспризорника даже — так, прямоходящую обезьяну... Или даже не прямоходящую, потому что дите выросло само по себе, чудом не погибло, и вот... Что делают с такими детьми? Сажают в лабораторию... Вот и нас посадили, посредством Ворот. Каково?

— Где-то я уже это слышала, — сказала Лидка неуверенно. — Это вторично.

— Ничего подобного! — возмутился Великов. — Вы слышали насчет бога-ребенка, а человечество-ребенок... Нет, не так. Человечество-подкидыш! Никто нас не терял, нас подбросили обезьянам. За ненадобностью. А потом, когда оказалось, что подкидыш здоров и агрессивен, — ну, тогда надели намордник. Ни тебе межзвездных полетов, ни тебе генной инженерии...

— Чего? — спросила Лидка.

— Генная инженерия. Я ввел этот термин в «Потерянном ключе». Видите ли, даже если предположить, что ваша гипотеза верна и Ворота отбирают людей по какому-то признаку, признак должен лежать глубоко под поверхностью. Глубоко, в генах. И совсем не факт, что вы проследите эту закономерность — у вас не хватит инструментов, техноло-

гий, ведь генное изменение необязательно проявляется сразу, необязательно сочетается с каким-нибудь зримым признаком вроде ваших музыкальных способностей...

— Они не мои, — сказала Лидка механически.

Ее глаза пробежали строчку за строчкой, столбец за столбцом. Возвращались назад, не желая верить написанному.

Данные, добытые и проанализированные разными экспертами, не совпадали. По одному и тому же району — Подольскому — выходили совершенно разные результаты; по результатам работы Кости Воронова выходило, что девяносто процентов погибшего молодняка «не имели способностей к музыке». По отчету новой сотрудницы, профессионального музыковеда, выходило, что только пятьдесят пять, и то — «достоверность многих данных вызывает сомнения»...

Столбик имен (год и цикл рождения, год и цикл смерти, источник информации, ссылки на архив). Против вывода — «музыкальных способностей не имел» — красным карандашом академической дамы: «Конкретные доказательства?»

Другой столбик, имена, год и цикл рождения (только рождения, слава богу), номер музыкальной школы, имя педагога. Другим почерком, незнакомым Лидке: «Выписка из характеристики... При поступлении выявлены врожденные слух, ритм, музыкальная память. Оценка на выпускном экзамене — три... отсутствует не только трудолюбие, но и способности к музыке...» «При поступлении выявлены развитые... оценка на выпускном экзамене — четыре... трудолюбива, но музыкальные способности средние...»

— Бред, — сказала Лидка сквозь зубы.

— Что? — спросил притихший Великов.

— Слух, ритм, музыкальная память... врожденные! Почему же они пишут — «отсутствуют способности»?

— Знавал я одного певца, — сообщил Великов со вздохом. — Вот уж был слух, память там и прочее. И голос — как у паровой сирены... Пел громко и с чувством. И правильно. Как робот... Кстати, я задумал роман о перспективах робототехники. Рассказать?

— Помолчите, — отозвалась Лидка устало.

— Вы не там ищете, — вкрадчиво сказал Великов. — Вы

пытаетесь анализировать какие-то внешние признаки, какие-то эфемерные, с трудом определяемые вещи. А надо бы анализировать на генетическом уровне.

Лидка подняла на него тяжелый взгляд.

— Да, — Великов вздохнул. — При современном состоянии науки это невозможно. Но циклов через пять, я верю...

— Уходите, — сказала Лидка.

Великов встал. Виногато почесал переносицу. Отвесил нечто вроде поклона, пошел к двери; нос к носу столкнулся с секретаршей Леночкой, которая была так возбуждена, что даже вошла без стука:

— Лидия Анатольевна! Телеграмма из Европейской Академии...

Не обращая внимания на притихшего Великова, Лидка взяла из ее рук негнувшийся официальный бланк.

Европейская Академия от всего европейского сердца поздравляла Лидию Анатольевну. Потому что ее гипотеза была проработана специальной группой европейских экспертов — и нашла блестящее подтверждение.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Звонок в дверь.

— Тетя Лидка! А Андрей дома?

Здевочка с восьмого этажа. Старшая группа, уже не девочка, уже вполне девушка. Лет пятнадцать. На два года старше Андрея.

— А что случилось? — спросила Лидка, плотнее запахивая халат.

— Котенок! Там котенок во дворе! На дереве!

— Сейчас! — крикнул Андрей из своей комнаты. — Иду!

— Высоко? — механически спросила Лидка.

— Ужас как высоко! — радостно подтвердила девчонка. — Никто достать не может...

— Андрей... — начала Лидка неуверенно.

Он уже выскочил за дверь и, не дожидаясь лифта, погрохотал вниз по лестнице. Грохот происходил оттого, что, не добегая до конца пролета, Андрей подпрыгивал и летел ступенек через пять-шесть, и приземлялся хотя и мягко, но звучно.

Лидка сунула ноги в спортивные туфли, накинула плащ и вышла следом.

Вокруг высоченного тополя стояла толпа. Лидка сама не помнила, когда в последний раз ей встречались в городе кошки. Вот старичок из двадцать седьмой квартиры держал кота, но оба недавно умерли. От старости.

Андрей врехался в толпу, и перед ним расступились. Так бывает, когда сквозь строй зевак, собравшихся по случаю дорожного происшествия, пробирается деловитый врач.

— Где? — Андрей задрал голову.

Ответом был тонкий кошачий вой.

Кот был бурый и пятнистый, почти защитного цвета. Разглядеть его в ветвях было сложно, и если бы не позывные отчаянного мява, Лидка так бы и не разглядела его.

Хныкала, прижимая к груди грязные кулаки, Андреева ровесница с третьего, кажется, этажа:

— Он вырвался... Я держала... А он вырвался... Мы на минутку только вышли...

— Твой? — спросила Лидка.

Девчонка кивнула:

— Папа из села привез...

Андрей по-обезьяньи уцепился за ствол и, сверкая кедами, полез вверх. Лидка отвернулась; торжественная клятва, принесенная ей сыну, заключалась в том, что она никогда не будет контролировать высоту, на которую он, Андрей, считает нужным влезть. В ответ сын пообещал ей никогда не лазить на столбы, на крыши вагонов и трансформаторных будок. И — она знала — держал обещание и не покупался «на слабо».

...Через полчаса Лидка мазала зеленкой глубокие царапины на его руках. А он делал вид, что ему ни капельки не больно. Взахлеб рассказывал, какая мягкая у котенка шерсть. И что Ленка теперь разрешит ему гладить своего Арбуза... Только ему, а больше никому во дворе! И что хорошо бы, мама, ты понимаешь... Ну, если бы у нас был кот или собака, было бы здорово, правда?

— Через шесть лет *мрыга*, — сказала Лидка со вздохом. — Ты возьмешь на себя ответственность за животное? Я не возьму.

Сын с сожалением разглядывал свои руки, располосованные маленькими истеричными когтями.

* * *

Ни падения со ссадинами и шишками, ни дыры на штанах не смогли отучить его от этой пагубной страсти — лазать по деревьям. Старшие мальчишки всегда вызывали его, если требовалось снять с высокой ветки бумажного голубя или бадминтонный воланчик. Девчонки приглашали Андрея, когда в порядке заигрывания те же мальчишки забрасывали на дерево скакалку или чей-то берет.

Однажды Андрей узнал от кого-то во дворе, что есть такие устройства — специальные когти, которые надеваются

на ноги, чтобы лазать по гладким столбам. И по простоте душевной обратился к маме за помощью в приобретении «когтей». Шокированная Лидка пообещала собственноручно выпороть сына ремнем по голой попе, если только он близко подойдет к этому самому столбу. Вот пусть только попробует.

Пробовать сын не стал. Он всегда очень тонко чувствовал настроение и, обычно бесстрашный, на этот раз решил не искушать судьбу.

* * *

Среди прочих отделов института кризисной биологии Лидкин отдел казался медведем, примостившимся среди сусликов и белок. Финансирование, международные связи, льготы, корреспонденты. Документальный фильм. Машина к подъезду.

В соседних отделах разводили горошек и плодили мух-дрозофил. Время от времени соседи заключали с Лидкой договоры о сотрудничестве, и это приносило им толику финансирования, а Лидке — иллюзию новых возможностей. Подробные генеалогические древа выдающихся музыкантов должны были выполнить ту же функцию, что и десяток поколений горошка. Разнообразные тестирования студентов консерватории — и вдумчивое разглядывание дрозофилы на предметном стекле («Она дохлая? О да, живая бы улетела... Она спулая? Пары эфира? Ну да, конечно...»). Работа прямо-таки кипела; диссертации сыпались, как с конвейера. О связи музыкальных способностей с группой крови — и об отсутствии такой связи. О музыкантах-гемофиликах, о влиянии барабанного ритма на нейроны мозга, о вреде агрессивных молодежных дискотек, о распределении некоторых характеристик слухового восприятия в зависимости от этнической принадлежности — и прочая и прочая.

Лидкин отдел не был в полном смысле отделом — то было сборище прилежных кротов, роющих во всех направлениях от произвольно выбранного столба. В процессе работы кроты натывались на более или менее полезные ис-

копаемые, остатки заброшенных тоннелей, артезианские скважины и — иногда — чьи-то разложившиеся останки; слова о неслыханной перспективности такого труда давно потеряли первоначальный смысл и превратились в нечто вроде заклинания.

Лидка давно осознала масштабы засосавшего ее болота и давно перестала страдать по этому поводу. Несколько человек, подчиненных лично ей, вели совершенно особую, строго засекреченную работу. Среди своих она называлась «работой на острый эксперимент»; суть ее заключалась в том, чтобы ВСЕХ представителей молодого поколения протестировать на наличие-отсутствие «свойства эм». Не приобретенного на нудных уроках музыки, не вбитого в угоду родительскому честолюбию — чистого, врожденного «свойства эм», не измеряемого, как правило, приборами, но очевидного для того, кто имеет уши.

Доктор наук Константин Воронов был координатором этой группы. За прошедшие годы Костя мало изменился — все такой же поджарый, не обремененный бытом, верящий в лучшее домашний гений. В Костиной квартире (полученной стараниями Лидки) сменяли друг друга жены; за десять лет их было пять или шесть. Ни одна не уживалась — и немудрено, никакой супружеский долг не мог заставить Костю ночевать дома. Ночи он проводил в компании вычислюхи, и жены, уходя, высказывали в адрес Кости и его машины одно и то же непечатное пожелание. Костя не огорчался.

Решительный этап «острого эксперимента» назначен был на первые годы следующего цикла. Когда только и останется, что проставить крестики в заранее приготовленных списках. Разделить всех этих ребятишек на две неравные группы — на счастливо уцелевшее большинство и трагически погибшее меньшинство. И сопоставить списки с Костиными «схемами свойств». И получить блестящее подтверждение «гипотезы Сотовой»...

— ...Лидия Анатольевна! Ну вы посмотрите, какая красавица!

Молодая лаборантка покраснелась, как на свидании. В роскошных длинных волосах кое-где запутались мухи-

дрозофилы, но это зрелище было скорее трогательным, нежели отвратительным.

— Какая красавица! — повторила лаборантка с чувством. — Глазки, посмотрите, ну совсем рубиновые...

Лидка заглянула в окуляр микроскопа. В светлом кружочке обнаружилась изящная дрозософила («изящная, как парусник», — говорил начальник здешнего отдела, Лидкин хороший знакомый). Тонкие загнутые крылья, двуцветное тело («мозаик»), огромные, романтические, подернутые светлой печалью глаза.

— Мама, а можно мне посмотреть?

Андрей видел все это не раз и не два, но никогда не упускал случая сунуть в микроскоп свой нос, вернее, глаз. Лидка скорее поощряла его, нежели одергивала — может быть, из парня выйдет ученый?

— Муха домашняя — сволочь последняя, толстая, жирная, грязная... А дрозософила — создание господне, легкая, разнообразная... Черных мушкетеров сапогом давя, а дрозософилов всем сердцем люблю!

Лаборантка захихикала. Андрей оторвался от микроскопа — без тени улыбки, только в прищуренных глазах прыгали, кувыркаясь, чертенята.

В последнее время мальчишка стал своим не только в Лидкином отделе, но чуть ли не во всем институте. Окруженный ореолом наследного принца («как же, сыночек Сотовой»), большеротый, смешливый, вооруженный неотразимым обаянием и рано осознавший это свое оружие, он умел вызывать симпатию, не провоцируя при этом зависть. Да и как могут взрослые солидные люди — ученые! — завидовать подростку из младшей группы?

Вот в школе, Лидка знала, завистники были. Немногие, но отчаянные. И двойка по поведению за прошлую четверть, двойка, поставившая под угрозу Андрюшкино пребывание в лицее, была на шестьдесят процентов результатом сложных интриг и только на сорок процентов — расплатой за шалости.

— Андрей, ты есть хочешь?

— Есть? Что есть? Где есть? Я хочу!

Он был тощий, как рыба-игла, но поесть любил вкусно

и много. Все знавшие его удивлялись, «куда оно девается». Вероятно, в результате химических реакций преобразуется в неукротимую энергию.

Перед тем как зайти в кафе, Лидка поднялась в собственный кабинет. Андрей остался в коридоре — прыгать на пружинящем под ногами, очень дорогом импортном покрытии; секретарша прикрыла дверь и пробормотала почему-то смущенно:

— Лидия Анатольевна, звонили из Министерства чрезвычайных ситуаций...

За все эти годы Лидка в совершенстве научилась владеть собой, но теперь ей потребовалось дополнительное усилие, чтобы сохранить невозмутимость.

— Что сказали?

— Назначили встречу... прием у министра. Я согласовала по вашему рабочему графику. В понедельник, в двенадцать.

Через два дня. Лидка неслышно перевела дыхание.

— Спасибо, Леночка. Мы с Андреем пойдем поесть. Если будет звонить Игорь Викторович, попросите перезвонить через полчаса...

— Мама, что с тобой? — спросил Андрей, моментально перестав скакать как сумасшедший.

— Ничего... Встреча будет важная, в понедельник. Пойдем...

И сын, успокоенный, зашагал впереди, а она, глядя в его лохматый светлый затылок, незаметно вытащила из кармана упаковку с маленькими бесцветными капсулами.

Чем невозмутимее лицо, тем труднее приходится сердцу и сосудам. А Лидка уже не в том возрасте, чтобы не обращать внимания на неприятные ощущения в левой стороне груди.

Надо же, как время-то летит. Вот уже близится к концу шестнадцатый год...

Лет в пять-шесть дети узнают про будущий апокалипсис. И переживают новое знание по-разному: кто-то не верит, кто-то тут же забывает, кто-то откладывает страх на потом — ведь «это» случится, когда я буду совсем взрослый, до «этого» еще целая жизнь...

Некоторые переживают очень болезненно. Вот как Андрей, например. «Мамочка, но ведь с ТОБОЙ ничего не случится?!»

Несколько недель он был сам не свой, плохо спал, кричал по ночам, почти ничего не ел. Никакие уговоры — мол, все обойдется, никто не погибнет — не действовали или действовали плохо. Со временем страх притупился, но окончательно исчез только после того случая со сливами.

Был июль. По рекомендации знакомого врача Лидка взяла путевку на академическую базу отдыха — подальше от побережья, в степи. Погода стояла так себе, Андрею база не нравилась, все было очень плохо, пока в один прекрасный вечер, гуляя по проселочной дороге, мать и сын не наткнулись на обнесенный изгородью сливовый сад.

«Сливы, — вожделенно сказал мальчик. — Мам, а давай я натрушу?»

И Лидка, солидная дама «далеко за сорок», дала слабину. Уступила преступному желанию сына, которого давно не видела в таком кураже и азарте. «Ладно, — сказала она, — но только чуть-чуть и только очень быстро».

Андрею не надо было повторять дважды. Лидка не успела и глазом моргнуть, как он скрылся в листве — смеркалось, и присутствие сына угадывалось только по шелесту веток и по глухим одиночным ударам валящихся спелых слив.

«Андрюша, хватит, — сказала Лидка обеспокоенно. — Мы их потом в траве не найдем... Слезай, пока хоть что-нибудь видно!»

В это время со стороны дороги донесся шмелиный рев далекого мотоцикла. Звук приближался; у Лидки хватило ума не впасть в панику и не стряхивать сына с дерева в пожарном порядке. «Тихо, — сказала она. — Сейчас они проедут, и ты слезешь».

«Они» заглохли в двадцати метрах от злосчастной сливы. Мотор мотоцикла захлебнулся, рыкнул в последний раз и замолчал; послышались ругательства, относительно деликатные, потому что, как выяснилось в следующий момент, в компании с молодым механизатором путешествовала его дама.

«Ну елы-палы... Не бойсь, Светка, шас заведемся».

Светка только хихикала в ответ; мотоцикл всхрипывал, но заводиться не желал, может быть, потому, что мотоциклист был сильно навеселе. «О, слива, — сказала Светка, глаза которой не утратили зоркости даже в густой уже темноте. — Паша, давай сливы натрусим». Механизатор Паша бросил свое безнадежное дело и поспешил угодить спутнице; Лидка, укрывшаяся в нескольких метрах от дерева, в кукурузе, успела только открыть рот.

Паша подошел к сливе и задрал голову. В следующую секунду на него дождем обрушились фрукты. Нет, не дождем — градом. Смирная слива трясла ветвями и разве что не завывала; пары алкоголя сыграли с механизатором злую шутку. Неизвестно, что там ему привиделось, но только и Паша, и Света молча кинулись к своему мотоциклу, и тот, разделяя мистический ужас хозяев, немедленно завелся. Треща мотором и виляя по ухабам, мотоцикл усккал в сторону села. Лидка подроспела как раз вовремя, чтобы подхватить падающего с дерева Андрея. А падал он потому, что не мог удержаться на ветвях — от смеха...

Говорят, что перебороть страх перед строгим начальником можно, если вообразить его в нижнем белье или в туалете. Наверное, именно поэтому Андрей перестал бояться *мрыги*. В тот вечер чудище страха предстало ему в неприглядном, комичном виде. В нижнем белье.

И вот уже близится к концу шестнадцатый год, и до апокалипсиса осталось лет пять, а то и четыре. Андрей по-прежнему ничего не боится, разделяя заблуждения своих ровесников, которым море по колено; Лидка же встречается в понедельник с крупным чиновником, с министром чрезвычайных ситуаций. А значит, речь пойдет о месте в списке, в очень ценном списке, очень многие заплатили бы чем угодно, лишь бы оказаться в нем...

Речь пойдет о праве на малую толику «условленного времени».

* * *

— Да, безусловно, Лидия Анатольевна. Ваши заслуги перед наукой трудно переоценить... Но лишняя минута «условленного времени» означает возможные жертвы сре-

ди населения. Согласны ли вы получить свое право такой ценой?

Министр был маленький, сухонький, в массивных очках. Густо-черная оправа походила на две сочлененные траурные рамки.

— Не совсем понимаю вас, — сказала Лидка осторожно. — Всем нам известно, что «условленное время» отменить невозможно. Так стоит ли возлагать ответственность...

— Ответственность всегда тягостна, — не совсем вежливо прервал ее министр. — Но «условленное время» — не награда за заслуги, поймите меня правильно. Это инструмент. Необходимый для сохранения государства и цивилизации. В первые часы после апокалипсиса нам нужна власть, нужна страховая система, нужна координация восстановления экономики. Наука — безусловно, но только те ее отрасли, которые имеют непосредственное стратегическое значение.

— Что может быть более стратегически значимым, нежели разгадка предназначения Ворот? — тихо спросила Лидка.

Министр пожал плечами:

— До такой разгадки, как я понимаю, еще достаточно далеко... И потом, когда речь идет о проекте столь широко известном, столь трудоемком, занимающем так много людей, скольким сотрудникам придется предоставить «условленное время»? Одному, двум? Решит ли это проблему? А их семьи? Лидия Анатольевна, мне кажется, вы не вполне правильно сориентированы. Свет не сошелся клином на «условленном времени». Я искренне уверен, что весь ваш отдел благополучно переживет грядущий апокалипсис. И что в первые же годы нового цикла мы получим блестящие результаты. И мне еще выпадет возможность поздравить вас с Государственной премией... а то и международной, я надеюсь.

Лидка смотрела в слабо различимые за стеклами, обведенные траурными рамками глаза — и смутно вспоминала собственные речи перед школьниками. Тот же гладкий, профессионально перетекающий словопомол. На любую

тему, с любого места, для любой аудитории. Мило, обнадеживающе, ни о чем.

— Понятно, Михаил Евгеньевич... Последний вопрос. Если бы исследования по «фактору эм» были строго засекречены и проходили по ведомству ООБ, это отразилось бы на вашем решении?

Молчание. Легкое удивление за толстыми линзами очков:

— Н-ну... Видите ли, тогда речь шла бы... в рамках совсем другой ситуации...

— Спасибо, — сказала Лидка и поднялась.

Секретарша проводила ее до самых дверей; у подъезда министерства ждала служебная институтская машина, вполне приличная для своего класса, но теряющаяся среди богатого чиновничьего транспорта.

— Я пойду пешком, — сказала Лидка водителю.

Было сыро и холодно. Не лучшее время для прогулок.

Лидка шла, ловя лицом редкие капли дождя, и заново слово за словом вспоминала беседу с министром. Редкие прохожие удивлялись, наверное, увидев выражение ее лица. Вроде бы человек улыбается, но от такой улыбки хочется перейти на другую сторону улицы...

Лидкин проект давно и прочно сидел в болоте, о котором мало кто, кроме самой Лидки, знал. Растекаясь в разные стороны, сталкиваясь с новой информацией, стройная и многообещающая гипотеза превращалась в расплывчатое, неопределенное, сомнительное предположение. Новые данные опровергали друг друга; результаты статистических подсчетов, несомненные на малом объеме материала, почему-то не желали повторяться на больших массивах. Единственная Лидкина надежда была на «острый эксперимент», который по понятным причинам откладывался лет на пять.

И тем не менее однажды запущенная, питаемая инвестициями машина исследований катилась как ни в чем не бывало. «Летучий голландец». Гальванизированный труп.

Это были самые черные Лидкины мысли, приходящие к ней во время бессонницы, между половиной четвертого и половиной пятого утра. В другое время она бодро радо-

валась все новым локальным результатам и почти верила в собственную гениальность; теперь, после разговора с министром, ночные мысли вторглись на территорию дня.

«В первые же годы нового цикла мы получим блестящие результаты. И мне еще выпадет возможность поздравить вас с...» Да неважно с чем. Потому что если, не приведи господи, во время апокалипсиса что-то случится с Андреем — Лидка этого не переживет.

А ты, старая очкастая крыса, небось уже устроил своим детям гарантированный вход в Ворота. И потому так легко рассуждаешь о том, что случится в первые годы нового цикла.

Она зашла в телефонную будку. Долго никто не отвечал, и противный холодок уже зародился внизу живота, когда гудки прервались усталым голосом Андрея:

— Мама, ты?

— Как ты догадался? — спросила она, невольно улыбаясь.

— Телепатия, — сказал он довольно.

— Все в порядке?

— Ага, — сказал он не вполне уверенно.

— Что такое?!

— Мам, ты не ругайся. Я тут помогал нашему географу флюгер устанавливать... немножко коленку разбил.

— Какой флюгер?!

— На крыше. Опыт такой. Наблюдения за розой ветров... Нужен флюгер. На крыше. Он сам так испугался, пообещал мне на всю жизнь одну большую пятерку...

— Одной пятерки тебе на всю жизнь не хватит, — сказала Лидка сквозь зубы. — С какой высоты ты упал?

— Да ничего, — Андрей замялся. — Там пожарная лестница... Ну, где-то метра... три.

— Значит, все пять... На асфальт?

— Мам, ну ничего не случилось! Коленку только разбил, мне уже перебинтовали... Мам, звонил дядя Великов. У него новая книжка вышла.

— Поздравляю, — сказала Лидка скептически.

— ...И еще бабушка звонила. У них все в порядке, она просила, чтобы ты...

— Ясно. Я иду домой. Уже иду, слышишь?

— Ага... Жду.

— Ну, привет...

Она дернула за рычаг, бросила новую монету и набрала номер старой родительской квартиры.

— Лидка? Нет, все хорошо... Тебе письмо пришло. Из-за границы. Толстое такое... от Артема Максимова. Твоего ученика. Помнишь?

* * *

Фотография была цветная, добротная, стандартная. Здоровенный мужчина, в котором Лидка с трудом узнала Артемку. Рядом, в обнимку, два мальчика, старший отдаленно напоминает того школьника, которому Лидка когда-то ставила тройки. Младший — кудрявый блондин с большими, ничего не выражающими светлыми глазами.

Письмо было тоже стандартное, в меру сердечное, в меру опасливое. Максимов выражал, во-первых, сожаление, что так давно не видел «свою любимую учительницу», а во-вторых, уверенность, что у нее все благополучно, жизнь сложилась «к лучшему», потому что «даже здесь» в газетах нет-нет да и появляются заметки о научном прогрессе, о смелых гипотезах, и Лидкина фамилия встречается едва ли не чаще всех прочих...

А у него, Артема, все хорошо, подрастают два сына; жизнь не то чтобы очень легкая, но вполне терпимо, он работает бригадиром строителей-ремонтников и очень ценится окружающими. Жаль, конечно, что судьба развела их с Лидкой... и все сначала, по кругу, как будто максимовскую мысль кто-то посадил на короткий поводок и теперь она ходит, подобно пасушейся козе, вокруг вбитого в землю колышка.

Лидка читала, и сквозь повторяющиеся слова все более явно проглядывало настоящее, не формальное, сожаление. Бригадир ремонтников тосковал по упущенным возможностям; наверное, ему казалось, что Лидка воспарила в светлые небеса науки, в то время как он остался у подножия, у трамплина, жалкий и перепачканный штукатуркой. А возможно, он просто не был счастлив с женой... Есть ли у него жена? Почему о ней не пишет? Разведен? Или не хо-

чет лишний раз травмировать Лидкины чувства? Или стесняется?

Фотографию Лидка рассматривала в машине — обычно она не злоупотребляла услугами такси, но сегодня был особый случай. Из опущенного окна тянуло теплой уличной гарью; Лидка спрятала письмо в карман пиджака, но там оно топорщилось и мешало, тогда Лидка переложила его в сумку. И подумала, что, когда возвратится домой и полезет, скажем, за ключом, письмо может вывалиться или просто показать свой желтый край с лиловыми печатями, и тогда любопытный Андрей обязательно спросит: «О! Из-за границы? Это от кого?»

Она засунула письмо на самое дно сумки, но и там ему было неудобно. Письмо мешало, как горчичник; выбросить его было вроде бы жалко, сжечь — глупо, показать Андрею — пошло...

Такси притормозило перед входом в зеленый тихий двор; лучший район города — благодать и жужжание пчел, притом что до шумного центра можно пешком дойти за десять минут. Старшие мальчишки играли в футбол, а Лидкин сын сидел на скамейке, болея одновременно за обе команды. На левом колене спортивные брюки сильно оттопыривались, видимо, на «перевязку» ушла не одна упаковка бинта.

Лидка остановилась в нескольких шагах; сын не видел ее. Объяснял пятнадцатилетним потным футболистам, что мяч можно отдавать не только носком, но и «пяточкой». Что «пяточкой» играть даже предпочтительнее...

Со своего места Лидка видела его затылок, ухо и часть щеки.

Она хотела позвать его, но удержалась. Разговор с министром, письмо от Максимова, разбитая коленка; сегодня душно, может быть, будет гроза. Время подкрасить виски, успокоить рвущуюся наружу седину. Успокоить рвущуюся наружу истерику, инстинктивный слепой порыв — схватить сына и заключить его в кокон, в банку, в непроницаемую сферу, да хоть обратно в утробу, туда, где ему не будут грозить ежедневные опасности. Туда, где не достанет его неотвратимый апокалипсис...

Глупые суеверия. О том, что ребенок, зачатый искусс-

венно, не переживет кризиса. Лидка давным-давно изучила статистические подборки, полностью опровергающие эту чушь. Дети, зачатые от донора, выживают точно так же, как те, у которых есть настоящий отец. И гибнут точно так же...

Но именно из суеверия Лидка никому не рассказывала, как появился на свет Андрей. Никому, даже маме. Предполагалось, что она встретила «хорошего человека» в Апрельском парке; все-таки в глубине души самый цивилизованный человек остается пещерным жителем. Как иначе объяснить, что случайные связи в начале цикла считаются вполне приличными, а безобидная медицинская процедура — чуть ли не табу...

Сколько сил ей стоит убить в себе хлопотливую курицу. Сколько сил уже потрачено, а апокалипсис все ближе, и как ни кудахтай, как ни приседай вокруг птенца, как ни мечись — ничего не изменить; этот котел в преддверии ворот, эти безмозглые толпы... Ведь как было с Яной? До самого последнего мгновения Лидка помнила ее рядом. Отец тащил ее на себе... А потом — мгновение. Накатила новая волна, сбила с ног обоих, но отец сумел подняться, а Яна — нет, ее отнесло от отца на десятки метров...

Андрей почувствовал ее взгляд. Обернулся, просиял. Веселый рот разъехался от уха до уха, на щеках обнаружились ямочки:

— Мама!

Она подошла и, ни слова не говоря, спрятала лицо в его растрепанных жестких волосах.

* * *

Ночью пришлось вызывать «Скорую». Андрей перепугался насмерть — носился с аптечкой, с чашками воды, с каплями, с телефоном. Лидка еще никогда не видела его таким бледным. И надеялась больше не увидеть.

Бригада прибыла минут через сорок после вызова. Молодой медбрат узнал Лидку; тут же, в домашних условиях, сняли кардиограмму, ничего ужасного на ней не увидели, но порекомендовали обследоваться, понаблюдаться, лечь в

больницу, тем более что академическая больница сейчас оборудована всем необходимым, это курорт, а не больница, вам надо беречь себя, Лидия Анатольевна...

Они уехали. Андрей сидел на кухне, тихонько звякая ложкой о стакан.

Проклятый Максимов со своими задавленными претензиями, со своей неудовлетворенностью. Проклятый министр. Проклятый апокалипсис. Нет, Лидка не выдержит. Сорвется. Помрет от инфаркта, не дожидаясь апокалипсиса, бросит мальчишку на произвол судьбы. Одного в человеческом водовороте...

Вспоминая Максимова, она видела, разумеется, не того мужика с фотографии. А коренастого темноволосого подростка, школьника, потом студента, тонкого и умненького, подающего надежды.

Она знала, неосознанно, но знала, что Максимова ей суждено потерять.

Теперь то же самое повторяется с Андреем. Физическое, почти осязаемое чувство надвигающейся потери. Апокалипсис сожрет его, все, что она может, — быть рядом...

— Андрей!!

Прискакал из кухни. Глаза едва ли не на лбу:

— Что?!

Лидка долго смотрела в его бледное, осунувшееся, совсем детское лицо.

— Знаешь что... Ложись-ка спать.

* * *

Присвоение институту имени Зарудного прошло при минимуме шумихи. То есть, конечно, положенные гости собрались, и заседание Академии прошло скорее в торжественной, нежели в рабочей обстановке, и неформальный «вечерний чай» обернулся на самом деле сытным и пьяным банкетом, — но отмечали в узком кругу. Из корреспондентов — только свои же люди из «Академического вестника». Никакого телевидения. Скромная мемориальная доска, чем-то похожая на ту, что висела когда-то на фасаде зарудновского дома. А поскольку скульптор поль-

зовался не официальной фотографией, а теми материалами, что предоставила Лидка, — бронзовый Андрей Игоревич оказался очень похожим на живого.

Если Лидка правильно помнит, каким он был.

Молодой, совсем мальчишка. Ему и сорока не было, когда его убили. Почти тридцать восемь лет назад...

Тридцать восемь лет?!

На Лидку поглядывали, кто с уважением, кто с откровенным недоумением. До самого заседания не смолкали увещевания: «Ну зачем вам это нужно?! Основоположник направления — вы, а вовсе не Зарудный, вы добровольно делитесь с ним частью славы, это вовсе не его заслуги, а ваши...», «Лидия Анатольевна, имя-то одиозное! Пойдет ли на пользу институту...», «Лидия Анатольевна, вас могут неправильно понять...», «Как бы не пришлось потом жалеть»...

Окончательное решение стоило ей бессонных ночей. Но вот — все-таки свершилось.

В разгар банкета Лидка спустилась в недавно отремонтированный туалет. Долго смотрела в большое зеркало; ей пятьдесят четыре года, и выглядит она на пятьдесят четыре. Конечно, тонкий шерстяной костюм пошит неплохо, косметика скрадывает морщины и круги под глазами, но боже мой, каким юнцом казался бы рядом с ней Андрей Игоревич! Она звала бы его, как сына, — Андрюшкой...

Поднимаясь по лестнице в зал, она едва не столкнулась со спускающимся навстречу стариком. Старик держался за перила, как трамвай за единственный провод — видать, спускаться без опоры было для него слишком большим испытанием. Лидка отступила, освобождая дорогу и место у перил; старик был Славкой Зарудным.

Непременное приглашение Славки было ложкой дегтя в радостном для Лидки мероприятии. Обойтись без Зарудного-сына никак не удавалось; в глубине души Лидка надеялась, что измученный артритом Славка поблагодарит за приглашение и откажется.

Не тут-то было. Потребовал для себя специальную машину. Прибыл. Выглядит скверно. И они с Лидкой делают вид, что не замечают друг друга — со стороны это очень за-

метно, тем более что сидели-то в президиуме — рядом, бок о бок...

Он прошел в полуметре от нее. От него пахло крепким дешевым одеколоном; топорщилась редкая седоватая борodka, дополнительно старившая его на десять лет.

И глаза. Впервые за весь вечер Зарудный-младший посмотрел прямо на бывшую жену, и от этого взгляда Лидку внутренне передернуло.

Он не был похож на отца — ни черточкой. Злобная Лидкина свекровь жила в этом взгляде, но не она занимала его полностью; Лидке вспомнился угрюмый парень, которому она когда-то сказала, что хочет выйти за него замуж. Из-за фамилии.

Славка, Славка, что они с тобой сделали...

Кто «они»?

Чувство вины было маленькое, мучительное и, по счастью, короткоживущее.

Тяжелые Славкины шаги удалились по коридору. Войдя в столовую, превращенную на время в банкетный зал, Лидка сразу же нашла глазами сына.

Андрей ел. Сосредоточенно, будто только что вернулся из голодного края. На его тарелке черной траурной горкой лежали обглоданные косточки маслин.

* * *

— Ты плохо себя чувствуешь?

— Нет, мам, все в порядке.

— Тогда почему ты такой кислый?

— Я кислый? Я?!

Метаморфоза случилась через несколько дней после банкета. Никогда прежде у Андрея не было от Лидки тайн — тем более таких. Отравляющих парню и дни, и ночи.

Однажды она до четырех часов утра слушала, как он ворочается на своем диване и сдвоенно вздыхает. Потом не выдержала, встала, подошла:

— У тебя зуб болит?

— Нет...

— Ты влюбился?

Смешок:

— Вот еще...

— Тебя кто-то обидел? В лицее? Угрожали? Требовали денег? Обещали выгнать?

— Нет.

— Андрюшка, что бы ни случилось, я тебе помогу.

— Ты не сможешь.

Она потеряла дар речи.

— Мам, ну я сам разберусь... Ничего страшного. Никто меня не бил, не угрожал, не выгонял...

Она закрыла глаза.

Курица. Вспокоенная курица внутри Лидки требовала сейчас схватить этого мальчишку и любыми силами выпытать у него, что происходит. И чуть что не так — забрать из лицея. Бросить все и уехать из города. Забиться куда-нибудь в глухое село, пить по утрам козье молоко и жить так, чтобы ни на мгновение не терять его из виду.

Глупая курица. Но на борьбу с ней уходит черт знает сколько душевных сил.

Лидка глубоко вдохнула. Подняла веки:

— Ладно... Глаза слипаются. Завтра в лицей, на работу...

Вернулась в постель, которая успела остыть.

Накрыла голову подушкой.

Она все равно узнает. Не прямо, так косвенными путями. Ничего. Она не завидует тому, кто мешает жить ее сыну. Если это девчонка — горе ей. Если это учитель или какой-нибудь хулиган... Ой-ей-ей. Ей заранее жаль их. Бедняжки.

Все это ерунда. Все, кроме апокалипсиса; время еще есть. Андрей будет жить любой ценой. Андрей окажется в «условленных» списках, даже если немолодой матери придется ради этого отрезать себе руку. Или, к примеру, пойти на панель...

Она криво улыбнулась.

В октябре светает поздно.

* * *

У писателя Великова вот уже четыре года был собственный фан-клуб. Возникший совершенно без его участия. Восторженные почитатели, мальчишки четырнадцати-

пятнадцати лет, иногда дежурили возле великовского подъезда — в ожидании автографа, или просто приветствия, или, если повезет, разговора; самых отчаянных Великов иногда приглашал к себе на чай. Лидка шутила, что после рукопожатия мэтра ребятки неделями не моют рук.

Андрей был в фан-клубе чем-то средним между талисманом и почетным председателем. Он делился с поклонниками информацией — когда Великов собирается быть дома, куда и зачем он пошел, когда он уехал в командировку и когда собирается вернуться, что пишет и сколько страниц уже написал, и какие новые идеи вынашивает... Разумеется, все это с одобрения самого «дяди Виталика» — Великов давно и всерьез назначил Андрея «ответственным за связи с общественностью».

— ...Короче говоря, Лидочка, в детстве этот парень слышал сказку о том, как маленькая девочка привлекала дельфинов, играя на губной гармошке... И как потом, во время *мрыги*, она этой же гармошкой загипнотизировала здоровенную глефу. Сказка, разумеется, ложь... Но вот наш герой занимается исследованиями музыкальных склонностей дельфинов. Он идет на берег, но не с губной гармошкой, нет... он придумал такое устройство, «подводный оркестр». То есть в воду опускается такая здоровенная металлическая мембрана и начинает передавать звуки музыки через колебания воды. И вот... Андрюшка, плесни мне еще кофе... и вот у него начинаются взаимоотношения с дельфинами, странные такие, неоднозначные... А тем временем близится *мрыга*, а он дельфинам передает все одну и ту же мелодию, он заметил, что она им понравилась... Что ты смеешься, Лидка? И вот из моря вылезают, сами понимаете, глефы...

— А он играет на губной гармошке, и они гуськом идут за ним, — даваясь хохотом, предположила Лидка. — Очень зрелищно... Кинематографично... Как, кстати, твоё кино?

Великов поморщился:

— Малобюджетка, Лидочка, она и есть малобюджетка. Ты будешь смеяться, но хроники апокалипсиса — настоящие хроникальные ленты! — выглядят убого и бледненько и никак не могут соперничать с постановочными трюка-

ми... Но через полгода выйдем на экраны... Тьфу-тьфу. Андрей, это ты сахар запрятал?

— Ты и так толстый, дядя Виталик.

— Я? Я толстый?!

Смех и возня; в присутствии Великова Андрей заметно расслабился. Как будто тяжесть на его душе стала легче.

Лидка была рада приятельским отношениям, давно и прочно связавшим Андрея и Великова. Суррогат отцовской любви, мужская дружба со взрослым человеком, да еще оригиналом и знаменитостью. Пусть так.

Потом, когда Андрей с превеликим скрипом отправился готовить уроки, Лидка включила телевизор и под завывания какой-то эстрадной певички изложила Великову историю Андреевой депрессии.

— В лице была? — сразу же поинтересовался гость.

Лидка кивнула:

— В первую очередь... Как шпионка. Чтобы никто, упаси боже, не заподозрил истинной цели. Я там, по счастью, часто бываю, так что никто особо не удивился, даже Андрей...

— Что разведала?

Лидка пожала плечами:

— Ничего. Все спокойно. Если было бы *что-то*, я бы учуяла.

— Игры? Товарищи?

— Не шпионить же мне за ним...

— Телефонные звонки?

Лидка растерялась:

— Звонки?

— Да. Приходишь — и спрашивай вроде невзначай: «Никто не звонил?» И наблюдай реакцию...

— Ты думаешь, его достают по телефону?!

— Ничего не думаю. Просто предполагаю... Детектив — не совсем мой жанр. Но кое-какие элементарные вещи я же должен придумывать?

Лидка помедлила. Предложила, пряча глаза:

— Виталик, может быть, ты с ним поговоришь?

— Получится, что ты мне на него настучала, — заметил Великов.

Лидка сдержала себя, хотя курица, глупая наседка, опять взметнулась и захлопала крыльями.

— Не бери в голову, — мягко посоветовал Великов. — Может быть, само рассосется. Подожди...

* * *

Целую неделю Лидка верила, что Великов оказался прав. Андрей, кажется, повеселел и вернулся к жизни; Лидка тихо радовалась семь дней, до следующей пятницы.

В пятницу среди извлеченной из ящика свежей почты обнаружилась странная газета. «Пикант». Такой бульварщины они с Андреем сроду не выписывали...

И она совсем уже собралась положить чужую газету на крышку ящика — кому надо, тот найдет, — когда глаза ее наткнулись на собственную фамилию среди анонсов-заголовков.

Она отодвинула газету подальше от глаз. Проклятая дальнзоркость.

«Сентиментальный жест престарелой нимфетки. Знаменитому институту кризисной генетики присвоено имя Андрея Зарудного — многие удивлены таким решением, но мало кто знает, что, еще будучи школьницей, профессор Сотова делила с Зарудным и девичьи мечты, и постель».

Некоторое время Лидка тупо смотрела на то, что держала ее вытянутая рука.

Потом рука опустилась.

Гостеприимно разъехались двери лифта, который Лидка вызвала двадцать секунд назад. Пошатываясь и ни о чем не думая, она ступила внутрь — и за закрывшимися дверями ее скрутило. Согнувшись, она вырвала прямо на чистенький, ежедневно драимый уборщицей пол.

Лифт шел себе и шел; разогнувшись, Лидка дотянулась до кнопки «Стоп».

Лифт завис посреди шахты. Лидка вытащила из сумки платок и вытерла губы.

Так. Хорошо, что такая скорая, радикальная реакция. Теперь легче, теперь можно думать. Она заставит главного редактора съесть весь тираж, номер за номером. Она пой-

мает этого — быстрый взгляд на подпись — Степана Дождика... Она вычислит, кто это. И тогда...

Внизу уже обеспокоенно переговаривались жильцы. «Тоня! Тоня! Вроде лифт застрял?» — «Да минуту назад я спускалась!»

Под Лидкой было метров двадцать пустоты. Сомкнутые двери, темные лакированные стены. На одной из них — полустертая надпись шариковой ручкой: «Оля плюс Андрей»...

Андрей.

Малыш мой. Как же тебя...

Лидка закусил губу.

Зарудный. Банкет. Славка. Андрей. «Андрюша, я тебе помогу». — «Ты не сможешь»...

— В лифте кто-то есть! Может быть, застряли?

— А на каком этаже?

— Да вроде между пятым и шестым...

— Эй, там кто-то есть? Отзовитесь!

Лидка покосилась в угол, на побочный результат работы газетчиков. Кстати, кто кинул «Пиканта» в ящик? Можно было бы расспросить бабушек на скамейке, они могли запомнить...

— А может, детишки балуются?

— Эй, кто там?

Жаль, подумала Лидка. Так хорошо висеть за закрытыми дверями, наедине с собой, между пятым и шестым. Так хорошо куда-нибудь забиться, спрятаться... Но не дадут же. Не дадут.

Она нажала кнопку с номером «десять». Чердак и технический этаж. Остается только надеяться, что там пока нет никого и никто не увидит, как профессор Сотова гордо выходит из заблеванного лифта...

Выйдя, она нажала на кнопку «один» и отправила обеспокоенным соседям «подарочек». Через полминуты снизу раздастся взрыв возмущения...

Она подстелила «Пикант» на ступеньку и села, не жалея длинной дорожкой юбки.

«Лидия Анатольевна, вас могут неправильно понять».

Жажда деятельности схлынула, сменившись вторым приступом отчаяния. Уже без рвотных позывов, но с силь-

ной болью в груди. И левая рука странно онемела. Не хватало, чтобы на этом фоне Лидкухватила кондрашка...

Ага, вот и возмущенные вопли, едва слышимые с десятого этажа. Теперь попытаются понять, кого же это прямо в лифте настигла морская болезнь... Но Лидку вряд ли заподозрят. Профессор и акуратистка.

Теперь еще выждать десять минут, пока они разойдутся, — и можно спускаться к себе на пятый.

Лидке почему-то вспомнилось, как они с Максимовым, тогда еще школьником, сидели в маленькой крепости на детской площадке и ждали, когда стихнут вдальке моторы и голоса гэошников...

Максимов. Его еще не хватало.

* * *

Больше всего она боялась, что он узнает о «Пиканте» не от нее. Что сейчас, в девять часов вечера, его не окажется дома.

Но он был дома. И, радуясь ее приходу, забрался наверх по дверному косяку. Как обезьяна, упираясь в створки руками и ногами.

— Ты ел?

Да, он ел.

— У тебя еще много уроков?

Нет, у него немного уроков, он прямо сейчас может бросить, потому что физика у него на послезавтра...

— Андрюшка, идем на кухню, я буду пить чай...

Ей действительно хотелось пить. Прямо губы растрескались.

— Мама, что-то случилось? — спросил он, с некоторым опозданием замечая ее обморочную бледность.

— Ничего особенного... Андрюшка, дядя Слава Зарудный ни о чем с тобой не говорил? Или кто-то по поручению дяди Славы? А?

Она попала в точку. Андрюшкины зрачки расширились; губы сжались в ленточку, и она поняла, что права.

— Это все вранье, — сказала она почти весело. — Тебе надо было рассказать мне сразу.

Сын молчал.

«Лидочка Сотова, по воспоминаниям одноклассников, никогда не блистала в учебе, зато была симпатичной, физически развитой девочкой. Однажды ее чуть было не выгнали из лицея за не совсем подобающее, мягко говоря, поведение. Что поделать — тело у Лидочки было богатое, и природа требовала своего.

Будучи в девятом классе, Лида подружилась со Славой Зарудным, учеником десятого класса. Ребятишек сблизил как бы общий интерес к кризисной истории, но на самом деле дальновидная Лидочка подбиралась к деньгам и славе семьи Зарудных (для тех, кто не знает, — Андрей Зарудный был тогда знаменитым депутатом, первым кандидатом на пост Президента). Соседи Зарудных вспоминают, что Лида Сотова навещала мальчика Славу, как правило, тогда, когда дома был его отец.

Незадолго до трагической гибели депутата Зарудного политик и школьница стали любовниками. Их связь длилась несколько месяцев; дома встречаться было затруднительно, но в распоряжении депутата был просторный служебный автомобиль...

Жена Зарудного чуяла неладное. Их сын, Ярослав Игоревич, вспоминает, что как раз в тот период между родителями участились ссоры...

По-видимому, связь с Зарудным произвела на Лиду Сотову неизгладимое впечатление. Выйдя замуж за его сына — по расчету, ради фамилии, она так и не удосужилась завести детей. Дожив в бездетности до весьма зрелых лет, Лида в начале этого цикла воспользовалась услугами медиков (искусственное оплодотворение) и родила-таки мальчика Андрея, названного так в честь сами понимаете кого.

Теперь, когда институт кризисной генетики получил столь странное по нашим временам имя, мы можем только подивиться крепости чувств бывшей нимфетки, так оригинально отдавшей дань своей юношеской страсти...»

(Газета «Пикант», 19 октября 17-го года. Прилагаются фотодокументы: нарочито детский Лидкин снимок, фрагмент школьной фотографии в пятом или шестом классе. Андрей Зарудный на трибуне какого-то заседания, глаза горят, рука на взмахе. И наконец — Андрей Зарудный в кругу семьи, с ним молоденькая Клавдия Васильевна и подросток Славка, руки депутата нежно лежат на плечах жены и сына.)

...На волосок от истины. Ей ведь МЕЧТАЛОСЬ о любви Андрея Игоревича, и сейчас, вспоминая свои полудетские чувства и сны, она совершенно ясно понимает, что, окажись Зарудный... Нет, не так. Если бы Зарудный ЗАХОТЕЛ, все описанное в «Пиканте» сделалось бы правдой. А вот что ему помешало — любовь к жене? Чувство долга? Страх разоблачения? Или у него и мысли такой не возникало, Лидка была для него девочкой, ребенком, подругой сына...

Она всего раз держала его за руку.

И однажды он ее обнял.

* * *

Адвокат стоил безумно дорого, но у Лидки, по счастью, были сбережения.

Адвоката звали Евгений Николаевич, он методично общал Лидке обо всех своих шагах. По его словам, редакция «Пиканта» сдалась почти сразу. Они напечатают опровержение, и в суд идти уже незачем.

Лидка, сжав зубы, не согласилась. Ей нужен был именно суд. С возмещением морального ущерба. Она помнила, как когда-то сам Зарудный разорил своими исками такую же вот желтенькую слюнявую газетенку.

Дело было принято к рассмотрению; через неделю адвокат приехал к ней без звонка, неестественно веселый, и привез новый номер «Пиканта». С новой статьей на целый разворот; на фотографиях примерно двадцатилетней давности Лидка узнала себя на выпускном вечере. Танцующую с Артемом Максимовым.

«Конечно, уважаемой госпоже Сотовой пришлось не по душе наша публикация, автор которой проследил историю ее взаимоотношений с Андреем Зарудным. Конечно, уважаемому ученому стыдно вспоминать грехи молодости, и даже, учитывая тогдашний возраст Лидочки, грехи детства, раннего отрочества. Но в нашей сегодняшней статье вос-

становливаются события куда как более поздние — события минувшего цикла... Интервью «Пиканту» дает бывшая ученица школьной учительницы Лидии Сотовой, Антонина Ивановна Бунич, урожденная Дрозд...»

Лидка внимательно прочитала статью. Не упуская ни буквы; фотография Тони Дрозд прилагалась. Она сильно располнела за те пятнадцать лет, что Лидка ее не видела.

Но почему в апокалипсисе погибла милая девочка Вика Роеенко, а Тонечка Дрозд осталась в живых?!

— Включим в счет, — холодно сказала Лидка адвокату. — Ваши прогнозы, Евгений Николаевич?

— Слупим с них, — адвокат нервно потер ладони. — Должны слупить... у меня есть кое-какие предложения... Кстати, эта история с мальчиком — тоже целиком выдуманная?

Лидка молчала.

— Видите ли, Лидия Анатольевна, я точно должен знать, где тут открытое вранье, а где, как бы это сказать, интерпретация...

На кухне хлопнула форточка, и Лидка вздрогнула, как от удара током. Ей показалось, что на кухне Андрей.

Хотя Андрея вот уже неделю не было в городе: по первой же Лидкиной просьбе Великов забросил все дела и увез парня в горы — «на сбор материала для новой книги». Поездка затянулась; Лидка верила, что с Великовым Андреем ничего не грозит, но каникулы закончились вчера, и лицей не потерпит прогулов.

Лидка поговорила с директрисой и выпросила для сына неделю отсрочки. А потом — потом Андрей будет здесь, и любая сволочь сможет смеяться ему в лицо...

Забрать из лицея? Уехать к черту, бросить все, пусть торжествуют победу?

Позвонить Славке?

Поджечь ему дверь?

Наглотаться таблеток?

— Евгений Николаевич, когда вы планируете выиграть дело?

Адвокат усмехнулся:

— Ну и вопросыки у вас, Лидия Анатольевна.

«— Когда приблизительно вы поняли, что между вашим одноклассником и вашим педагогом существуют интимные отношения?»

— Догадывалась я давно. Но абсолютно убедилась на выпускном вечере — знаете, они обжимались на глазах всей школы. Потом я узнала, что Зарудная-Сотова ушла из школы и поселила Максимова у себя дома. Они жили как муж с женой, несколько раз я видела их вместе — на пляже, на улице, возле университета. Хотя Максимов уже тогда ей изменял. Одна моя подруга провела с ним несколько ночей и потом рассказывала нам, что он действительно был хорош как мужчина...

— ...он еще был девственником, носил ученическую форму? Сколько же ему было лет и сколько лет было Сотовой?

— Ему — шестнадцать, как всем нам. Ей — лет под сорок, не знаю точно. Ну, предыдущее поколение, вы понимаете...

— ...был склонен к авантюрам?

— Нет, он был очень приличный мальчик, пока у нас в школе не появилась ЭТА. Она его просто совратила, ну прямо профессионально.

— Что с ними случилось потом?

— Потом, сразу после *мрыги*, Максимов бросил ее. Уехал за границу, говорят, там у него семья и дети.

— Почему он ее бросил?

— Откуда мне знать? Она же старая для него! Наверное, ему надоело целовать ее морщинистые прелести...»

(Газета «Пикант», 21 ноября 17-го года.

Прилагаются фотодокументы: максимовский класс на выпуске, лица Максимова и Тони Дрозд нарочито небрежно обведены красным. Лидкина фотография из выпускного альбома — «Сотова Лидия Анатольевна, учитель биологии». И еще один снимок, расплывчатый, сильно увеличенный, видимо, по-шпионски извлеченный с какого-то дальнего плана: на парковой скамейке целуются двое, в женщине с трудом, но можно узнать Лидку, лицо парня неразлично.)

В институте все, конечно, знали и все читали. Лидка являлась на работу с чуть преувеличенной пунктуальностью; под ее взглядом сотрудники разбегались, как тараканы под лучом карманного фонарика. Многочисленные лаборатории продолжали свою кипучую деятельность, но Лидке все настойчивее казалось, что их работа направлена в никуда.

Два или три раза к ней пытались подкатиться с разговорами. С сочувствием, с возмущением «этими грязными газетчиками». Лидка отшивала сочувствующих с восхитительной холодностью. Единственной фразой, которую она проронила в адрес обидчиков, было обещание разорить газетенку через суд.

Накануне возвращения Великова с Андреем, за час до окончания рабочего дня, Лидкина секретарша тревожно пискнула селектором:

— Лидия Анатольевна, вам звонят. Снизу, с проходной.

— Я занята, — сообщила Лидка безучастно.

— Да, но это звонит некто Максимов...

Лидка оторвала глаза от бумаг, и секретаршу будто ветром сдуло.

Несколько секунд Лидка посидела, прислушиваясь к себе и ничего не испытывая. В конце концов, людей с фамилией Максимов на свете примерно столько же, сколько ступенек на бесконечных институтских лестницах...

— Какой Максимов и чего он хочет? — устало спросила Лидка секретарше вдогонку.

Секретарша Леночка тоже читала желтую прессу. Во всяком случае, последние несколько недель. И если бы фамилия позвонившего незнакомца была, к примеру, Егоров, черта с два она побеспокоила бы строгую начальницу.

— Он попросил вас к телефону, я подумала, может быть...

— Узнайте, по какому он вопросу. Если по важному — пусть запишется на прием.

— Хорошо, Лидия Анатольевна...

Лидка устало опустила плечи.

Адвокат сказал, что теперь «Пикант» охотно готов су-

диться. Что «Пикант» похвастается новыми материалами, которые готовятся к выпуску, что тираж «Пиканта» подскочил в два с половиной раза и что судебное заседание по Лидкиному иску наверняка превратится в рекламное шоу...

И вот теперь — Максимов.

Неудивительно. Не случайно. И забавно, если следующим номером программы будет интервью с совращенным Лидкой бывшим школьником. «Пикант» наверняка имеет возможность заплатить, и заплатить хорошо. А родня и знакомые Максимова живут далеко, вне досягаемости «пикантной» информации...

Лидка поморщилась. Общение с газетчиками, пусть и опосредованное, дурно на нее влияет. Такие гадости лезут в голову.

Она еще немного посидела за столом, самой себе не желая признаваться, что с работой на сегодня покончено. Стрелка часов подбиралась к шести. Лидке случалось засиживаться на работе допоздна, но только не сегодня. Во-первых, надо прибраться в квартире к Андрюшкиному приезду. Во-вторых...

Во-вторых, секретарша может подумать, что Лидка боится выходить из института, пока на проходной дежурит этот Максимов.

А Лидка была почему-то уверена, что он именно дежурит. И не станет дожидаться приемного дня.

Без десяти шесть Лидка поднялась. Собрала бумаги; из-под стекла на столе смотрел молодой Андрей Зарудный.

— Как же ты меня подвел, — сказала Лидка шепотом. И тут же устыдилась своих слов.

Привычным жестом погладила Андрея по щеке.

Заперла сейф. Посмотрела на себя в зеркало.

Испытала мгновенный ужас.

Они не виделись с Максимовым... Сколько? Шестнадцать лет?

Увидев ее, Максимов удивленно спросит себя, откуда взялась эта старуха. И куда девалась женщина, когда-то делившая с ним оранжевую палатку...

Да он просто не узнает меня, подумала Лидка с неожиданным облегчением. Не надо прятаться или надевать мас-

ку. Я пройду в двух шагах от него, а он все будет пялиться на дверь, ждать, когда появится Лида Сотова, она же Зарудная...

Она собралась. Накинула пальто, попрощалась с Леночкой — воплощение высокомерия и невозмутимости. Секретарша смотрела во все глаза; так-то, девочка. Учись.

Простучала каблуками по коридору. Вышла на широкую прохладную лестницу, спустилась пешком; с недавних пор лифты вызывали у Лидки отвращение.

Ее приветствовали. Она отвечала, иногда даже улыбалась. «Во железная баба», — приглушенно сказал кто-то за ее спиной.

Она кивнула вахтеру. Пройшла через вертушку; двинулась вперед, тщательно следя за тем, чтобы не ускорить шаг.

Моросил мелкий дождь. У подъезда стояли несколько машин; возле мокрой скамейки дожидались чего-то двое мужчин и женщина. Блестели капли на трех темных невзрачных зонтах.

Лидка автоматически полезла в сумку — и вспомнила, что сегодняшний прогноз погоды спровоцировал ее оставить зонтик дома.

Вот теперь она пошла скорее — с полным на то основанием. Минуя клумбу, мельком увидела лица ожидавших; женщина была женой одного из сотрудников. Лидка вынуждена была ответить на ее приветствие. Оба мужчины смотрели в сторону, и ни один из них не походил на фотографию Максимова.

Как просто.

Лидка с трудом сдержала улыбку облегчения.

То ли это был другой Максимов, а секретарша, начитавшаяся желтой прессы, вообразила пес знает что. То ли звонивший попросту не дождался, ушел несолоно хлебавши и уехал обратно в свою...

Шаги за спиной. Неуверенные шаги. Судя по звуку, прямо по лужам.

Лидка пошла быстрее.

Шаги не отставали. Самое время обернуться, но Лидка упрямо смотрела перед собой.

— Ли... Лидия Анатоль...

Она остановилась. И медленно повернула голову.

Человек сжимал рукоятку зонта. Человеку было тридцать шесть лет, но выглядел он моложе. И он ужасно нервничал и боялся — почти как тогда, когда ждал ее под школой, чтобы увязаться следом, будто робкая собачонка.

— Лидия Анатольевна... Лидочка. Добрый день.

Лидка смотрела ему в лицо.

Нет, на той фотографии он мало походил на себя. А может быть, ожидание и страх вернули ему сходство с тем мальчишкой. Хотя чего ему бояться?

— Чего тебе бояться, Артем?

— Я не боюсь, — он нервно улыбнулся. — То есть да, я боялся, что... Можно, я дам тебе... вам... свой зонтик?

* * *

— Зачем ты приехал?

Они сидели в кафе. А перед этим долго петляли по улицам в такси; Лидке хотелось убедиться, что корреспонденты газеты «Пикант» не следуют за ними по пятам.

— Не знаю.

— Шестнадцать лет не было необходимости приезжать — и вдруг...

— Лидоч... ка. Я...

— Тебе оплатили дорогу? Из газеты?

— Не совсем...

— Если ты скажешь, что приехал по просьбе газеты «Пикант», я встану и уйду. И больше никогда не скажу тебе ни слова.

— Лида...

Она подивилась собственной глупости. Ну кто же после такой угрозы скажет правду?

Подошла официантка, совершенно незнакомая и безразличная. Не весь же мир, в конце концов, читает газету «Пикант»; официантка поставила перед Лидкой тарелку супа, а перед Максимовым — кофе и мороженое.

— Ты не изменилась, — сказал Максимов жалобно.

Он говорил с едва заметным акцентом. Сейчас акцент слышался сильнее.

— Я не изменилась?! — Лидка чуть не расхохоталась. — Я надеялась, что ты вообще не узнаешь меня. Время...

— Подумаешь, время, — тихо сказал Максимов, глядя, как поднимается пар над чашечкой кофе. — Ты не изменилась, Лида.

— Я старуха, совратившая школьника, — сказала Лидка с желчной усмешкой.

Максимова передернуло. Он сделался красным, как пунцовая скатерть, которой накрыт был их столик.

— Такая... гадость. Тебе мстят.

— Но это же правда. — Лидка ухмыльнулась еще шире. — Про Зарудного — ложь, опровергнуть которую теперь почти невозможно... А про совращение — правда. Я гожусь тебе в матери. И ты ведь был девственником, когда...

— Лида!

Мужчина и женщина, сидевшие за соседним столиком, обернулись.

— Лида... год назад я развелся с женой.

— Так.

— Да... Лида, я знаю, что ты тоже совсем одна...

— С сыном, — поправила она.

— Одна с сыном... Мы могли бы...

Она отодвинула тарелку:

— Ты приехал, чтобы говорить мне глупости? Или проводишь следственный эксперимент по заданию газеты «Пикант»?

Максимов растерялся. Лидка поднялась из-за стола, на ходу подозвала официантку. Расплатилась за недоеденный суп; Максимов нагнал ее на улице. Накрыл своим зонтом. Молча пошел рядом.

* * *

Гостиница была не так чтобы в центре, но и не на окраине. Не так чтобы дорогая, но и не дешевенькая, не так чтобы шикарная, но вполне приличная. И номер был ничего себе — просторный, с окном от пола до потолка.

Из щелей окна тянуло сквозняком. Максимов запер форточку и плотно задернул шторы.

— Хочешь кофе? У меня есть растворимый... Коньяк есть... Хочешь?

— Нет.

— Конфеты шоколадные...

— В моем возрасте, — Лидка сделала небольшую паузу, — в моем возрасте, Артем, конфеты достаточно вредны. Особенно шоколадные.

Максимов приостановил лихорадочную уборку на захламленном столе. Медленно обернулся:

— Лида, ты так старательно прикидываешься старухой... будто чего-то боишься.

— Я боюсь?!

Максимов неожиданно улыбнулся. Потряс жестяной баночкой, вслушиваясь в едва слышный звук пересыпающегося кофейного порошка:

— Твой любимый кофе... Может, все-таки будешь?

— Не на ночь. Со мной случится расстройство сна.

— А кто тебе сказал, что ты будешь спать сегодня?

Теперь смутилась Лидка. Отвела глаза; Максимов вернулся к прерванному занятию и даже принялся напевать под нос — Лидка автоматически отметила, что и слух, и некоторая музыкальность у Артема наличествуют.

— Как твои сыновья? — спросила Лидка, прерывая неловкое молчание.

— Хорошо, спасибо... Уже большие... Как и твой. Сколько твоему, четырнадцать?

Она не ответила.

Максимов навел наконец на столе порядок. Подошел к Лидке, но присел не на стул напротив, как она ожидала, а на мягкий подлокотник ее кресла:

— Лидочка...

И прикоснулся к ней.

Жест был одновременно фривольный и ласковый. Жест-пароль, шестнадцать лет назад Лидка не сомневалась бы, что последует за этим жестом. Когда сыграны первые несколько тактов, знакомая мелодия продолжается сама собой...

— Артем, ты с ума сошел? Раньше я годилась тебе в матери, а теперь, наверное, в бабушки?

Он молчал и смотрел на нее.

О да, не зря еще в школе за ним табунами ходили девочки. Не зря эта стерва Дрозд хранила обиду шестнадцать лет... Да и она, Лидка, не просто так купилась на собственного ученика. Что-то в нем было, в этом мальчишке. В этом бывшем мальчишке.

— Лидочка... Теперь мне кажется, что это я взрослый, а ты — маленькая. Потому что это же по-детски — пугаться, отбрыкиваться, говорить глупости...

И он сделал следующий, полагающийся по давнему ритуалу жест; Лидка с ужасом ощутила, что его прикосновения не остаются без ответа.

И поспешила отстраниться:

— Артем, ты уверен, что у тебя в ванной не прячутся корреспонденты газеты «Пикант»?

Он сразу же убрал руку. Посмотрел удивленно:

— Лида, я думал...

Не договорил. Поднялся. Отошел к столу.

— Лида... Лидия Анатольевна. Я хочу предложить вам... стать моей женой. Завтра. Сегодня. Официально.

Лидка молчала.

В комнате едва ощутимо пахло одеколоном. Терпким. Тяжелым. Очень мужским.

— Я говорю совершенно серьезно. Все твои недоброжелатели лопнут, подавятся собственной желчью.

Лидка чуть заметно усмехнулась.

— Я клянусь оберегать тебя, Лида. Быть рядом, что бы ни случилось. От этой минуты и до самой смерти. Хочешь, я стану твоим секретарем. Помощником. Лаборантом...

— У меня хватает помощников и лаборантов, — сказала Лидка через силу. То ли запах был причиной, то ли Максимов как-то по-особенному смотрел, но те места на ее теле, которых успела коснуться максимовская ладонь, начинали жить своей обособленной жизнью. Горячий озноб потихоньку затапливал Лидку от макушки до пят.

— Я стану... Лид, как бы это странно ни звучало... я стану отцом твоему сыну. Ему же нужен... Я люблю тебя. И я люблю его. Понимаешь?

Лидка молчала.

Максимов подошел и сел на ковер у ее ног.

Поздно ночью, когда в квартире воцарился какой-никакой порядок, она заперлась в ванной (по привычке заперлась, ведь дома не было никого), разделась и долго разглядывала себя в зеркало.

Я не изменилась? Не ври, Артемка. И не делай вид, что, зазевавшись, вышел из электрички на две остановки раньше, и теперь, обнаружив ошибку, можно без особого напряжения вскочить в следующий вагон. Твой поезд ушел так далеко, Артемка, что его не догнать даже на вертолете. На вертолете покойного генерала Стужи...

Завтра прибывают Великов с Андреем.

Лидка натянула чистую ночную сорочку и легла в постель. И долго смотрела, как скользят по потолку лучи от проходящих машин.

Она не позволила ему провожать себя. Он насильно сунул ей в карман визитную карточку из гостиницы.

Он знает ее рабочий телефон. Узнает и домашний. Что мешает ему выследить Андрея и наговорить с три короба... как это сделал недавно Слава Зарудный?

Почему она должна думать о Максимове плохо? Почему сами собой приходят эти мысли, ведь Артем никогда не был подлецом?..

Во всяком случае, ей нравилось так думать.

Постель казалась неудобной. Давила и колола со всех сторон.

...Если бы «Пикант» лгал! Как было бы легко и просто.

...Профессора Сотову запросто примут в Европе — на год, на два... Пока здесь все успокоится. Пока все забудут о газете «Пикант»... А может быть, стоит остаться там навсегда. В мире, никогда не знавшем генерала Стужи. Андрей сможет получить приличное образование, даже лучше, чем в этом проклятом лицее... И, возможно, именно за границей Лидке удастся втиснуть сына в «условленные» списки...

Получить гражданство... Может быть, Максимов поможет...

Она села на кровати.

Голова гудела, как улей. Все тело ныло.

Не уснуть.

Они прибыли прямо с вокзала, пропахшие поездом, веселые, голодные.

— Лидочка, мы с Андрюшкой наметили в общих чертах план нового романа... Того самого, о музыке для дельфинов. Принципиальный момент — транслятор, который будет переводить звуковые колебания в ультразвуковые. Вот наш главный герой и сконструирует такой транслятор. А у главного героя будет сын, мальчик четырнадцати лет...

Лидка улыбалась.

С давних пор рассуждения Великова вызывали у нее воспоминания о перекатывающемся в цистерне молоке. Она никогда не говорила об этом знаменитому писателю; Великов не из обидчивых, но *такое* — уже слишком...

Они сидели за столом, жевали, пили чай и рассказывали о своих приключениях. Оказывается, на западном побережье какой-то энтузиаст устроил целый дельфиний цирк, полулегальный, но пользующийся успехом. Билеты дорогие... Зрителей собирают, везут по канатной дороге, привозят в бухту, где устроены сиденья, как в цирке, амфитеатр всего мест на пятьдесят. Представление идет пятнадцать минут — пара дельфинов приходит из моря, кружится в бухте, ест у этого дрессировщика чуть не из рук, выпрыгивает из воды — ну и туши, надо сказать! Жаль, там фотографировать не дают...

— А я однажды с дельфинами плавала, — призналась Лидка неожиданно для себя.

У Андрея округлились глаза:

— Правда?! Что же ты не рассказывала!

— Расскажу, — пообещала Лидка. — Потом. Тебе надо отдохнуть, завтра в лицей...

— Ох как неохота мне в лицей, — признался сын со вздохом. — Я у того дядьки спрашивал, ему помощники нужны, которые дельфинов не боятся. Я бы...

— Спасибо, Виталик, — сказала Лидка Великову, не дожидаясь, пока сын доведет до конца свою крамольную

мысль. — Огромное спасибо... Андрюшка, ты доедай, я пойду провожу дядю Виталика.

Вдвоем они вышли в прихожую. Лидка огляделась — ни одно место не казалось ей достаточно надежным для предстоящего разговора. Не в коридор же выходить, не в лифте же кататься вверх-вниз...

— Новости есть? — спросил Великов небрежно.

Лидка кивнула. Оглянулась на дверь кухни, вытащила из кармана халата в восемь раз сложенный газетный листок.

Великов пробежал глазами откровения Тони Дрозд. Губы его брезгливо дернулись:

— Лид... Подари. Хочу использовать по назначению, то есть в сортире.

— Это негигиенично, — сказала Лидка сквозь зубы. — Тем более что фактически — все это правда.

Она специально развернулась так, чтобы Великов оказался лицом к свету. Чтобы видеть его глаза.

— Ну и что ты на меня уставилась? — спросил Великов. — Ждешь, чтобы я «с изменившимся лицом побежал к пруду»?

Лидка закусил губу.

— Еще что-то?

— Да. Артем Максимов приехал... несколько дней назад. Вчера мы с ним виделись.

— Ну и?

Лидка молчала.

Великов протянул руку. Коснулся ее плеча. Осторожно привлек к себе:

— Знаешь... Хочешь совет умного человека?

— Хочу.

— Расскажи все Андрею. Как было на самом деле, а не интерпретацию этих... жареных дроздов.

— Нет, — сказала Лидка и испуганно отстранилась.

Великов задумчиво посмотрел в потолок:

— Мелодрама — не мой жанр... Хотя при необходимости роман может включать и элемент мелодрамы.

— Мама! — позвал из кухни Андрей.

В Лидкиной душе метнулась, теряя перья, курица. Несчастливая хлопотливая наседка.

— Виталик...

— Лида, я с тобой. Что бы ни случилось... Но Андрею — расскажи.

— Нет...

Они попрощались как ни в чем не бывало.

* * *

...Игрушки, которых он стеснялся, стояли на самой верхней полке шкафа. Зайцы с обвисшими ушами, пара мышей, из которых одна бесхвостая. Машинки. Коробка с конструктором. Еще какая-то неразличимая в полумраке мелочь.

Часы в гостиной пробили два. Два часа ночи.

— ...Мы с Андреем Игоревичем гуляли по зоопарку. Всех почти зверей эвакуировали... ведь это было прямо накануне апокалипсиса... И вот он освободил меня от страха. От этой жути перед концом света. Он был... эх, Андрюшка, как бы я хотела, чтобы он жил с нами. И он ведь немножко с нами — его фотография...

— Да.

— Знаешь, ты похож на него. Такой же веселый.

— Да?

— Правда. Я хотела, чтобы ты был похож на человека, чье имя носишь.

— Но дядя Слава...

— Дядя Слава совсем не похож на него. Он такой, как его мать. И он больной, старый человек...

— Старый?

— Ну, не совсем старый... но больной. Внутренне старый. Обозленный. Я его обидела.

— Ты?

— Да. Я вышла за него замуж по расчету.

— Ты?!

— Говорю тебе — да.

Тишина. Такая тишина бывает только в половине третьего ночи. И то если ни у кого в доме не заболит зуб или не потребует своего мочевого пузыря.

Лидка говорила, едва разжимая губы:

— ...Исследовали артефактные Ворота. Там было здоро-

во, там было так хорошо... Когда-нибудь мы поедем с тобой в настоящую экспедицию. Обещаю.

По соседнему переулку проехала машина. Негромкий звук мотора показался оглушительным. Вспомнились учебные тревоги.

— ...Да. Ваше поколение уже не может себе этого представить. В любое время дня и ночи, здоровых, больных, стариков — всех поднимали и гнали по крышам, по пологам препятствий, к муляжу Ворот... Кто-то бежал, потому что считал, что так надо. Кто-то боялся ГО. А мы с этим парнем спрятались на детской площадке, в игрушечной башенке, сейчас уже таких не строят. И просидели там всю тревогу. А они искали нас везде, и если бы нашли — его могли бы выгнать из школы, а меня — с работы... Даже хуже. Его могли отправить в спецшколу, а меня...

— За что?!

— Ну я же говорю, что теперь этого уже не понять...

Ноябрьское утро хуже ночи. Темнота, морось. В пять утра включается первый в доме водопроводный кран. Потом другой, третий... Шаги на лестнице, кто-то вызвал лифт.

Лидка охрипла. Замолчала; окна соседнего дома одно за другим заливались яично-желтым светом.

Она никогда не думала, что СМОЖЕТ. Так легко и просто рассказать, и даже заново пережить, и даже почти без горечи.

— Я взорву эту газету, — шепотом сказал Андрей. — Подорву к черту.

— Андрюшка...

Тишина.

— Мам, я так их ненавижу.

— Не надо.

— Мама! Если кто-то тебя обидит — я убью его! Я так поклялся, когда мне было лет двенадцать. Поклялся кровью!

— Андрюшка...

Прочь слез. Никаких слез.

Лидка давно забыла, как плачут.

Поздним утром — Андрей ушел в лицей, на второй урок — Лидка позвонила по номеру, указанному на визитной карточке гостиницы, и попросила соединить с постояльцем Артемом Максимовым из пятисот второго номера.

Ждать пришлось минут десять.

— Алло?

— Привет, Максимов.

— Лидочка?! Лида, как я рад...

— Не радуйся преждевременно. Я звоню, чтобы сказать тебе, что твое предложение отклонено.

— Лида...

— Ты можешь писать мне и присылать открытки по праздникам. В будущем году я собираюсь на конференцию в ваши края — если будет время, созвонимся.

— Лида...

— Все, Тёма. Рада была тебя видеть. Но именно сейчас у меня слишком много дел. Что до газеты «Пикант», то можешь поступать на свое усмотрение. Можешь давать интервью, не давать интервью. Мои отношения с этой газетой закончены.

Положила трубку и сразу же набрала номер адвоката.

Разговор занял еще десять минут.

Потом, порывшись в записной книжке, связалась с газетой «Вечерний город» и договорилась о небольшой заметке в завтрашнем номере.

Потом, подумав, набрала еще один номер. По памяти.

Ждать пришлось долго. Лидка уже отчаялась услышать ответ.

— Алло...

— Здравствуй, Слава. Как твой артрит?

Молчание.

— Это Лида Сотова, если ты еще меня не узнал... Спасибо, Слава, что ты взял на себя труд просветить моего сына относительно моего прошлого. Я думаю, тебе будет приятно услышать, что мы с Андреем приняли к сведению твою информацию... Более того, один наш друг задумал

написать сопливую мелодраму на предоставленном тобой материале. Тебя вносить в список консультантов?

Сопение в трубке. Гудки. Лидка коротко усмехнулась.

* * *

«Некоторое время назад газета «Пикант» поместила один за другим клеветнические материалы, поливающие грязью профессора Института экстремального прогнозирования им. А. И. Зарудного Лидию Анатольевну Сотову. Лидия Анатольевна подала в суд на вышеназванную газету, однако сегодня иск был отозван. Вот что сообщила профессор Сотова нашему корреспонденту:

— Первым моим желанием было восстановить справедливость и потребовать у газеты возмещения морального ущерба. Однако время показало, что газета «Пикант» справедливостью не интересуется нисколько, а любой суд для нее — всего лишь повод для ярмарочного представления. У меня хватает денег и без выплат от желтой газетенки, а мое доброе имя нисколько не страдает от потуг «Пиканта» заляпать его дерьмом. Из чувства брезгливости я отзываю свой иск против «Пиканта». Отныне я считаю ниже своего достоинства обращать внимание на обитателей «пикантной» клоаки...»

(«Вечерний Город», 30 ноября 18-го года.)

* * *

Андрей пришел из лица с синяком под глазом.

— Покажи руки...

Костяшки пальцев были ободраны до крови. Ничего себе.

— Ты победил?

— Конечно, — сын счастливо улыбался. — Они просто не ожидали...

— Они? Сколько?

— Да неважно, дрались-то двое всего... А я, ты знаешь, обрадовался. Мне так хотелось кого-нибудь за тебя побить!

Марина и Сергей Дяченко

Лидка закусил губу, чтобы подавить предательскую глупую улыбку:

— Ты что, Дрюшка? Ты же никогда не был таким агрессивным!

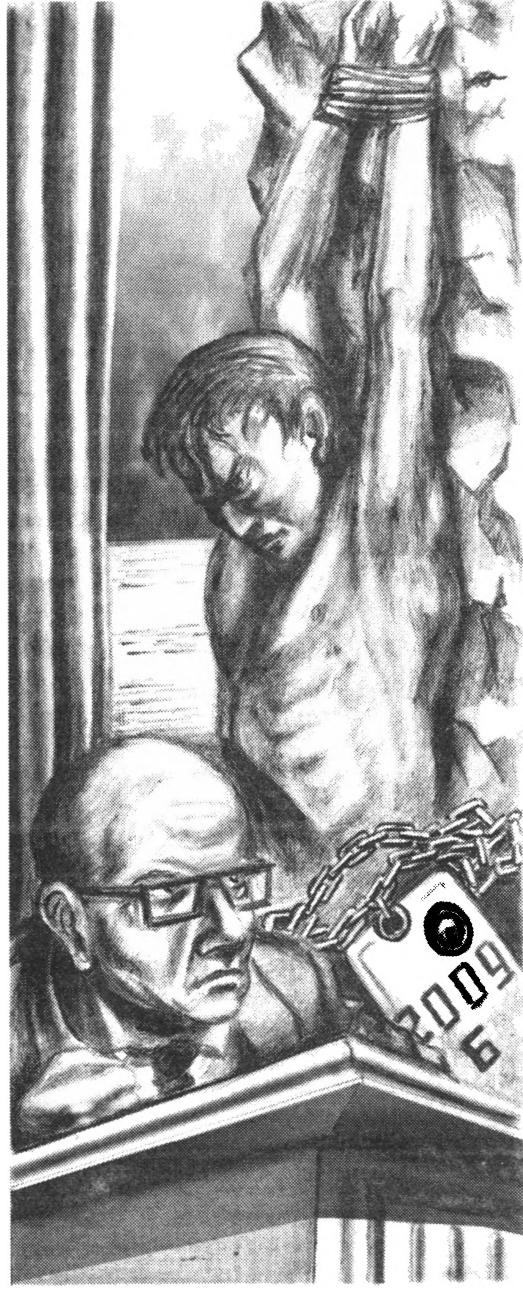
— Я агрессивный. Я ужасно агрессивный. Агррррр!

И, уже прижимая сына к своему ворсистому халату, Лидка уперлась глазами в настенный календарь с видами побережья.

Декабрь. Восемнадцатый год.

Три года до апокалипсиса.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

пять весна.

Прямо у Лидкиного подъезда вылез из-под асфальта одуванчик. Искренне-желтый, бесшабашный и злой; именно такими бывают в апреле одуванчики, особенно если по дороге к солнцу им приходится поднимать асфальт.

Лидка испытывала к этому цветку что-то вроде родственных чувств.

Ее знаменитый отдел больше не был украшением института имени Зарудного. Сокращенный наполовину, он перебрался под крышу ООБ — Отдела Общественной Безопасности, который вот-вот должны были переименовать обратно в ГО. Строжайшая секретность, подписки, вертушки на входе и выходе — все атрибуты гнилой секретности, которую Лидка с давних пор ненавидела.

«Нет, — сказал тогда Костя Воронов. — Вам придется обходиться без меня». — «Костя! — сказала Лидка. — Ты же помнишь, как все начиналось! Это же и ТВОЕ детище тоже!» — «Нет, — сказал Костя, и лицо его приобрело оттенок сырого мела. — Под ГО я не пойду. Это конец всему». — «Но почему, Костя? Их возможности...» — «Нет», — сказал Костя, не дослушав, и Лидка поняла, что уговаривать его бессмысленно.

Она хотела объяснить ему. Объясниться; она смотрела на него и подбирала слова, но сказать правду не получалось, а лгать было противно.

«Костя, пойми...»

Он ушел, не попрощавшись.

Ни у кого не возникало сомнения в том, из-за чего исследования профессора Сотовой превратились в уж-жас-

ную тайну. Близится апокалипсис; профессору Сотовой, уже немолодой, прямо скажем, женщине, очень хочется попасть в «условленные списки»...

Лидка прекрасно знала, что говорят о ней в институте. И какие при этом лица у говорящих. И что все они уверены, что «Сотовша» старается зря — «условленное время» не резиновое.

Чувства семнадцатилетней Лидки, когда-то раскопавшей в груде документов текст речи Зарудного, теперь мало кому понятны. Стоят другие, цивилизованные времена; об «условленном времени» знают все, хотя до оглашения списков, как это было при Стуже, дело не доходит. Козе понятно, что дочка Президента пролезет в Ворота раньше папаши, с этим все как бы давно смирились, но вот когда дело доходит до прочих «незаменимых», «неподражаемых», «самых ценных», «необходимых обществу кадров»...

По всему городу цвели абрикосы. Лидка шла, высоко подняв голову.

Зачем одуванчики лезут сквозь асфальт? И сколько их остается под серым битумным панцирем, тех, что так и не смогли пробиться?

Два месяца назад Лидия Анатольевна Сотова, профессор, глава стратегически важного, засекреченного «проекта Сотовой», получила личную бирку с номером. Две тысячи девять «бэ». Пропуск и радиомаячок. При первых же признаках начинающегося апокалипсиса прибыть в условленное место и ждать транспорта для эвакуации.

За клиентами категории «а» приезжают прямо на дом. Но даже не это главное; клиентов категории «а» собирают в Ворота вместе с семьями. Близкие родственники таких клиентов получают бирочку, маркированную «а-штрих».

Лидка желчно усмехнулась, глядя, как ползет по бетонному бордюру сонная пчела с мокрыми, парализованными крыльями. Ползет все быстрее... Крылья высыхают... Подрагивают... Бьют пчелу по бокам...

Вот она, бирочка, на шее, на цепочке, водонепроницаемая, противоударная, не снимаемая даже в ванной. Первый результат изматывающего, скверного марафона; из месяца в месяц Лидка семеняла из приемной в приемную, не шла, не бежала, а именно семеняла. От одного чинов-

ничьего рыла к другому, и они, рыла, играли профессором Лидкой, будто пляжным надувным мячом. С упорством, достойным лучшего применения, профессор Сотова билась в обшитые кожей двери. Увольняла своих сотрудников — лучших, перспективнейших, преданных. Сворачивала интереснейшие исследования и разворачивала совсем другие, невнятные и ужасно секретные; некоторое время институт находился в шоке — да как же! Да ведь она же порядочная, она *не такая!* Она же никогда прежде...

Одно время она даже радовалась, что Костя Воронов не пошел с ней под крышу ГО. Не стал свидетелем Лидкиного падения; впрочем, радость ее была недолгой. Костя спился.

На процесс, занимающий годы, у растяпы-гения ушло всего несколько месяцев. Из института его уволили за прогулы; даже помещенный Лидкиными стараниями в лечебницу, Костя уже не смог остановиться. И прошлой зимой замерз в сугробе — безмятежная, бессмысленная смерть.

Говорят, именно Костя первый произнес это слово: «сcurвилась». И после емкого, точного слова надобность в объяснениях отпала сама собой. Сcurвилась профессор Сотова. Мало ли с кем что бывает накануне кризиса.

...И вот она, бирочка на шее.

Лидка остановилась перед грузным, как старая жаба, и таким же серо-коричневым зданием. В который раз пожалела, что за все эти нервные годы так и не научилась курить. Сейчас был бы замечательный повод для небольшой отсрочки, для паузы в несколько затяжек.

Впрочем, ей назначили на одиннадцать, стало быть, ровно в одиннадцать она и заявится.

Она в последний раз оглянулась на цветущий бульвар и стала подниматься по серой лестнице. Шаг за шагом; отекающие ноги ступали тяжело, ныли набухшие вены. Ломило поясницу.

Бирку с номером, место в «условленном списке» нельзя передавать. Никому. Пол, возраст, имя, отпечатки пальцев — все это учитывается при эвакуации, во всяком случае, должно учитываться. Есть некоторая вероятность, что в суматохе апокалипсиса эвакуаторам будет не до того...

Но слишком слабая вероятность, чтобы доверить ей Андриюшкину жизнь.

Она, как крыса, много месяцев разведывала тайники и норы. Не бывает так, чтобы совсем без потайных ходов; она много раз натыкалась на завалы и запертые двери, но несколько раз ей повезло, и она нащупывала реальную возможность «подсадить» Андриюшку в список. Правда, когда она узнавала, сколько это будет стоить, «возможность» оказывалась миражом. Потому что, продай Лидка свою академическую квартиру и страховой профессорский полис, да хоть сама продайся в рабство, ей не удастся собрать и половину запрошенной дельцами суммы.

И потому ее марафон не закончен.

И потому она поднимается сейчас по серым ступенькам, готовая к тому, что ее высмеют и грубо прогонят.

И даже уверенная, что сегодня все случится именно так.

И завтра тоже.

Но зато послезавтра, может быть, ей немножечко повезет.

* * *

«— ...В старые-старые времена все люди жили, как добрые соседи, и не было ни апокалипсисов, ни глеф, ни Ворот... Из-за черных туч пришел змей-живоглот,дохнул огнем и обуглил землю. «Все, — сказал он, — горе вам — теперь здесь буду жить только я да мои змееныши». А из-за белых облаков пришел золотой конь с серебряными крыльями и сказал: «Нет, змей, не твоя эта земля, не тебе тут жить...» И стали они биться, и бились двадцать лет и двадцать дней. И одолел золотой конь змея-живоглота, но тот, издыхая, сказал проклятие: «Не быть на этой земле покоя, каждые двадцать лет и двадцать дней пусть приходит беда великая, пусть падает небо и стонет земля, и из моря пусть выходят голодные чудища. И пусть гибнут людишки, сотнями и тысячами, пока никого на земле не останется!» А золотой конь, смертельно раненный, тоже свое сказал: «Не могу отменить проклятия твоего, живоглот. Каждые двадцать лет и двадцать дней будет приходить беда

великая, будет падать небо и стонать земля, и из моря будут выходить голодные чудища, но властью своей приказываю: пусть в страшные дни эти среди поля и среди гор встают на земле Ворота, и все живое, от человека до малой пташки, пусть в Воротах укрывается. И не погибнет земля, будет жить!..»

— Удобная легенда, — сказал Кузнец. — Предполагается, что за нас всех однажды и навсегда принес себя в жертву золотой конь. Что Ворота будут выскакивать сами по себе, вне зависимости от наших заслуг или прегрешений... Но послушай теперь ты, Художник. В моем варианте легенда оканчивается иначе:

«Каждые двадцать лет и столько-то дней будет приходить беда великая, будет падать небо и стонать земля, и из моря будут выходить голодные чудища, но властью своей приказываю: пусть в страшные эти дни найдется среди живущих праведник, человек, возлюбивший и своих и чужих превыше себя. И пусть принесет себя в жертву, или его пусть принесут в жертву змею друзья. И тогда среди поля и среди гор встанут на земле Ворота, и все живое, от человека до малой пташки, в этих Воротах укроется. И так не погибнет земля, будет жить!..»

(Виталий Великов. «Последняя жертва».
Роман. Рассказы. Изд-во «Центр», 16-й год, 656 с.)

* * *

Вечером к Андрею пришли одноклассники. Пара мальчиков и пара девочек. Одна из девчонок, Юля, очень понравилась Лидке. Тоненькая, стройная, не то чтобы красивая, но с живыми, умными, внимательными глазами; когда она смотрела на Андрея, на серьезное лицо ее ложилась тень улыбки. «Влюблена», — подумала Лидка.

Вторую девочку, Сашу, Лидка сперва приняла за парня. Джинсы и узкая курточка, коротенькая стрижка, низкий голос и ядовитые шуточки; из отрывков Сашиных реплик Лидка заключила, что девочка играет пресыщенную жизнью интеллектуалку.

Парни были давние Андрюшкины приятели, Вадик и Витя, они бывали у Сотовых чуть не каждую неделю, и Лидка здоровалась с ними как со старыми знакомыми.

В комнате Андрея накрыли небольшой импровизированный стол и включили музыку. Лидка сидела у себя, невольно прислушиваясь к голосам и пытаясь разобрать слова, когда — примерно в восемь вечера — без предупреждения приперся Великов.

— Тихо, Виталик. Тут твои поклонники, и если тебя обнаружат, нам сегодня уже не поговорить...

Великов кивнул, обещая быть тихим как мышь. Крадучись они прошли на кухню и все так же молча уселись за чай, благо пирожные знаменитый писатель принес с собой.

— Как? — спросил Великов на двадцать первой минуте молчания.

— Пока никак, — сказала Лидка, глядя в сторону.

— Не отчаивайся, — сказал Великов.

Лидка усмехнулась:

— Это ты говоришь *мне*?

Великов облизнул выпачканный кремом палец:

— Извини...

В Андреевой комнате смеялись девчонки: заливисто Юля и басовито — Саша.

— Я пройду этот путь, Виталик. Я прошла уже большую часть его... и ничего, как видишь. Жива.

Великов вздохнул. Лидка подумала, что он здорово постарел в последнее время. Что седина ему не идет в отличие от тех благородных старцев, которыми кишмя кишат классические пьесы и современные сериалы.

— Виталик, ты бы покрасил волосы.

— Я же не баба, — задумчиво отозвался Великов. — Вот побриться налысо — это да, это по-мужски...

Он помолчал, глядя в опустевшую чашку с прилипшими ко дну чайинками.

— Знаешь, Лида... Когда я был маленьким, мне часто хотелось, чтобы весь мир, все, понимаешь, человечество состояло только из меня... Нет, не я один на свете, но все вокруг, все человечество — мои отражения, размножив-

шийся я. Так просто было бы в классе... и учителям бы легче, и мне приятнее. Так легко получались бы общие дела... И все бы меня понимали, а я понимал бы всех. И мир был бы спокойным и счастливым, потому что за себя-то я ручаюсь — я не злой. Никто бы никого не боялся. Никто бы никому не завидовал. И во время апокалипсиса никто бы никого не давил — мы бы договорились... То есть я бы договорился с собой. Понимаешь?

— Это новый роман? — спросила Лидка, заново наполняя свою чашку.

— Нет. Это так, детские фантазии... Потом я поделился со старшим братом, и брат, подумав, сказал, что тогда мне, и никому другому, приходилось бы резать живых поросят и снимать с них шкуру. Вскрывать трупы в морге, сливать нечистоты в море, сжигать мусор на свалках, с раннего утра становиться к конвейеру и привинчивать всю жизнь одну и ту же деталь, одну и ту же... И делать множество других, не таких неприятных, но совершенно неинтересных мне дел. И что только ничтожная часть меня могла бы сочинять «эти писульки» — так отзывался брат о моем творчестве. А бухгалтерский учет, добыча и переработка нефти, стрижка овец и дойка коров, прополка свеклы, слесарное дело и прочий быт легли бы на плечи остального населения-меня и сделали бы его, то есть меня, несчастным на всю жизнь...

В комнате Андрея приглушили музыку. Голоса стали громче — молодежь спорила, причем спорила, кажется, до хрипоты; даже сквозь закрытую дверь долетали обрывки фраз:

...какой-то процент людей, которым все твои теории до лампочки!.. Они не смогут полюбить никого, кроме себя, это фи-зи-о-ло-ги-я!»

...изменить... поверить...»

Да ты объясни это нашей химичке хотя бы...»

При чем тут физиология к любви?..»

— Растут детки, — рассеянно сказал Великов.

Лидка нахмурилась:

— Ты знаешь, они прямо балдеют от твоей «Последней

жертвы». Иногда мне кажется, что балдеют не очень-то здорово. Фанатеют. Не люблю.

— Я и сам не люблю, — признался Великов. — У меня с той книжкой... Короче, я решил ее больше не переиздавать.

Лидка подняла брови.

— Да, — Великов потер ладони, — все это чудненько, поклонники, так и должно быть... Но именно в «Жертве» они раскопали нечто, чего там нет. Во всяком случае, ЭТОГО я туда не вкладывал. Они слишком серьезно... вплоть до того, что некоторые особо рьяные предлагают-таки жертвовать собой, чтобы открылись Ворота. По-настоящему. Проводят свои кустарные исследования, доказывают, что каждый апокалипсис, каждое открытие Ворот действительно сопровождаются невинной жертвой...

Великов замолчал и странно посмотрел на Лидку:

— Поверь, мне это... можешь представить, как мне это неприятно. В качестве одной из жертв они приплели Зарудного...

Лидка молчала.

— Да не смотри ты на меня... Почему никому не приходит в голову строить «подводный оркестр» и развлекать дельфинов музыкой? Или расшифровывать рисунок облаков, как это делал герой «Потерянного ключа»? Почему они клюнули на «Жертву», а?

— Это *мрыга*, — сказала Лидка нехотя. — Теперь они будут беситься, а повод — им только дай...

В комнате орали, перебивая друг друга, Андрей, Витя и Вадик:

— Нельзя всех под одну гребенку! Эгоизм — здоровое чувство, как и чувство самосохранения...»

— Эгоисты не выживут!»

— Это альтруисты не выживут, если будут всем подряд уступать дорогу к Воротам...»

— Какие умные беседы мы ведем, — со вздохом сказал Великов.

Лидка потянулась через стол. Пожала великовскую ладонь:

— Виталик... спасибо, что ты пришел именно сегодня. После этого сегодняшнего разговора...

— Да, понимаю. Но ты ведь не умеешь отчаиваться, верно?

Она поймала его протянутую руку:

— Нет... Но все равно спасибо.

Великов доел пирожное, посидел еще немного, обнял Лидку на прощание, чмокнул в щеку и ушел. А еще через некоторое время, ближе к полуночи, молодежь вспомнила, что завтра у всех лицеистов рабочий день.

— Какая хорошая девочка, — сказала Лидка сыну, когда они оба собирались ко сну.

— Ага! — с энтузиазмом поддержал Андрей. — Тебе тоже нравится?

Лидка засмеялась:

— Ну как она может не нравиться? Сразу видно — умная, интеллигентная, искренняя девчонка. Сейчас таких мало.

Андрей счастливо заулыбался, как будто похвалили его самого:

— Да, она умная! Знаешь, какая у нее кличка? Верлибр, Сашка-Верлибр.

— У кого? — спросила Лидка, холодея.

— У Саши, — удивился ее непонятливости Андрей. — Мы ведь о ней говорим?

— О, — сказала Лидка. И побрела в ванную — умываться перед сном.

* * *

«...Прошедшие выходные были беспокойными для граждан и напряженными для городской милиции, виной тому новый виток наркомании и подростковой преступности. В баре «Красный камень» в результате стычки двух молодежных банд погибли двое посторонних людей: женщина тридцати девяти лет и мужчина пятидесяти восьми лет... Девятнадцатилетний Константин Е. скончался в больнице от многочисленных ножевых ран. Шестеро семнадцатилетних подростков, учащихся четыреста восьмой средней школы, в состоянии алкогольного опьянения из-

насиловали двух своих подружек восемнадцати и девятнадцати лет... Массовые драки произошли ночью с субботы на воскресенье неподалеку от станции скоростного трамвая «Политехнический институт». За помощью в близлежащие больницы обратились на сегодняшний момент двести десять человек...

Все более широкое распространение среди младшего поколения получают разнообразные псевдорелигиозные учения. Так, приверженцы движения Санитаров проводят свободное время за торжественным сожжением книг, в которых содержатся, по их мнению, нежелательные и вредные идеи. С особым удовольствием юные пироманы уничтожают книги популярного молодежного автора Виталия Великова... У того же Великова имеется группа последователей, именующая себя Кругом Последней Жертвы. Дикарские ритуалы, дикарская философия да кулачные стычки с Санитарами — вот чем известны члены Круга...

Секта так называемых Стражей проповедует любовь к ближнему, однако при обыске на квартирах ее основателей был обнаружен и изъят целый арсенал холодного и огнестрельного оружия. Официальная церковь предупреждает: сектанты не имеют никакого отношения к подлинной вере, это либо лгуны и мистификаторы, либо их жертвы. Родители, будьте внимательны! Именно сейчас ваши дети нуждаются в наибольшей вашей помощи!»

(«Вечерний город», 17 мая 20-го года.)

* * *

— Ваша проблема имеет решение, — сказал Маленький Серенький Человечек. — Разумеется, с вашей стороны потребуются некоторые, э-э-э, усилия и уступки.

— Я понимаю, — сказала Лидка терпеливо.

— Во-первых, вы должны будете принять на работу нескольких человек... они тоже получают место в списке с «б»-статусом. Во-вторых... но давайте сперва определимся. Есть два пути — предоставление вам лично «а»-статуса с автоматическим включением сына... Этот путь практически нереален, «а»-статус предполагает должности, которые

нам с вами и не снились. Второй путь — предоставление сыну «б»-статуса, — хоть и доступнее, но тоже не имеет законных механизмов решения. Это понятно?

Маленький Серенький Человечек был чьим-то вторым заместителем, и у него были имя и отчество, которые Лидка, как ни старалась, никак не могла запомнить. Он был Маленьким Сереньким — и снаружи, и изнутри. Такая себе мышь, запросто распоряжающаяся хозяйским пирогом.

— Разумеется, понятно, — сказала Лидка, давя в себе раздражение.

— Хорошо... через два-три дня вы получите заявления от этих людей с просьбой принять их на работу. Вы придумаете для них должности; разумеется, ни один из них не имеет соответствующего образования, так что вам придется подумать. — Маленький Серенький усмехнулся.

— Мне уже приходилось в жизни думать, и не раз, — сказала Лидка терпеливо. — Дальше?

— Дальше вы включите этих людей в список европейской делегации...

— Хорошо, — сказала Лидка, предупреждая новый поток язвительности.

Маленький Серенький удовлетворенно закивал:

— Отлично. Вашего сына вы тоже примете к себе на работу. Уборщиком там или что-то подобное, но чтобы он был в штате.

— В состав делегации его включать не надо? — не удержалась Лидка.

Человечек захихикал:

— Пока нет, но кто знает... И вот что еще вам предстоит сделать...

Через полчаса они распрощались.

Лидка поймала такси и просила ехать как можно быстрее.

Бегом взбежала по лестнице к лифту. Едва не сломав ключ, ворвалась в квартиру и, всхлипывая, на ходу сдирая с себя одежду, поспешила в ванную, под горячий душ.

Ей казалось, что всю ее облепили клейкой вонючей массой. Окатили мочой, унизили, низвели, изнасиловали, уронили на дорогу дымящейся коровьей лепешкой.

Всему есть свой предел.

Она профессор... да что там. Она просто порядочный человек. Была. Пока не встала перед ней эта задача, которая и имеет решение, и одновременно не имеет.

Лидка плакала, смывая слезы горячей водой. Ее водостойкая дорогая косметика не выдержала наконец и пролилась черным дождем, аспидными кругами легла под глазами.

Сможет ли она когда-нибудь забыть эти приемные? Эти двери, коридоры, этих секретарш, эти надменные рожи?

Сможет ли она забыть разговор с Маленьким Сереньким Человечком — и десятками ему подобных разноцветных, разнокалиберных Человечков, заполонивших лакуны и норы под парадными ковровыми дорожками?

Никогда в жизни ее так не унижали. Даже Рысюк... Никогда в жизни она сама так не унижалась.

Слезы иссякли. Лидка закрепила душ на стене — и села на дно ванны, так, чтобы вода лилась ей на голову.

Андрюшка получит место в списке и право на внеочередную эвакуацию.

Получит.

Теперь почти точно.

* * *

«...Нам ли бояться *мрыги*?
Сбросит замшелую корку
Новый апокалипсис,
В печи багряной ночи
Спалит косное, старое,
И на очищенных землях
Встанет наш новый город,
Мы его сами построим...»

(Газета «Молодой вестник»,
17 мая 20-го года.)

* * *

— Зарудный ошибался, Виталик. Пройти в Ворота всем — неразрешимая задача... Человечество никогда до этого не дорастет. Никогда не станет настолько единым

и... сознательным. Потому что хама, прущего по чужим головам, еще можно остановить или усовестить. Правильно воспитать в детском саду... не смеяся, я говорю — в принципе... А вот меня, Виталик, меня остановить невозможно. Если мне скажут, что спасение моего сына означает гибель нескольких человек, которые иначе не погибли бы... я сделаю все, чтобы Андрюшка об этом не узнал. Да. Но я не откажусь... от затеи. Вот такая я стерва, Виталик.

Великов молчал. Неторопливо мыл грязную посуду, накопившуюся в Лидкиной кухне за несколько дней.

— Неужели ты меня не презираешь, Виталик?

Великов обернулся через плечо. Кротко посмотрел на Лидку. Вернулся к немытым тарелкам.

— Потому и Стужа погорел... на этом прежде всего. Потому что все ему сошло бы... все эти «изоляты» и тревоги... Удался бы бескровный апокалипсис — и Стужу бы канонизировали, ты же понимаешь. Победителей не судят. Но вот он, борец за справедливость и девственную чистоту «условленного списка»... не мог не впихнуть туда внука. Ну не мог. И покатилося...

— Есть люди, — не оборачиваясь, сказал Великов, — которые ради правого дела, правого с их точки зрения, могут сына или внука собственноручно, э-э-э, зарезать...

Лидку передернуло:

— Может быть. Ты же у нас писатель, знаток человеческих душ. Может быть... Только естественный отбор не на их стороне. Особи, способные ради чего-либо пожертвовать потомством, скоро прекращаются как вид...

Великов закрыл кран. Вытер о полотенце красные мокрые руки:

— А может, Ворота и отбирают по этому признаку? К черту музыку, выживают те, ради которых родители способны жертвовать жизнью, честью, убеждениями...

— Сюжет для нового романа, — брезгливо сказала Лидка.

Великов подошел. Пододвинул табуретку, сел рядом:

— Лидочка... А может быть, обойдется? И ты, и я по два апокалипсиса прожили без всяких списков... Может быть...

— Нет, — Лидка сама ощущала, как воспалены ее глаза и как опухли веки. — Нет, Виталик. Была еще моя сестра Яна, были наши соседи и знакомые, из моего бывшего класса вон сколько ребят... остались...

Великов молчал.

— Виталик, — сказала Лидка изменившимся голосом. — Я... у меня сон. Повторяющийся. Про то, как Анд-рюшка... С самого его детства. По-разному снится одно и то же.

— Ты просто боишься его потерять.

— Все родители боятся!

— Но ты боишься особенно. И этот дурацкий предрас-судок с искусственным оплодотворением... Никак не можешь от него отречься.

Зависла долгая пауза.

— Ты же фантаст, Виталик... Значит, должен верить в сны. В мистику.

— Я фантаст, но ведь не сумасшедший, — мягко возра-зил Великов. — Лида, послушай меня. Даже если у тебя ничего не выйдет...

— У меня выйдет! — Она подняла на него сухие глаза. — И нечего об этом. Это дело решенное.

* * *

«...особенно среди молодежи. Следует ли говорить, как вредны и еретичны по сути своей эти измышления? Как может один человек, сколь угодно праведный, взять на себя грехи многих поколений? Каким образом человече-ская жертва может быть угодна господу? Позиция офици-альной церкви тверда и однозначна: сектанты, пропове-дующие о так называемом спасителе, суть еретики и рас-кольники...»

(Газета «Прихожанин», 18 мая 20-го года.)

* * *

Девочка Саша стала бывать часто. Чаше, чем Лидке того хотелось бы.

Девочка Саша представлялась Лидке пустым стеклян-

ным шариком, на поверхности которого нарисованы леса и океаны, оригинальный ум и глубокие мысли. Первый же дождик смывает красивую картинку, первая же царапина или потертость обнажит мутную пустоту внутри шарика. Лидке это было ясно как дважды два, и она тихо страдала, глядя, как Андрей радостно покупается на броскую Сашину обложку.

Ничего. Ничего-ничего; все решится не сейчас, а в первые годы нового цикла. Вот тогда это будет серьезно, до того времени или девочка Саша себя выдаст, или Андрюшка поумнеет. Новый цикл — новая жизнь...

Лидка знала, какие слухи ходят о ней в околоакадемической среде. Гнусные слухи, восемьдесят процентов которых полностью соответствуют действительности, и только оставшиеся двадцать — домыслы, дань моде; выполняя уговор с Маленьким Сереньким Человечком, она действительно вела себя по-скотски. И тщательно следила, чтобы Андрея слухи не касались; правда, в коробку сына не спрячешь, и иногда он приходил домой мрачный и осунувшийся, а иногда и с синяками на лице, с ссадинами на кулаках.

Тогда она ни о чем его не расспрашивала, дабы не умножать вранья.

И он обманывался ее спокойствием. И потихоньку приходил в себя. «У человека на высоком посту всегда будет много недоброжелателей...»

А потом Лидка с удивлением обнаружила, что под ее крылом у сына давно уже образовалась какая-то другая, автономная, неизвестная ей жизнь. И даже девочка Саша была к этой жизни всего лишь приложением.

— Мам, я сегодня ночевать не приду, ладно?

— А где?..

— У Витьки. Мы до ночи футбол будем смотреть...

Он так редко врал ей, что уличить его на этот раз казалось ей неприличным и негуманным. Ну не к Витьке он идет, но взрослый же парень, что ей, следить за ним?

Лидка сжала зубы, переживая укол беспокойства. С этой Сашей он и так видится каждый день. Что, таковы современные нравы? Чем там они будут заниматься целую ночь?!

Нет, не в Саше дело. И не в любой другой девушке, Лидка бы догадалась. Что там у них, ночные посиделки? Карты? Игры?

Она с превеликим трудом взяла себя в руки. И ответила как можно небрежнее:

— А, футбол... Ну ладно.

Спалось ей отвратительно. Во сне мерещился настыр-ный голос Саши; снилось, что в доме прорвало канализацию, из фарфорового унитаза хлещет мутная жидкость, а Лидка без устали собирает ее тряпкой в ржавую миску...

Сын вернулся часов в десять утра, когда Лидка уже начала тревожиться. Едва взглянув на него, Лидка ухватилась за дверной косяк:

— Андрюшка! Да что с тобой?

— Ничего, — он улыбнулся совершенно спокойно, светло. — Устал.

Ну ничего себе ночка. Когда наутро человек приходит осунувшийся, будто после недельной голодовки, и бледный, как яйцо.

— Мам, я посплю?

— Спи...

И недели две он был самим собой, готовился к экзаменам, читал какие-то книжки, встречался с друзьями; как-то вечером в субботу он вошел в Лидкин кабинет, очень сосредоточенный, очень серьезный:

— Мам, я сегодня на ночь не приду, ладно?

Лидка долго смотрела на него, ожидая, что он расколется. Но он был все так же сосредоточен:

— Мы с ребятами к химии готовимся вместе. У Вадика дома.

У Вадика не было телефона. Да Лидка и не стала бы опускаться до проверки.

— Хорошо, только... не уставай так!

Улыбнулся. Кивнул.

И вернулся на этот раз очень рано, в начале седьмого, на рассвете. Лидка услышала шорох ключа в замочной скважине и сразу вынырнула из беспокойного, неглубокого сна.

Снял в прихожей туфли. В носках прошел на кухню; да,

мальчик здоров. Если первым делом лезет в холодильник — значит, все в порядке...

Лидка накинула халат. Неслышно вошла следом.

Андрюшка стоял перед раскрытым холодильником, в одной руке у него был кусок колбасы, в другой — бутылка кефира. Он был бледен до синевы, губы потрескались и запеклись, а на запястьях белели полосы бинта; увидев Лидку, сильно вздрогнул, как будто перед ним появилась не мама в халате, а по меньшей мере змея кобра с раздувающимся капюшоном.

— Я проголодался, — сказал, будто оправдываясь.

Лидка смотрела на него, ее беспокойство росло, превращалось в густую уверенную тоску.

Ни о чем его не спрашивая, она ушла к себе в комнату.

* * *

— У меня нет претензий к Андрюше, — сказала классная руководительница, дама Лидкиных лет, учительница биологии.

Лидка кивнула.

Это был ее лицей, хоть и изменившийся до неузнаваемости, хоть и опустевший, потому что старшая и средняя группы уже сдали выпускные экзамены и отправились во взрослую жизнь. Вместе с тем атмосфера школы живо напомнила Лидке события двадцатилетней давности; она даже вздрогнула, когда перед стендом с правилами внутреннего распорядка обнаружился читающий эти правила темноволосый мальчик.

Правда, уже через секунду выяснилось, что парень всего-навсего украшает усами лицо нарисованной на стенде девочки, плакатной тихони и отличницы. Лидка вздохнула с облегчением.

Биологичка сидела в пустом классе; профессор Сотова была встречена тепло, но без заискивания.

— Андрюша более-менее готов к экзаменам... Хотя, вы знаете, младшая группа всегда заканчивает с трудом. Эта разболтанность, расхлябанность накануне апокалипсиса... Все эти настроения, особенно среди девчонок. Вы знаете,

у нас в лицее еще ничего, а в обыкновенных школах почти никто не учится. Танцы-обниманцы, спиртное, наркотики... Нет, у нас с этим строго. У нас специально врач инструкторован, каждый день охранник стоит на входе. В десятом «Е» двух мальчиков сняли буквально с иглы, в десятых «Г» и «Ж» девчонки попали в нехорошую компанию... Двоих даже исключить пришлось. Но это очень мало по сравнению со средними показателями по городу. Андрюша, мне кажется, не подвержен, он очень серьезный мальчик, очень...

— Вы не замечали в нем изменений в последние несколько месяцев? — как можно небрежнее спросила Лидка.

Биологичка задумалась.

У нее было много дел. У нее было четверо внуков, которые тоже заканчивали школу. У нее лежал в столе наполовину готовый отчет, а под стеклом — неутвержденные экзаменационные билеты, а дома терпеливо ждал пустой холодильник...

— Н-ну... Вы вот сказали, и я подумала... Может быть, в последние несколько месяцев он... как бы думает о чем-то... как бы погружен в себя... я связывала это с первой любовью, юношеским чувством...

Лидка снова терпеливо кивнула:

— Да, возможно... А больше ничего?

— Нет, — удивленно ответила биологичка. И поглядела на Лидку с подозрением: — А что еще?

Лидка улыбнулась:

— Видите ли... перед апокалипсисом возможны... разные нервные срывы у ребят. Мне показалось, что Андрей чересчур увлекся религиозной литературой, мистикой, прочей чепухой...

Биологичка округлила глаза.

Через три минуты Лидка извинилась за беспокойство и распрощалась.

* * *

У инспектора было серое от усталости лицо и пухлые растрескавшиеся губы. А потому говорил он как бы нехотя, едва разжимая рот:

— Вы не замечали за сыном странностей в последнее время?

Лидка улыбнулась устало и снисходительно.

Она вполне могла бы не являться в эту сиротскую комнату с решетками на окнах. Ее сын никогда не имел никакого отношения к инспекции по делам несовершеннолетних. И сам факт того, что ее сюда пригласили, есть безусловная ошибка — вот что было написано на ее лице; а если инспектор захочет разглядеть ее глубоко припрятанную тревогу, то без бинокля ему не обойтись.

Стул для посетителей был хлипкий, жалобный, обитый клеенкой; Лидка отвыкла от таких стульев.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовалась она холодно и отстраненно.

Инспектор дернул уголком рта; ну надо же, говорили его прищуренные злые глаза. Явилась по вызову, а ведет себя, как с подчиненным в собственном кабинете; инспектор знал, конечно, кто такая профессор Сотова, и потому ее холодность и отстраненность особенно задевали его.

— Как часто ваш сын не ночует дома?

Так, подумала Лидка. И царственно подняла подбородок:

— Ему уже семнадцать. Иногда он засиживается допоздна у друзей и остается на ночь.

— Иногда — как часто? Раз в неделю? Два раза? Через день?

Лидка вскинула брови, как бы удивляясь настойчивости инспектора:

— Раз в неделю. Иногда реже.

Уголки инспекторского рта опустились еще ниже, отчего губы стали похожи на опрокинутую круглую скобку.

— Вы никогда не слышали, Лидия Анатольевна, о так называемом Круге Последней Жертвы?

Лидка тщательно проследила, чтобы на лице ее ничего не отразилось. «Последняя жертва» — Великов — плеск молока в цистерне... Нет, молоко тут ни при чем.

— Круге?... Нет, а что я должна была слышать?

— Это молодежная организация, строящая свою идеологию, — инспектор пожевал тонкими губами, — на идее о

необходимости жертвоприношений. Человеческих жертвоприношений. Чтобы открыть Ворота.

Лидка молчала.

Если бы инспектор прихлопнул ее пыльным мешком из-за угла, вряд ли эффект был бы большим.

— Человеческие... жертвоприношения?

Инспектор вздохнул. Поглядел на Лидку мрачно, с подчеркнутым сочувствием, полез в ящик стола и долго рылся в бумагах — казалось, он специально тянет время; Лидка тупо смотрела в его лысеющую макушку.

Наконец, инспектор выпрямился:

— Вот...

На стол легла стопка черно-белых фотографий скверного качества.

— Посмотрите внимательно, Лидия Анатольевна...

Лидка подавила в себе желание немедленно поднести фотографии к глазам.

— Что здесь? Какое отношение это имеет к моему сыну?

— Посмотрите, — сказал инспектор, и нечто в его голосе заставило Лидку достать очки, надеть на нос, взять со стола стопку глянцевых карточек.

На первой же фотографии Лидка увидела ночной костер, который выглядел бы невинно и буднично, если бы за ним, на втором плане, не было вертикальной скалы и с этой скалы на свисали бы беспомощно чьи-то босые ноги.

Лидка смотрела на фото, чувствуя, как потихоньку поднимаются на макушке покрытые лаком, уложенные в прическу волосы.

— И что же...

— Нет, вы смотрите дальше.

Лидка сняла очки. Тщательно протерла платком. Наде-ла снова.

Лица людей на фото получились нечетко, тем не менее она сразу же узнала девочку Сашу. Саша на карточках сидела у костра — таких фотографий полно в альбоме любого туриста, разве что руки к огню Саша тянула уж слишком красивым, картинным жестом.

Лидка облизнула покрытые помадой губы. Стала смотреть дальше.

Незнакомые Лидке ребята сидели у того же костра. Точка съемки сместилась чуть назад, и на тусклом фото можно было различить, что костер горит в камнях у моря, что мальчишки (а на общем плане Саша тоже казалась мальчиком) расположились вокруг огня правильным кругом. И что стоячий камень плоской своей гранью обращен к морю, и подвешенный на нем человек изгибается дугой, пытаясь опереться о камень босыми пятками.

У Лидки онемели щеки.

На следующей фотографии скала была выхвачена крупным планом. Повешенный уже обмяк; вокруг его запястий смыкались не то ремни, не то железные браслеты, к браслетам крепились цепи, живо напомнившие Лидке цепную карусель в парке развлечений. Голова свешивалась на грудь, лица не разглядеть было, но плавки показались Лидке знакомыми.

Нагая жертва — в плавках с якорями?

Уже почти ничего не видя, Лидка механически перебирала фотографии. Ребят снимали, похоже, с лодки. Длиннофокусным объективом. Вот еще несколько снимков; строгость ритуала была нарушена, мальчишки возмущенно махали руками, швыряли камни, прогоняя непрошеного свидетеля. А парень на скале чуть приподнял голову, лишая Лидку возможности верить, что это другой мальчик спер Андрюшкины плавки, собираясь немножко повисеть в них на скале...

В ушах звенело. Какой позор — профессору Сотовой шлепнуться в обморок прямо с этого унижительного клеенчатого стула...

— Лидия Анатольевна, — пробился сквозь звон голос инспектора, — вам валидола?

— Спасибо, — сказала она сквозь зубы. — Буду благодарна.

Он что, специально держит здесь аптечку для нервных посетителей? Для мамаш малолетних преступников, несовершеннолетних жрецов и жертв?

У таблетки был отвратительный вкус. Инспектор опять поморщился — как будто это ему сунули под язык валидол:

— Вы узнали кого-нибудь на фотографиях?

Лидка молчала.

— Видите ли, Лидия Анатольевна...

— Отсюда можно позвонить? — спросила она, еле двигая языком.

— Да, — инспектор пододвинул к ней разбитый телефонный аппарат цвета весенней травки. — Звоните...

Лидка, ошибаясь и не попадая пальцем в отверстия на диске, набрала знакомый номер.

— Алло... Мама? Ты где?

Лидка медленно, чтобы не видел инспектор, выдохнула. Голос Андрея был совершенно безмятежен.

— У тебя все в порядке? — спросила она, следя за голосом.

— Да, — кажется, он удивился. Лидка не так часто позволяла курице, хлопотливой толстой курице прорваться наружу в лишнем звонке, в лишнем вопросе, в лишней толлике опеки.

— Я скоро приду, — сказала Лидка и повесила трубку.

Инспектор смотрел на нее. Изучающе. Пристально.

— Что... им инкриминируется? — спросила Лидка, и голос вышел из-под ее контроля. Голос был жалкий, срывающийся, подернутый подступающими слезами.

— Еще валидола? — участливо спросил инспектор.

— Нет, — Лидка качнула головой, отчего сиротская комнатка с решетками на окнах поплыла перед глазами.

— Видите ли, Лидия Анатольевна... Пока что они никого не убили и не причинили увечья. Это скорее театр... Игра. Они по очереди репетируют роль жертвы. Ваш сын уже был «жертвой», но, как видите, пришел домой целый и невредимый...

Лидка с ненавистью смотрела в его серые, откровенно насмешливые глаза.

— ...Пока они не совершили ничего противозаконного. Они смирные, особенно на фоне прочих молодежных забав. В их группу входят, в основном, благополучные дети высокопоставленных родителей, лицеисты и выпускники

лица. Идейным вдохновителем считают писателя Великова, хотя сам Великов всячески отрицает свою причастность... Я хочу предупредить вас, Лидия Анатольевна. Просто предупредить. Потому что с теми, кто выходит стенка на стенку, даже с теми, кто насилует в подъездах зазевавшихся девиц, — с ними все ясно, а вот с этими... Сектанты, фанатики. Я не удивлюсь, если они совершат групповое самоубийство или что-то в этом роде...

Лидка глубоко, до самых пяток, втянула спертый воздух кабинета.

— Лидия Анатольевна... может быть, все-таки возьмете еще таблетку?

— Нет, — сказала она сквозь зубы. — Спасибо. Перебуюсь.

* * *

Великов писал захватывающе; взявшись за книжку, Лидка, как правило, сперва дочитывала ее до конца и только потом спохватывалась, вспоминая почему-то колоритный плеск в чреве великовского молоковоза. Здорово, ярко, талантливо, но чепуха-то, немыслимая чепуха...

Мальчишки, когда-то осаждавшие знаменитого писателя, стали теперь юношами; их обожание от этого не уменьшилось. Глубоко спрятанное великовское тщеславие получало регулярную сладкую пищу; тем удивительнее было, что от Лидки знаменитый писатель терпел некоторую снисходительность. Не явную, конечно, но и не особенно замаскированную. Лидка не принимала великовские писания всерьез, и он прощал ей — по умолчанию.

«Последнюю жертву» Лидка прочитала раз пять. Но совсем не потому, что ей очень нравилась эта книга.

— Андрюшка... Может, сходим сегодня в парк?

Сын сразу заподозрил неладное. В его планах на сегодня были задачи по алгебре и билеты по физике, и Лидка это прекрасно знала.

— А... дома мы поговорить не можем?

У него были виноватые, как у собачонки, глаза.

Лидка вздохнула. Присела на край стола:

— Видишь ли...

— Мама, — сказал он быстро. — Я не пробовал никаких наркотиков. Я даже не курю, ты знаешь.

Лидка слезла со стола, пододвинула табуретку, села, закинув ногу на ногу:

— Когда мне было пятнадцать лет, в одной передаче по телевизору, в прямом эфире, какой-то парень облился бензином и поджег себя.

Андрей помедлил. Отодвинул учебник физики:

— И все на это смотрели? Как он обливался бензином?

— Он очень быстро все сделал, — терпеливо пояснила Лидка. — Никто не ожидал. А потом, когда он загорелся, в студии случилась паника...

— Он погиб?

— Да.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

Лидка глубоко вздохнула:

— Тогда, в конце позапрошлого цикла, очень известна была одна секта. Они уверяли, что Ворота на этот раз не раскроются. Цитировали древние предсказания. Оклеили листовками весь город... Нам тогда казалось, что действительно пришел конец света. Что мир летит к чертовой матери. Было очень страшно, пока Зарудный...

Лидка на секунду запнулась. Кажется, она уже рассказывала об этом сыну. Не так подробно, но рассказывала, и — самое обидное — она уже не помнит, о чем говорила Андрею, а о чем — нет.

Андрей молча ждал, пока она соберется с мыслями, но Лидка, вместо того чтобы продолжать, положила на стол «Последнюю жертву» Великова, когда-то глянцевого, а теперь изрядно потрепанный том.

Андрей перевел взгляд с Лидкиного лица на книгу и обратно. Нахмурился.

— Дрюшка, — сказала Лидка как можно безмятежнее. — Виталик *не писал* того, что прочитали потом эти... ребята. Это всего лишь фантастика, выдумка, Виталик был уверен, что к ней и отнесутся, как к художественному вымыслу... Как к метафоре. Ну нельзя на полном серьезе...

Она запнулась. Андрей смотрел в сторону.

— Расскажи, — попросила она тихо.

Длинную паузу заполнили муха, жужжащая в окне, и шум машин на далеком проспекте.

Наконец Андрей поднял глаза:

— Мам... Я ведь тебя не расспрашиваю... про твои академические дела. Что ты там делаешь, да с кем, да зачем...

Лидка переждала, пока стихнет неслышный звон размашистой пощечины. Сообщила, потирая след воображаемого удара:

— В академии я не делаю ничего такого, о чем не могла бы рассказать тебе.

— Правда? — удивился Андрей.

Лидка вспыхнула. Больше всего на свете ей хотелось взять его за шиворот и ткнуть носом в стол, в проклятую книгу проклятого Великова, и еще, и еще...

Кажется, он испугался. Наверное, было от чего.

— Мама...

— Молчи.

— Мама... человек должен иметь право... это не трагично, наоборот...

Лидка развернулась и ушла.

* * *

— Значит, так, — сказал Великов. — Ни о каких твоих делах он не знает, и никаких намеков в его словах не было. Он просто требует права на собственную жизнь: я, мол, в твои дела не лезу, но и ты тоже... Понятно?

За окном лил дождь. Лидка стояла под раскрытой форточкой, и редкие холодные брызги клевали ее будто клювами.

— Лида... Осталось совсем немного. Возьми себя в руки.

— Я в руках. — Лидка обернулась. — Ты говорил с ним... об этой гадости на берегу?

Великов кивнул:

— Ничего особенного. Это своего рода испытание, все мальчишки проходят через... ну, проверить, на что ты го-ден, доказать всем, что го-ден на многое...

Лидка молчала. За последние дни вкус валидола сделался для нее обыденным, привычным.

— Они клянутся, что способны принести себя в жертву человечеству, если понадобится. И тренируются; добровольца подвешивают на скале. В одних плавках. То есть по серьезу надо бы нагишом, но они стесняются...

Великов улыбнулся, и Лидка вдруг почувствовала, как ее захлестывает раздражение. Ненависть к этому... к этому кривляке, несколько лет назад написавшему идиотскую книжку.

— Заткнись! Ну что ты скалишь зубы!!

Великов осекся. Улыбка сползла с его лица, и в округлившихся глазах Лидка увидела свое отражение — сумашедшая баба с перекошенным ненавистью лицом.

— Виталик... Извини. Извини, пожалуйста. Прости. Я не хотела. Я сорвалась... Прости.

— Ну ты даешь, — сказал Великов шепотом. — Лидка... может, я пока домой пойду?

— Нет, — сказала она поспешно. — Я больше не буду. Обещаю тебе. Я уже взяла себя в руки. Продолжай.

Некоторое время Великов молчал, и Лидка ждала, что он все-таки уйдет, извинившись и пообещав вечером перезвонить.

Великов помолчал еще. Поколебался. Поднял на Лидку серьезный взгляд:

— Ты думаешь — это я во всем виноват? Книжка?

Она вздрогнула — и тем самым выдала себя.

— Нет, что за глупости. При чем тут ты?

Слова уже не имели смысла.

— Я и сам иногда... — Великов странно усмехнулся. — Впрочем... глупости, ты права. Не будь моей книжки — они нашли бы другую... Итак, от заката и до первого рассветного луча доброволец висит на скале, причем по первой же его просьбе товарищи готовы освободить его. Все они сидят тут же, говорят о человеческой природе, о тайне любви и смерти, о том, есть ли бог и если есть, то какой — короче, болтают о том же, о чем вся «просвещенная» молодежь болтает сейчас за столом или в походах с ночевкой. Таким образом они развлекают «жертву» и самих себя убе-

ждают в правильности избранного пути... Из десяти парней испытание выдержали пока что четверо, в том числе Андрей...

Великов открыл рот, собираясь что-то добавить, но вспомнил недавнюю Лидкину вспышку и замолчал.

— Это все? — спросила Лидка глухо.

— Да... В основном. Ничего серьезного. Детские игры.

Лидка вспомнила лицо Андрея, каким он вернулся после испытания. Вспомнила бинты на запястьях; теперь он носит спортивные напульсники, говорит, что так модно. И Лидка ни разу не пыталась снять с него эти напульсники и посмотреть, что там под ними...

Детские игры.

— Виталик, а ты вот так бы провисел? Всю ночь? На цепях?

— Я бы не стал и пробовать, — честно признался Великов. — У меня для этого недостаточно...

И запнулся снова.

— Чего у тебя недостаточно? — вкрадчиво спросила Лидка. — Фанатизма?

— Веры, — тихо сказал Великов. — Если искренне верить, что твои страдания смогут кому-то помочь, кого-то спасти...

Ливень за окном потихоньку утихал. Лидка прикрыла форточку; очень громко тикали настенные часы в виде красного блестящего чайника. Оглушительно громко.

— На днях я получу место в списке для Андрея, — сказала Лидка сквозь зубы. — И тогда... пусть скорее приходит *мрыга*. Пусть скорее все это закончится.

— Не закончится, — еле слышно отозвался Великов.

Лидка подняла брови:

— Ты что-то сказал?

— Нет-нет, — Великов помотал головой. — Нет.

* * *

На шкафу жались друг к другу покрытые пылью игрушки. Достопримечательность. Ностальгическое воспоминание. Если повезет и Лидка доживет до внуков — всех этих зайцев и мышей ждет вторая жизнь...

На Андрюшкином письменном столе горкой лежали книги. В основном учебники по химии, биологии, анатомии — и почему-то брошюра по оказанию первой помощи.

— Вы сдаете медподготовку? — спросила Лидка, листая желтые страницы с устрашающими рисунками.

— Нет... Это я в библиотеке взял. Вадька с камня свалился, руку распорол, так я даже перевязать не мог как следует...

— Вадька? — механически переспросила Лидка. — С какого такого камня?

Андрей молчал.

— Я знаю, — сказала Лидка глухо. — Твои плавки с якорями... Они еще целы? Или к лету надо новые покупать?

Андрей отодвинул толстую тетрадь, где в красных рамках, как в гробах, покоились химические формулы.

— Мама... Ты прости.

Лидка молчала.

— Ты прости, мы думали... хотели. Мы хотели что-то придумать. Мы поверили... Но это оказалось просто детство.

Андрей усмехнулся, и Лидка с удивлением увидела, что он похож на Великова, во всяком случае, улыбка у него точно такая же.

Он смотрел на нее, будто ожидая ответа, а она не отвечала. Не сводила испытующего взгляда.

— Понимаешь... мы одно время так уперлись в эту мистику... как будто никогда не учились в школе. Мистическая природа Ворот — это просто, не надо ломать голову, откуда они взялись на самом деле...

Он замолчал. Лидка смотрела.

— ...А если Вороты повинуются каким-то законам природы... то им плевать на человеческие ритуалы. Тогда мы ничем не отличаемся от дикарей, которые молятся огню или грому...

Лидка смотрела, не мигая.

— Ну, мама... А если Вороты поставлены богом... Тогда все эти разговоры тем более смешны. Бог ведь не станет требовать человеческой жертвы? Грешно даже думать так...

— Смотри какой бог, — сказала Лидка, еле разжимая губы.

Андрей нахмурился:

— Нет... Настоящий бог — не станет. Мы с Витькой... разошлись во мнениях, короче. Поцапались... не можем убедить. Один другого. Витька власти хочет. Трех новых парней привел, чужих. Хочет группу создать, со своими правилами, ритуалом посвящения... И прочие забавы.

— Забавы?!

— Забавы, мам, по серьезу никого не убьют и не покалечат. — Андрей запнулся, видимо, полной уверенности у него все-таки не было. — Если им нравится — пусть себе... А я туда больше не пойду. И Сашку отговорю, она теперь меня слушается.

Он снова улыбнулся; Лидке показалось, что слово «теперь» имеет в устах Андрея какой-то дополнительный смысл.

— *Теперь?*

Некоторое время они внимательно смотрели друг на друга. Саша. Девочка Саша. Что произошло между ними, если эта агрессивная Саша его слушается, *теперь* слушается?

— Андрей... Вы с Сашей... В каких вы отношениях?

Его глаза сделались сперва непонимающими, потому укоризненными.

— Я не то хотела сказать, — быстро поправилась Лидка.

И еще несколько минут прошло в молчании, прежде чем она поняла, что означает это «теперь».

— Покажи руки.

Андрей поколебался.

Потом расстегнул замочек правого запястья, снял кожаный браслет, и Лидка увидела широкий розовый шрам, уже почти заживший, затянувшийся новой кожей.

— Мамочка... Совсем не больно.

— На левой руке то же самое?

— Да... Ничего страшного, ну честное слово!

— На камне? От заката до рассвета?

— Да...

Лидка отвела глаза:

Марина и Сергей Дяченко

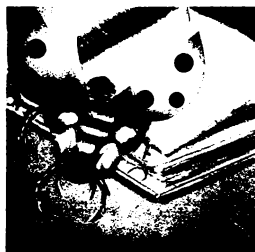
— Тебе еще много уроков?

— Да нет... Но я сам повторяю биологию. Я хочу... в общем, я уже узнал, когда экзамены в мединститут.

— Что?!

— Я решил не идти на исторический... Я лучше буду врачом. Ты ничего не имеешь против?

По желтым страницам учебника ползла, презирая формулы, оранжевая божья коровка.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

конце мая резко похолодало, потом так же резко потеплело. Лидкина голова раскалывалась от боли; перед самым Новым годом, приходившимся в этом цикле на второе июня, на город обрушилась жара.

В лицее прозвенел последний звонок. Вообще последний. Последний в этом цикле. Событие радостное и печальное одновременно; нынешние выпускники и выпускники прежних лет, их родители, братья и сестры говорили прочувствованные слова в адрес учителей, которым теперь снова придется переквалифицироваться. Кому-то устроиться преподавателем в институт или техникум, а кто-то будет коротать годы репетиторством и надомной работой, чтобы уже в новом цикле, в новой жизни устроиться воспитателем в детский комбинат...

О надвигающемся апокалипсисе говорили мало. Предполагалось, что всех без исключения выпускников ждет благополучная взрослая жизнь; Лидка стояла в общей толпе, слушала речи и разглядывала лица.

Обрезанные рукава школьных платьев. Подолы, укороченные ножницами до самой рискованной, непрактичной длины. Белые банты на коротеньких стрижках выпускниц; на всю младшую группу не отыщется и десятка неостриженных, с длинными волосами, девочек. Говорят, так модно...

Наиболее отчаянные мальчишки превратили школьные брюки в шорты и лихо светят коленками перед лицом педагогов и директора. Им прощают — ведь такая жара, и звучит самый последний звонок, последний в этом цикле...

Брюки Андрея остались длинными. Даже летнюю тенниску он надевать отказался — наоборот, выбрал рубашку с самыми длинными рукавами, с манжетами, закрывающими не только запястья, но и половину ладони. В общем строю сверстников он явно выделялся, и не только одеждой.

— Андрюша-то какой красивый, — сказала Вадикова мама. И пустила слезу — не из-за Андрюши, а просто так. Из-за общей трогательности момента.

Лидка молчала.

Место ей было скорее среди бабушек, нежели среди мам. Большая часть растроганных мамаш годилась ей в дочери; солнечный день не терпел поддавок и являл миру седые корни Лидкиных крашенных волос, замазанные кремом морщины, набрякшие веки и круги под глазами.

Ее узнавали. С ней приветливо здоровались. Еще некоторое время назад она была весьма популярной в школе личностью; ее приглашали на открытые уроки музыки и даже называли ее именем школьный ансамбль...

С тех пор как Лидкин отдел переместился под крышу ГО, шумиха вокруг «музыкальных способностей» перестала получать пищу. Наоборот — всякие упоминания о якобы преимуществе музыкально одаренных детей перед неодаренными сверстниками сделались нежелательными и даже дискриминирующими. Интерес к музыке потихоньку спал, и спал интерес к Лидии Сотовой как к пророку музыкальной педагогики.

Она стояла в общей толпе — и смотрела.

На *всех* ребят, выстроившихся сейчас на лицейском дворе, в Лидкином отделе заведено было специальное досье. *Все* были в свое время протестированы на наличие врожденных способностей к музыке. И кое-кому не суждено пережить апокалипсис — никто пока не знает, кому именно. Все одинаково улыбаются. Все надеются долго жить.

И Андрей. Он тоже.

А тем временем Маленький Серенький Человечек тянет, оттягивает, водит Лидку за нос. Апокалипсис может грянуть через полгода, через год, через месяц, а Андрей до сих не внесен в «условленные списки».

Лидка шурилась, прикрываясь от солнца ладонью. Ей было трудно долго оставаться на ногах: отекали ступни в узких праздничных туфлях, болели колени, надо бы сесть.

— Право последнего звонка предоставляется отличникам учебы, гордости нашего лицея, ученице десятого «Ж» класса Шепитько Александре и ученику десятого «Б» класса Сотову Андрею!

Лидка вздрогнула. Андрюшка ни о чем таком не предупреждал.

А, зашептались мамы одноклассников за Лидкиной спиной. Так вот почему он так официально оделся...

Андрей уже шел к крыльцу, и с другой стороны строя спешила Саша, нелепая в своем коротеньком школьном платье и с разлапистым бантом в мальчишечьей прическе.

Колокольчик был громадный, медный, с бантом на деревянной ручке. Все как полагается.

Зашелкали фотоаппараты. Парочка отличников шла, потрясая колокольчиком, разнося по округе истошный медный звон; окружающие пожимали Лидкин локоть, и это означало поздравления. Ах, какой сын!

Андрей улыбался. Широко и умиротворенно; рядом с ним даже дурнушка Саша казалась симпатичнее, чем была на самом деле. Хотя обычно случается наоборот — рядом с красивым человеком виднее уродство другого...

Колокольчик звякнул в последний раз — и затих. Толпа разразилась криками восторга; Андрей подал Саше руку, и, опираясь на нее, она неожиданно грациозно соскочила со школьного крыльца.

Солнце жгло их, когда они шли, уже по отдельности, каждый в свой конец строя.

* * *

— А-а-а, Лидия Анатольевна, я, признаться, не ожидал...

— Вы хотите накануне *мрыги* вылететь из всех списков? — спросила Лидка, не торопясь садиться в предложенное кресло.

Маленький Серенький Человечек разинул свой маленький серенький рот:

— ...А?

— Бэ! — рявкнула Лидка. — Если в течение трех дней я не получу обещанного, вся история будет предана огласке. Все ваши махинации — и все мои махинации. Выбирайте.

Человечек молчал, глядя на Лидку недоверчиво и почти весело:

— Но, Лидия Анатольевна, как все это несерьезно... Вы берете меня, грубо выражаясь, на понт... Вы ведь сами опозоритесь, оскандалитесь, вся ваша работа пойдет пра-

хом, вы вылетите из Академии, и, само разумеется, из списка тоже...

Лидка улыбнулась, и от этой ее улыбки Человечек притих.

— Вы, крыса... Вы думаете, для меня имеют значение Академия, работа? Даже честное имя? Если мой сын не окажется в «условленном списке», то все остальное теряет смысл! Если вы не выполните обещания, мне нечего будет терять. Через три дня здесь будет следственная комиссия, и она отыщет много интересного. Я дам ей в руки только одну ниточку, но этого достаточно, чтобы размотать весь клубочек!

Маленький Серенький Человечек превратился в Маленького Беленького Человечка — такой внезапной и пугающей была его бледность.

— Лидия Анатольевна, — выдавил он сквозь зубы.

Лидка широко улыбнулась:

— Я *клянусь* вам, что сделаю это. Утоплю вас вместе с собой. Верите?

Маленький Беленький Человечек забегал глазами.

— И не трудитесь подсылать ко мне убийц... если эта пошлая киношная мысль все-таки придет вам в голову. Все документы хранятся в надежном месте, и в случае моей внезапной смерти... каюк. Ясно?

Человечек молчал.

Лидка повернулась и вышла, не дожидаясь ответа.

* * *

Два дня ей мерещилась слезка. Не поддаваясь панике, она бывала в тех же местах, что и обычно. Азарт и злость придавали ей силы — сотрудники льстили наперебой: «Ах, Лидия Анатольевна, как вы хорошо сегодня выглядите!»

На третий день Маленький Серенький Человечек позвонил ей на работу.

— Ваш сын внесен в приказ, — сказал он тихо и внятно. — Потрудитесь приехать вместе с ним в штаб ООБ... То есть теперь он снова называется штаб ГО. Пятница, четырнадцать тридцать, сорок вторая комната. — И повесил трубку.

— Лидия Анатольевна... Что с вами, Лидия Анатольевна?!

Летел за окнами, снегом ложился на тротуары тополин-
ный пух. Лидка чувствовала, как жгут, скатываясь по ше-
кам, слезы.

— Лидия Анатольевна, что случилось? Воды?

— Да... — она на секунду забыла имя своей новой сек-
ретарши. — Да, Оля... Воды...

Урчал кондиционер. Лидка чувствовала, как в широ-
ченной улыбке трескаются запекшиеся губы, но боли не
ощущала.

* * *

— Андрюшка, что у тебя в пятницу?

— Консультация. По химии.

— В котором часу?

— В двенадцать.

— А... до половины третьего ты освободишься?

— Не знаю... Мама, что с тобой?

— Андрюшка, — сказала Лидка как можно безмятеж-
нее. — В пятницу, в четырнадцать тридцать, нам вместе
надо подойти в штаб ГО.

— Зачем? — спросил он после паузы.

— Новый приказ, — Лидка подчеркнуто спокойно от-
хлебнула чаю из чашки. — По нашему отделу, родственни-
ки руководителей вносятся в «условленный список»... Ну
и тебя вносят. Надо получить что полагается — бирочку,
номер, инструкции...

— Мама, но как же так?.. — спросил Андрей растерян-
но, и Лидка внутренне сжалась, предчувствуя какую-то его
выходку. — Как же так? Везде говорят, что в «условленный
список» — только стратегически важные люди, правитель-
ство, военные, депутаты... Меня-то зачем, от меня-то ни-
чего не зависит?!

— От тебя многое зависит, — сказала Лидка, давясь
чаем. — Такое правило, не я его выдумала... Я стратегиче-
ски важна для страны, а ты стратегически важен для меня.
Без тебя вся моя стратегия теряет смысл... Понятно? От-
просись с консультации, если будут задерживать.

— Мама, — Андрей водил пальцем по волнистому краю
тарелки, — мама... А можно, я не пойду? Я молодой, здо-
ровый, зачем мне это?.. Мама, ты чего?!

«Сдержаться, — подумала Лидка. — Можно все испортить. Надо сдержаться».

— Андрюша... Дрюшка. Если ты хоть капельку ценишь мои нервы... давай больше не будем на эту тему. Ладно?

Запрещенный прием. Прежде она никогда не пыталась надавить на него, апеллируя к собственному здоровью. Гнилой прием: «Если ты не слушаешься, со мной случится инсульт...»

— Мама, но я же и сам смогу... Зачем мне какое-то условленное время, если...

Комната провернулась перед Лидкиными глазами. Как в глупом парковом аттракционе «Сюрприз». Угол стола сильно ударил по лицу, но боли она не почувствовала. Вообще ничего; в следующую секунду в нос хлынул отвратительный запах нашатыря, и, чтобы не задохнуться, Лидка пришла в себя.

Великолепно.

Низкий диван в гостиной. Коренастый мужчина в белом халате, молодая женщина со шприцем наперевес. Бледное, вытянувшееся лицо Андрея:

— Мамочка... Если бы я знал, что это так важно...

Лидка поморщилась. Укол был болезненный, жгучий; обладатель белого халата что-то писал в своем блокноте, о чем-то спрашивал Лидку, предлагал обратиться в районную поликлинику, потому что в Лидкином возрасте с давлением не шутят, и еще что-то говорил, Лидка видела, что он устал и огорчен, но печалит его вовсе не Лидкино здоровье. Возможно, он поссорился с женой. Ночевал у друга и утром не брился...

«Скорая» уехала. Андрей молча сел на край дивана, и так, без слов, прошло минут двадцать.

«Не сдержалась, — думала Лидка с отвращением. — Распустила себя. Стыдно. И жаль Андрюшку».

— Мам... Хорошо, я отпрошусь с консультации. Пойдем.

* * *

Все прошло как по маслу. Андрей держался, как молчаливый, не особенно любопытный, не особенно догадливый мальчик; Лидку это устраивало. Она до последней секунды боялась неожиданностей.

Андрея внесли в «условленный список» категории «б». Номер пятнадцать тысяч сто двенадцать; Лидка успела подивиться, как вырос городской список, ведь собственный ее номер был две тысячи девять.

На «условленное время» уйдет часа полтора, думала она, невольно ежась. Много, очень много. Кого же они туда напихали? Как обычно, родственников, детей, внуков?

Тем более, решила она уже с ожесточением. Если все продвигают в список своих родичей, почему она, профессор Сотова, не имеет на это права? Много ли времени займет внеочередная эвакуация одного Андрея?

Формальности закончились. Андрею вручили бирку; он остался совершенно безучастным. Сдержанно поблагодарил, как будто речь шла о почетной грамоте от какого-нибудь общества любителей кактусов...

Цепочка с биркой утонула под воротом рубашки. И Лидкина душа утонула где-то в животе, и чувство, испытываемое профессором Сотовой, только с большой натяжкой можно было назвать счастьем.

«Не верю», — думала Лидка, спускаясь по широченной лестнице.

«Не верю», — думала она, из прохладного помещения выходя на залитый солнцем двор.

«Не верю, не верю...»

Кружилась голова.

— Мам, ты себя опять плохо чувствуешь?

— Наоборот, я очень рада...

Андрей пожал плечами. Нашла, мол, повод для радости.

— Тебя проводить на работу?

— Что ты, Дрюшка, я совершенно здорова. Я сама доберусь.

— Тогда я побежал готовиться?

— Ты бы погулял, — сказала Лидка, поднимая лицо к солнцу. — Посмотри, какая погода...

— Хорошо, — согласился он с подозрительной покорностью. — Погуляю.

Она стояла, прислонившись к запыленному стволу липы, и смотрела, как он уходит. Как двигаются лопатки под тонкой летней рубашкой.

«Сидит, стало быть, Господь наш на высокой горе, по правую руку от него Светлый советчик, а по левую — Темный... И двадцать лет Темный нашептывает Господу на левое ухо: «Посмотри, Отче, на двуногих тварей, что расплодились на твоей тверди. Они презирают тебя и не исполняют твоих заповедей. Они не способны любить — себя любят и помет свой, а больше никого. Они развратны, низменны душой, они несчастны; сотри их с лица земли!»

И двадцать лет слушает его Господь, и наконец заканчивается его терпение. И шлет он на землю огонь, смертоносный смрад и морских чудовищ.

И тогда размыкает уста Светлый советчик. «Пощади их, Господи, — говорит Светлый. — Посмотри, как они напуганы, как смотрят на тебя и молят о пощаде; послушай, они клянутся почитать тебя и открыть свое сердце для любви!»

И Господь не выдерживает снова, сердце его смягчается, и он посылает нам Ворота, чтобы мы вошли в них и убереглись от напастей.

Но теперь сердце его не смягчится.

Отступил от него Светлый советчик, разуверился и пал духом, тысячу лет глядя в пустые и уродливые души. «Да люди вы разве, — сказал Светлый, — сотни раз я молил за вас Господа... а теперь не буду, потому что ничто не идет вам впрок. Так пропадайте же в серных котлах, в огненных пропастях, в море и в пламени!»

И сидит Господь на горе, и у левого его уха примостился Темный советчик, а у правого нет никого. Некому заступиться. Говорю вам, братья, готовьтесь к смерти, не будет вам Ворот!»

*(Журнал «Экстрасенс»,
рубрика «Слово контактера». 4-е июня 21-го года.)*

Наступление нового, двадцать первого года отметили бурно и нервно. Будто перейдена была незримая черта — опять, как в позапрошлом цикле, явились из ниоткуда толпы мрачных пророков. Предсказывали страшный, последний на земле апокалипсис, предсказывали конец света и

гибель цивилизации. Церкви, полупустые в это время года, теперь ломились от прихожан. Каждый день возникали новые суеверия, никого на улице уже не удивляли толпы молодых людей в нечистых белых хламидах, недавно бывших льняными простынями. Самозванные босые проповедники советовали заботиться не о страховом полисе, а о душе; таковую заботу все понимали по-своему.

Одна Лидкина сотрудница уволилась с работы и ушла жить «на скит». Как выглядит «скит» и где он находится, Лидка не знала и не горела желанием узнать. Соседка по лестничной клетке вступила в очередную секту Любви, скоро одежда повисла на ней, как на вешалке, а глаза приобрели стеклянно-отрешенное выражение.

Особенно буйно психоз разгулялся среди молодежи — как обычно. Никто не хотел ни учиться, ни работать; наркокурьеров отлавливали десятками, но они возрождались сотнями, благо спрос на наркотики подскочил, как на пружине. Сделалось модным самоубийство; однажды трое парней, оставив прощальную записку, ушли в море на яхте и в сотне километров от берега пробили лодке дно. Случай имел огласку: по примеру отчаянной троицы целые флотилии отправлялись далеко в штормящее море, и там юных смертников отлавливали патрульные катера. Кого-то отлавливали, а кого-то не успевали отловить, и через некоторое время волны прибывали к берегу лодки с аккуратно продырявленным днищем.

Дальфины не подходили близко к берегу, но и не уходили далеко. В хороший бинокль можно было разглядеть мелькающие над водой спины — почти каждый день, почти в любую погоду.

— Уже небось отложили свои «мины», — бормотал смотритель пирса, на минутку одолживший Лидке бинокль. — У-у-у, сволочи, так бы и пострелял всех... Яйца их клятые — глубинными бомбами...

И смотритель, и Лидка понимали, что разговоры о глубинных бомбах — не более чем треп. Дальфины яйца лежат на глубине, недоступной для современного оружия.

В обычных школах экзамены превратились в пустую формальность; один только лицей все еще ухитрился держать марку. Директор и педагоги делали вид, будто ничего не происходит. Экзамены шли своим чередом.

Андрей сдал на все пятерки — если не считать математики, которую едва удалось вытянуть на четыре, но не Андрей был в этом виноват. Лидка прекрасно знала, что математичка считает выскочкой профессора Сотову и терпеть не может ее сына.

— Не обращай внимания, — сказала Лидка Андрею. — В медицинский институт математика — не профилирующий.

Сын молча согласился.

Выпускной бал обставили со всей возможной пышностью. На входе в школу — и у ворот, и на крыльце — дежурила специально нанятая на этот вечер охрана. Присутствие вооруженных людей было как нельзя кстати, потому что выпускной бал одновременно во всех школах города, одновременно для всей младшей группы — всегда маленький апокалипсис. Репетиция конца света.

Накануне всех граждан, не имеющих детей в младшей группе, призывали провести вечер в четырех стенах. И ни в коем случае не выходить на улицу ночью. Не зря говорят: «Выпуск старшей группы — счастье, средней группы — радость, младшей группы — безумие».

Во всех школах прошли общие собрания; родителей призывали до утра не покидать территорию школы, не упускать из виду своих детей и не допускать ночных прогулок куда-либо. И все равно неминуемы были чумной карнавал, насилие и самоубийства, праздник накануне конца света; вот почему лицей, не без основания считавший себя островком трезвости и здравомыслия, отгородился от сумасшедшей ночи спинами охранников.

Мероприятие началось ровно в девять; на этот раз Лидка сидела на почетном месте, в президиуме, рядом с директором. Смотрела в зал и ловила на себе любопытные, презрительные, а то и ненавидящие взгляды. Весь ее путь, вся бурная деятельность последних нескольких лет, путешествие по чиновничьим кабинетам и сотрудничество с Маленьким Сереньким Человечком — все это не могло пройти незамеченным, все это обросло слухами и сплетнями и создало профессору Сотовой славу прожженной стервы, приспособленки, предавшей науку ради теплого места в «условленном списке».

Лидка искренне надеялась, что хоть Андрея эти взгляды

не коснутся. Она взяла с сына страшную клятву, что *никто* не узнает о его бирке, о том, что он тоже включен в список. Никто, даже Саша. Сын в конце концов поклялся — и Лидка немного успокоилась, потому что слова своего Андрея никогда еще не нарушал.

...Торжественная часть закончилась, и с эстрады грянул инструментальный ансамбль, гордость школы. Еще в те времена, когда по Лидкиной милости каждого ребенка тянули в музыкальную школу, чтобы определить его способности, а при необходимости и развить их — еще в то время был создан вот этот ансамбль, и даже сейчас, когда мода на музыку поутихла и забылась, он продолжал существовать и назывался — Лидка всякий раз краснела, — назывался «Лидия»...

Его пытались переименовать уже тысячу раз. Но почему-то получалось, что, переименованный, он проваливал районные смотры самодеятельности и в последний момент снимался с гастролей; с возвращением старого имени возвращалось и везение, и в конце концов, махнув рукой, «Лидию» оставили в покое, тем более что не все уже помнили, почему детский ансамбль назвали не «Солнышком» и не «Ласточкой», а относительно редким женским именем...

Ребята из «Лидии» выросли, закончили лицей в прошлом и позапрошлом годах, но ансамбль до сих пор был жив. И Лидке виделся в этом добрый знак.

Всех пригласили к столам, накрытым в спортзале. И на «родительском», и на «учительском», и на «детском» столах через равные промежутки стояли бутылки шампанского; Лидка вспомнила, как чуть больше двадцати лет назад, на выпускном вечере Максимова, спиртное запрещали под страхом ужасного наказания.

Воспоминание о Максимове пришло и ушло, не задев.

Она отыскала в толпе Великова; непринужденно опираясь на его руку, прошла к «родительскому» столу. Рядом сразу возникло пустое пространство, а может быть, ей показалось.

Пока Великов откупоривал бутылку и наливал Лидке вина, она отыскала глазами Андрея; слава богу, рядом с ним никакой пустоты не наблюдалось. Наоборот, вокруг него прямо-таки толпились ребята, а он, улыбаясь, что-то говорил, и в руке у него был бокал с апельсиновым соком.

— Ну, выпьем, Лидка. Поздравляю...

Она чокнулась с Великовым и выпила, не ощутив вкуса.

«Лидия» отставила инструменты и присоединилась к пирующим. В зале включили магнитофон.

Лидка выпила еще бокал; после третьего что-то мягко ударило ей в затылок — изнутри. Свет в зале стал ярче.

— Ты не презираешь меня, Виталик?

— Нет, — сказал Великов серьезно.

— И не жалеешь меня?

На этот раз Великов думал дольше:

— Нет... не жалею. Ты выбрала.

Лидка улыбнулась:

— Спасибо... Я сама себя не жалею. Но, наверное, скоро буду презирать.

Великов снова помолчал. Шум в зале потихоньку нарастал; где-то за «детским» столом уже пели, и то был не пьяный ор — настоящее многоголосье. Лидка подумала, что они очень музыкальны, эти ребята. И что они пройдут в Ворота... непременно пройдут.

— Подводим итоги, Лида?

Она облизнула терпкие от вина губы:

— А что, пора?

— Не знаю, — отозвался Великов после новой паузы.

— Я предала науку, — сказала Лидка тихо.

— Знаю... Неоднократно.

— Я предала... Костю Воронова.

— Возможно.

— Я предала себя... ученого в себе.

— Ты никогда и не была ученым.

Лидка оскорбилась:

— Но идея-то... об отборе... она же моя?

Великов печально улыбнулся:

— Эх, Лида... Знаешь, сколько у меня было подобных идей? Разговоры с дальфинами, космическая съемка океанов, да мало ли... Но я мечтатель, а не ученый. И еще талантливый врун.

Музыканты из «Лидии» наелись и напились. Влезли на эстраду, лениво взялись за инструменты; в зале возникло веселое оживление.

— Я тюбик, — сказала Лидка. — Тюбик с пастой. Я сама себя выдавила. Теперь я просто жестяная оболочка. С красивой крышечкой.

Великов обнял ее за плечи:

— Но ты ведь не жалеешь? Ты себя растратила ради Андрюшки, разве он этого не стоит?

«Лидия» ударила по струнам. В противоположном углу спортзала, под неубранным баскетбольным кольцом, сразу же возникла стихийная танцплощадка.

— Потанцуем? — спросил Великов.

Лидка покачала тяжелой головой.

Ей вдруг захотелось спать. Уехать на необитаемый остров — и никогда не просыпаться. Отдохнуть, наконец.

— Лидка, может, выйдем на воздух?

Она отрицательно покачала головой.

Музыканты оборвали едва начатую залихватскую мелодию. Некоторое время был слышен только звон бокалов и ропот публики, а потом вдруг зазвучал вальс, смутно знакомый Лидке, старый, немножко сентиментальный.

— Мама? — в следующую секунду рядом обнаружился Андрей. Новый пиджак был распахнут, узел тонкого модного галстука чуть ослаблен, рубашка поражала неестественной белизной — а может, так показалось воспаленным Лидкиным глазам.

— Мамочка, это я заказал ребятам вальс...

— Андрюша, — сказала она беспомощно.

— погоди, мама, я хочу пригласить тебя на танец!

— Андрюша, я...

Великов выпустил ее руку — и чуть-чуть подтолкнул.

...Под их каблуками потрескивали, сминаясь, цветные спирали серпантина. Налипали на подметки кружочки конфетти; кажется, кроме них, никто не танцевал. Все стояли и смотрели, их лица были подернуты дымкой, вроде как сигаретным дымом, хотя никто в зале не курил.

Одна рука Андрея лежала у Лидки на талии, другая поддерживала ее руку; прикосновение было уверенным и теплым, и Лидка вдруг успокоилась.

Страшно и весело.

Андрей вел ее не по кругу — по какой-то замысловатой спирали; за его спиной мелькали размазанные пятна света, пахло вином и летом, и еще почему-то ливнем, паркетным лаком, свежим огурцом; Лидкина голова кружилась, но кружилась приятно и упорядоченно, в такт причудливому вальсу.

Сын принадлежал ей. Только ей. Нет на свете ни апокалипсисов, ни смерти, ни девочек Саш.

И тогда Лидка поняла, что ее путь пройден до конца, что она исполнила свой долг, что она счастлива.

* * *

День прошел обыкновенно. Лидка дважды поругалась — первый раз в хранилище матценностей, куда не хотели принимать дополнительные документы по ее проекту: «Ваш лимит давно вышел, у нас все переполнено, и зачем вам хранилище, если вы в «условленном списке»!»

Второй раз — в очереди за хлебом. В последнее время в городе случались серьезные перебои с поставками, и Лидкино намерение взять две булки вместо одной вызвало бурный протест в очереди.

Но две булки она все-таки взяла.

Она поужинала в одиночестве; Андрей вернулся часов в десять вечера, усталый и взвинченный. «Витька сошел с ума, — сказал он, давясь кефиром. — Думает по серьезу приносить в жертву одного пацана... Да, и пацан про свою участь знает. Он с рождения на учете в психдиспансере, пацан этот. Убогий он; говорит, все равно мне *мыги* не пережить. Как ты думаешь, может, позвонить в милицию? Это подло, но как же, я же знаю, что они его убьют, — и промолчу?!»

До полуночи Лидка с сыном искали выход — и перенесли окончательное решение на утро; правда, уже через два часа оказалось, что проблема снята. Совсем.

— Мама, — Андрей босиком пробрался к Лидке в спальню. — Там... Я не спал... там небо... такое. Такое. Посмотри, а?

Лидка поднялась. Отодвинула штору.

Небо медленно разгоралось красным. Таким знакомым, таким тяжелым красным светом.

— Так, — сказала она, удивляясь своему спокойствию. — Вот и все. Одевайся, быстро. Бежим на сборный пункт.

Андрей стоял столбом. Ему было очень страшно. Наверное, он сам не ожидал, что *так* испугается.

Лидка оттянула цепочку на его шее. Бирка ожила. Пульсировала зеленым огоньком.

— Все в порядке, — сказала Лидка, подавляя вздох облегчения (сколько раз ей снился сон — наступил конец света, а бирки не активизировались). — Все в порядке. Через полчаса мы будем на сборном пункте, нас заберут в машину. Или в вертолет. Дальше — не наша забота. Через несколько часов для нас все закончится... Одевайся, ты же не пойдешь в трусах.

Шлепая босыми ногами, он побежал к себе. Одеваясь, Лидка слышала, как он мечется по комнате, роняет предметы, бормочет себе под нос.

Она посмотрела на себя в зеркало. Проверила, все ли в порядке. Успела сложить ночную сорочку и застелить постель.

Набрала телефонный номер Великова — занято. Позвонила Яночке — номер пришлось искать в записной книжке. Она очень редко звонила племяннице, а встречалась и того реже, два раза в год на кладбище, на могиле родителей.

Попыталась дозвониться младшему брату Паше, но трубку никто не брал.

Андрей прыгал в коридоре — не мог попасть ногой в штанину джинсов.

— Ну, мама, — пробормотал он, увидев, как Лидка поправляет воротничок. — Ну, мама, ты молодец... Скала.

«И ты укрыт за скалой, — подумала Лидка. — Тебе нечего бояться».

Андрей вдруг перестал прыгать. Будто что-то вспомнив, кинулся к телефону, стал лихорадочно вертеть диск — Лидка на глазок определила номер девочки Саши. Длинные-длинные гудки...

И вдруг — тишина.

— Ма... телефон отключили!

Лидка рассеянно кивнула:

— Конечно... Не беспокойся, она уже вышла, наверное... Ничего с собой не бери. Только термос. Я с вечера приготовила, как обычно. Готов? Пошли.

Они вышли на лестницу одними из первых; где-то хлопнули двери, звенели стекла. Потом разом вырубилось электричество; красный свет из окон придавал коридору сходство с фотолабораторией. Лидка прекрасно помнила, что именно эта мысль пришла ей в голову в ее первую *мрыгу*. Наверняка Андрей сейчас подумал то же самое.

В полутемном дворе кто-то мертво вцепился в Лидкину руку:

— Лидия Анатольевна! Признайтесь, вы в списке? Признайтесь! Возьмите нас, мы тоже имеем право! Мы имеем! Почему только вам?!

Лидка растянула губы в улыбке:

— Скажите, пожалуйста, у вас паспорт при себе?

— Паспорт?

Собеседник отвлекся и на секунду ослабил хватку. Лидка рванулась, высвободилась и, волоча за собой Андрея, бегом кинулась на улицу.

— Стой, сука!..

На инструктаже ее предупреждали о чем-то подобном. Человек, внесенный в список, должен хранить это в тайне, иначе ему не добратья до места сбора. Другое дело, как трудно эту тайну сохранить...

На бегу Лидка удивилась себе. Пятьдесят семь лет, больные ноги, а припустила, как спринтер...

Андрей бежал рядом.

Лидка намеренно направилась в сторону берега, как раз туда, откуда через несколько секунд повалит человеческий поток. Никто не хочет приближаться к морю, когда небо уже окрасилось красным; преследователь отстал, потеряв Лидку и ее сына в багровых сумерках, в густеющей толпе, и только тогда Лидка почувствовала, что дрожит, как заяц.

Она чуть было не угодила в ловушку. По собственной глупости. Надо было уходить из дома незаметно, по крышам, ведь еще секунда — и на нее навалились бы вчерашние добрые соседи, сорвали бирки, переломали ребра и ей и Андрею, как глупо, господи, как глупо все могло закончиться...

Прижавшись к стене, она сориентировалась. До сборного пункта оставалось квартала четыре — место встречи «условленных лиц» выбиралось тщательно, с учетом направления движения толпы, с учетом появления глеф, с учетом возможной паники на улицах.

— Всеобщая эвакуация, — бормотали динамики ГО на столбах.

— Дай руку, Андрюша.

Его рука была как лед.

Люди шли молча; людям предстоял нелегкий путь за город, долгое и мучительное ожидание среди чиста поля,

сигнал об открытии Ворот — и давка на их пороге, немилосердная давка, от которой не смогли отучить их ни Зарудный со своими идеалами, ни Стужа со своей муштрой.

Все динамики одновременно прокашлялись. Забормотали тоном выше:

— Говорит штаб ГО... Внимание, глефы. Зарегистрировано появление глеф. Линия обороны — набережная... Набережно-Луговая... Набережно-Восточная...

Прямо над головой прошли пять или шесть вертолетов. Лидка на минуту оглохла.

— Внимание, глефы! Опасность с моря! Опасность для Подольского района, улицы Яблонского, Почтовой площади! Активизировать эвакуацию в районе улиц Верхний Вал и Нижний Вал!

Лидке наступили на ногу.

— Андрей, вон за тем щитом — видишь? — нам направо...

Не обращая внимания на тычки и крики: «Куда прешь?» — Лидка перестроилась ближе к правому тротуару. И, поравнявшись с рекламным щитом (какой-то бред о фруктовом шоколаде), рванула Андрея за руку.

Он был сильный парень, но решительности ему не хватало.

— Не деликатничать! — рявкнула Лидка. — Вперед!

Его ладонь намочла.

До сборного пункта оставалось всего ничего.

— Внимание, говорит штаб ГО... Основное направление эвакуации — проспект Возрождения. Внимание, сейсмическая опасность... Держитесь подальше от ветхих строений! Повторяю, держитесь подальше от ветхих строений!

Лидка хмыкнула. Зачем давать заведомо невыполнимые советы?

— Мама, этот переулочек... Тут же старые дома...

— Не бойся.

В следующую минуту действительно потрянуло. Девятиэтажка, маячившая в конце переулочка, задрожала и зашаталась, как ломтик желе. На голову Лидке и Андрею посыпался мусор. Впереди, в десяти шагах, грузно ударились о землю половинка балкона — с цветочным ящиком, в котором ярко цвели осенние астры.

— Вперед!

Лидка бежала, волоча за собой Андрея, спотыкаясь о камни, задыхаясь от пыли, ловя подошвами трясущуюся землю. Готовая руками отбивать летящие кирпичи. Готовая зубами рвать падающие провода; по счастью, тока в проводах не было, они могли сильно поранить запутавшуюся в них жертву, но сжечь уже не могли.

Потом из тучи пыли вынырнуло оцепление. Огромные люди в шлемах и респираторах казались роботами из детских книжек про могущество науки. Лидка рванула цепочку с биркой — зеленый огонек призывно замигал. Андрей медлил; Лидка обнажила и его бирку тоже, тогда оцепление на секунду разомкнулось, пропуская их внутрь.

Над головой снова прошли вертолеты. Человек в респираторе плотно, больно приложил Лидкин палец к сенсору на бирке. Потом провел биркой над каким-то своим прибором, и прибор мигнул зеленым. Та же самая процедура повторилась с Андреем.

— В машину, Лидия Анатольевна. В машину, Андрей Андреевич.

Голос из-под респиратора звучал странно, пугающе. Как все, что происходило вокруг.

Машина была снаружи похожа на армейский броневик. Изнутри — на автобус. В машине уже сидели пятеро мужчин и две женщины, и все молчали. Одна из женщин прижимала к груди расшитую бисером сумочку.

Лидка опустилась на кожаное сиденье. Обняла одной рукой присевшего рядом Андрея:

— Вот и все. Ничего страшного. Нас отвезут к Воротам, и мы войдем... — Она хотела сказать «войдем первыми», но запнулась.

Андрей молчал. Его трясло.

— Хочешь чаю?

Лидка открыла термос. Плеснула дымящегося чая в пластмассовую крышку-стакан; Андрей начал пить и закашлялся.

— Ну, все... Теперь ждать.

— Сейчас поедem, — нервно сказал сидящий сзади мужчина. — На нашем пункте еще один человек остался.

— Сколько можно ждать! — срывающимся голосом выкрикнула женщина с бисерной сумочкой. — Может, его уже задавили... Надо ехать!

Андрей вздрогнул. Быстро взглянул на обладательницу сумочки, перевел взгляд за окно; вслед за ним Лидка увидела, как оцепление пропускает кого-то в плаще до пят и как этот кто-то, ступив два шага, падает на землю.

Один из людей в респираторах заглянул в машину:

— Кто-нибудь из мужчин, помогите!

Первым вскочил Андрей. Лидка не успела и слова сказать.

Сжав руки на поручне, она смотрела, как Андрей помогает идти к машине пожилой женщине с рассеченным лбом, с залитым кровью лицом.

— Зацепило, — сказал все тот же нервный мужчина. — Или кастетом заехали. Может быть.

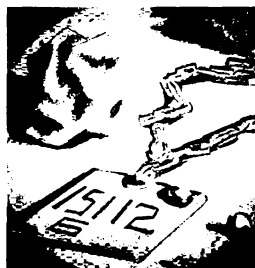
Бирка с зеленым огоньком болталась у женщины поверх плаща. Андрей помог опоздавшей забраться на подножку; двое мужчин помогли ей усесться, одна из женщин уже держала в руках аптечку. Лидка механически полезла за индивидуальным пакетом, развернула, положила на рану стерильный слой ваты; женщина застонала.

— Андрей, помоги... Андрей?!

Он стоял рядом с машиной. Не торопился садиться; человек в респираторе что-то крикнул ему, Андрей ответил, но Лидка не разобрала ни слова.

Потом сын повернул голову — и Лидке показалось, что через темное стекло она видит его виноватые глаза.

Машина тро...

Эпилог

То разогретой солнцем набережной шла, трогая плиты тяжелой палкой, медленная осторожная старуха. Плиты были теплые. Резиновый наконечник палки, давно ставшей частью старухино тела, трогал шероховатую поверхность. Упирался в грубо шлифованный камень.

Плиты. Запах моря. Запах ветра; время от времени старуха останавливалась, чтобы поглубже вдохнуть.

Через несколько метров должна обнаружиться лестница, ведущая к берегу; вот она. Старуха неторопливо развернулась: ее тело было нелегким в управлении, почти таким же неповоротливым, как многотонный самосвал.

Подойдя вплотную к лестнице — дубовые, неподвластные гнили ступеньки, — она переложила палку из правой руки в левую. Освободившейся правой рукой взялась за перила. Отполированное тысячами ладоней теплое волокнистое дерево. Твердые прожилки, мягкие бороздки. Выпуклость срезанного сучка; старуха улыбнулась. Она всегда улыбалась, касаясь этих перил.

И, осторожно переставляя ноги, неся палку на сгибе левого локтя, она двинулась вниз. Третья сверху ступенька прогибалась под ее весом чуть больше прочих; предпоследняя, четырнадцатая, еле слышно скрипела.

Утомленная, будто после многочасового бега, старуха добралась до пляжа. Переложила палку из левой руки в правую; ступила на гальку. Ее дальнзоркие глаза давно не различали текст в газетах и книгах, зато прекрасно видели каждый камушек под ногами.

Камни только казались серыми. Среди них были белые, пятнистые, голубоватые, розовые; старуха слушала, как они поскрипывают под подошвами войлочных бот. Кое-где на камнях сохли принесенные штормом водоросли;

иногда старуха останавливалась, чтобы зачем-то потрогать их кончиком палки.

Труднее всего было обогнуть скалу. Старуха шла по влажной гальке, рискуя упасть прямо в воду. Сползая с берега вслед за волной, камни ударялись друг о друга и тихо звенели.

Наконец скала осталась позади. Старуха отошла от береговой кромки и остановилась передохнуть; прямо перед ней была естественная выемка, каменная комната, защищенная от посторонних взглядов, загороженная от ветра с трех сторон, открытая только морю.

На камнях виднелись полусмытые водой черные пятна кострищ. Старуха постояла, переводя дыхание, затем вынула из темной клеенчатой сумки детское шерстяное одеяло.

Аккуратно, не торопясь разложила его на плоском камне.

Тяжело опираясь на палку, уселась и вытянула гудящие ноги. Перемена позы принесла опьяняющее ощущение мгновенного счастья.

Здесь, на берегу, ей особенно хорошо думалось. Настолько хорошо, что старуха верила — еще чуть-чуть, и она узнает ответ. Один-единственный ответ на множество мучающих ее вопросов.

Она за тем и приходит сюда — спрашивать. Спрашивать себя, море, ветер, дельфинов...

Чтобы вернуть заскорузлым мыслям толику былой легкости, она начинает вспоминать всегда с одного дня. С одного и того же момента: когда обезумевшие стихии, изготовившиеся преподать человечеству очередной урок апокалипсиса, вдруг смирились и отступили от задуманного.

Впервые за тысячу лет Ворота не открылись. Их не задела ни одна служба ГО — их просто не было...

Но и апокалипсиса не было тоже.

Вулканы, уже начинавшие извержение, заткнули глотки и поперхнулись собственной лавой.

Земная кора, уже вздыбившаяся перед очередным катаклизмом, замерла и успокоилась.

Гигантские волны смирно улеглись обратно в океан, метеоритные дожди так и не достигли земной поверхности, глефы вернулись в море, клубы ядовитого газа рассеялись на безопасной для человечества высоте.

И человечество пришло в ужас. И долго топталось в ожи-

дании Ворот, а не дождавшись ни смерти, ни спасения, тихонько вернулось в свои почти не пострадавшие города.

То были годы растерянности и смуты. Не знали, отсчитывать ли начало нового цикла и рожать ли детей; в конце концов природа взяла свое, и в родильных домах запишали первые младенцы. Новый цикл — новая жизнь; вот уже семнадцатый год на пороге, и никто не знает, чего ждать от нового апокалипсиса...

Старуха, глядящая на море, верит, что апокалипсиса не будет вовсе.

Более того — иногда ей кажется, что она *знает* это.

Наверняка. Апокалипсиса не будет — никогда больше; почему, спрашивает она, глядя прямо перед собой дальноркими слезящимися глазами. Почему?!

Возможно, тогда — в эвакуационном автобусе, в истерике — ее посетил бред.

Ей привиделся створ погибших Ворот. Море, зеленоватый свет и невесомость, спешат к поверхности радужные пузыри... Ей показалось, что протянутые в пустоту руки наталкиваются на золотую паутину. Все ее силы, все ее желания переплавились тогда в ярость, в одно-единственное желание — разорвать, прорваться, пробить... Тогда ажурная сетка лопнула, и на дальней грани бреда — если это был бред — обнаружилось чужое присутствие. Будто внезапно раскрывшийся глаз. Потрясение было настолько сильным, что она почти сразу же соскользнула в темноту... Старуха вздыхает. Поднимает глаза к низкому небу. Почему? — беспомощно спрашивают ввалившиеся губы. Возможно ли, что поступок ее сына, экзальтированного мальчика... Что поступок сопляка, отказавшегося от привилегий эвакуации, детский, в общем-то, поступок, пошатнул основы мироздания? Возможно ли, что рожденный яростью *зов* ее был услышан? Кем?! Нет, говорит себе старуха. И сама же переспрашивает недоверчиво: нет? А может быть, это случайность? Слепое совпадение, и зря она ломает себе голову, и зря задает, как дятел, одни и те же вопросы? Может быть, где-то далеко, совсем в другом месте и совсем другие силы решили за нее — и за человечество — весь этот кроссворд?

...Тем не менее апокалипсис отменен и намордник с человечества снят. Мир спущен с поводка; старуха знает, что

не доживет до времени, когда человечество окончательно осознает свободу. Она знает это и не огорчается.

Она устала.

А сегодня она устала особенно. И, возможно, ей не следовало идти на берег — после того, как несколько часов пришлось провести на ногах, не присаживаясь. Она была на кладбище; могила ее сына, врача Андрея Сотова, была уже кем-то убрана, и кто-то оставил на ней букет увядающих тюльпанов.

Андрей Андреевич Сотов погиб в возрасте тридцати четырех лет; врач «Скорой помощи», он всего несколько тревожных месяцев успел побыть военным врачом. Короткая война началась внезапно — и так же внезапно закончилась...

Старуха прикрыла глаза. Мгновенная тень, черный вертолет, проносившийся по дну ее памяти. В том ущелье людей расстреливали с вертолетов, как когда-то расстреливали глеф. Ее не было там, но ей казалось, что она помнит — темный силуэт, закрывающий солнце, рев моторов и пулетные очереди, пыль...

Тишина. Звук набегающих волн.

На вершине скалы обнаружилась компания подростков; вероятно, мальчишки имели виды на занятое старухой место, потому что голоса их звучали недовольно. Старухин слух не позволял разобрать отдельных слов; плеск волн она слышала отчетливо, и крики чаек, и шелест ветра. Но человеческие слова смазывались, не задерживались в сознании; вот голоса мальчишек стали особенно звонкими и угрожающими, и кто-то даже бросил камень, упавший в двух метрах от неподвижной старухи; потом возмущение разом стихло, мальчишки обменялись репликами на полтона ниже — и ушли, признав за старухой ее право на удобство камней и скал, на море, на одиночество.

Она улыбнулась.

На полтона ниже. Тон, тон, полутон; гаммы, гармония. партитура. Ее дело потеряло смысл. Никто и никогда не узнает, была она права или ошибалась. Никто и никогда не услышит того аккорда, который иногда — вот как сейчас — эхом звучит в ее ушах. Наверное, это голос сгинувших Ворот...

Да, конечно, никто не станет сортировать этих ребят на угодных и неугодных Воротам; их рассортируют время,

судьба и удача, та самая, что отвернулась от ее сына в раскаленном каменном ущелье... Судьба. Удача.

Может быть, эти самые мальчишки были позавчера на стадионе. И тоже оказались в толпе, повалившей одновременно со всех секторов. Там, где погибли в давке двое пацанов и девчонка. Позавчера. Там, где не было апокалипсиса — все просто хотели поскорее выйти...

Человечеству, лишенному намордника, еще предстоит собирать свою *мрыгу* — по камушку. Собирать и снова разрушать; она может только пожелать ему удачи. Человечеству предстоит новый выбор, но уже без нее, без немощной старухи на берегу моря.

Мальчишки ушли, и каждый унес с собой свою долю апокалипсиса.

Она снова закрыла глаза, но не перестала видеть море. Наверное, ее веки истончились. Стали полупрозрачными, как папиросная бумага; где-то на краю видимости мелькали черные дельфины спины. Она знала, что это наваждение, что дельфинов давно никто не видел и не увидит впредь, что дельфины — уже легенда...

Ей казалось, что она смотрит вниз глазами парящей чайки — и видит себя, старуху с очень прямой спиной, так удачно и уютно вросшую в прибрежные скалы, что, казалось, она спокон веков сидит тут, положив подбородок на ладони, а ладонями упираясь о палку.

Она и теплый камень на берегу — равноправны.

Почему? — монотонно спрашивает набегающая на берег волна. Почему? И что будет теперь? Что будет со всеми нами?

Теплый камень молчит.

И старуха молчит.

Ждет ответа.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

КОНЕЦ СВЕТА В КОНЦЕ КВАРТАЛА

Роман Арбитман, «Книжное обозрение», 01.09.2000

Супруги Дяченко, похоже, исповедуют принцип Хуана Рамона Хименеса, призвавшего писать поперек на линованной бумаге. В то время, когда публика ждет от них фэнтези, а издатели готовы платить приличные деньги за колдунов и ведьм, Марина и Сергей вновь идут наперекор моде и выпускают книгу в духе «Пещеры». То есть даже не science fiction, не роман-предупреждение, но почти нормальный реалистический роман. Правда, со слегка «смещенной» реальностью...

Не знаю, обсуждает ли еще Святой Престол проблему возможности наступления конца света в одной отдельно взятой стране. Но знаю, что киевские супруги-фантасты уже на этот вопрос ответили. Да, возможно. Да, в Украине. Более того, не исключена и ситуация, когда Апокалипсис (в просторечии — мрыга) происходит регулярно, примерно раз в двадцать лет. После чего спасшиеся в регулярно отверзаемых Воротах (природа каковых неизвестна) хоронят то, что осталось от трупов неуцелевших, восстанавливают жизнь на пепелище, ремонтируют дома, рожают детей и радуются двадцатилетней передышке, вслед за которой все повторится.

Любители НФ могут заметить, что в «Армагед-доме» (как и в уже упомянутой «Пещере») украинская специфика аккуратно размыта и доведена до усредненно-обшеровской: реалии обобщены, имена микшированы. топонимика смазана (улицы Угловая. Портовая или Свободы могут быть где угодно). Однако саму идею жизни в условиях перманентного Апокалипсиса во многом породила не только зыбкая, нестабильная, качающаяся — что в Украине, что в России! — постсоветская действительность, но и взрывоопасная атмосфера истеричного эсхатологизма, ко-

торая еще не так давно окутывала древний Киев, возникнув из пустоты вместе с Белым братством и канув в никуда. Фантастам почти ничего не потребовалось придумать. Они только превратили конец света из ужасного пророчества в опаснейший, но уже привычный атрибут бытия (как рак, СПИД, терроризм) и встроили этот атрибут в бюрократическую государственную систему. И если в прошлом прерогативой человека, попавшего в «верхние эшелоны», была причастность к кормушке (спецдачи, закрытые распределители, возможность покупать лучшие книги и смотреть фильмы, недоступные остальным), то теперь ценностью номер один стало занесение в особый список Гражданской Обороны, дающий право попасть в спасительные Ворота раньше других.

Кстати говоря, служба ГО у Дяченко выглядит амальгамой армии, полиции и лишь в последней степени МЧС, причем на некоторых страницах ГО угрожающе нависает над обществом — почти на манер оруэлловского Министерства Любви, — и тогда тактико-техническая подготовка к очередному Апокалипсису достигает стадии общегосударственной паранойи. Впрочем, и в «Армагед-доме», и в «Пещере» фактор «смещенной реальности» влияет на повседневный быт далеко не в той степени, в какой требовал бы сюжет. Трудно поверить, что в обществе, раз в двадцатилетие сотрясаемом бедой такого масштаба, социальные институты (образование, здравоохранение, представительная власть) так мало отличались бы от теперешних. Хотя, с другой стороны, этот подход тоже может быть обусловлен жанром. Сюр вызывается контрастом: детишки ходят в школы, депутаты витийствуют с трибун, газетчики кропают статьи — и все знают, что каждое двадцатилетие, с неумолимостью маятника из рассказа Эдгара По, на страну упадет катастрофа...

Вернемся, однако, к сюжетной линии. Авторы сознательно не раскрывают единственную криминальную тайну романа — кто же убил в самом начале депутата Зарудного, духовного родителя главной героини Лиды Сотовой, про-

ходящей через всю книгу (девочка, подросток, девушка, женщина, старуха). Ибо к финалу любой ответ на этот вопрос становится неважным, уходит в тень, на периферию. Заказчики убийства умерли. Исполнители умерли. А о борьбе Зарудного с привилегиями (имеется в виду право оказаться в списке внеочередников ГО) позабыла даже сама Лидия, едва родила своего первенца. Именно право гарантированного спасения для сына Андрея в конечном итоге становится идеей фикс героини. И именно от него сознательно отказывается ее сын на последних страницах романа, когда огненный вихрь должен, казалось бы, смести всех оставшихся за Воротами.

Сочиняй супруги Дяченко чистую science fiction, они вынуждены были бы давать читателям многочисленные разъяснения о естественно-научной природе Апокалипсиса, о механизме возникновения Ворот и, конечно, о том, почему в последний раз запланированный конец света не состоялся и каким образом повлиял на это (и повлиял ли вообще) поступок Андрея Сотова. Но, к счастью для авторов и читателей, жанр «фантастического реализма» избавил всех от этой нудной необходимости. Поскольку всегда — даже когда наука отсекает все надежды на лучший исход — остается надежда на чудо. И если вслушаться в жуткое слово «мрыга», даже в нем можно вдруг найти отголосок певучего украинского «мрія», то есть «мечта». А мечтам свойственно сбываться. Хотя бы однажды.

МЕЖДУ ПОРЯДКОМ И ХАОСОМ

Василий Владимировский, «Озон», сентябрь 2000

Вселенная хаотична, несоразмерна и неупорядочена. Доказано: порядок как таковой есть лишь частный случай хаоса. Но человек тем и выделяется из существ и явлений, беспорядочно заполняющих хаотичный мир, что сам выделяет себя, отличается от других. Создавая тем самым основу структуры, островок упорядоченности в мире случайностей.

Противостояние естественного хаоса, существующего независимо от стороннего наблюдателя, и искусственного порядка (или, если угодно, иллюзии порядка), возникающего, когда на группу предметов падает человеческий взгляд, — одна из центральных тем всей литературы. В том числе литературы фантастической.

Мир, предстающий перед нами в «Армагед-доме» Марины и Сергея Дяченко, насквозь искусственный. Сложно иначе чем чьей-то злой волей объяснить, отчего раз примерно в двадцать лет на Землю обрушивается серия чудовищных катастроф. Извержение вулканов, гигантские цунами, землетрясения и метеоритные дожди — все это грозит уничтожить человечество под корень. Единственную возможность уцелеть дают загадочные Ворота, с началом катаклизмов появляющиеся в каждом крупном населенном пункте. Теоретически они способны принять абсолютно всех. Но на практике власть имущие, резонно опасаясь паники и давки, не спешат объявлять подданным о появлении Ворот. В результате всякий раз многие не успевают добраться до спасительных створок. В такой-то свихнувшейся вселенной, где человеческая цивилизация просто не успевает сделать очередной шаг по пути прогресса, живет главная героиня Дяченко, Лидка. Собственно, «Ар-

дам. На сей раз — алогичная, не рассуждающая. Как водится, люди отблагодарили своего Спасителя, прикончив его в одной из локальных войн, разразившихся, когда очередной апокалипсис не пришел в урочный срок.

Возможно, такую смену ориентиров можно объяснить изменением общей атмосферы в русскоязычной фантастике. Читатели и писатели устали от неопределенности, от господства хаоса. Недаром в последнее время столько разговоров идет о возрождении «имперской» НФ. Однако упорядоченность тоже бывает разрушительной, также как и свобода. Только промодулированные «третьей силой», любовью, хаос и порядок обретают способность созидать. И супруги Дяченко не дают нам об этом забывать.

Уважаемые друзья!

Предлагаем вашему вниманию фрагмент из книги филолога Михаила Назаренко «Реальность чуда» (о книгах Марины и Сергея Дяченко). Фрагмент посвящен анализу роману «Армагед-дом». Мы можем не разделять воззрения литературоведа, но уважаем право критика на собственную позицию. Читатели могут высказать свое мнение о романе и рецензии на нашей страничке — <http://RusF.ru/marser>

(Для тех, кто хотел бы приобрести книгу М. Назаренко, сообщаем реквизиты для связи. E-mail: info@rf.com.ua Телефон: (044) 455-3575. Для писем: 03126, Киев-126, а/я 570/8.)

* * *

Михаил Назаренко

СЕГОДНЯ, ТЫСЯЧУ ЛЕТ СПУСТЯ: «АРМАГЕД-ДОМ»

Не ждите слишком многого от конца света.

С.Е. Лец.

Накануне нового тысячелетия в который раз вспыхнул интерес к Концу Света. Чем он вызван — понятно: нестабильностью, страхами и чаяниями нашего мира. Как он проявляется — известно каждому: проповедники, регулярные предсказания, которые столь же регулярно не сбываются, поделки масскультуры и шедевры искусства.

Страх и надежда.

Визионерам средних веков являлись, как правило, картины ада. Наши современники, выйдя из комы, воспомина-

ют, как правило, врата рая. Изменилась общественная психология? Безусловно. Но предел остался тем же: Армагеддон, за которым... каждому по вере его. Ядерная зима; экологическая катастрофа; гибель; возрождение; новая земля и новое небо. Будущее множится, расплывается, оно давно уже «не в фокусе», и мы даже не знаем, каким будет наш Противник. Мы не знаем, на чьей стороне сражаемся.

В рамках христианской доктрины такие вопросы, разумеется, не стоят. Но беда в том, что современное массовое сознание христианским не является. Попытки «перевести» Откровение Иоанна Богослова на язык самого массового из искусств — вроде тривиального «Омена» — иначе как профанацией не назовешь. Можно было бы объяснить это спецификой кино как массового искусства, но ведь «Седьмая печать», «Апокалипсис сегодня», да и «Иисус Христос — сверхзвезда» «переводят» миф на совсем другой язык — авторский, поэтический. Все же и в этих фильмах по ТУ сторону нет ничего. «Ужас. Ужас. Ужас». «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты меня оставил?» (по-английски даже сильнее: «Почему Ты забыл меня?»). Смерть в «Седьмой печати» Бергмана сама — вернее, *сам* не знает, что он такое.

Апокалипсис — сегодня.

Неслучайны два знаковых явления недавнего прошлого: киберпанк и книга с вызывающе-ложным названием «Конец истории». Не очень-то приятный мир, радикально измененный новыми технологиями, у Гибсона и Стерлинга — и завтрашний день, очень похожий на сегодняшний, у Фукуямы. Вероятно, не правы обе стороны, но дело не в этом. Дело в принципиальной (не)возможности *иного* будущего.

Парадоксальная характеристика постмодернизма как постсовременности нашла продолжение в расхожей шутке, которая постепенно стала едва ли не теорией, во всяком случае — научной концепцией: конец света уже состоялся, но люди его не заметили. Ураган, завершивший столет одиночества в Макондо, остался для нас мелким атмосферным явлением где-то на краю цивилизованного мира.

На смену временам ожидания Апокалипсиса приходит апатичное осознание того, что не явится никакой «вихрь» и не «разнесет все недоразумения», — это слова Щедрина из рассказа «Имярек». Щедрина, который ранее завершил

«Историю одного города» приходом зловещего *оно*, которое к добру ли, к худу, но прекратило течение истории в городе Глупове. За полтора десятка лет стало очевидно, что апокалиптические ожидания и страхи не сбываются; а в промежутке люди просто в меру своих сил строят будущее. Но какое?

Утопии нового времени подменили религиозный идеал, а XX век их уничтожил (или реализовал, что одно и то же). Показательно, что в фильмах Тарковского апокалиптические финалы двусмысленны: мир спасен подвигом одного человека, но — безумца («Ностальгия», «Жертвоприношение»). «Главное... верить!» — говорит Сталкер своим спутникам на пороге Комнаты; и, уже вернувшись в «нормальный» мир, который куда хуже Зоны, выплескивает отчаянное: «Разве такие могут во что-нибудь верить?.. И никто не верит. Не только эти двое. Никто!.. А самое страшное... не нужно это никому...»

В главе о «Пандеме» мы вернемся к теме утопий. Почему их почти не было в постсоветской фантастике 90-х годов — понятно. Слишком долго пришлось выбирать из под обломков рухнувшей казармы. Понятно, почему на заре нового века с таким энтузиазмом были приняты двусмысленные и недвусмысленные, агрессивные, антилиберальные, ксенофобские утопии. Демократию насаждали, как просвещение в городе Глупове — лицемерно, грязно и спустя рукава; не успела она прижиться, как от нее начали воротить нос. Вот и кадят воскурения идола, предложенному взамен идеала. В особенности если это идол порядка.

*Бардак в любой стране грозит обвалом
хотя бы тем, что в чреве бардака
порой и мягкотелым либералам
с приятцей снится сильная рука...*

— точные и актуальные строки Евтушенко.

Человечеству, лишенному намордника, еще предстоит собирать свою *мрыгу* — по камушку. Собирать и снова разрушать...

«Мрыга» — просторечное название апокалипсиса в романе Дяченко.

Шесть лет назад эти строки звучали как надежда: человечество вырвалось из порочного круга, люди сами решают свою судьбу. Сегодня это скорее пророчество, и очень невеселое.

Одна из главных тем позднесоветской и в особенности постсоветской фантастики: наши поступки, судьбу и историю определяет Некто или Нечто, от нас не зависящее. Едва ли не первыми об этом написали Стругацкие в «Граде обреченном» (1975). А после них — «Затворник и Шестипалый» В. Пелевина (1990), «Гравилет «Цесаревич» В. Рыбакова (1993), «Многорукий бог далайна» С. Логинова (1995), «Поиск предназначения» С. Витицкого (1995), «Герой должен быть один» Г.Л. Олди (1996)...

Человек при этом отнюдь не лишен свободы воли. Просто «объект служения или бунта дан извне» («Солярис»). Несомненно одно: ответственность человека за все, что происходит в мире и, казалось бы, от него не зависит, остается нерушимой.

И тогда Апокалипсис внешний становится продолжением внутреннего. Его причины, вернее, механизмы могут быть неизвестны, — но ведь они, по сути, не важны. Апокалипсис сегодня — это не миф, не пророчество и не сказка. Это — среда обитания.

«Армагед-дом».

В большинстве своих книг, начиная со «Шрама», Дяченко последовательно минимизировали фантастический элемент: достаточно всего одной, но сюжетообразующей посылки. Мир важен постольку, поскольку определяет поступки героев.

В «Армагед-доме» (1998-99) такой элемент — Апокалипсис.

Циклическая модель истории, столь популярная у мифологов и философов, доведена в романе до логического предела. Каждые двадцать с небольшим лет рушится мир, и каждый, кто хочет выжить, обязан в самом раннем детстве запомнить, что происходит. Запомнить — потому что понять это невозможно.

УЧЕНИЦЫ МЛАДШЕЙ ГРУППЫ

4 «Б» класса

СОТОВОЙ ЛИДИИ

сочинение

на тему: «Куда прячутся люди»

Конец света по-научному называется апока...(зачеркнуто)...сисом. Тогда случаются большие беды. Идут дожди из огня. Нечем дышать. Все люди погибли бы, если бы не Ворота.

Никто не знает, как они устроены. Ученые всего мира ломают над этим голову. Некоторые говорят, что Ворота установили инопланетяне, — но это анте... (зачеркнуто) антинаучная ерунда.

Ворота открываются там, где люди могут найти их. Они открываются в нескольких местах. Люди заходят в Ворота и пребывают там страшное время. Внутри Ворот проходят всего тридцать шесть часов. Потом они выходят из Ворот — и начинается новый цикл жизни.

Тот, кто не успеет вовремя добраться до Ворот, обязательно погибнет. Поэтому они должны заходить в Ворота очень быстро. Мужчины должны пропускать вперед женщин и тех, кто не умеет быстро бегать.

О том, где открылись Ворота, сообщает служба ГО. Надо внимательно слушать сообщения по радио и бежать не к ближайшим Воротам, а к тем, на которые укажет служба. Иначе возле Ворот может возникнуть давка...

ОЦЕНКА: Четыре с минусом.

ПРИМЕЧАНИЯ: Учись излагать свои мысли. Почему ты все время повторяешь «они»? Подбирай другие слова.

ЗАДАНИЕ: Выпиши в тетрадь слово «апокалипсис» двадцать раз.

Не ждите ни суда, ни воздаяния.

Уцелевшим людям приходится восстанавливать цивилизацию, технику, образование, культуру... Ритм жизни подчинен биологии: детей можно рожать только в первые годы после первого пережитого апокалипсиса. Результаты очевидны: «Апокалипсис — намордник, поводок, надетый на человечество. Кольцо, не дающее нам расти дальше...»

(То, что социальные структуры этого мира ничем не отличаются от наших, неправдоподобно, однако внутренне оправдано: это *и есть* наш мир, и малейшие отличия только ослабили бы эффект.)

Известны последствия — неизвестны причины. Почему на человечество тысячу лет назад свалилась эта напасть? По какому признаку Ворота «отбирают» людей, да и есть ли он вообще? Как вернуть мир к обычному, по нашим меркам, существованию?

Ответов слишком много — а это равноценно тому, что их вовсе нет. Остаются только вопросы.

И человеческая судьба. Жизнь одного человека, благодаря которой — через которую — нам открывается этот странный мир. Наш мир.

Социальные силы, которые действуют в «Армагеддоне», столь же безличны и неумолимы, как и силы мистические. Сменяются режимы, колеблясь между тоталитаризмом и охлократией, но неизменными остаются гигантский аппарат Гражданской Обороны и «условленное время» эвакуации. Одного из главных героев книги убивают, когда он решается разгласить государственную тайну:

«Каждый человек имеет право знать о появлении Ворот в ту же секунду, как эти сведения становятся доступными верховному штабу ГО. Довожу до вашего сведения, что правительством нашей страны вот уже много циклов практикуется так называемое условленное время; это время, проходящее между первым сигналом о появлении Ворот и сигналом, оповещающим население. Это время колеблется от получаса до полутора часов, за это время специальный контингент доставляется к свободным Воротам и спокойно, с комфортом эвакуируется... Список спецконтингента держится в глубоком секрете, но каждый из вас спокойно может воссоздать его, просто перечислив имена крупнейших чиновников, начиная с Президента и заканчивая...»

Для идеалиста Зарудного «условленное время — позор нации, предательство со стороны правящей партии»; прагматик Рысюк снисходительно объясняет Лидке Сотовой:

— Ты думаешь, только сытые чиновники уходят в «условленное время»? Нет. Целая группа разных людей — тех, чья деятельность будет жизненно необходима в первые дни после апокалипсиса. И чиновники в том числе. Все страны придерживаются такого протокола — в той или иной мере, но придерживаются!

Зарудный погибает, и с его именем на устах к власти приходит генерал Стужа, поклявшийся перед избирателями отменить особые права «спецконтингента» («Только жизненно важные для нового цикла персоны, только Президент, только Администрация, только страховые и силовые структуры. При правильной организации на это уйдет минут пятнадцать, потом начинается эвакуация людей, организованное отступление, а не паническое бегство...»). По всей стране устанавливается полувоенный режим тренировок: ВСЕ должны подготовиться к очередному апокалипсису, чтобы войти в Ворота без потерь (обычно больше людей гибнет под ногами до смерти испуганной толпы, чем от падающих звезд и чудовищных *глейф*, выходящих из моря). На деле же «условленное время» увеличивается до полутора часов, списки спецконтингента неимоверно разрастаются, на учениях гибнут люди. Социальный взрыв, за которым приходит апокалипсис. И снова — жертвы в Воротах.

А в следующем цикле «условленное время» уже никого не удивляет и не возмущает — вот разве что списки привилегированных лиц не публикуют. Любая попытка подготовить народ к неизбежному, убедить в необходимости сотрудничества воспринимается как призыв вернуться к недоброй памяти временам покойного Стужи.

Излишне говорить, что истинных виновников смерти Зарудного так и не нашли — не захотели найти. — хотя несколько человек расстреляли, а один из главных подозреваемых покончил с собой, не дожидаясь ареста.

...Я прекрасно помню, как это читалось в 1999 году. Озноб отвратительного узнавания. Беспощадная, безжалостно точная метафора нашего существования, последнего столетия нашей истории. Каждое поколение переживает свой апокалипсис, большой или малый: революции, Отечественная война, заморозки после оттепели, перестройка

и распад СССР... Каждые двадцать-тридцать лет всё приходится начинать заново. Навечно замороженный сегодняшний день оборачивается безысходностью, полным отсутствием перспективы: загадывать можно лишь на ближайшие пять, десять, двадцать лет, за которыми... за которыми начнется то же самое.

Как и в «Ведьмином веке», «Пещере», «Казни», Дяченко поместили действие «Армагед-дома» в некую условную европейскую страну... Впрочем, почему — «некую» и «условную»? Реалии, имена, города и улицы, национальные особенности не оставляют никакого сомнения в том, КАКАЯ ИМЕННО страна описана, в КАКОМ городе происходит действие.

В первых главах романа писатели, явно следуя Булгакову, слегка меняют привычные названия. В «Белой гвардии» Андреевский спуск стал Алексеевским, Малоподвальная улица — Мало-Провальной, а Керосинная улица — Фонарным переулком. И какой же киевлянин, читая «Армагед-дом», не узнает в поселке Красный Лес — Красный Хутор, в Прорывной улице — Прорезную, в Торговой площади — Контрактовую! Но скоро и такая маскировка оказывается излишней: улица Липская, Соломенский парк, станция скоростного трамвая «Политехнический институт», станция метро «Лесная»... Вот только вместо Днепра и Правобережья — море, в котором плавают не дельфины, *дальфины*.

«Армагед-дом» — самая *украинская* книга Дяченко, при том, что ничего собственно национального в ней как будто и нет. Обрушив на головы героев все мыслимые бедствия, писатели избавили их от войны (что и понятно — откуда такому обществу взять силы на военные действия) и от межнациональной розни (что тоже объяснимо: «внутри» романа — тем, что за тысячу лет стагнации такого рода проблемы так или иначе сглаживаются, а «вне» — тем, что Дяченко вообще избегают педалирования этой темы).

И всё-таки — именно Украина, а не обобщенное «СНГ».

Несколько лет назад на харьковском фестивале «Звездный мост» И. Россоха прочел интереснейший доклад «Огненная пропасть между двумя ментальностями. Различие в образе «апокалипсиса» у российских и украинских фанта-

стов»¹. Материалом послужили книги Дяченко, Г.Л. Олди и А. Валентинова с одной стороны, А. Громова и О. Дивова — с другой. По десяти параметрам проходило сравнение, и все, кроме первого (глобальность катастрофы) показали принципиальные различия, которые нельзя объяснить только своеобразием писательских индивидуальностей (оптимизм/пессимизм; степень деградации общества; отношение к христианству, к армии и спецслужбам, к народу; интеллигенция и народ; отношение к демократии и тоталитаризму; Украина и Россия; отношение к Западу и, в целом, к внешнему миру). Неприятие авторитарной власти, отсутствие противопоставления горстки избранных тупой народной массе, сохранение, а не разрушение структуры общества — всё это о романах «Армагед-дом» и «Нам здесь жить». Можно было бы привести и конкретные примеры того, как отразилась в книге Дяченко именно украинская история последнего десятилетия, но для соотечественников это и так очевидно, а для россиян потребовался бы слишком обширный экскурс.

В 1999 году роман читался «изнутри»; теперь, когда завершился целый этап нашей истории, «Армагед-дом» оказался памятником эпохе. Хирургически точным анализом «ревущих девяностых» — вернее, «зыбучих девяностых». Времени, когда казалось, что всё, добытое в начале девяностых — свобода страны, достоинство личности, самостоянье народа — всё ушло, как вода в песок, оказалось заболтано и продано, пропито и заложено; когда стыд за страну стал привычным состоянием — а ведь ему предстояло усилиться; когда люди, еще несколько лет назад пользовавшиеся заслуженным уважением, или замолкали, или продавались; когда культуру поддерживали старания героических одиночек; когда единственным утешением было то, что неподалеку есть страны с еще худшими режимами; когда власти разыгрывали карту коммунистического реванша; когда выживание стало всем.

Нам повезло: мы не отягощены комплексом «утраты великой страны»; но зато на нашу долю досталось несколько

¹ См.: <http://rusf.ru/star/doklad/2001/zm-3.htm>

веков национального унижения, а такое даром не проходит. «Украинская идея», по счастью, лишена *сверхзадачи* (собрать славянские земли вокруг «матери городов русских» или построить демократию во всем мире). Она сводится, по сути, к простым представлениям о *достойной* жизни.

Но надежды на нее не было; и не было надежды на перемены.

Дяченко, по собственному их признанию, не думали о создании группового портрета 1990-х.¹ Но они написали то, что написали — книгу честную и горькую, подчас правдивую до натурализма (показательно, что из журнальной публикации почти все самые жесткие эпизоды были изъяты).

Писатели создали картину мира замкнутого и неподвижного — и показали его через судьбу меняющегося человека.

Если мир устроен настолько жестко, то есть ли смысл в попытках его изменить? Ведь попытки эти обречены, кто бы их ни предпринимал — альтруист Зарудный, демагог Стужа или писатель Великов, помимо воли ставший основателем секты.

Любое рациональное объяснение — вмешательство Бога, дьявола, инопланетян или «гомеостатического мироздания» — сделало бы Апокалипсис хотя бы отчасти понятным, объяснимым и тем самым определило бы поведение героев. Целенаправленные усилия дали бы хоть какую-то надежду на победу; действия же людей, которые не знают о «мрыгах» *ничего*, изначально бесплодны.

Поведение человека в мире, лишенном ориентиров, — вот, на мой взгляд, основная тема романа. Если жизнь лишена смысла и цели, человек создает их сам по своему разумению. Это не приводит к моральному релятивизму, напротив: только основные, элементарные моральные принципы и могут удержать мир от падения в тартарары. Вопреки известному афоризму, понять героев романа (и

¹ Хотя в 2000 году Марина говорила: «Армагед-дом» был для нас экспериментом. У нас наболело, накопилось нечто, касающееся нашего времени... «Армагед-дом» мы написали честно, заранее зная, что у него будет трудная судьба» (День (К.). — 29.09.2000).

прежде всего главную героиню), — не значит «простить». Но понять человека необходимо.

«Армагед-дом», как и другой «женский роман», «Унесенные ветром», — книга о *выживании* (именно так Маргарет Митчелл определила центральную тему своей эпопеи). О выживании любой ценой.

Скарлетт клялась, что украдет и убьет, но ни она сама, ни ее близкие никогда больше не будут голодать. Эта крайняя эгоистка ведет себя как законченная альтруистка — в этом парадоксальность образа. В мире «Армагед-дома» убийство — необходимое условие существования: остаются в живых только те, кто смял других на пути к Воротам. Лидия Сотова к этому добавляет предательство: она готова на всё, лишь бы сын попал в список спецконтингента.

Лидка — слишком сложная личность, чтобы ее можно было оценить однозначно. Закон исключенного третьего («плохой — хороший, и никак иначе») не срабатывает. Г. Померанц изящно применил принципы индийской логики к художественным образам:

«Раскольников добр.

Раскольников не добр.

Раскольников и добр, и не добр.

Раскольников ни добр, ни не добр.

Раскольников неопишуем»¹.

Человек в рамках формальной логики неопишуем. Банальность? Но как сложно все время помнить об этом!

Лидка постоянно меняет социальные роли, каждое изменение судьбы для нее оказывается катастрофическим. Школьница — «кризисный историк» — человек из свиты Президента — учительница — няня — ученый... Смена масок, смена приоритетов. Одиночество и предательства. Любовь. Три пережитых апокалипсиса. Память. Лидка меняется — и остается прежней, несмотря ни на что. От девчонки-старшеклассницы до усталой старухи на берегу моря — сохраняется ли человеческое «я» неизменным? Что общего между Лидкой, которая боится своего первого апокалипсиса, и старухой, которая знает, что его больше не будет? Общее — жизнь, на которую они смотрят с разных

¹ Г. Померанц. До основания, а затем... // Знание — сила. — 1993. — № 1. — С. 27.

сторон: одна — глядя в будущее, другая — вспоминая прошлое. Апокалипсис как состояние души, которое надо преодолеть «усилием воскресенья». (Вспоминается мрачный финал романа Ф. Дика «Три стигмата Палмера Эддрича»: «Есть такая вещь, как спасение души. Однако... Не для всех».)

Лидка, подобно Мастеру, не заслужила свет, но и ей дарован покой. «Равноправие» с камнем на берегу¹. За страдание? За бесплодные поиски? За гибель сына? Может быть, дело в том, что Лидия Сотова утратила все, что имела, — и приобрела больше, чем надеялась. В финале она — часть истории, осколок предыдущей эпохи, и все, что случится в будущем, — случится без нее. Лидка пережила Откровение (буквальный перевод слова «Апокалипсис»):

Старуха, глядящая на море, верит, что апокалипсиса не будет вовсе.

Более того — иногда ей кажется, что она *знает* это.

Начиная с «Армагед-дома», все романы Дяченко, за одним исключением (книга «Магам можно всё» писалась как сознательный drawback, отступление к прежним принципам), отходят от жесткой сюжетной конструкции: вот завязка, вот финал, открытый или окончательный, а вот — нить между ними, по которой и пройдут герои. Так было раньше, а теперь каждая книга Дяченко — биография, в которой, конечно же, есть свой сюжет², но напряжение если и присутствует, то в каждом отдельном эпизоде, а не в целом. (Как тут не вспомнить, что Сергей Дяченко — один из создателей биографического фильма «Николай Вавилов»!) Но при этом каждая сцена четко выстроена и замк-

¹ Первоначальное и, может быть, более удачное название романа — «Волнорез». Точное определение Лидкиной судьбы.

² Как заметил Умберто Эко: «На самом деле жизнь больше похожа на «Улисса», чем на «Трех мушкетеров», и все-таки каждый из нас в большей степени склонен воспринимать ее в категориях второго романа, а не первого или, лучше сказать, каждый может воспроизводить ее в памяти и судить о ней, только если переосмысливает ее как хорошо сделанный роман» (У. Эко. Открытое произведение. — СПб.: Академический проект. 2004. — С. 368).

нута. Особенно это станет заметно в «Пандеме», где значительная часть повествования сведется к диалогам, расцвеченным не событиями вокруг них, а деталями, на которых как будто останавливается взгляд камеры (на деле — разумеется, взгляд героя). Берет начало этот прием еще из ранних рассказов — например, из «Трона», разбитого на мелкие фрагменты с чередованием общих и крупных планов.

Время действия в «Армагед-доме» не сжато до нескольких месяцев, а то и дней. И главное — нету той финальной точки, к которой стремится действие. Течение жизни будет для авторов важнее, чем ее финал.

*...И вдруг понять, как медленно душа
заботится о новых переменах.*

(И. Бродский)

Финал «Армагед-дома» переписывался несколько раз и в итоге оказался единственным, пожалуй, на весь роман возвращением к прежним сюжетным схемам. Можно проследить, насколько последовательно Дяченко во всех остальных эпизодах выворачивают наизнанку привычные для читателей образы и сюжетные повороты. Так, «любовь юной героини к зрелому мужчине» преломлена двояко: верность Лидки памяти Зарудного — и ее роман со старшеклассником, который окружающие расценивают как соращение малолетнего.

Но финал — это попытка повторить чудесные преобразования «Ведьминого века» и «Пещеры». Ведьма отрекается от ведьмовства, сааг шадит сарну... небеса не разверзаются, пятьдесят пятый Апокалипсис не состоялся.

Почему?

Зарудный полагал, что «мрыги» — испытание для человечества: если *все* люди войдут в Ворота, не дав друг друга, может быть, беда больше не повторится. Но проверить это невозможно. (Президент Стужа провозглашал: массовые тренировки нужны именно для того, чтобы выполнить завет Зарудного. Но даже если бы он выдрессировал всех своих подданных, на Земле существуют и другие государства, где эвакуация в Ворота пройдет, как и прежде! Лишнее доказательство того, что в «Армагед-доме» весь мир — метафорический образ одной-единственной страны.)

Мы *почти* уверены, что апокалипсис так и не начался

из-за «детского, в общем-то, поступка» «экзальтированного сопляка» — Андрея Сотова, который отказался от спасения в «условленное время». Мы не знаем этого наверняка¹. Если рассуждать логически, «рожденный яростью зов» Лидки не мог быть услышан. Слишком много было матерей, терявших детей перед самыми Воротами, — а «мрыги» не прекращались. Но Дяченко выводят финал романа из плоскости обычной логики. Это мне кажется слабостью книги: слишком велик контраст между чудом последней главы и детерминизмом остального текста.

Возражение Сергея Дяченко:

«Мы долго искали финал «Армагед-дома». И болезненный процесс этого поиска был скорее интуитивным, чем «головным». Оно и не удивительно — героиня стала для нас совершенно живым, близким человеком... Впрочем, не дело писателя — анализировать. Нам кажется, что такой финал будет «правильным» — вот и всё»².

В 1999 году, еще до выхода «Армагед-дома», С. Бережной написал о том, что в книгах Дяченко «за кадром» «прятался Бог».

«Это был какой-то особенный литературный Бог. Он не спешил вмешиваться в действие, кому-то мешать или помогать. Но наступал момент, когда ему приходилось делать что-то подобное. Императивами этот Бог более всего походил на Леонида Андреевича Горбовского: из всех вариантов решения он выбирал самое доброе...³

¹ Вскоре после «Армагед-дома» Дяченко написали реалистическую повесть (пока что единственную в их творчестве) под названием «Зеленая карта», действие которой происходит в современном Киеве. Единственный выход из безнадежной жизни — бегство в Америку по «грин-карте», но главный герой, нищий скрипач, отказывается от этого пути. Параллель очевидна.

² ПіК (Політика і культура). — 2000. — № 2. — С. 49.

³ Тем, кто не помнит, кто такой Л.А. Горбовский, необходимо перечитать Стругацких, прежде всего «Полдень, XXII век» и «Волны гасят ветер». Слова о «самом добром решении» взяты из второй повести.

Это был не бог из машины. Это был просто Бог. Этический до неприличия»¹.

Прежде чем разобраться, верны ли эти слова по отношению к «Армагел-дому», давайте вспомним, какими были вера и религия в ранних книгах Дяченко.

В первых романах о вере и речи не было. «Светлое небо» — приговорка в мире «Скитальцев», такая же, как и «Клянусь канарейкой» Ларта Легиара или (в «Ритуале») «Гор-ргуля!» Юты. К небу обращаются («Светлое небо, помоги мне», «Светлое небо, спаси, защити») и даже благодарят («У нас, слава небу, невесты-то нет»), им клянутся («светлое небо свидетель»), но его сила совершенно абстрактна.

«Он звал на помощь светлое небо — но небо оставалось темным, как это бывает ночью».

«Светлое небо?! Ты пришло ко мне на помощь или это власть Судьи...»

«Небо» — ни в коем случае не Бог, это всего лишь *мана*, разлитая в мире божественная сила. Как правило, авторы фэнтези выбирают или этот вариант, или развитый пантеон со специализированными функциями каждого бога.

Первой попыткой описать религиозное чувство стал «Скрут». Читатель так и не узнает, кто такая Святая птица, как возник ее культ и чему, собственно, он посвящен. Только разрозненные упоминания. «Спросить бы Отца-Служителя — тот начнет туманно растолковывать про заветание Святой Птицы, про ее золотой чертог, куда не войти преступнику...» Вера в нее не общеобязательна и, кажется, за пределами скитов не распространена. Более того: в мире есть силы, которые к Птице отношения не имеют (тот же Алтарь, например — явный собрат Древних Сил Земли из романов Ле Гуин о Земноморье). О Святой Птице можно сказать то же, что и обо всем фэнтезийном антураже «Скрута»: она — условность, но чувства, связанные с ней, подлинны.

¹ С. Бережной. Прекрасный нечестный мир // А. Валентинов, М. и С. Дяченко, Г.Л. Олди. Рубеж. — СПб.: Стихия оЗон; Terra Fantastica, 1999. — С. 563.

Медленно, не смея надеяться, Игар посмотрел прямо перед собой.

Облик Священной Птицы всегда одинаков. Только глаза сейчас были печальнее, чем раньше; Игар, которому довольно долго удавалось сносить испытания молча, не мог сдержаться. Как не сдержится полный мешок, если по нему полоснуть ножом.

Птица смотрела и понимала. Птица всегда поймет все; он купался в лучах ее сочувствия, он выговаривался — невнятно и сквозь слезы, но искренне и до конца. Он хотел бы умереть в эту минуту — закончить жизнь в состоянии счастливого экстаза. Облегчения. Полного и радостного очищения.

На контрасте — в модели «Казни» вера в Создателя может быть уделом только таких блаженных и забитых, как Трош, один из обитателей фермы Семироля. Бессмысленно *верить* в Анджея Кромара — и тем более бесполезно ему молиться.

В «Ведьмином веке» Инквизиция — совершенно светское учреждение, и сердитое «Пёс!» заменяет чертыханье и божбу. Религия осталась в прошлом; инквизитора четырехсотлетней давности мучило то же, что и Клавдия, — но господин Старж не смог бы высказать свои мысли теми же словами, что Атрик Оль:

Годы гнетут мои плечи, и что скажу я небесному судье, став перед его престолом? Что всю жизнь губил сударынь моих... ибо они губили тоже?..

Зачем я взял на себя этот камень?.. Мне приходит наваждение, я стою на костре, который сам же и сложил...

Вина сударынь моих ведьм тяжелее моей... Я скажу небесному судье — пусть взвесит...

В «Скруте» Святая Птица нужна была авторам для того, чтобы Игар страдал после бегства из скита. В «Ведьмином веке» небесный престол просто вынесен за скобки — чтобы выбор героев не был облегчен ничем. Кроме того, Дяченко прекрасно понимают, что Бог в фэнтезийном мире — или «бог с маленькой буквы», один из многих (но в

современных декорациях он невозможен), или элемент антуража, или... кошунство.

«Относительно религии. Мы не намеренно избегаем ее — просто так получается. Возможно, по отношению к придуманным мирам и людям роль Бога исполняем мы. А себя вводить в повествование намеренно не надо — мы и так в нем присутствуем... «за кадром» (из «гостевой книги» Дяченко).

Я сомневаюсь, что в «Армагед-доме» есть место доброму Богу, о котором писал С. Бережной. Слишком уж чужды, безличны силы, которые управляют этим миром. Они даже не проявляют себя иначе как в пламени «мрыги». Только «ощущение чужого присутствия» в створе погибших Ворот. Не более. (Но и не менее: это не вера, а знание. КТО-ТО загнал людей в колесо Апокалипсиса.) Есть религия, есть церкви, даже секты, есть, наконец, мистические легенды, но Бога — нет. Поэтому и Армагеддона — битвы с силами зла — быть не может: силы эти неизвестны.

— ...Бог ведь не станет требовать человеческой жертвы? Грешно даже думать так...

— Смотря какой Бог, — сказала Лидка, еле разжимая губы.

Андрей нахмурился:

— Нет... Настоящий Бог — не станет.

В религиозном плане «Армагед-дом» — едва ли не зеркальное отражение «Властелина Колец»: у Толкина Бог не упоминается, но Его присутствие должен ощутить читатель; у Дяченко — наоборот. Не случайно, что Церковь появляется в романе только в связи с сектантами: «Официальная церковь предупреждает: сектанты не имеют никакого отношения к подлинной вере, это либо лгуны и мистификаторы, либо их жертвы». Самостоятельного значения она не имеет; молитва упоминается в романе единожды, причем в каком контексте!

Погибли и Тимур, и жена его Саня, Яночка осталась круглой сиротой. Лидка знала, что мама каждый вечер молится перед тусклой обгорелой иконой. И каждый раз возмущенно спрашивает у того, кто на ней изображен: почему?! Почему именно они, молодые?!

Заметьте: не Бог, не Христос, не святой — «тот, кто избражен»...

Божественная природа Ворот отвергается героями («особистом» — по неверию, Андреем — напротив, из-за веры в благодать Господа). А всерьез о Боге рассуждает только молодежь, да и то — по ходу разговора («Все они сидят тут же, говорят о человеческой природе, о тайне любви и смерти, о том, есть ли Бог и если есть, то какой — короче, болтают о том же, о чем вся «просвещенная» молодежь болтает сейчас за столом или в походах с ночевкой»).

Врач Андрей Сотов погибает — нет, не во время апокалипсиса, а на войне, «в возрасте тридцати трех лет». Деталь явно не случайна, но слишком уж нарочито Дяченко рисуют образ искупителя в изначально безбожном мире.

«Армагед-дом» — книга сложная для восприятия: необходимо войти в ее ритм, зачастую обрывочный. Необходимо войти в мир, слишком напоминающий наш. Необходимо, как я уже говорил, понять героиню, с которой совсем не просто отождествиться... Но книга стоит этого. Эмоциональное напряжение в ней соединилось с точностью мысли, актуальность — с обобщенностью. Тревожность пролога «рифмуется» с неопределенностью эпилога: растерянное человечество спасено — может быть, благодаря одному человеку. Избавленные от явной угрозы (надолго ли? ведь только апокалипсисы сдерживали развитие ядерного оружия), люди сами начинают неуклонно «собирать свою мрыгу по камушку». Это очень важно — *сами*. Потому что наконец появилась возможность выбора пути.

Ответов нет. Есть вопросы.

«И что будет теперь? Что будет со всеми нами?»

Насколько же актуален этот вопрос — здесь и сейчас!

Кажется, моя страна наконец-то вышла из круговорота «мрыг».

Кажется.

Я надеюсь.

И будущее зависит от нас.

СОДЕРЖАНИЕ

АРМАГЕД-ДОМ. <i>Роман</i>	
ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	11
ГЛАВА 2	29
ГЛАВА 3	41
ГЛАВА 4	79
ГЛАВА 5	103
ГЛАВА 6	139
ГЛАВА 7	209
ГЛАВА 8	229
ГЛАВА 9	265
ГЛАВА 10	315
ГЛАВА 11	353
ГЛАВА 12	381
ГЛАВА 13	425
ГЛАВА 14	457
ЭПИЛОГ	478
ПОСЛЕСЛОВИЕ	
<i>Р. Арбитман. КОНЕЦ СВЕТА В КОНЦЕ КВАРТАЛА</i>	485
<i>В. Владимировский. МЕЖДУ ПОРЯДКОМ И ХАОСОМ</i>	488
<i>М. Назаренко. СЕГОДНЯ, ТЫСЯЧУ ЛЕТ СПУСТЯ:</i> <i>«АРМАГЕД-ДОМ»</i>	491

Литературно-художественное издание

Марина Дяченко

Сергей Дяченко

АРМАГЕД-ДОМ

Издано в авторской редакции

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Художественный редактор *А. Матвеев*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Т. Жарикова*
Корректор *Н. Хаустова*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.

www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12

(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.

Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.

Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.

Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.

Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.

Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать 12.10.2005.

Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.

Бумага тип. Усл. печ. л. 26,88.

Тираж 3 000 экз. Заказ № 2104.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Вы первыми узнаете,
во что все будут играть завтра

Журнал «Страна Игр»

Лучшие игры на самых разнообразных платформах:
PC, PlayStation 2, Xbox, GameCube.
Мы поможем вам разобраться в этом
круговороте и сделать правильный выбор

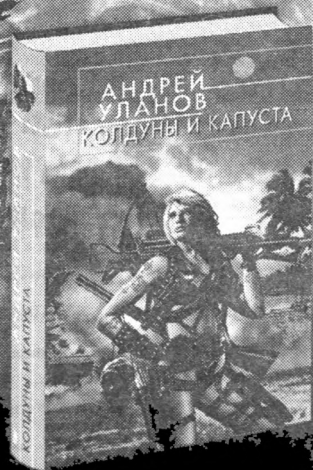
Саша

СЕРИЯ

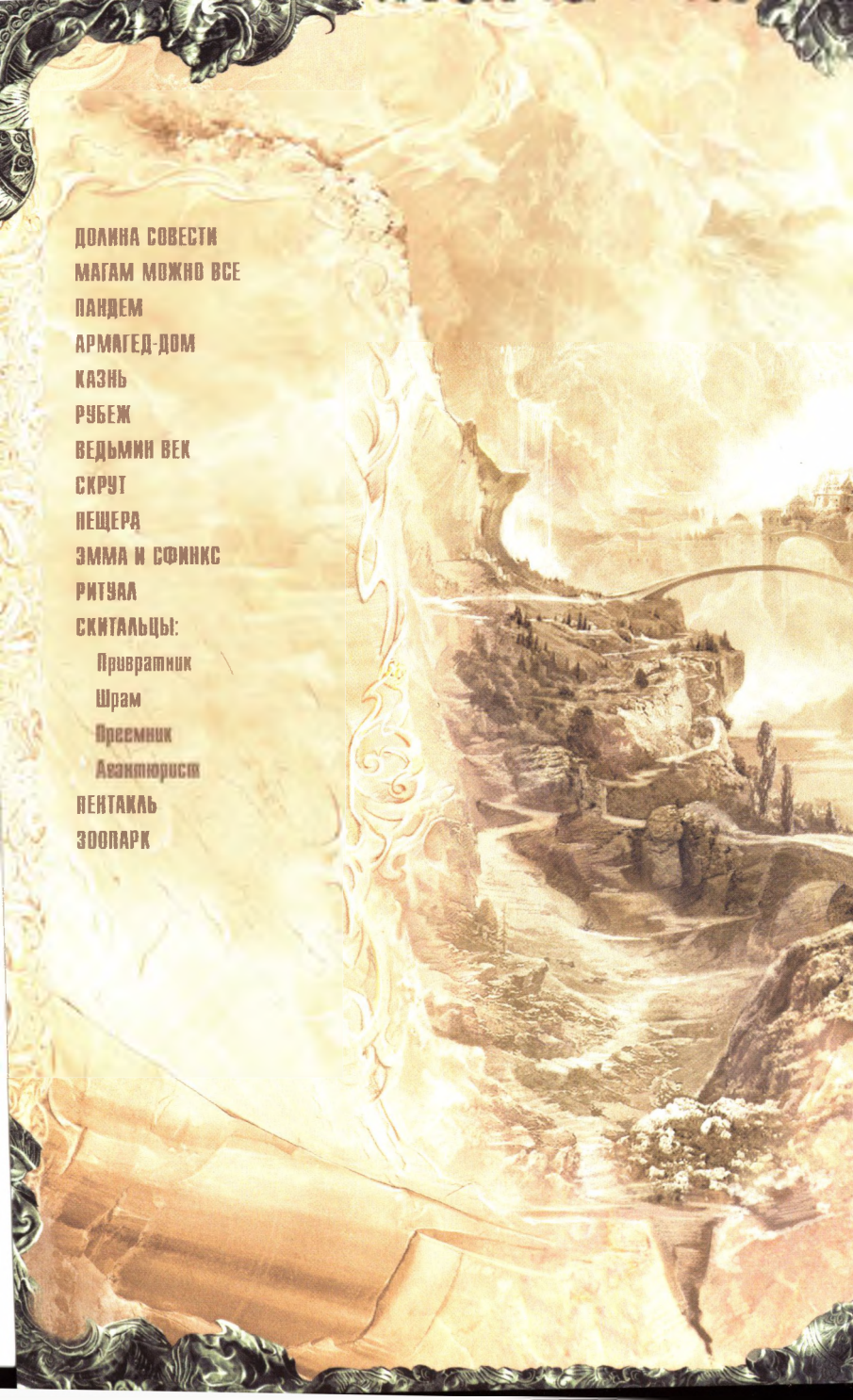
«РУССКАЯ ФАНТАСТИКА»

ЛУЧШИЕ РОМАНЬ
СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

- А. Громов «Феодал»
- Д. Янковский «Нелинейная зависимость»
- В. Бурцев «Пленных не брать!», «Зеркало Иблиса»
- А. Плеханов «Неестественный отбор»

ДОЛИНА СОВЕСТИ
МАГАМ МОЖНО ВСЕ
ПАНДЕМ
АРМАГЕД-ДОМ
КАЗНЬ
РУБЕЖ
ВЕДЬМИН ВЕК
СКРУТ
ПЕЩЕРА
ЗММА И СФИНКС
РИТУАЛ
СКИТАЛЬЦЫ:
Привратник
Шрам
Временик
Авантюрист
ПЕНТАКЛЬ
ЗООПАРК

Три Истории
Древней М-и

Цена (руб.)

138.00

2 029572 300026

Лидка бежала, волоча за собой Андрея, спотыкаясь о камни, задыхаясь от пыли. Готовая руками отбивать летящие кирпичи. Готовая зубами рвать падающие провода; по счастью, тока в проводах не было, они могли сильно поранить запутавшуюся в них жертву, но сжечь уже не могли.

Мила
Джонс

ISBN 5-699-14200-2

9 785699 142002 >